

**АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАҶРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ**

МУАРРИХ

(маҷаллаи илмӣ - назариявӣ)

№ 2 (42) 2025

Маҷаллаи илмӣ - назариявӣ «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол чаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти 331/МҚ - 97 22 февралӣ соли 2024 аз нав ба қайд гирифта шудааст.

Маҷалла аз 26 апрели соли 2018 дар рӯйхати маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионӣ (КОА) назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва аз 21 февралӣ соли 2022 таҳти рақами 1520 дар Феҳристи маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионӣ (КОА) назди Вазорати маориф ва илми Федератсияи Россия номнавис гардидааст.

САРМУҲАРИР: МУРОДЗОДА А. А., номзади илмҳои таърих, дотсент

МУҲАРРИРИ МАСЪУЛ: Ҳамза КАМОЛ, доктори илмҳои таърих, профессор

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

АБДУРАШИТОВ Ҷозил - доктори илмҳои таърих, профессор
ДОДХУДОЕВА Лариса - доктори илмҳои таърих, профессор
ДУБОВА Надежда - доктори илмҳои таърих, профессор (Россия)
ЁҚУБОВ Юсуфшо - доктори илмҳои таърих, академики АМИТ
ИБРОҲИМОВ Мурадҷалӣ - доктори илмҳои таърих, профессор
ИСКАНДАРОВ Қосимшо - доктори илмҳои таърих, профессор
ПИРУМШОЕВ Ҳайдаршо - узви вобастаи АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор
РАҶАБОВ Аскаралӣ - доктори илмҳои таърих, профессор
РИШАР Франсис - узви хориҷии АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса)
САИДОВ Абдуқаҳҳор - доктори илмҳои таърих, профессор
ФРАНКФОР Анри-Пол - узви хориҷии АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса)
ХУДЖАГЕЛДИЕВ Тура - номзади илмҳои кишоварзӣ
ЧУБАРАН Александр - академики Академияи илмҳои Россия (Россия)
ШАРИФЗОДА Абдуҷалӣ - номзади илмҳои таърих

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША

ИСТОРИК

(научно - теоретический журнал)

№ 2 (42) 2025

Научно-теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г. и выходит четыре раза в год на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под № 331/МҚ-97 от 22 февраля 2024 г.

Журнал с 26 апреля 2018 года входит в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан и с 21 февраля 2022 года под № 1520 входит в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: МУРОДЗОДА А. А., кандидат исторических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Хамза КАМОЛ, доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АБДУРАШИТОВ Фозил - доктор исторических наук, профессор

ДОДХУДОЕВА Лариса - доктор исторических наук, профессор

ДУБОВА Надежда - доктор исторических наук, профессор (Россия)

ИБРОХИМОВ Муродали - доктор исторических наук, профессор

ИСКАНДАРОВ Косимшо - доктор исторических наук;

ПИРУМШО Хайдаршо - член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор

РАДЖАБОВ Аскарали - доктор исторических наук, профессор

РИШАРД Франсис - иностранный член НАНТ, доктор исторических наук, профессор (Франция), доктор исторических наук, профессор (Франция)

САИДОВ Абдукаххор - доктор исторических наук, профессор

ФРАНКФОРТ Анри-Поль - иностранный член НАНТ, доктор исторических наук, профессор (Франция)

ХУДЖАГЕЛДИЕВ Тура - кандидат сельскохозяйственных наук

ЧУБАРЯН Александр - академик РАН (Россия)

ШАРИФЗОДА Абдували - кандидат исторических наук

ЯКУБОВ Юсуфшо - доктор исторических наук, академик НАНТ

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN
AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

HISTORIAN

(scientific - theoretical journal)

№ 2 (42) 2025

The scientific and theoretical journal «Historian» was founded in 2015 and is published four times a year in Tajik, Russian and English. The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under number 331/MJ-97 dated February 22, 2024.

Since April 26, 2018 is the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) under the President of the Republic of Tajikistan and since February 21, 2022 under No. 1520HAC Ministry of Education and science of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR: MURODZODA A. A., PhD in History, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR: Dr. Hamza Kamol, Professor of History

EDITORIAL BOARD:

ABDURASHITOV Fozil - doctor of Historical Sciences, Professor

CHUBARYAN Alexander - academician of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DODHUDOEVA Larisa - doctor of Historical Sciences, Professor;

DUBOVA Nadezhda - doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)

FRANKFORT Henri-Paul - foreign Member of the NAST,

Doctor of Historical Sciences, Professor (France)

IBROKHIMOV Murodali - doctor of Historical Sciences, Professor

ISKANDAROV Kosimsho - doctor of Historical Sciences

KHUDZHAGELDIEV Tura - candidate of agricultural sciences

PIRUMSHO Khaidarsho - corresponding Member of the NAST,

doctor of Historical Sciences, Professor;

RAJABOV Askarali - doctor of Historical Sciences, Professor

RICHARD Francis - foreign Member of the NAST, Doctor of Historical Sciences, Professor (France)

SAIDOV Abdukakhhor - doctor of Historical Sciences, Professor

SHARIFZODA Abduvali - candidate of Historical Sciences

YAKUBOV Yusufsho - doctor of Historical Sciences, academician of the NAST

МУНДАРИЧА - СОДЕРЖАНИЕ - CONTENTS

ТАЪРИХИ ВАТАНИЙ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ - NATIONAL HISTORY

САИДОВ А. Борьба султана Джалалуддина за восстановление государства Хорезмшахов в Западном Иране	5
ХУСЕИНОВ Ф. Р. Причины и последствия объявления халифом ал-Маъмуном зелёного цвета цветом двора (на основе письменных материалов)	14
ИБРОХИМОВ М. Ф., МУРОДОВА М. Фарҳанги либос дар чомаи зардуштӣ	20
СОХИБНАЗАРОВ М. Д. Художественная резьба в архитектурно-декоративном искусстве Мавераннахра XI–XV вв.	28
УБАЙДУЛЛО Н. К. Формирование Таджикской ССР и исторические проблемы национального вопроса в Средней Азии	34
НУРЗОДА А. Р. Охрана материнства и детства на первых этапах развития здравоохранения Таджикистана	43
АКРАМОВ М. И. Спорт в Таджикистане в 1961 -1991 гг.	49
МУХИДДИНОВА Р. К. Садово-парковое искусство в городах Таджикистана в период становления (конец 1950 – 1960 - гг.)	57

ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

ЯКУБОВ Ю. Работакская надпись и её значение для проблемы этногенеза Кушан	65
ШАРИФЗОДА А. Қ. Таҳқиқи таърихи сикказанӣ ва муомилоти пулии давлати Сомониён дар Ӯлооти Муттаҳидаи Амрико дар солҳои 30 – 60-и асри XX	73
САФАРЗОДА Н. Ш. Описание исторической географии Гура по средневековым географическим трудам	83
ФРАНСИС Р. Иконографическая тайна: судоходство в миниатюрной живописи	89
НАСРИДДИНОВ Ф. А. Шинохти таърихномаҳои камшинохти аҳди Сомонӣ	97
БАРОТЗОДА Н. Б. «Зубдату-т-таворих» - манбаи таърихӣ асри XII	107
МИРЗОЕВ Ҷ. А., АЗИЗУЛЛОЗОДА М. Н. Саҳми академик Е. Н. Павловский дар ташаккул, рушди илм ва муассисаҳои илмӣ - таҳқиқотии Тоҷикистон (солҳои 1928-1951)	115
ХИМАТЗОДА Ҳ. Ҳ. Аҳбори Мирхонд роҷеъ ба ҳукумати Абулқосим Бобур дар Хуросон	122

ТАЪРИХИ УМУМӢ - ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ - GENERAL HISTORY

АЮБОВ А. Р. Аз таърихи мактабҳои аввалин дар Шарқи қадим	130
--	-----

БОСТОНШИНОСӢ - АРХЕОЛОГИЯ – ARCHEOLOGY

РАХИМОВ Н. Т. Археологические памятники Ниязбека: проблемы изучения, охраны и реставрации	135
КАЛАНДАРОВА О. И. Ювелирные украшения из могильника Харкуш	144
ПУЛОТОВ А. Г. Керамические цедилки Санджар-шаха в контексте аналогичных находок верхнего Зарафшона	151

ТАЪРИХИ ИЛМ ВА ТЕХНИКА – ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ – HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

ИСМАТОВ С. Н. Гафур Бобоев – асосгузори назарияи ададҳо дар Тоҷикистон	164
БОБОЕВ Х. Нигоҳе ба таърихи илми ситорашиносӣ дар Тоҷикистони Шӯравӣ	173

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

КЕНЧАЕВ М. Олимони мо	184
-----------------------------	-----

УДК 94(55)(091) + 355.48

БОРЬБА СУЛТАНА ДЖАЛАЛУДДИНА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ХОРЕЗМШАХОВ В ЗАПАДНОМ ИРАНЕ¹

САИДОВ А.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Монголы, преследуя султана Мухаммада Хорезмшаха, разрушили множество городов и жестоко истребили их население. Согласно сведениям Мирхонда, когда армия монголов под предводительством Джата нуйана достигла Мазендерана, было убито множество людей, особенно в Омуле. После разорения Мазендерана монголы направились к городу Рей. Население Рея из-за религиозного фанатизма враждовали друг с другом. В те времена фанатики ханафитского мазхаба Абуханифы подожгли мечеть, где молились шафииты. Когда жители Рея услышали весть о прибытии Джата нуйана, то шафиитский кади и его сторонники вышли им навстречу. Монголы приказали шафиитскому кази казнить приверженцев ханафитского мазхаба, которые составляли половину города. После этого инцидента Джата нуйан понял, что эта община, то есть шафииты, не была верна жителям своего города и заманила их в ловушку бедствий, и что они также не принесут нам никакой пользы. В результате они настроили жителей Рея друг против друга. В результате в Рейе от рук вторгшихся монголов погибло более миллиона человек [5,97-98]. Конечно, автор «Равзату-с-сафо» преувеличил количество убитых в Рейе, но это свидетельствует о том, что монголами было уничтожено очень большое количество людей.

Ибн Асир пишет, что когда монголы прибыли в город Рей, к ним присоединилась большая группа авантюристов и разбойников. Монголы подвергли регион разорению, взяли в плен женщин и детей и совершали беспрецедентные деяния [3, 157]. Когда монголы достигли города Рей, они узнали, что султан отправился в Хамадан. Тогда Джата нуйан направился в Хамадан, а Субитай поспешил в Казвин.

Двигаясь в сторону Хамадана, Джата нуйан прибыл в город Кум. Некоторые мусульмане в его армии сказали, что резня жителей Кума - богоугодное дело, так как они придерживаются рафидитского мазхаба. Затем по приказу Джата нуйана монголы истребили жителей Кума и его окрестностей, взяв в плен женщин и детей [5, 98].

¹Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (III - начало XX вв.), государственный регистрационный номер 0121TJ 1221.

После взятия города Кум монгольская армия во главе с Джата нуйаном прибыла в Хамадан. Правитель Хамадана Маджиддин Алоуддавл Алави вышел навстречу монголам с большой суммой денег и дарами, сдал город врагу без сопротивления, и они установив в городе гарнизон, направились в Зинджан и разрушили по пути множество городов и деревень и вырезав население [3, 1589; 5, 98].

Другая группа монгольских войск во главе с Субитаем прибыла в Казвин. Жители Казвина оказали ожесточенное сопротивление монгольским захватчикам как снаружи, так и внутри города. По данным Ибн Асира, монголы убили в Казвине более сорока тысяч человек [3, 158-159], а по данным Мирханда – пятьдесят тысяч человек [5, 98].

Через некоторое время монголы вернулись в город Хамадан, где совершили неслыханные зверства, и народ восстал против захватчиков, и в течение трех дней они оказывали такое ожесточенное сопротивление, что их оружие изнашивалось, и они нападали на захватчиков с ножами. В этой битве с обеих сторон погибло столько людей, что никто не мог сосчитать их количество. Монголы истребили большую часть населения Хамадана, выжили только те, кто прятался в убежищах или подземных ходах. Монгольские захватчики несколько дней совершали массовые казни и сжигали город. Это событие произошло в месяце раджаб 618 года хиджры / август-сентябрь 1221 г. [3, 175-177].

Так, один из таджикских городов - Хамадан, имевший большую мировую известность, был превращен в руины вторгшимися монголами. Но самое главное то, что жители Хамадана не имея официального лидера смогли объединиться и противостоять врагу. Это свидетельствовало о героизме и мужестве народа Хамадана.

Затем монгольская армия под предводительством Джебе нуйана и Субитая захватила и разграбила города Ардебиль, Тебриз, Хой, Марогу, Нахичеван, Билкан и другие.

В 1221 году султан Джалалуддин Манкбурны, потерпев поражение от монголов на берегу реки Инд, был вынужден бежать в Северную Индию. Во время его пребывания в Индии там чеканились серебряные и медные монеты с его именем, и пятничной хутбе почти во всех местных владениях упоминалось его имя [1, 159].

Укрепление власти Джалалуддина и быть его подчинённым вызывало недовольство среди местных индийских правителей. Они решили объединиться и изгнать его с территории Индии. В этой ситуации возник конфликт между Джалалудином и его эмирами. Некоторые предложили отправиться в Ирак (Западный Иран) и захватить его. Джалалуддин принял это предложение [6, 120-122].

После этого Джалалуддин и его армия после тяжелого перехода через безводные и ветреные степи между Индией и Кирманом, претерпевая неисчислимые трудности в 621 г.х. / 1224г. с оставшимися четырьмя тысячами солдат прибыли в город Кирман. Его брат Гиясуддин перед отъездом из Кирмана в Ирак назначил Бурака Хаджиба своим представителем в Кирмане [12, 213-214; 10, 498; 11, 463]. Джалалуддин выбрал крепость Гувашир в Кирмане в качестве своей временной ставки, женился на дочери Бурака Хаджиба и через некоторое время двинулся в сторону Шираза [12, 213-214; 10, 498]. Затем он отправил гонца к правителю Шираз атакбуку Са'аду ибн Занги и сообщил ему о своем прибытии. Са'д послал свое-

го сына Салфуршаха с пятьюстами всадников и дорогими подарками на встречу с султаном Джалалуддином. Правитель Йезда атабек Алауддин также прибыл к нему на службу с ценными дарами, выразил свою покорность, и Джалалуддин прозвал его Атаханом. [6, 126-127; 12, 150; 8, 548-549; 7, 239].

Джалалуддин прибыл из Шираза в Исфахан, и его население во главе с Казирукниддином Масъудом ибн Соидом приветствовало его с радостью [6, 128].

Во время странствий Джалалуддина по Индии его брат Гиясуддин собрал под своим командованием, оставшуюся и разрозненную армию хорезмшахов, прибыл в Ирак и объявил его своим владением. В Хорасане и Мазендеране на его имя прочитали хутбу. Однако, как султан, он оказался слабым правителем и местные владетели городов и областей не подчинялись ему и уклонялись от уплаты налогов и дани. По словам Насави, тюркские военачальники, заметив его неспособность к управлению, начали творить произвол и насилие над мирными жителями. Всё, что уцелело после разорения монголов, было уничтожено тюрками. Между эмирами и военачальниками вспыхнули войны и распри, а убийства, хаос и коррупция достигли своего пика [6, 131-133].

Прибыв в Исфахан, Джалалуддин получил известие, что его брат Гиясуддин находится в Рее во главе своей армии и хочет напасть на Джалалуддина с армией в три тысячи человек. Джалалуддин немедленно отправил одного из своих опытных эмиров, Удака, к Гиясуддину, предложив им стать его подданными и вместе сражаться против монголов. Мать Гиясуддина также поддержала предложение Джалалуддина [6, 128-130; 8, 550]. Таким образом, в скором времени эмиры и военачальники Гиясуддина присоединились к армии Джалалуддина. Люди под предводительством Гиясуддина были рады услышать эту новость, так как они были свободны от пыток и мучений Гиясуддина и его армий.

Когда Джалалуддин прибыл в Исфахан, он получил известие, что Гиясуддин со своими приближёнными и армией находится в Рее и готовится выступить против него с 30-тысячным войском. Джалалуддин немедленно отправил к нему одного из своих опытных эмиров Удака, предложив им стать его подданными и вместе сражаться против монголов. Мать Гиясуддина также поддержала это предложение [6, 128-130; 8, 550]. В результате, спустя короткое время, все командиры и отряды Гиясуддина перешли на сторону Джалалуддина [5, 101-102]. Таким образом, в скором времени эмиры и военачальники Гиясуддина присоединились к армии Джалалуддина. Поданные Гиясуддина были рады услышать эту новость, так как они освободились от пыток и мучений Гиясуддина и его армию.

В месяце мухаррам 622 г.х. / январь 1225 года Джалалуддин отправился в Шуштар (Тустар), но не смог захватить его. Тогда он направил своё войско к Багдаду и отправил халифу ан-Насиру письмо с просьбой поддержать его в борьбе против монголов. Халиф не только не ответил, но, наоборот, направил против Джалалуддина 20-тысячное войско под командованием Куш Темура. В результате армия Куш Тимура была разгромлена, а сам он убит [8, 551; 7 241]. После этого Джалалуддин направился в Азербайджан. Там правил атабек Узбек, который женился на дочери сельджукского султана Туграла – Малика хатун. Услышав о гибели Джалалуддина, он бежал в крепость Алинджа. Султан в 622 г.х. / 1225 г.

прибыл в Тебриз и осадил его. Там он женился на жене Атабека Узбека [12, 150-151; 8, 552; 7, 242; 10, 498].

Затем Джалалуддин двинулся со своим войском на Грузию, захватил ее города и в короткое время подчинил себе все территории от Хузистана до Грузии.

Во время пребывания Джалалуддина в Тебризе, ему сообщили, что армия монголов переправилась через Амударью и направляется в Хорасан, с целью выступить против Джалалуддина. Султан выступил в Исфахан, откуда послал четыре тысячи всадников в сторону Рея и Дамгана. Ряды монгольского войска росли с каждым днем. Приход бесчисленного монгольского войска, среди которого были известные монгольские вожди Бочу, Бойнол, Яку, Асан, Туган, Ясур и другие, напугал население и глав провинций и областей, и они обратились за помощью к Джалалуддину. Джалалуддин вышел на террасу дворца, понаблюдав за их положением и, чтобы рассеять их страх, начал разговор на другую тему, сделав вид, что приход монголов - второстепенное событие. Затем, посоветовавшись, он заставил всех поклясться выбрать смерть вместо жизни и не искать спасения. Он сам поклялся, что будет сражаться, пока жив [6, 167-168].

Джалалуддин, имевший большой опыт борьбы с монголами, прекрасно понимал, что если народ и солдаты будут противостоять врагу без страха, они обязательно одержат победу. Это доказали предыдущие войны. По этой причине он всеми силами старался изгнать страх и панику из сердец людей. Чтобы нанести удар по врагу, он решил обманом выманить его из города, окружить в узком ущелье и уничтожить. Для достижения этой цели он вызвал судью и правителя города и приказал им вооружить пехоту и вывести ее из города в разноцветных одеждах. Враг посчитал, что армия султана в опасности, и послал за ней две тысячи солдат. Монгольская армия пронеслась через горы и вошла в их середину.

Джалалуддин послал против них три тысячи солдат, и они атаковали врага в этом узком ущелье, взяв в плен около четырехсот человек, включая эмиров и ответственных лиц. Султан разделил пленников судьбе и правителю города, чтобы обезглавить их на глазах у народа на улицах города. Оставшиеся монголы были обезглавлены, а их тела оставлены в поле на съедение собакам [6, 168-169]. Жители Исфахана были воодушевлены этой победой, страх и паника оставили их.

Монгольская армия, напуганная победой Джалалуддина, собрала все войска региона в Исфахане. Джалалуддин собрал своё войско за пределами города и восстал против монголов. Джалалуддин передал левое крыло армии своему брату Гиясуддину, а правое крыло - одному из военачальников, а сам встал в центре и атаковал монгольское войско. Во время этого сражения Гиясуддин вместе с Джаханом Пахлаваном, возглавлявшими левое крыло армии, покинули сражение со своими солдатами и бежали в Луристан.

Их побег стал шоком для армии Джалалуддина, и причина его была связана с предыдущей враждой между братьями. Тем временем монгольское войско приближалось к Исфахану со всех сторон, увеличивая свои ряды. Когда Джалалуддин понял, что его войско уступает по численности противнику, он позволил добровольцам Исфахана вернуться в город, чтобы спастись. Правое крыло армии султа-

на отошло от своего левого крыла, но они не знали о положении друг друга [6, 169; 12, 168-169; 8, 554; 7, 243].

Между Джалалуддином и монгольским войском разгорелась ожесточенная битва. В конце дня правое крыло армии султана атаковало левое крыло монгольской армии и преследовало ее до окрестностей Кошона. Солдаты правого крыла армии Джалалуддина думали, что левое крыло действовало так же, как и правое крыло против противника [6, 169-170; 12, 169].

Эта победа войска Джалалуддина над монголами в Исфахане продемонстрировала мужество и стойкость народа Исфахана в борьбе с врагом, а также свидетельствовала о мастерстве и мужестве султана Джалалуддина.

Поскольку Гиясуддин предал своего брата в этой важной битве и покинул поле боя, Джалалуддин в конечном итоге был окружен центральной армией, но даже в такой сложной ситуации он не отказался от борьбы. Эмиры и воины Джалалуддина сопротивлялись врагу до последней капли крови.

Один из соратников Джалалуддина Ахфаш малик сражался с врагом так яростно, что его тело было усеяно стрелами подобно иглам ежа и, в конце концов, был убит [6, 170].

Таким образом, в результате героической и беспримерной борьбы Джалалуддину удалось прорвать окружение противника. Оставшаяся армия Джалалуддина также вела упорную битву с врагом и в конечном итоге была рассеяна во всех направлениях. Монгольская армия также была разгромлена, а ее остатки бежали. По словам Насави никогда прежде не наблюдалось столь масштабного сражения, где обе стороны понесли бы такие тяжёлые потери, а их остатки рассеялись по миру. Каждый бежал в свою страну [6, 171].

По сведениям Хамдуллаха Муставфы Казвини, после этого инцидента монгольская армия направилась в Хорасан, а султан Джалалуддин бежал в горы Луристана. Разрозненные остатки хорезмийских войск прибыли в Исфахан. Жители города сначала хотели напасть на них, но верховный кади Рукнуддин Соиди остановил их и сказал, что если султан не появится в течение семи дней, то они могут захватить гаремы и их имущество. Он думал, что если султан не появится, то он посадит на трон одного из знатных эмиров хорезмшахов – Ягона Тоиси [12, 499-500].

Прошло восемь дней после этих событий, но от султана Джалалуддина не было никаких вестей. Его искали среди мертвых, но безуспешно. Все считали его мёртвым. Это событие произошло 23 рамазана 625 г.х. / 26 августа 1228 г. Кази и другие государственные чиновники решили, что если известие о смерти султана не появится до дня праздника Ид аль-Фитр, то они после праздничной молитвы возведут Ягона Таиси на трон. В праздник Ид аль-Фитр, когда люди собирались на праздничную молитву, к месту молитвы внезапно появился султан Джалалуддин. Люди считали его возвращение великим праздником. Он оставался там несколько дней, собирая остатки своей разбросанной армии. Когда остатки монгольской армии вернулись из Исфахана, их убивали везде, где только видели, и лишь немногим из них удалось благополучно пересечь реку Амударья [6, 171-172].

Эти события еще раз подтвердили большой военный талант, героизм и мужество Джалалуддина, значительно повысив его статус в регионе. Целью Джалалуд-

дина было нанести решительный удар монголам в Западном Иране и восстановить государство Хорезмшахов. Местные правители были напуганы успехами Джалалуддина и отказались подчиняться ему. Джалалуддин, увидев эту ситуацию, повел армию в сторону Азербайджана и Грузии, сражался с султаном Рума и другими правителями, а в некоторых регионах сражался с монголами.

Находясь в Азербайджане, Джалалуддин узнал, что монголы занимаются разрушениями, убийствами и грабежами в городах, и хотят поймать его. Чувствуя свою слабость и беспомощность, он покинул Азербайджан и направился в Хилот (Ахлот) - один из армянских городов, расположенных на берегах озера Вон, жители которого были мусульманами и христианами.

Ныне это один из городов Восточной Турции. [2, 524; 7, 83]) Как только он прибыл сюда, узнал, что монголы ищут его и спешат за ним. Поэтому он отправился в город Омид (ныне Диярбакыр, расположенный на юго-востоке Турции, вверх по течению реки Тигр) и, опасаясь внезапного нападения монголов, разместил авангард и охрану своего войска в нескольких местах [4, 147-148].

Джалалуддин хотел отправиться из Омида в Исфахан. По прибытии Джалалуддина в Омид, его правитель аль-Мас'уд стремился использовать Джалалуддина в своих сражениях с врагами. Джалалуддин согласился на предложение аль-Масуда и отказался идти в Исфахан [6, 274-275]. Устав от ссор и драк, он пристрастился к пьянству.

Тем временем его брат Гиясуддин, который предал его и бежал от войны с монголами, отправился в Хузестан, который был территорией Аббасидского халифа, и оттуда написал письмо халифу аз-Захиру (1225-1226) и через своего визира отправил его в Багдад. В своем письме он просил халифа помочь ему в борьбе против его брата Джалалуддина. Халиф обещал выполнить его просьбу и отправил визира к Гиясуддину с большим подарком и 30 000 динаров, однако халиф этого не сделал [4, 91; 6, 174].

Опасаясь брата, Гиясуддин отправился к исмаилитам в крепость Аламут и искал убежища. Услышав это, Джалалуддин направился в город исмаилитов и отправил послание лидеру исмаилитов с просьбой выдать ему его брата. В противном случае он начнет грабить исмаилитские города. Лидер исмаилитов Алауддин Мухаммад ответил: «Твой брат только что пришел к нам. Он султан и сын султана. Он просил у нас убежище, и мы не можем выдать его.

Но мы будем держать его у себя, и не позволим ему захватить ни один из ваших городов. Мы просим вас принять наше заступничество и довериться тому, что мы сказали. Разумеется, всякий раз, когда он делает что-то, что противоречит вашим желаниям или вредит вашим городам, эти города находятся в вашем распоряжении, и вы можете делать с ними все, что пожелаете» [4, 91-93]. Джалалуддин принял слова Алауддина Мухаммада и отправился в Хилат.

Гиясуддин решил покинуть Аламут и отправиться в Кирман к Бураку хаджибу, и спрятаться там. Бурак хаджиб, который ранее был его заместителем, стал независимым, заключил Гиясуддина в крепость и, в конце концов, убил его. Согласно другой легенде, женщины крепости ночью вызволили его из темницы, и он отпра-

вился в Исфахан, но был убит по приказу Джалалуддина [6, 176; 12, 204-206; 9, 782].

Джалалуддин находясь в Омиде, устроил вечеринку и наслаждался ею, и в это время прибыла монгольская армия и окружила их. Один из эмиров султана Урхан спас его из монгольского окружения, и монголы преследовали их. Джалалуддин приказал Урхану оставить его и с войском отправиться в другую сторону, чтобы монголы преследовали его с войском, а он мог скрыться. Урхан сделал, как ему было сказано. В конце концов, Джалалуддину удалось спастись от монгольского преследования и поселиться со своими окружениями на гумне в отдаленной деревне. Монголы прибыли сюда в полночь и окружили их. Кто-то сказал монголам, что это султан, и 15 монгольских всадников последовали за ним. Его догнали два всадника, и оба были убиты султаном.

Остальные, разочарованные, повернули назад. Султан отправился в горы, а курды схватили его и попытались убить. Он сказал курдскому лидеру: «Я султан, не спешите меня убивать. Если ты отведешь меня к королю Музаффару Шахабуддину Гази или в некоторые из моих городов, они дадут тебе достойную награду или даже назначат тебя королем». Мужчина отвел его в свое племя, посадил рядом с женой и отправился в горы за лошадьми. В этот момент к женщине подошел невысокий курд с коротким копьём в руке и спросил: «Кто этот хорезмиец? Почему бы тебе его не убить?» Женщина ответила, что он султан и что муж пощадил его. Курд сказал, что в Хилате был убит мой брат, который был лучше его, и он ударил султана копьём в лицо, убив его. [6, 278-279]. Хамдуллах Муставфи Казвини также рассказывает об убийстве султана Джалалуддина примерно в том же контексте [10, 500].

По сведениям Фасиха Хавафи, Джалалуддин Манкубарни в середине месяца шавваль 628 г.х. / август 1231 г. был убит курдами [9, 785]. Хасани Пирния и Аббас Икбал Аштияни также подчеркнули, что Джалалуддин был убит курдами в середине месяца шавваля 628 г.х. / август 1231 г. [11, 468].

Таким образом, Джалалуддин, вернувшись из Индии в Хорасан, как храбрый и мужественный воин, продолжал сражаться с вторгшимися монголами, побеждая их во многих сражениях, но он не мог опереться на население городов и провинций, чтобы направить все свои силы против монголов.

Он участвовал в бесплодных войнах и конфликтах с Грузией, румским султаном и другими и в конечном итоге потерпел поражение. В результате правление династии Хорезмшахов подошло к концу, а часть их оставшейся армии разбрелась по разным уголкам страны, зарабатывая на жизнь. Монголы подчинили себе почти весь Великий Хорасан и территорию Ирана - за исключением районов, находящихся под контролем исмаилитов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буниятов, Зия Мусаевич. Государство хорезмшахов-ануштегинидов, 1097-1231 / З. М. Буниятов; АН АзССР, Ин-т востоковедения. – Москва: Наука, 1986. – 247, [1] с.: 22 см.
2. Закарийа ибн Мухаммад ибн Махмуд ал-Казвини. Осор ал-билад ва ахбар ал 'ибад. – Бейрут: Дору-Содир, 1960. – 678 с.

3. Ибн ал-Асир, ‘Изадин Али. Та’рихи комили бузурги ислом ва Эрон. – Т. 32 / пер. с араб. Али Хошимии Хоири. – Тегеран: Муассисаи матбуоти илми, 1371 г.х. – 302 с.
4. Ибн ал-Асир, ‘Изадин Али. Та’рихи комили бузурги ислом ва Эрон. – Т. 33 / пер. с араб. Али Хошимии Хоири. – Тегеран: Муассисаи матбуоти илмӣ, 1371 г.х. – 159 с.
5. Мирхонд, Мирмухаммад ибн Сайид Бурхониддин Ховандшоҳ. Та’рихи Равзату-с-сафо. – Т. 5. – Тегеран: [без изд.], 1339 г.х. – 628 с.
6. Насави, Шихобуддин Мухаммад Хурандизи. Сирати Джалалуддин Манкубарни / пер. с араб. — [персидский перевод]; введение и исправления — Муджтабе Миняви. – Тегеран: Ширкати интишороти илми ва фарханги, 1986 г.х. – 478 с.
7. Рашидуддин, Фазлуллох Хамадони. Сборник летописей. – Т. I, кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирнова; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семёнова. – М., Л.: [изд-во не указано], 1952. – 316 с.
8. Рашидуддин, Фазлуллох Хамадони. Джоме’у-т-таворих. – Т. I / дополнения и коммент. М. Р. М. Мусави. – Тегеран: Албурз, 1373 г.х. – 869 с.
9. Фасехи Хавофи. Муджмали Фасехи. – Т. II / ввод., исправления и коммент. Сайида Мухси-на Ноджии Насрободи. – Тегеран: Асотир, 1386 г.х. – 529 с.
10. Хамдуллох Муставфи Казвини. Та’рихи гузида. – 5-е изд.; подгот. к изд. Абдулхусайн Навои. – Тегеран: Муассисаи интишороти Амири Кабир, 1387 г.х. – 885 с.
11. Хасани Пирний и Аббос Икболи Оштиғи. Та’рихи Эрон аз оғоз то инқирози силсилаи Коджория. – 9-е изд. – Тегеран: Хайям, 1380 г.х. – 864 с.
12. Джувейни, Атомалик Мухаммад. Та’рихи Джахонкушо. – Т. II / подгот. к изд. и исправл. М. Абдулвахоба Казвини. – Лейден, 1916 (литограф. изд. в Тегеране: «Дунёи китоб», 1385 г.х.). – 373 с.

БОРЬБА СУЛТАНА ДЖАЛАЛУДДИНА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ХОРЕЗМШАХОВ В ЗАПАДНОМ ИРАНЕ

В статье рассматривается борьба Джалалуддина Манкубарни за восстановление государства Хорезмшахов в регионах Западного Ирана. Во время преследования султана Мухаммада Хорезмшаха монгольские захватчики разрушили многие города Западного Ирана и жестоко убили их жителей. Джалалуддин Манкубарни, бежавший в Северную Индию в 1221 году после поражения от монголов у реки Синд, в 1224 году со своим войском вернулся в Хорасан и намеревался освободить от монголов города Западного Ирана и восстановить там государство Хорезмшахов. Ещё во время странствий Джалалуддина по Индии его брат Гиясуддин собрал под своим командованием оставшуюся и рассеянную армию Хорезмшахов, захватил Ирак и объявил его своим владением.

После прибытия армии Джалалуддина в Хорасан эмиры и военачальники Гиясуддина присоединились к ним. Джалалуддин смог храбро продолжить борьбу с монгольскими захватчиками и выиграть против них множество сражений, но он не смог опереться на население городов и областей. Он не смог направить все свои силы против монголов, так как одновременно с этим вел неоправданные сражения с Грузией, турецким султаном и т.д., в результате чего потерпел поражение. В итоге правлению династии Хорезмшахов пришел конец, а сохранившиеся части их армии разбрелись по уголкам разных стран, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Монголы на территории Великого Хорасана и Ирана подчинили себе все, кроме сферы правления исмаилитов.

Ключевые слова: *Джалалуддин, Гиясуддин, правитель, султан, борьба, Западный Иран, Хорасан, монголы, Хорезмшахи, население, город, войско.*

МУБОРИЗАИ СУЛТОН ЧАЛОЛУДДИН БАРОИ ИСТИҚРОИ ДАВЛАТИ ХОРАЗМШОХИЁН ДАР ЭРОНИ ҒАРБӢ

Дар ин мақола муборизаҳои Чалолуддин Манкубарнӣ барои барқарор намудани давлати Хоразмшоҳиён дар манотиқи Эрони Ғарбӣ мавриди таҳқиққарор гирифтааст. Муғулони истилогар ҳангоми таъқиби султон Муҳаммади Хоразмшоҳ шаҳрҳои зиёди манотиқи Эрони Ғарбиро хароб намуда, аҳолии онҳоро бераҳмона ба қатл расониданд. Чалолуддин Манкубарнӣ, ки соли 1221 пас аз

мағлубият аз чониби муғулҳо дар назди дарёи Синд ба Ҳиндустони Шимолӣ фирор намуда буд, соли 1224 бо лашкари худ ба Хуросон баргашт ва хост, ки шаҳрҳои Эрони Фарбиро аз тасарруфи муғулон халос намуда, дар он ҷо давлати Хоразмшоҳиёнро барқарор намояд. Ҳангоми сарсонии Ҷалолуддин дар Ҳиндустон бародараш Ғиёсуддин лашкари боқимонда ва парокандаи Хоразмшоҳиёнро зери итоати худ овард ва ба Ироқ омада, онро мулки худ эълон намуд.

Баъди ба Хуросон омадани лашкари Ҷалолуддин амирон ва сарлашкарони Ғиёсуддин бо лашкари Ҷалолуддин пайвастанд. Ҷалолуддин тавонист, ки чун ҷанговари далеру шуҷоъ муборизаро бар зидди муғулони истилогар давом дода, дар бисёр муҳорибаҳо бар онҳо ғолиб ояд, вале ба ӯ муяссар нагашт, ки ба аҳолии шаҳру вилоятҳо тақия намуда, тамоми қувваашро бар зидди муғулҳо равона созад. Ӯ ба ҷангу ҷидолҳои беҳуда бо Гурҷистон, султони Рум ва ғайра машғул гардида, оқибат ба мағлубият дучор гардид. Дар натиҷа ҳукумати сулолаи Хоразмшоҳиён ба охир расид ва қисмате аз лашкари онҳо, ки боқӣ монда буданд, дар гӯшаи қанори мамлакатҳои мухталиф ба хотири рӯзгузаронӣ умр ба сар бурданд. Муғулон дар ҳудуди Хуросони Бузург ва Эрон ба ҷуз аз доираи ҳукмронии исмоилиён дигар ҳамаро тобеъ намуданд.

Калидвожаҳо: *Ҷалолуддин, Ғиёсуддин, ҳоким, султон, мубориза, Эрони Фарбӣ, Хуросон, муғул, Хоразмшоҳиён, мардум, шаҳр, лашкар.*

THE STRUGGLE OF SULTAN JALALUDDIN TO RESTORE THE KHWAREZMIAN STATE IN WESTERN IRAN

This article explores the struggle of Jalaluddin Mangburni to restore the Khwarezmian state in the regions of Western Iran. During the Mongol pursuit of Sultan Muhammad Khwarezmshah, many cities of Western Iran were devastated, and their populations brutally massacred. After suffering a defeat by the Mongols on the banks of the Indus River in 1221, Jalaluddin fled to northern India. In 1224, he returned to Khorasan with his army, aiming to liberate the cities of Western Iran from Mongol rule and reestablish the Khwarezmian state. While Jalaluddin was in India, his brother Ghiyasuddin gathered the remaining dispersed Khwarezmian forces under his command, seized Iraq, and declared it his domain.

Upon Jalaluddin's return to Khorasan, the emirs and military commanders of Ghiyasuddin joined his ranks. Jalaluddin continued the fight against the Mongol invaders with great bravery, achieving several victories. However, he was unable to garner sustained support from the local population and diverted his efforts to unjustified conflicts with Georgia, the Seljuk Sultan, and others, which ultimately led to his defeat. As a result, the rule of the Khwarezmian dynasty came to an end. The remnants of its army scattered across various lands to make a living. The Mongols eventually subjugated almost the entirety of Greater Khorasan and Iran, with the exception of regions under Ismaili control.

Key words: *Jalaluddin, Ghiyasuddin, ruler, sultan, struggle, Western Iran, Khorasan, Mongols, Khwarezmians, population, city, army.*

Сведения об авторе: Саидов Абдукаҳор - доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. акад. Раджабовых, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

Information about the author: Saidov Abdulkakhor - Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. ac. Radjabovs, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

УДК 94(36)"08": 929

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ ХАЛИФОМ АЛ-МАЪМУНОМ ЗЕЛЁНОГО ЦВЕТА ЦВЕТОМ ДВОРА (НА ОСНОВЕ ПИСЬМЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ)

ХУСЕНОВ Ф. Р.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

В 817 году халиф Абдуллах ал-Маъмун (813-833) назначив своим приемником представителя Алидов – Али ибн Ису, приказал заменить черный цвет, традиционный цвет двора Аббасидов, на зеленый цвет. Цель нашего исследования в данной статье на основе письменного материала, прежде всего трудов Табари, ал-Масъуди и Ибн ал-Асира проанализировать причины, повлиявшие на халифа ал-Маъмуна в политике престолонаследия и объявления зеленого цвета цветом двора, а также последствия такой политики для государства.

Ал-Маъмун получив всю полноту власти 813 году, после покорения Багдада его армией и казни халифа ал-Амина, ввел некоторые коррективы в деле о престолонаследии. Согласно завещанию Харуна ар-Рашида, после него трон поочередно должны были унаследовать Мухаммад ал-Амин, Абдуллах ал-Маъмун и Касим ал-Муътаман. При этом только ал-Маъмун имел право в случае прихода к власти отстранить от права наследовать престолом Касима ал-Муътамана [9, 30-31]. Согласно Ибну ал-Асиру ал-Маъмун узнав о казни Амина, сразу же написал своим военачальникам Тахиру ибн Хусайну и Харсаме ибн Аъяну, чтобы они отстранили его брата ал-Муътамана от права наследования престолом после него, что и было сделано [3, 3816]. Ал-Масъуди тоже сообщает, что ал-Маъмун в 198 г.х. (813/814) сместил своего брата ал-Касима от права приемника [1, 234].

Согласно ал-Масъуди в 200 г.х. (815/816) по приказу ал-Маъмуна к нему в Марв с почетом привели Али ибн Мусу. В том же году по приказу ал-Маъмуна были перечислены члены аббасидской династии, мужского и женского пола, и насчитали их 33 тысячи. По приказу ал-Маъмуна были собраны все главные вожди, которым он сообщил, что среди Аббасидов и Алидов он не нашел достойного преемника, нежели Али ибн Муса, и присягнул их Али ибн Мусе как наследнику престола Халифата [1, 235-236]. Согласно Ибн ал-Асиру в 201 г.х. (816-817 г.) халиф ал-Маъмун назначив своим приемником Али ибн Мусу дал ему лакаб ар-Рида мин ал-Мухаммад, что переводиться как благоугодный из рода Мухаммада. Ибн ал-Асир тоже сообщает о том, что ал-Маъмун обосновывал свой выбор тем, что среди Аббасидов и Алидов не нашел никого достойнее Али ибн Мусе [3, 3854]. Ал-Масъуди сообщает, что по приказу ал-Маъмуна имя Али ибн Мусы были выбиты на динарах и дирхамах. Также ал-Маъмун отдал свою дочь по имени Умм ал-Фадл Мухаммаду ибн Али ибн Мусу ар-Рида [1, 236]. Важно отметить, что Умм ал-Фадл

после смерти своего мужа была доставлена во дворец брата и приемника ал-Маъмуна – ал-Муътасима, где с ней обращались как со служанкой [5, 648]. Иранский исследователь Р. Шаббони в назначении ал-Маъмуном преемника из рода Алидов видел стремление привлечь в свою сторону шиитов из рода пророка (с) [11, 120]. Важно отметить, что Мухаммад ибн Али ибн Муса ар-Рида (811-835) являлся девятым имамом шиитов-двунадесятников [5, 648].

Советский арабист П. А. Грязневич, изучив проблему легитимации власти халифов, правивших после смерти пророка Мухаммада (с), обращает внимание на идеологию религиозных течений по этому вопросу. В частности он анализирует шиитскую идеологию, отрицавшую обязательность моральной санкции общины, ее общего согласия для признания алидского имама главой общины и указывавшие, между прочим, и на то, что, санкционировав нарушение божественного права Алидов халифами после Мухаммада (с), община лишила свое «общее согласие» значение непогрешимого авторитета. Выражение ар-Рида мин ал-Мухаммад (благоугодный Аллаху из рода Мухаммада) шиитскими идеологами толковалась так, где под «благоугодный Аллаху» имеется в виду претендент на сан халифа, а под «родом Мухаммада» - потомки Али от Фатимы. По мнению П.А. Грязневича ал-Маъмун не без влияния шиитских теорий дал Али ибн Мусе этот лакаб [2, 170-171]. Ал-Маъмун велел армии, отставить черные одеяния и одеться в одеждах зеленого цвета. Во все окраины Халифата были отправлены письма с этим известием и приказом оставить черные цвета и одеться в зеленые [3, 3854]. По мнению некоторых исследователей ал-Маъмун ввел зеленый цвет как цвет знамен и одежд в знак примирения двух ветвей дома пророка; зеленый цвет являлся цветом ислама – в соответствии с Кораном, одежды такого цвета будут носить праведники в раю после Судного дня [5, 706].

Согласно Табари и Ибн ал-Асиру 24 марта 817 года военачальнику по имени Иса ибн Мухаммад прибыло письмо от Хасана ибн Сахла. Отметим, что Хасан ибн Сахл был братом вазира ал-Маъмуна Фазла ибна Сахла и в 814 г. был назначен на место Тахира ибн Хусайна, править Джибалом, Фарсом, Ахвазом, Басрой и Куфой [6, 4916; 10, 38-39; 8, 81]. В письме сообщалось, что эмир правоверных назначил своим приемником представителя Алидов Али ибн Мусу. В письме передавался приказ ал-Маъмуна о том, чтобы все оставили черные одеяния и оделись в зеленый цвет. Исе, его сторонникам, войску и Хашимитам давалось указание, чтобы дали присягу на верность Али ибн Мусе, и чтобы все надели зеленые кабо и кулахи и поменяли черный флаг на зеленый и объявили об этом всем жителям Багдада [6, 4944; 7, 105; 3, 3854].

Такое положение дел понравилось ни всем. Прежде всего, недовольство возникло среди Аббасидов Багдада. Они собрали заговор против ал-Маъмуна и объявили халифом Иброхима ибн Махди, который являлся представителем Аббасидской династии [6, 4945; 7, 106; 1, 236; 3, 3855]. Табари сообщает, что согласно замыслу багдадских Аббасидов власть Ибрахима ибн Махди должна была получить легитимный характер во время пятничной молитвы, как требовалось традицией. 17 июля 817 г. во время пятничной молитвы, по замыслу после азана один человек должен был сказать следующее: «Мы хотим благословить ал-Маъмуна и после не-

го Ибрахима, чтобы был его наследником». После этого другие должны были возражать этому, и предложить дать присягу на верность Ибрахиму, а за ним его племяннику Исхаку ибн Мусе, а ал-Маъмуна отстранить от халифата. Но, когда такой сценарий был реализован, никто другой не держал речь. Место пятничной молитвы все прочли 4 ракаата молитвы и рассеялись [6, 4945-4946; 7, 106]. Аналогичную информацию даёт и Ибн ал-Асир, только его сообщение, пришедшие в этот день, на молитву поддерживали Аббасидов Багдада и принесли присягу на верность Ибрахиму ибн Махди. Также, согласно Ибн ал-Асиру до дня пятничной молитвы, еще в 24 июня 817 года члены аббасидской династии давали присягу на верность Ибрахиму ибн Махди [3, 3855].

Табари начиная описание событий 202 года хиджры, сообщает, что первым днем месяца мухаррам этого года (20 июля 817 г.) была принесена присяга на верность Ибрахиму ибн Махди и присвоено ему прозвище «Муборак» (благословенный), а ал-Маъмун был объявлен отстраненным от халифства. Согласно сообщению в пятницу, во время пятничной молитвы багдадцы дали ему присягу на верность. Вначале была взята присяга от Хашимитов. Табари подчеркивает, что главари разгневались на ал-Маъмуна потому, что он хотел отобрать Халифат от потомков Аббаса и передать потомкам Али, а также запрещал одеваться в черный цвет, символический цвет своих отцов, и оделся в зеленый. Проводилась ли присяга войск Ибрахиму ибн Махди, Табари умалчивает. Однако он сообщает, что Ибрахим ибн Махди дал обещание войску оплатить шестимесячное довольствие, но не сдержал слова. Когда войска, требуя уплаты денег, восстали против него, он был вынужден уплатить каждому по двести дирамов, а остальную часть обещать в виде натуры. Военным был жалован урожай пшеницы и ячменя Савада. Военные для получения своей доли вышли из Багдада и по дороге занимались грабежом [6, 4947; 7, 106-107].

Ибн ал-Асир, хотя как мы видели выше, сообщал, что присяга багдадцев на верность Ибрахиму ибн Махди была получена 17 июля 817 г., но в том же своем труде, начав описание 202 г.х. сообщает, что первым днем мухаррама этого года (20 июля 817 г.) багдадцы были приведены к присяге на верность Ибрахиму ибн Махди. Далее сообщение Ибн ал-Асира аналогично вышеприведенному сообщению Табари. Но, Ибн ал-Асир, когда описывает недовольства Аббасидов Багдада замене официального цвета двора, то он подчеркивает, что ал-Маъмун сделал официальным цветом двора зелёный цвет, который являлся цветом иранцев [3, 3873].

Ал-Маъмун узнав о происшедшей смуте в Багдаде, решил покинуть Марв и двинуться в Багдад. Он надеялся, что поселившись в Багдаде, сможет отстранить недовольства багдадских Аббасидов. По дороге, когда он находился в Тусе, умер Али ибн Муса. Об этом ал-Маъмун написал своему наместнику Хасану ибн Сахлю и багдадским Аббасидам. Ал-Маъмун в своем письме багдадским Аббасидам напоминал, что их недовольства были связаны с тем, что он назначил своим преемником алида Али ибн Мусу. Теперь, когда он умер, ал-Маъмун призывал багдадских Аббасидов к повиновению. Багдадские Аббасиды написали ал-Маъмуну

ответное письмо, где в грубейшей форме отвергали его власть [6, 4958; 7, 116; 4, 266].

Согласно Табари военачальник ал-Маъмуна по имени Хумайд обещал войску заплатить по 50 дирамов, если в пятничной молитве в Багдаде хутба будет посвящена ал-Маъмуну. Таким образом, в пятничной молитве, прочитанной во главе с факихом Мухаммадом ибн Абураджом, хутба была посвящена ал-Маъмуну, а на следующий день войскам вместо обещанных по 50 дирамов было выплачено по 60 дирамов каждому. После этого контроль в Багдаде стремительно оказался в руках сторонников ал-Маъмуна, а Ибрахим ибн Махди укрылся [6, 4960-4961; 7, 117-118].

Согласно Табари ал-Маъмун по дороге из Марва в Багдад написал Тахиру ибн Хусайну, находившемуся в то время в Ракке, чтобы встретил его в Нахраване. Тахиру ибн Хусайну с того момента как был отправлен в Ракку до этого ал-Маъмун не придавал внимания. Он вновь стал в центре внимания халифа после того, как вазир Фазл ибн Сахл, самый могущественный враг Тахира, был убит в Сарахсе [10, 267-268].

В итоге ал-Маъмуна приняли как халифа, но для этого ему пришлось пойти на компромиссы. Самым очевидным был вопрос одежды. Аббасиды с самого начала приняли черный цвет, и черное придворное одеяние являлось обязательным для официальных придворных приемов. Однако в Марве ал-Маъмун и его двор стали носить зеленое – а к этому времени, если не раньше, данный цвет стал знаком сторонников Алидов [4, 267].

13 августа 819 г. ал-Маъмун вошел в Багдад. Его одежда и одежда его свиты были из зеленых каба и кулахов, а их флаги также были зеленого цвета. Он расположился в Русофе, во дворце у берега Тигра. Каждый день к нему приходили только в зеленых одеждах. Все жители Багдада и Хашимиты одевались в зеленые цвета. Если кого-нибудь видели в черных одеждах, за исключением черных кулахов, которых некоторые носили со страхом, то рвали их. Никто не осмеливался носить черные каба и поднимать черные флаги. Так продолжалось 8 дней, после чего хашимиты, прежде всего аббасиды, попросили ал-Маъмуна вернуться к традиционному цвету своих предков. С такой просьбой к ал-Маъмуну также обратились хорасанские вельможи. После этого ал-Маъмун спросил мнение Тахира ибн Хусайна об этом, и он также посоветовал халифу возвратиться в черные цвета. Табари подчеркивает, что ал-Маъмун видя, что подданные повиновались ему и оделись в зеленые цвета, хотя этот цвет был им не по нраву, решил возвратиться в черные цвета. В субботу 20 августа 819 г. ал-Маъмун сел на прием в зеленых одеждах. Когда к нему вошли на прием, он потребовал черный халат и одел его. Также он надел на Тахира ибн Хусайна черный халат, а несколько другим вельможам надел черные каба и кулахи. Когда эти вельможи вышли из аудиенции ал-Маъмуна, другие вельможи и военачальники видя их, тоже стали носить черные одежды [6, 4964; 7, 120]. Ал-Масъуди тоже сообщает, что ал-Маъмун вошел в Багдад в зеленых одеждах, а возвратился в черные цвета, когда к нему прибыл из Ракки Тахир ибн Хусайн [1, 237]. В другом месте, тот же ал-Масъуди, приводит рассказ, согласно которому к возврату черного цвета ал-Маъмуна уговорила Зайнаб бинт Сулайман,

являвшаяся знатнейшей и старейшей из женщин династии Аббасидов [1, 519-520]. Что касается Ибрахима ибна ал-Махди, то он был пойман 7 июля 822 г. и помилован ал-Маъмуном [1, 237].

Изучение трудов Табари, Ибна ал-Асира и ал-Масъуди показывает, что объявление зеленого цвета цветом двора халифом ал-Маъмуном привело к расколу правящей элиты. Данный раскол продолжался в течение 817-819 гг. В этом расколе опять прослеживается географическое предпочтение в Халифате. Как и во время борьбы ал-Маъмуна против тогдашнего халифа ал-Амина, и в вопросе о престолонаследия и цвета двора восточная часть Халифата поддержала его, а западная часть в основном выступила неодобрительно. То есть, правящая элита Халифата была расколота на две части империи.

С высокой долей вероятности мы можем предположить, что на ал-Маъмуна шиитский элемент имел большое влияние. Именно поэтому он руководствовался религиозными и государственными предпочтениями, нежели собственным интересом. В противном случае, он бы назначил своим преемником не Али ибн Мусу – представителя Алидов, а собственного сына. Важно отметить, что после смерти Али ибн Мусы, ал-Маъмун больше никого не назначил своим преемником. Но, Аббасидов, последователей суннитского течения ислама, с Алидами, последователями шиитского течения ислама, невозможно было примирить. Вражда двух домов имела не только политический характер, но и религиозный. Именно поэтому, ал-Маъмун, правивший Халифатом до 817 года из Марва, 819 г. прибыв в Багдад и усилив недовольства Аббасидов, был вынужден возвратиться к черному цвету.

ЛИТЕРАТУРА

1. ал-Масъуди, Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ибн Али. Золотые копии и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.] / сост., пер. с араб., примеч., коммент. и указ. Д. В. Микульского. – Москва: Наталис, 2002. – 800 с.
2. Грязневич, П. А. К вопросу о праве на верховную власть в мусульманской общине в раннем исламе // Ислам, религия, общество, государство. – Москва: Наука, 1984. – С. 161–174.
3. Иззуддин ибни Асир. Таърихи комил / баргардони Ҳамидризо Осир. Ҷилди 9. – Техрон: Асотир, 1370. – 400 с.
4. Кеннеди, Х. Двор халифов / Х. Кеннеди; пер. с англ. Н. Тартаковской. – Москва: АСТ, 2007. – 412 с.
5. Микульский, Д. В. Комментарий // ал-Масъуди, Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ибн Али. Золотые копии и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.]. – Москва: Наталис, 2002. – С. 601–719.
6. Табарӣ, Муҳаммад ибни Ҷарирӣ. Таъриху-р-русули ва-л-мулук / тарҷума аз арабӣ Абулқосими Поянда; таҳрири умумӣ Нурмуҳаммад Амиршохӣ. Китоби 7 (ҷилдҳои 12 ва 13). – Душанбе: Сарредаксияи илмӣ Энсиклопедияи Миллии Тоҷик, 2014. – 726 с.
7. Табарӣ, Муҳаммад ибни Ҷарирӣ. Таърихи Табарӣ ё «Таъриху-р-русули ва-л-мулук» / тарҷумаи Абулқосими Поянда. Ҷилди 13. – Техрон: Асотир, 1389. – 281 с.
8. Фильштинский, И. М. История арабов и Халифата (750–1517). – Москва: ИД «Муравей-Гайд», 1999. – 384 с.
9. Хусенов, Ф. Р. Порядок легитимации прав Мухаммада Амина и Абдуллаха Маъмуна на престол Багдадского Халифата (источниковедческий аспект) / Ф. Р. Хусенов // Учёные записки (Серия гуманитарно-общественных наук). – 2023. – № 3 (76). – Худжанд. – С. 28–33.
10. Ҳамза, Камол. Инъикоси корномаҳои Тоҳир ибни Хусайн то фармондори Хуросон таъйин шуданаш дар сарчашмаҳои таърихӣ // Тоҳириён ва истиклоли Хуросони Бузург: маводи ҷамо-

иши илмии чумхуриявии бахшида ба 1200-солагии таъсиси давлати Тоҳириён. – Душанбе: Ганчи хирад, 2022. – С. 31–42.

11. Шаббани, Р. Краткая история Ирана / Р. Шаббани. – Санкт-Петербург, 2008. – 399 с.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ ХАЛИФОМ АЛ-МАЪМУНОМ ЗЕЛЁНОГО ЦВЕТА ЦВЕТОМ ДВОРА (НА ОСНОВЕ ПИСЬМЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ)

В статье автор на основе трудов Табари, ал-Масъуди и Ибна ал-Асира проанализировал причины и последствия объявления халифом ал-Маъмуном наследником престола представителя Алидов – Али ибн Мусу и замене черного цвета двора на зелёный. Констатируется, что данное решение ал-Маъмуна привело к недовольству Аббасидов Багдада и объявления с их стороны халифом Ибрахима ибна Махди. Раскол в правящих элитах вынудила ал-Маъмуна отставить Марв и переехать в Багдад. Показано влияние армии в смуте. Констатируется, что ал-Маъмун в своем решении руководствовался религиозными и государственными предпочтениями, нежели собственным интересом. Автор приходит к выводу, что Аббасидов с Алидами, имеющими как политические, так и религиозные противоречия, невозможно было примирить. Поэтому, даже умирив недовольство Аббасидов, ал-Маъмун был вынужден возвратиться к черному цвету.

Ключевые слова: Аббасиды, Алиды, цвет двора, присяга на верность, религиозные течения, чтение хутбы.

САБАБҲО ВА ПАЁМАДҲОИ АЗ ТАРАФИ ХАЛИФА МАЪМУН ЭЪЛОН ГАРДИДАНИ РАНГИ САБЗ ҲАМЧУН РАНГИ ДАРБОР (ДАР АСОСИ МАВОДИ ХАТӢ)

Дар мақолаи мазкур муаллиф дар асоси маълумоти осори Табарӣ, Масъудӣ ва Ибни Асир сабабҳо ва паёмадҳои аз тарафи халифа Маъмун вориси тахт эълон гардидани намоёндаи Алавиён – Али ибни Исо ва ба ранги сабз иваз намудани ранги рамзии дарбор – сиёхро ба риштаи таҳлил қашидааст. Қайд карда мешавад, ки ин тасмими Маъмун боиси норозигии аббосиён баъдод ва аз тарафи онҳо халифа эълон гардидани Иброҳим ибни Маҳдӣ гардид. Низоъ дар байни элитаи ҳукмрон Маъмурно маҷбур сохт, ки Марвро тарк карда ба Баъдод кӯчад. Таъсири артиш дар нооромӣ нишон дода шудааст. Қайд карда мешавад, ки Маъмун дар тасмимгириаш на манфиати шахсии худ, балки бартарии диниву давлатиро ба инобат гирифтааст. Муаллиф ба ҳулосае меояд, ки Аббосиён ва Алавиёнро, ки ҳам зиддиятҳои сиёсӣ ва ҳам мазҳабӣ доштанд, ошӯи қардан ғайриимкон буд. Аз ин рӯ, ҳатто пас аз ором қардани норозигии Аббосиён Маъмун маҷбур шуд, ки ба ранги сиёҳ баргардад.

Калидвожаҳо: Аббосиён, Алавиён, ранги рамзии дарбор, савганди вафодорӣ, равияҳои динӣ, хондани хутба.

REASONS AND CONSEQUENCES OF THE ANNOUNCEMENT OF GREEN AS THE COLOR OF THE COURT BY CALIPH AL-MA'MUN (BASED ON WRITTEN MATERIALS)

In the article, the author, based on the works of Tabari, al-Masudi and Ibn al-Athir, analyzed the causes and consequences of the announcement by Caliph al-Ma'mun of the Alid representative Ali ibn Musa as the heir to the throne and the replacement of the black color of the court with green. It is stated that this decision of al-Ma'mun led to the discontent of the Abbasids of Baghdad and their announcement of Ibrahim ibn Mahdi as caliph. The split in the ruling elites forced al-Ma'mun to leave Marv and move to Baghdad. The influence of the army in the turmoil is shown. It is stated that al-Ma'mun in his decision was guided by religious and state preferences rather than his own interests. The author comes to the conclusion that the Abbasids and the Alids, who had both political and religious contradictions, could not be reconciled. Therefore, even after pacifying the discontent of the Abbasids, al-Ma'mun was forced to return to the black color.

Key words: Abbasids, Alids, the color of the court, oath of allegiance, religious movements, reading the khutba.

Сведения об авторе: Хусенов Фаррух Рахимович — кандидат исторических наук, соискатель Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этногра-

фии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 735700, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. акад. Раджабова, 7. E-mail: farrukh_2522@mail.ru

Information about the author: Husenov Farrukh Rahimovich - candidate of historical sciences, claimant for candidate degree of the department of ancient, medieval and modern history attached to the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish under the National Academy of Science Tajikistan. Address: 735700, Tajikistan Republic, Dushanbe-city, street. acad. Radjabovs, 7. E-mail: farrukh_2522@mail.ru

УДК 391(39)"02/03": 299.4

ФАРҲАНГИ ЛИБОС ДАР ҶОМЕАИ ЗАРДУШТӢ

ИБРОҲИМОВ М. Ф., МУРОДОВА М.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Чун аҷдоди тоҷикон дини зардуштиро дар муддати тулонӣ парастид, мекарданд, зарурати пайдо кардани маълумот оид ба фарҳанги либоси зардуштии ҳамаҷун ва маросимӣ ба вуҷуд омад.

Ба сифати сарчашмаҳои омӯзиши фарҳанги зардуштии пӯшидани либос маводи зерин хизмат мекунад:

- маълумоти дар китобҳои динӣ - зардуштӣ овардашуда;
- тасвирҳои барҷастаи шоҳон, Худоҳо ва қаҳрамонҳои авестӣ, ходимони динӣ, ҷаннамуғҳо, мубаддон дар деворҳои қасри Куруши Кабир, Дорои I.

Барои мисол, дар Фраваши (рамзи асосии таълимоти Зардушт) тасвири асосӣ симои инсонӣ дорад (расми 1). Чунин рамз дар «Толори садсутуна»-и қасри Дорои I боқӣ мондааст.

- тасвири мубаддон дар сатҳи баъзе аз ашӯи тиллоӣ ва дар пайкараҳои хурди алоҳидаи Ганҷи Амударё ва Ганҷи Мир Закоҳ (ҷанубтар аз Кобул, дар наздикии Гардез ёфт шудааст);

- тасвирҳои барҷастаи рангаи одамон дар сатҳи баъзе сағонаҳо. Дар болои сарпӯши сағонаҳои алоҳида пайкараҳои хурди инсонро то камар таҷассумкунанда боқӣ мондааст;

- пайкараҳои хурди сафолӣ Худоҳо ва олиҳаҳои зардуштӣ.

Симои дар Фраваши тасвиршуда руҳи нек ва ҷовидро ифода карда, шахси дарозриштеро меонад, ки бол дорад ва аз зону поёнаш шабеҳи думи товус аст (расми 1, аз ҷониби чап). Ӯ малоикаест ҳомии инсон. Ба сараш қулоҳи устунашакл гузошта шуда, мӯйсари дарозашро ба ақиб шона задааст. Ҳамчунин ба назар ӯ мерасад. Остинҳои либоси шахси тасвиршуда дар назди китф борик буда, ба самти банди даст ду-се маротиба васеътар мешаванд.

Ҳарчанд таълимоти Зардушт дар замони ҳукумати сулолаи Ҳахоманишиҳо мақоми дини пешбарро соҳиб шуд, вале маълумоти дар сарчашмаҳои ҳаттӣ зикршударо ба давраи қадим вобаста кардан имкон надорад, чунки Авесто ва

дигар китобҳои марбути ин дин дар замони Сосониён, яъне ибтидои асрҳои миёна, таҳия ё аз нав барқарор шуданд.

Таълимоти Зардушт истифодаи либоси пахтагӣ ва абреширо таблиғ мекард. Дар асари паҳлави «Ғояҳои руҳи хирад» («Додистони менаи хирад»), ки аз рӯйибаъзе маълумот замони сарвари Дорои III иншо шудааст, чунин матн мавҷуд аст: «Барои бадани инсон либоси абрешимӣ беҳтарин буда, барои руҳи ӯ либоси пахтагӣ беҳтарин мебошад. Сабаб он аст, ки абрешим аз махлуқи зараррасон (кирми абрешим) ҳосил мешавад, аммо пахта аз замин мерӯяд. Пас барои манфиати руҳ муҳимтарин, ҳубтарин ва арзишмандтарин намуди нах пахта аст» [5, 96-97]. Дар ин дин замин мисли обу ҳаво поку муқаддас шуморида мешавад.

Дар ҷомеаи зардуштиён нисбат ба либоси пашмӣ низ эҳтиром мегузоштанд ва аз он барои омода кардани ҷузъҳои гуногуни либоси васеъ истифода мебарданд. Аз ин нуқтаи назар метавон порчаи матро аз масали «Дарахти бобули» («Дарахти асуриг») мисол овард, ки дар он худситой кардани бузе зикр шудааст. Буз қадру қимати худро тавсиф карда, ба нахли хурмо иброз медорад, ки аз пашми ӯ барои аҳли ҷомеа камарбанди муқаддас - куштӣ, барои шоҳон пирохан ва барои аёнӣ ашроф либосҳо тайёр мекунад [8, 159].

Тибқи маълумоти сарчашмаҳои хаттӣ, инчунин саҳнаҳои дар девораҳои сағонаҳо аз Мулло-Қурғон (вилояти Самарқанд) ва Сурхрӯд (шимоли Қирғизистон) тасвиршуда, дар арафаи паҳн гардидани дини ислом ниёгони тоҷикон дар Бохтару Суғд, Хоразму Марғиён, Фарғонаю Заранҷ, Эрон дар аснои маросимҳои динӣ пирохани сафед ба бар карда, аз болои он камарбанд мебастанд [2, 209]. Чунин расм аз талаботи фарҳанги зардуштии либоспӯшӣ сарчашма мегирад. Пирохани таъкидшуда судра ном дошта, камарбанд ҳамчун куштӣ маъруф мебошад.

Судраро аз матои пахтагӣ, пашмӣ ё абрешии сафед медӯхтанд. Истифодаи матои қимат ва ороста қобили қабул набуд. Судра тариқи иҷро кардани 9 дарз, бе истифодаи тукма, бо остинҳои кӯтоҳ ва чоки гиребони секунча омода карда мешуд (расми 1, аз ҷониби рост). Ранги сафеди пирохан рамзи нияти неку андешаи пок ва парҳезкорӣ буд. Ҳамчунин он инсонро аз бадихои Худои торикӣ ва зулмот Аҳриман ғайб мекард. Маросими бори нахуст ба тифл пӯшонидани пироханро судрапӯшон меномиданд. Гузаштани маросими мазкур кӯдакро ба ҷомеаи зардуштиён ворид мекард [7, 225].

Ранги куштӣ сурх буд. Куштибандӣ рамзи ба балоғат расидан ва ба ҷомеаи зардуштиёншомил гардиданро дошт. Он ҳамчунин нишон медиҳод, ки шахс баҳри адои хизмати худои некӣ, Ҳурмуз омода мебошад. Аз назари пайравони дини зардуштӣ, нахустин нафаре, ки ба миён куштӣ бастааст, шоҳи маъруф Ҷамшед мебошад. Худи Зардушт ҳангоми тақсими мероси падар маҳз камарбандро интихоб карда будаст. Аз ҳамин сабаб дар фарҳанги тоҷикон куштӣ ва дар умум ҳама намуд камарбанд ҷузъи муқаддаси либос ба шумор меравад.

Куштиро аз пашми гӯсфанд, буз ё уштур ба таври махсус омода мекарданд. Истифодаи абрешим иҷозат дода намешуд. Он дар намуди таноби ғафсиаш на беш аз як ангушт тариқи байни ҳам печуб додани 72 ресмон ҳосил карда мешуд. Дар нӯгҳои таноб ин миқдор ресмонҳо ба шаш бандинаи ҳар кадом иборат аз 12 адад

баста мешуданд. Шумораи бандинаҳо шаш чашни зардуштиро ифода мекард. Дарозии куштӣ чунин қабул карда мешуд, ки барои се дафъа гирди миён печондану дар пешу қафои бадан гиреҳбандӣ кардани он имкон даст диҳад [10, 74]. Ҳангоми ибодат куштиро мекушоданд ва баъди намозгузорӣ онро аз нав мебастанд. Дар ҳолати ҳамарӯза истифода бурдан, судра ва куштиро соле ду маротиба ба ифтихори чашнҳои Наврӯз ва Меҳргон иваз мекарданд.

Мубадони дар ашӯи тиллоии Ганчи Амударё ва Ганчи Мир Закоҳ тасвиршуда дар ин ё он дасташон барсум (бандчаи химчаҳо, ки дар маросими ибодати зардуштӣ истифода мешаванд) доранд (расми 2). Онҳо ба сар кулоҳи нарм – тиара монда, онро бо тасмаи пешонабанд фаро мегиранд. Нӯгҳои дарози тасмаи пешонабанд баъди дар қисми паси сар гиреҳбандӣ шудан ба поён, то сатҳи китфҳо мефароянд. Гӯшиҳои васеи тиара дар зерӣ манаҳ ба ҳам оварда мешаванд. Даҳони мубадро пардаи латтагӣ мепӯшонанд, ки доштани чунин парда ҳангоми ибодат талаботи ҳатмӣ ба шумор мерафт.

Пироҳани мубадон, ба хусус остинҳои борики он, чинҳои фаровон доштанд. Яқинан, остинҳоро нисбат ба даст дарозтар интиҳоб мекарданд, аз ин рӯ дар мавзеи аз китф то банди даст чинҳои сершумор ба вучуд меомаданд.

Агар ба либоси мардонаи муосири зардуштиёни эронӣ (габрҳо), ки дар натиҷаи дигаргуншавии либоси аънавии онҳо ташаккул ёфтааст, назар андозем, он чунин аст. Онҳо аз болои шим пироҳани пахтагии то зону ё боз ҳам дарозтари (то ронҳо) рангаш хокистарино пӯшида, аз болояш миёнбанди васеи сафед мебанданд. Ба сар кулоҳи намадӣ мегуздоранд ё бо услуби ба худ хоси зардуштӣ дастор мепечонанд. Ин гуна пӯшок ба либоси аънавии арабҳо монандӣ дорад. Ақидае ҳаст, ки чунин тарзи либоспӯшӣ дар муҳити на арабҳо, балки габрҳо ташаккул ёфтааст [3, 50-51].

Мазмуни сатрҳои алоҳидаи «Ардвисур-Яшт» ё «Дар ситоиши Ардвисура-Аноҳид», ки боби 5-уми китоби «Яштҳо»-и Авесторо ташкил мекунад, имкон фароҳам меорад, ки таркиб ва баъзе нозукиҳои либоси занона дар ҷомеаи зардуштӣ муайян карда шаванд. Дар ин асар олиҳа Аноҳид, ки ҳомии тамоми обҳо (рӯдҳо) доништа мешавад, дар симои духтари мавзунқаду соҳибҷамол тасвир шудааст. Аноҳид аз болои пираҳанаш қадре болотар аз миён камарбанд бастааст.

Яъне ӯ меҳодад пистонҳои мафтункунандашро бардошта, бо ҳамин диққати ҳамагонро ба сӯи худ ҷалб намояд. Дар фасли сармо Аноҳид ба сифати либоси боло аз хилъати парчагии чинҳояш фаровон истифода мебарад. Дар тарҷумаи дигари «Ардвисур-Яшт» остинҳои хилъати мазкур нақши гулдӯзӣ доранд. Зимистон чунин хизматро барои ӯ пӯстине иҷро мекунад, ки онро аз мӯйинаи сесада адад кундуз (муши обӣ) дӯхтаанд. Дурахши мӯйина оламорош, он бо тобиши тилло ва нура ҷило медиҳад. Рӯҷарми кафшҳои Аноҳид то бучулаки пой омада мерасада. Ин пойафзол панҷаи пойҳои олиҳаро ба воситаи тасмачаҳо дарбар мегирад. Аз ҷумлаи зару зевари олиҳаи об гӯшворҳои тиллоии ҷаҳортеғай нақшашон кӯфта ва шаддаи қиматбаҳои даври гардан зикр шудаанд. Пешонаи Аноҳидро ба мисли гулчанбар дайҳими тасмашакли ҳаштқисма фарогир аст. Дайҳими заркӯбшударо сангчаҳои қиматбаҳо зинат медиҳанд. Дар маркази он ҳалқачаи хеле моҳирона иҷрошуда ба назар мерасада [1, 23, 32-33].

Дар ситоишномаи «Ард-Яшт» (боби 17) зеварҳои занҳои духтароне номбар шудаанд, ки сазовори илтифоти хосаи олиҳаи тақдир ва хушбахтӣ Аша мебошанд. Чунин занҳо дастҳои худро бо дастмонаҳои нафису зебо оро медиҳанд, муҳраҳои шаддаи гарданашон бо тилло обдавонӣ шудаанд ва ғушворҳои овезадори чортега мебошанд. Дар навбати худ, духтарон пирӯҳанҳои камарбандашон баландро ба бар мекунад ва соки пойҳоишонро дастмонаҳо оро медиҳанд [1, 40].

Ҳамин тариқ, яке аз равияҳои мӯди замони ҳукмронии фарҳанги зардуштӣ аз он иборат буд, ки духтарону ҷавонзанҳо ба воситаи камарбанд пираҳанашонро ба бадан дар мавзеи аз пистонҳо поёнтар мечаспонданд. Яъне пираҳани занона якҷад дӯхта мешуд ва тавассути камарбанд дар мавзеи аз миён болотар баданро танг фаро мегирифт. Аз болои пираҳан хилъати парчагии чиндор ё остинҳои гулдӯзишуда ва зимистон ба ҷойи он пӯстии мӯйинааш ҷилдор мепӯшиданд. Ғушворҳои овезашон чоркунча, дастмонаҳо барои банди дасту пой, шаддаи гардан ва дайҳими пешона маҷмуи зеварҳои либосро ташкил мекарданд.

Пайкараҳои хурди сафолии суғдии мутааллиқи асрҳои VI - IV то м. аз Тали Барзу, ки дар либосро олиҳа Аноҳид перӯҳани дароз, поҷома ва пойафзоли пастро нишон медиҳанд. Дар баъзе тасвирҳои ин олиҳа китфпӯшак низ мавҷуд аст. Аз зеварҳо ғушвор ва зеби гардан нишон дода шудаанд.

Диққатро қулоҳи салламонанд, ки дар як қатор пайкараҳои хурди суғдии Аноҳид ба назар мерасад, ҷалб мекунад (расми 5, аз ҷониби чап). Он дастори калонеро мемонад, ки аз порчаи матои бандинапеч иборат аст. Дастор сарро дар қисмати аз руҳсораҳо болотар фаро гирифта, дар мавзеи фарқи сар гиреҳо ва ҳалқаҳои гуногуншаклро ташкил мекунад. Исбот шудааст, ки чунин либоси сар дар байни аҳолии зироаткори суғдӣ ҳанӯз ҳале пеш аз омадани туркҳо вучуд дошт. Аз ин мебарояд, ки дар сарупои аҷлоди мо анъанаи истифодаи дастору салла ҳанӯз садсолаҳо қабл аз даврҳои исломӣ ва муғулӣ пайдо шудааст.

Нақши бофтаи матои пашмӣ аз Пазирик (расми 3) либоси ибодатии занҳои сарватманди асри V то милодиро тасвир мекунад. Баъзеҳо дар ин тасвир симоҳои малика ва духтар ё канизаки ӯро мебинанд. Онҳо дар назди мичмар ибодат мекунад. Малика дасти рӯсташро бардошта, ба дасти чап гул ё барсомаро гирифтааст, канизак бо дасти чап дастпокро медорад ва дасти ростро ба болои дасти чап гузоштааст. Малика ба сар тоҷ гузоштааст, аз пушти тоҷ чодари дароз овезон аст, ки то рӯнҳо омада мерасад. Канизак низ ҳамин гуна тоҷ ба сар гузоштааст, вале чодар вучуд надорад. Перӯҳани дароз то замин омада мерасад, остинҳои ҳале васеъ дорад. Ҳошияҳои чодар ва перӯҳанро рахҳои васеи нақшин оро медиҳанд. Дар нақши чодар секунчаҳо ва дар нақши перӯҳан қаторҳои катакҳо ва секунчаҳо тасвир шудаанд. Ин гуна нақшу нигор, шояд, тариқи гулдӯзӣ иҷро карда шудаанд [9,73-78]. Аз тасвирҳои маросими ибодатӣ бармеояд, ки занҳо мӯйсарашонро ба қафо шона зада, дар пушти гардан дар намуди тӯбча ё навардча ҷамъ меоварданд.

Ҳамин гуна таркиб ва шакли либоси маликаҳоро дар сипаракҳои ду ангуштарини асрҳои V - IV то м. аз таркиби ганҷи Амударё мебинем. Маликаҳо дар курсӣ нишастаанд ва онҳоро нимруҳ тасвир кардаанд. Пираҳанҳои дарози онҳо аз чинҳо пур мебошанд, дар як ҳолат чинҳои уфӯқӣ, дар ҳолати дигар чинҳои

амудӣ. Онҳо дар сар тоҷ доранд, аз зери он ба пушти бадан гесу мефарояд. Банди дастонашонро дастмонаҳо оро медиҳанд. Дар тасвири маликаҳо Е. Е. Кузьмина симоҳои олихаҳо Аша ва Аноҳидро мебинад [6, 35-46].

Пайкараҳои хурди суғдии асрҳои VI - IV то м. олиха Аноҳидро бо рухсораи муддавар ва чашмону бинии калон тасвир мекунанд [4, 23-28] (расми 5, аз ҷониби چاپ).

Дар рисола ба забони паҳлавии «Хусрав писари Кубод ва маҳрамбачаи ӯ» (асри VII) аз забони маҳрамбачаи шоханшоҳи Сосонӣ Хусрави Анӯшервон ормони зебоии зан, ки дар муҳити Эрон ва Осиёи Миёнаи давраи тоисломӣ қабул шуда буд, тавсиф гардидааст. Аз байни бонувон нафаре зеботарин дониста мешуд, ки қомати миёна, бадани қайшу чандир, сару гардан ва ронҳои муносиб, рухсораи анорӣ, абрӯвони камоншакл, чашмони бодомӣ, лабҳои сурхи ботароват, дандонҳои сафед, гесуҳои дарози сиёҳ ва ҷилонок, пистонҳои калон (шабеҳи ду себи бихӣ), камари борик, пойҳои кӯтоҳ, кафи пойи гунбазшакл, ангуштони дароз ва нохунҳои сафед дошта бошад [8, 154].

Вале ҳамаи ин сифатҳо бояд дар зан табиӣ мебуданд. Фарҳанги зардуштӣ истифодаи рангубори ороиширо умуман қабул надошт. Мубадон ба мардум вазъ мегуфтанд, ки агар зан рӯй ва дигар узвҳои бадани худро ранг кунад, ба мардумфиребӣ даст мезанад. Чунин шахс дар он дунё ба азияти тоқатнопазири дӯзах дучор мешавад [8, 123].

АДАБИЁТ

1. Авеста // Литература Древнего Востока. Иран, Индия (тексты). – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 4-40.
2. Богомолов, Г. И. Узбекистан / Г. И. Богомолов, А. Э. Бердимуродов // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. 3: Зороастризм и верования маздеистского круга. – Самарканд, 2017. – С. 167-279.
3. Дорошенко, Е. А. Зороастрийцы в Иране (историко-этнографический очерк) / Е. А. Дорошенко. – М.: Наука, 1982. – 133 с.
4. Зеймаль, Е. В. Амударьинский клад: каталог выставки / Е. В. Зеймаль. – Л.: Искусство, 1979. – 96 с.
5. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты / подгот. изд. О. М. Чунакова. – М.: Восточная литература, 1997. – 351 с.
6. Кузьмина, Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц / Е. Е. Кузьмина // Советская археология. – 1979. – № 1. – С. 35-46.
7. Бойс, М. Зороастрийцы. Верования и обычаи / М. Бойс; пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского. – М.: Наука, 1988. – 303 с.
8. Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты. – М.: Восточная литература, 2001. – 206 с. – (Памятники письменности Востока; № 126).
9. Руденко, С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани / С. И. Руденко. – М.: Искусство, 1968. – 136 с.
10. Успенская, А. Зороастризм за 90 минут / А. Успенская. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2006. – 93 с.

ФАРҲАНГИ ЛИБОС ДАР ҚОМЕАИ ЗАРДУШТӢ

Мақола дар заминаи истифодаи сарчашмаҳои хаттӣ (адабиёти динӣ) ва тасвирӣ (тасвирҳои барҷастаи шохону маликаҳо ва мубадон дар деворҳо, сағонаҳо, филизи бадеӣ, пайкараҳои хурди

сафолӣ) хизмат кардаанд. Марчаи таҳқиқотро либосҳои мардонаю занона, ҳамарӯза ва маросимӣ ташкил мекунанд. Муқаддас шуморидани ҷузъҳои алоҳидаи либос, хусусан пирохани судра ва миёнбанди куштӣ таъкид карда шудааст.

Муаллифон ба қадри имкон тавсифи ҳар як намуди либосро аз назари тарҳу сохт ва андозаю ранг баён кардаанд. Инчунин доир ба дигаргуншавии либоси зардуштиён то давраи муосир маълумот дода шудааст. Мавзуи мавриди баррасиро тавсифи ормони зебоии бонуи зардуштӣ ва нақши рангҳои ороишию молидаи барои ноил гардидан ба он мукамал мегардонанд.

Калидвожаҳо: зардуштия, либоси маросимӣ, сарчаишаҳои хаттӣ, санъати тасвирӣ.

КУЛЬТУРА ОДЕЖДЫ В ЗОРОАСТРИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья составлена на основе использования письменных (религиозная литература) и изобразительных (рельефные изображения царей, цариц и жрецов на стенах зданий, оссуариях, художественный металл, статуэтки) источников. Объект исследования составляют мужская и женская повседневная и ритуальная одежда. Указывается на священную сущность рубахи судра и пояса кушти.

Авторы по мере возможности дают характеристику каждого вида одежды в аспектах конструкции и содержания, размеров и цвета. Также приводятся сведения по трансформации зороастрийской одежды. Приведенный материал дополнен описанием идеала женской красоты у зороастрийцев и роль косметических средств в его достижении.

Ключевые слова: зороастризм, ритуальная одежда, письменный источник, изобразительное искусство.

CLOTHING CULTURE IN ZOROASTRIAN SOCIETY

The article is based on the use of written (religious literature) and pictorial (relief images of kings, queens and priests on the walls of buildings, ossuaries, artistic metal, figurines) sources. The object of the study is men's and women's everyday and ritual clothing. The sacred essence of the sudra shirt and kushti belt is indicated.

The author, as far as possible, gives a description of each type of clothing in terms of design and content, size and color. It also provides information on the transformation of Zoroastrian clothing. The given material is supplemented with a description of the ideal of female beauty among the Zoroastrians and the role of cosmetics in achieving it.

Key words: Zoroastrianism, ritual clothing, written source, fine arts.

Маълумот дар бораи муаллифон: Иброҳимов Муродалӣ Файзалиевич - ходими калони илмӣ Шуъбаи таърихи санъати Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониши АМИТ, доктори илмҳои таърих. E-mail: murodali_f@list.ru, тел. 221-72-47. **Муродова Мохрӯ** – унвонҷӯи Донишгоҳи технологияи Тоҷикистон.

Сведения об авторах: Иброҳимов Муродали Файзалиевич - старший научный сотрудник Отдела истории искусств Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ, доктор исторических наук. E-mail: murodali_f@list.ru, тел. 221-72-47.

Муродова Мохрӯ – соискатель Технологического университета Таджикистана.

Information about the authors: Ibrohimov Murodali Fayzalievich - Senior Researcher of the Department of Art History of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Historical Sciences. E-mail: murodali_f@list.ru, тел. 221-72-47.

Murodova Mohru – researcher of the Technological University of Tajikistan.

Расми 1. Рамзи дини зардуштӣ (Фраваши) ва тарҳи судра.

Расми 2. Мубадон дар маросими ибодат. Ганчи Амударё. Бохтар. Асрҳои V - IV то м. Осорхонаи Бритониё, Лондон.

Расми 3. Саҳнаи ибодати бонӯҳои зардуштӣ. Тасвир дар сатҳи матои пашмӣ – рӯйкаи арақчини зин. Пазирӣқ, Олтои Кӯҳӣ. Асрҳои V - IV то м.

Расми 4. Тасвири маликаҳо дар сатҳи лавҳаи заррин ва сипараки ангуштарин. Ганчи Амударё. Асрҳои V - IV то м.

Расми 5. Аз ҷониби чап - пайкараҳои хурди сафолии суғдии олиха Аноҳид ва намунаҳои дасторшакли либоси сари ӯ. Асрҳои I – IV; аз ҷониби рост - ормони зебоии зан дар симои олиха Аноҳид. Нақшҳо дар сатҳи зарфҳои нукрагию зарҳалдори асрҳои IV – VI. Эрон ё Осиёи Миёна.

УДК 745.51(58)"11/15"

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЗЬБА В АРХИТЕКТУРНО-ДЕКОРАТИВНОМ
ИСКУССТВЕ МАВЕРАННАХРА XI–XV ВВ.****СОХИБНАЗАРОВ М. Д.,****Технологический университет Таджикистана**

В архитектурно-декоративной культуре Мавераннахра XI–XV вв. художественная резьба по дереву занимала одно из ведущих мест. Её произведениями украшались как светские (дворцы, общественные и жилые здания), так и культовые сооружения — мечети, мавзолеи, медресе. Резьба применялась преимущественно в оформлении конструктивных и декоративных элементов: фигурных колонн, балок, порталов, дверей, решёток, надгробий-кенотафов, а также настенных панно.

Среди сохранившихся памятников XI–XII вв. особую значимость представляют образцы художественной резьбы Самарканда. Они обнаружены в мечети Куссама ибн Аббаса, а также в руинах сгоревшей мечети на территории древнего Афрасиаба. Комплекс резных элементов из мавзолея Куссама ибн Аббаса (ансамбль Шахи-Зинда) включает трёхглавую консоль, фриз и панно, демонстрирующие высокую степень орнаментальной проработки [10, с. 275].

Находки с Афрасиаба — фрагменты резных архитектурных деталей XI–XIII вв., в том числе часть подбалки длиной 70 см и фрагмент доски площадью 35×25 см — отличаются разнообразием орнаментальных решений. Подбалка украшена двумя горизонтальными рядами растительного орнамента, разделёнными лентой с пунсонами. По краям — чередование трилистников и полупальмет с округлыми лепестками и центральным элементом в форме стручка перца. Второй ряд орнамента представляет собой извивающуюся ленту, из которой прорастают волюты. В узоре доски волютообразные завитки обрамлены двойными линиями, создавая диагональные ленты, по обеим сторонам которых размещены растительные мотивы — трилистники, завитки и другие элементы [9, с. 142–143].

Согласно наблюдениям В. М. Филанович, афрасиабские образцы демонстрируют стилистическое и техническое родство с резными колоннами хивинской Джума-мечети [7, с. 171], подбалками из мазара Чорку в Исфаре и особенно — с колоннами из Оббурдона, Куруда и Урметана в верховьях Зеравшана. В орнаментике урметанской колонны воспроизводится аналогичная лента с переплетающимся узором и характерными растительными заполнениями между его линиями [1, с. 213–214]. Отдельные элементы этих мотивов прослеживаются также в консоли из мазара Мавлоно Мухаммадали (Сангистон) и михрабе из селения Кум [4, с. 343–344; 6, с. 42].

Аналогии к деревянной резьбе Афрасиаба обнаруживаются и в других материалах: в орнаментике штукатурных панелей X–XI вв., а также в резной терракоте XI–XII вв. из мавзолея Ибн Хусейна [9, с. 142–143], что свидетельствует о распространённости единой художественной традиции, охватывающей несколько видов ремесла.

Колонна из Урметана, датированная В. Л. Ворониной XI–XII вв., хранилась в мазаре сеида Абуль-Касима Гургани и, вероятно, была перенесена из утраченной соборной мечети. Нижняя часть стержня не сохранилась, поэтому колонна была установлена капителью вниз. Импост украшен резной лентой с петлеобразными элементами, а углы — рельефными изображениями петушиных головок с детальной передачей анатомических черт. Капитель обрамлена поясом из крупных кружков, под которыми помещены фигуры рыб с реалистично проработанными формами. Сам стержень колонны расширяется кверху, на нём в виде скульптурных консолей изображены стилизованные совы — вероятная трансформация полочек в декоративный элемент [1, с. 213–214].

Изображения рыб вполне реалистичны, хотя их тела изогнуты и переплетены, особенно отчетливо переданы формы головы и хвоста. Одна из отличительных особенностей урметанской колонны в сравнении ее с другими такими находками из верховьев Зеравшана заключается в том, что стержень колонны из Урметана расширяется кверху. На стержне в виде консолей вырезаны скульптурные стилизованные изображения сов. Эти консоли представляются трансформацией полочек, превращенных в декоративную деталь [1, 213–214].

Замечательные образцы резного дерева XI - XII вв. в виде двери и двух колонн сохранились в ягнобском селении Сокан. Одна из этих колонн выполняла роль столба в айване мазара [11].

В целом, на начальных этапах развитого средневековья в долине Зеравшана искусство художественной резьбы по дереву находило широкое применение, как в городах, так и в селениях, в том числе отдаленных и труднодоступных.

Колонна из Рарза датирована В. Л. Виноградовой XVв., хотя она не исключает и конец XIV в. Основанием для такого ее заключения служит схематизированная форма, сухой и простой орнамент колонны [1, 219], что наблюдается в прикладном искусстве Средней Азии после монгольского завоевания.

Колонна и подбалка XI - XII вв. из мазара Мавлоно Шамсуддина (в селении Пасруд Айнинского района Таджикистана) имеют резные узоры разного вида. Подбалка имеет большие размеры (1,68 х 32 см) и трехступенчатую форму. Лицевая и нижняя ее стороны оформлены низкой резьбой, воспроизводящей крупный геометрический узор старинного вида. Отдельные детали узора по форме воспроизводят кувшины, расположенные внутри розеток.

Резное оформление концов подбалки хотя геометрическое, но напоминает головы горных козлов. Колонна и ее капитель вырезаны целиком из одного дерева. На каждой из четырех сторон капители резьба воспроизводит косой крест, переходящий внизу в арку. Выше от креста резьбой изображены три розетки, между которыми расположены кружки. Такие же кружки заполняют внутреннее поле арки и площадь под ней. Еще ниже размещены крупные растительные формы

в виде листьев инжира. На колонне резьба покрывает лишь верхнюю половину высотой 1,4 метра [4, 234-235].

На мазаре Мавлоно Мухаммадали (в селении Сангистон Айнинского района Таджикистана) сохранились фрагменты подбалок и фриза X - XII вв., которые благодаря своему резному украшению являются образцами превосходного художественного дерева. Резной узор фриза представляет собой цепочку из форм наподобие буквы «у», нижние концы которых поочередно уходят направо и налево. За счет введения дополнительных завитков нижняя граница этих форм образует лежащие S-образные формы [4, 343-344].

В мавзолее Хазрати Мулло в ягнобском селении Сокан сохранилась дверная доска, изготовленная в XII в., на ней углубленный (12 мм) резной узор напоминает листья.

Резное дерево широко применялось в изготовлении надгробных сооружений. Замечательным резным оформлением характеризуется деревянный надгробный памятник такого вида в худжандском мавзолее Шейха Муслихиддина.

Исследователь М. А. Рузиев предпочитает все обнаруженные образцы художественного дерева IX - XII вв. считать продуктами единой художественной школы. Анализируя резные композиции этих произведений, он приходит к выводу, что орнамент по сравнению с предыдущим (раннесредневековым) периодом становится более условным и более стилизованным. Орнаментальные детали весьма разнообразны, среди них фигуры миндалевидной и S-образной формы, сердечки, листья, трех- и четырехлепестковые цветы, астральные символы (солярные круги, свастика), прямоугольники и ромбы, чешуи и др. Есть и изображения живых существ (рыб, птичьих головок, фантастических существ и т.п.), в чем отражается связь с искусством доисламского времени.

Однако такие изображения уже теряют самостоятельный характер. Подвергнутые глубокой стилизации, они принимают самые причудливые формы и силуэты и находятся в строгом подчинении орнаментальным композициям. Порой очень сложно выяснить, что именно хотел изобразить художник-резчик - живое существо или орнаментальный мотив.

Часто мотив орнамента, имеющий по идее декоративную функцию, принимает форму разных частей живых существ (рыб, змей, птиц, животных) - их чешуи, крыльев, хвостов, рогов и т.п. Примером такого случая может служить колонна из селения Куруд и опиравшиеся на нее консоли (насечки в виде чешуек рыб и резьба в виде рыбьего хвоста).

Что касается техники резьбы, она сохранилась такой же, как и в средневековье - глубокой без фона, плоским рельефом, а в отдельных случаях - горельефной [8, 16-17].

Во времена правления династии Тимуридов сфера применения художественного дерева сохранилась такой же, что и прежде. Выдающимися произведениями орнаментального искусства являются деревянные кенотафы из мавзолеев XIV - XV вв. Сайфиддина Бохарзи и Чашмаи Аюб в Бухаре, Шейха Муслихиддина в Худжанде и Саид Ахмада Бешира (между Шахрисабзом и Самаркандом) [5, 93-95].

Мастер, изготовивший деревянный кенотаф для мавзолея Сайфиддина Бохарзи (первая половина XIV в.), пользовался техниками от низкого барельефа до горельефа. Кенотаф характеризуется значительными размерами, его оформление - изяществом. На одной из его сторон поверхность разбита на пять панно.

Панно посередине оформлено пятилопастной аркой, края которой опираются на фигурные колонки. Выше арки внутри прямоугольника выполнена арабская надпись. Площадь панно сплошь заполнена тончайшими плетениями. Такие плетения занимают всю площадь узких крайних панно. Два панно, расположенные по две стороны от срединного, заполнены одинаковым геометрическим орнаментом.

Здесь система шестиугольников и тюльпановидных фигур сочетаются с восьмиконечными звездами. Поле фриза, идущего по всей длине поверх пояса панно, украшено горизонтальным рядом примыкающих друг к другу восьмиугольников. В резьбе на другой стороне надгробия, также геометрически оформленной, много арабесок и листвы. Выделен прямоугольник внутри панно, разбитый на шестнадцать ячеек. Каждую ячейку занимают два concentрических восьмиугольника [3, 117-118].

На деревянном надгробии из мавзолея Чашмаи Аюб в главном поле композиции сложное плетение ленты образует систему пятиконечных звезд, равносторонних и неправильных шестиугольников, расположенных вокруг большого восьмиугольника. Движение двухполосной ленты уверенное, размашистое. Горизонтальное панно с шестнадцатиячеечным прямоугольником, тянущееся под главным, такой же, что и на кенотафе из мавзолея Сайфиддина Бохарзи [3, 122].

Богато орнаментированные резные двери сохранились в мавзолеях Шахи Зинда (XIV в.), Кусамы ибн Аббаса (XIV в.) Гури Мир (начало XV в.) в Самарканде, Гунбази Сайидон (XV в.) в Шахрисабзе, медресе Улутбека (начало XV) и Кукельдаш (XVI в.) в Бухаре, Ходжа Ахмада Яссави в г. Туркестане (два комплекта). Их общая черта заключается в том, что обе створки украшали одинаковой резьбой и на каждой створке по вертикали находилось три панно. Верхнее и нижнее панно имеют квадратную фому, срединное - прямоугольную, как правило, вертикально вытянутую.

Обе двери из мавзолея Ходжа Ахмада Яссави (ведущая из Ханаки в мавзолей и входная в мечеть) изготовлены в самом конце XIV в. (1394-1395 и 1397 гг.). На них зафиксировано и имя мастера - Иззатдин. На входной двери в мечеть верхние панно на створках содержат надписи. В центральном панно вырезана семилопастная арка, посередине - сложный, вытянутый по вертикали, медальон с богатым и тончайшим растительным плетением. Орнамент выполнен резьбой высокого плана на растительном фоне, представленного плоским рельефом. Орнаментация рам осуществлена за счет восьмиконечных звезд и удлиненных медальонов, поля внутри которых заполнены тончайшей резьбой [3, 122].

Орнаментация дверей из мавзолея Шахи-Зинда представляет образец пикового развития художественного дерева. Изготовлены они в 1398 г. [2, 24]. Срединное панно содержит резную композицию из выющихся побегов и стилизованных ли-

стьев. Окаймления представлены несколькими орнаментальными полосами из рядов двулистиков, вытянутых шестиугольников и других мотивов. Сложная композиция из тончайших узоров украшает раму, к которой плетения образуют медальоны и другие изящные мотивы.

Оригинальная композиция, не встреченная прежде в художественном дереве, использована в декоре двери из мавзолея Гури Мир. Резьбой высокого плана показан пышный букет, который поднимается изнутри вазы [12, 57].

1417-1420 гг. датируется сохранившаяся резная дверь из самаркандского медресе Улугбека.

Среди экспонатов Ташкентского исторического музея есть две резные колонны этого периода, обнаруженные М. Е. Массоном в г. Туркестане (расположен в Казахстане). Более крупный образец изготовлен в середине XIV в. (7 апреля 1352 г.). На второй колонне, изготовленной в 1471 г., имеется резная декоративная каемка с изображением стилизованных птичек [3, 122].

Приведенные выше примеры подчеркивают важное место художественного дерева в зодчестве XI – XV вв. Наряду с этим, письменные источники позволяют составить некоторое представление об этнической составляющей мастеров, которые принимали участие в строительстве и декоре памятников архитектуры того периода. Так, в становлении замечательной архитектуры Тимуридов внесли свой вклад, как местные мастера, так и иноземные зодчие, насильно переселенные в Самарканд и другие города Мавераннахра. При этом наибольшее значение имел творческий труд местных мастеров, по большей части таджиков, о чем свидетельствуют следующие заметки в «Равзат ус-сафо» историка Мирхонда: «После умиротворения эмиром Тимуром страны Мавераннахр, таджики, будучи ремесленниками и созидателями, снова добились расцвета городов и построили прелестные здания ... Областями Хорасана и Мавераннахра управляли таджики и города процветали благодаря их стараниям... Благодаря стараниям таджиков здания страны были украшены и в города вернулось процветание».

Таким образом, рассматриваемый период в истории Средней Азии можно рассматривать как очередной этап в развитии искусства художественного дерева. Сохранившиеся памятники свидетельствуют о высоком уровне отрасли и высокой квалификации художников - резчиков по дереву. В письменных источниках есть сведения о роли конкретных народов в развитии архитектуры Мавераннахра эпохи Тимуридов, которые подчеркивают, что в благоустройство и расцвет городов основной вклад внесли таджикские мастера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронина, В. Л. Резное дерево Зеравшанской долины / В. Л. Воронина // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. 1: 1946–1947 гг. – М.–Л., 1950. – С. 210–220.
2. Вяткин, В. Л. Памятники древностей Самарканда / В. Л. Вяткин. – Самарканд: Прогресс, 1927. – 32 с.
3. Денике, Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии / Б. П. Денике. – М.–Л.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1939. – 227 с.
4. Исаков, А. И. Археологическая карта Таджикистана. Верховья долины Зеравшана (Горно-Матчинский, Айнинский и Пенджикентский районы). Ч. 1–3 / А. И. Исаков, Ю. Я. Якубов, Г. Р. Каримова. – Душанбе, 2020. – 360 с.

5. Маньковская, Л. Деревянный кенотаф XV в. из кишлака Бешир / Л. Маньковская // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1969. – № 8–9. – С. 93–95.
6. Мухтаров, А. М. Резьба по дереву в долине Зеравшана (Альбом средневековых орнаментов) / А. М. Мухтаров. – М.: Наука, 1966. – 72 с.
7. Ремпель, Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана / Л. И. Ремпель. – Ташкент, 1961. – С. 95–102.
8. Рузиев, М. А. Искусство таджикской резьбы по дереву (конец XIX – XX вв.) / М. А. Рузиев. – Душанбе: Дониш, 1976. – 125 с.
9. Филанович, М. И. Резное дерево из раскопа в северной части Афрасиаба / М. И. Филанович // Афрасиаб (сборник статей). Вып. 4. – Ташкент: Фан, 1975. – С. 135–143.
10. Филимонов, В. М. Древнее резное дерево из комплекса Кусамы ибн Аббаса в ансамбле Шахи-Зинда / В. М. Филимонов // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 1. – Ташкент, 1962. – С. 55–64.
11. Хромов, А. С. С репортером по Ягнобу / А. С. Хромов // Комсомолец Таджикистана. – 1964. – 11 октября.
12. Якубовский, А. Ю. Самарканд при Тимуре и Тимуридах / А. Ю. Якубовский. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1933. – 68 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЗЬБА В АРХИТЕКТУРНО-ДЕКОРАТИВНОМ ИСКУССТВЕ МАВЕРАННАХРА XI–XV ВВ.

Статья составлена на основе изучения сохранившихся в регионе памятников художественного дерева, которые находили применение в качестве строительных и декоративных элементов дворцов, общественных и жилых зданий, сооружений религиозного назначения. Резное дерево широко применялось в изготовлении фигурных колонн, балок, ворот, дверей, решеток, надгробий-кенотафов, декоративных панно и др.

Рассматриваемый период в истории Средней Азии можно рассматривать как очередной этап в развитии искусства художественного дерева. Сохранившиеся памятники свидетельствуют о высоком художественном уровне отрасли и отличной квалификации художников - резчиков по дереву. В письменных источниках есть сведения о роли конкретных народов в развитии архитектуры Мавераннахра второй половины XIV – XV вв., которые подчеркивают, что в благоустройство и расцвет городов основной вклад внесли таджикские мастера.

Ключевые слова: *Средняя Азия, Мавераннахр, средневековье, материальная культура, ремесло, дерево, художественная резьба, фигурная колонна, балка, надгробие, орнамент.*

ARTISTIC WOOD CARVING IN THE ARCHITECTURAL AND DECORATIVE ART OF MAVERANNAHR IN THE 11TH–15TH CENTURIES

This article was compiled on the basis of the study of the arts that have survived in the region, which found the use of palaces, public and residential buildings, and religious structures as construction and decorative elements. The carved tree was widely used in the manufacture of curly columns, beams, gates, doors, sieves, tombstones of cenotaphs, decorative panels, etc. The period under consideration in the history of Central Asia can be considered as the next stage in the development of art of artistic tree.

The surviving monuments indicate a high artistic level of the industry and excellent qualifications of artists - woodcarvers. In written sources there is information about the role of specific peoples in the development of the architecture of the Maverannahr in the second half of the 14th – 15th centuries, which emphasize that tajik masters made the main contribution to the improvement and heyday of cities.

Key words: *Central Asia, Maverannahr, Middle Ages, material culture, craft, wood, art carving, figured column, beam, tombstone, ornament.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Соҳибназаров Мирзоназар Давлатович - номзади илмҳои таърих, мудири кафедраи таърихи либос ва санъати мӯди Донишгоҳи технологияи Тоҷикистон. Тел. (+992) 927-79-20-43. E-mail: mirzonazar.1970@mail.ru

Information about the author: Sohibnazarov Mirzonazar Davlatovich - candidate of historical sciences, head of Department History of Costume and Art of Fashion of Technological University of Tajikistan. Tel. (+992) 927 – 79-20-43. E-mail: mirzonazar.1970@mail.ru

УДК 94(575)"1924/1991": 323.1

ФОРМИРОВАНИЕ ТАДЖИКСКОЙ ССР И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

УБАЙДУЛЛО Н. К.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

История образования Таджикской Советской Социалистической Республики (Таджикской ССР) — это один из ключевых и неоднозначных этапов в развитии таджикского народа. Включение республики в состав Союза Советских Социалистических Республик в 1929 году ознаменовало не только политическую трансформацию, но и глубокие изменения в социальной, экономической и культурной сферах. Этот период оказал значительное влияние на формирование современной государственности Таджикистана, систему образования, развитие национальной идентичности и общественных институтов.

Однако наследие советской эпохи до сих пор остается предметом дискуссий. Для одних она стала временем бурного развития и модернизации, для других — символом внешнего контроля и ограниченной самостоятельности. Особенно остро этот вопрос проявляется в сфере образования, которая в советское время претерпела масштабные реформы. Именно образовательная политика советской власти заложила основу современной системы обучения в Таджикистане, но одновременно привела к ряду проблем, последствия которых ощущаются до сих пор.

В данной статье рассматриваются ключевые аспекты становления системы образования в Таджикской ССР, ее достижения и трудности, а также влияние советской образовательной политики на современное развитие республики.

Сегодня, анализируя 74-летнюю историю советской эпохи, можно констатировать, что в действительности она является особым периодом в истории народов центральноазиатского региона в целом, а таджикского народа в частности. Этот исторический период, характеризующийся крайне сложными процессами, спустя несколько десятилетий привёл к значительным трансформациям в социальной, политической и духовной сферах жизни народов региона, которые не всегда носили положительный характер. И сегодня, спустя тридцать четыре года после развала Советского государства нет единой позиции по оценке советской эпохи, а в неко-

торых постсоветских государствах она считается колониальной и ассоциируется с периодом второй половины XIX века.

В Республике Таджикистан, которая с 1924 по 1991 год являлась неотъемлемой частью советского общества, также нет единого взгляда на историю советской эпохи. Одни считают этот период «золотым», другие – «колониальным», третьи – в основном представители общественных наук, обрисовывают историю этого периода со всеми его позитивными и негативными последствиями.

Таджикская Советская Социалистическая Республика просуществовала всего 62 года. Это не такой большой срок по сравнению с тысячелетней историей таджикского народа, но это был определяющий и решающий период для таджиков с точки зрения его статуса и роли.

Таджикская Советская Социалистическая Республика, официально образованная 16 октября 1929 года, стала седьмой по счету союзной республикой СССР. В этот день III Чрезвычайный Всетаджикский съезд Советов принял Декларацию, в которой закреплялось преобразование Таджикской АССР в союзную республику. В документе было указано:

«1. Верховной волею трудящихся Таджикистан преобразуется из Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Советскую Социалистическую Республику в составе Автономной области Горного Бадахшана и округов: Ходжентского, Ура-Тюбинского, Гиссарского, Гармского, Курган-Тюбинского, Кулябского и Пенджикентского.

2. Добровольно войти в Союз Советских Социалистических Республик на правах полноправного члена и на основах Декларации Первого Съезда Союза Советских Социалистических Республик.

3. Таджикская Советская Социалистическая Республика обеспечивает братское сожительство трудящихся всех населяющих ее национальностей, политический, хозяйственный и культурный рост этих национальностей» [2].

5 декабря 1929 года сессия ЦИК СССР приняла постановление о распространении Договора об образовании Советского Союза на Таджикскую ССР. Впоследствии VI съезд Советов СССР утвердил данное решение, тем самым окончательно закрепив вхождение Таджикской ССР в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Как следует из архивных документов, Таджикистан изначально был сформирован в статусе автономной республики в результате национально-территориального размежевания Средней Азии, проведенного в 1924 году. Основной причиной столь радикального административного разделения стало несоответствие границ ранее существовавших в регионе республик – Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик – национально-этническому составу населения. Эти государственные образования, возникшие после установления советской власти на основе дореволюционного административно-территориального деления, не отражали реальной этнической структуры региона.

Советская политика в сфере национальных отношений была направлена на балансировку межэтнических противоречий, что в определенной мере снижало напряженность, но не устраняло ее полностью. В связи с этим возникла концепция

национального самоопределения народов Средней Азии, предусматривавшая создание новых национально-территориальных образований.

В результате 27 октября 1924 года вторая сессия ЦИК СССР, «исходя из ясно выраженной воли народов Средней Азии», удовлетворила ходатайство ЦИК Туркестанской АССР, а также V Всебухарского и V Всехорезмского курултаев Советов. Тем самым она утвердила решение второй сессии ЦИК РСФСР о проведении национального размежевания и создании новых советских социалистических республик и автономных областей. Это решение окончательно закрепило процесс территориального переустройства региона на основе национального принципа [4, 373].

Таджикская АССР была сформирована преимущественно на территориях Восточной Бухары и верховьев Зарафшана, где основное население составляли таджики. Однако автономная республика не охватывала все районы с преобладанием таджикского населения, а включала главным образом горные регионы, ранее входившие в состав Туркестанской и Бухарской республик. Общая площадь республики составляла 135 620 км², а численность населения – 739 503 человека.

В результате административного перераспределения в Таджикскую АССР было переселено 135 666 человек (2, 6 % населения) из Туркестанской АССР и 603 838 человек (27 %) из Бухарской НСР, из которых таджики составляли 65, 4 % (по другим данным – 78, 38 %) [4, 374–375]. Согласно официальному отчету о политических, экономических и культурных достижениях республики за 1926–1927 годы, её площадь к этому времени составила 134 882 км², а численность населения на 1 апреля 1927 года достигла 831 180 человек, из которых 72, 02 % были таджиками [19].

В территориальный состав республики вошли Душанбинский, Гармский, Курган-Тюбинский и Кулябский вилояты, а также Каратагский туман Сары-Ассийского вилоята, ранее принадлежавшие Бухарской НСР. От Туркестанской АССР были переданы Ура-Тюбинский (Истаравшанский) и Пенджикентский вилояты. В январе 1925 года в состав Таджикской АССР также была включена Памирская область, позднее переименованная в Горно-Бадахшанскую автономную область. Официальное провозглашение образования Таджикской АССР состоялось 1 декабря 1926 года на I Учредительном съезде Советов.

После национально-территориального размежевания Средней Азии Таджикская АССР на протяжении пяти лет оставалась частью Узбекской ССР. При этом значительная часть таджикской интеллигенции, а также крупные таджикские общины, проживавшие в исторических центрах таджикской культуры – Бухаре, Самарканде, Худжанде и Канибадаме, оказались за пределами республики. Таджикская республика оказалась самой слабой среди всех среднеазиатских республик, поскольку в результате национально-территориального размежевания ей досталась не только небольшая граница, но и очень малая доля в общем богатстве. Финансовые и материальные достижения Узбекистана в этом распределении были в 2, 5 раза выше, чем в целом по другим республикам региона [4, 466]. Кроме того, на территории Узбекистана оставалось 83 % всех промышленных предприятий Средней Азии [4,

466], в том числе промышленных предприятий Северного Таджикистана до 1929 года.

Создание Таджикской автономной республики, несмотря на ограничение прав таджикского населения в процессе национального самоопределения, допущенные ошибки и отклонения при демаркации государственных и административных границ, а также утрату возможности объединения всех таджикских территорий, вследствие чего значимые исторические, экономические и культурные центры остались за пределами республики, стало судьбоносным событием для таджикского народа. Именно образование Таджикской АССР заложило основы для пробуждения национального самосознания таджиков, а также способствовало развитию культуры, литературы, науки и системы образования.

В сентябре 1929 г. Худжандский округ, население которого составляло 250 800 человек и который занимал ведущие позиции в экономическом и культурном развитии по сравнению с другими регионами республики, был присоединен к Таджикской АССР. В результате включения данного округа территория Таджикистана увеличилась до 142, 5 тыс. км², а численность его населения превысила 1 миллион 150 тысяч человек, из которых 72 % составляли таджики. Хотя общая численность таджиков в Вароруде составляла примерно 3 400 000 человек (1, 3 млн. в Туркестане и 2, 1 млн. в Бухарском эмирате) [10, 76], в Советский Таджикистан вошли лишь 720 108, или примерно 21, 2% таджиков региона.

Таким образом, присоединение округа считалось еще одним серьезным шагом на пути к образованию союзной республики, оно дополнило все критерии преобразования Таджикской автономной республики в Советскую Социалистическую Республику.

Учитывая складывающиеся условия, руководство Таджикистана поставило перед высшим руководством Советского Союза вопрос о выходе Таджикистана из Узбекистана и преобразовании его в союзную республику. В письме в Политбюро ЦК Среднеазиатской Республики, подписанном всеми членами обкома партии Таджикистана, подчеркивалось, что настали время и условия для объединения всех таджиков Средней Азии [4, 473-474].

В июне 1929 года высшие государственные органы Советского Союза одобрили предложение о преобразовании Таджикской АССР в союзную республику. В официальных документах отмечалось, что Таджикистан «существенно отличается от Узбекистана своими экономическими, национальными и географическими особенностями. 11 сентября 1929 года на II сессии ЦИК Советов Таджикской АССР был рассмотрен вопрос о социально-экономическом и культурном развитии республики, а также её дальнейших перспективах. По итогам обсуждения было принято решение о необходимости выхода автономной республики из состава Узбекской ССР» [18, 217].

В период с 1924 по 1929 годы в Таджикистане произошли значительные преобразования. Республика успешно завершила восстановление народного хозяйства, добившись определённых успехов в развитии сельского хозяйства и повышении его товарности. Комплекс социальных мероприятий, проведённых правитель-

ством, способствовал росту политического и культурного уровня трудящихся, а также активному формированию национальных кадров.

Превращение Таджикской АССР в союзную республику обеспечивало более эффективное и целенаправленное партийное и государственное руководство процессами социалистического строительства с учётом особенностей региона. Это также давало возможность рационального использования, как собственных бюджетных ресурсов, так и дотационной поддержки со стороны союзного правительства.

Однако при решении территориального вопроса в 1929 году, сопровождавшем выход Таджикской АССР из состава Узбекской ССР, были допущены те же ошибки, что и в период национально-территориального размежевания:

во-первых, в результате окончательного территориального оформления Таджикистан превратился преимущественно в горную страну, где 93 % территории занимали горные районы [1, 572].

во-вторых, экономически развитые регионы, в частности Самаркандская, Бухарская и Ферганская области, в которых преобладало таджикское население, остались за пределами республики. При этом в территориальных спорах использовался спекулятивно трактуемый тезис об экономическом тяготении, который не подкреплялся достоверными расчётами.

в-третьих, ошибочная национальная политика большевиков привела к тому, что значительная часть таджикского народа осталась без собственного национального государства, а миллионы таджиков не получили даже автономии в рамках Узбекской ССР [7, 84]. Более того, создание Таджикской ССР на территории Восточной Бухары и включение Ходжентской области не оказало значительного влияния на этнополитическую ситуацию и не способствовало консолидации таджикской нации [1, 573].

в-четвертых, после установления Советской власти и формирования Туркестанской АССР и БНСР таджикский язык подвергся значительным ограничениям, а государственным языком в данных республиках был объявлен тюркский. Это нанесло серьёзный удар по таджикской культуре, как одной из коренных национальных культур региона. Согласно решению первого съезда Коммунистической партии Туркестана (17–25 июня 1918 г.) и постановлению ЦИК Туркестанской АССР (от 14 июля 1918 г.), наравне с русским государственным языком стал местный преобладающий язык (узбекский и киргизский). Впоследствии, 11 марта 1921 года, решением СНН БНСР тюркский язык был официально признан государственным на территории республики [13, 203].

Не было принято во внимание, что таджики являются в Средней Азии единственным народом индоевропейской расы, что они носители того же языка, который является государственным языком в Афганистане, Иране, что на нем говорят многие миллионы людей в Индии, Пакистане, Китае, что этот язык был и остается языком науки, поэзии, литературы почти во всех странах Востока [8, 87];

в-пятых, политика новой власти в отношении таджиков и таджикского языка особенно ярко проявилась в процессе формирования советской системы образования и открытия новых школ. Несмотря на то, что 12 декабря 1918 года

Туркнаркомпрос принял постановление, согласно которому детям предоставлялось право получать образование в национальных школах на родном языке [6, 172], в северных районах современного Таджикистана, которые до 1924 года входили в состав Туркестанской АССР, не было ни одной таджикской школы.

Статистические данные свидетельствуют, что на 1 апреля 1924 года из 447 школ ликбеза, функционировавших в Туркестанской АССР, 214 были узбекскими, 75 – киргизскими, 39 – туркменскими, 109 – русскими, тогда как для таджиков не было открыто ни одной образовательной организации [15, 55]. Таким образом, несмотря на масштабные преобразования в сфере образования и создание единой советской системы обучения в среднеазиатских республиках – Туркестанской АССР и БНСР – национальные интересы таджикского народа практически не были учтены. Образовательная политика преимущественно ориентировалась на тюркские народы региона, что способствовало их развитию в ущерб таджикскому языку и культуре [14, 38-39].

в-шестых, Таджикская АССР в составе Узбекской ССР также не была свободным и полноправным субъектом. По словам академика Р. Масова правительственные учреждения союзной республики «использовали вхождение Таджикистана в состав своей республики для ущемления экономических и культурных интересов таджикского народа, особенно в вопросах подбора кадров» [9, 5]. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон подчеркивал, что после образования Таджикской АССР «вновь возросла активность врагов таджикского народа. Они возвысили голос против создания Республики Таджикистан и беззастенчиво отрицали существование таджикского народа, его языка и литературы» [17, 121].

Политический, правовой и культурный статус таджиков вернулся в исходное русло лишь после образования Таджикской ССР. Статус, правовое и культурное положение таджиков, проживающих за пределами Таджикистана, что является отдельной темой, обсуждались в письме таджикских ученых и писателей на имя Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 2 марта 1989 года [10, 106-116]. В этом письме отмечалось: «Национально-территориальное размежевание Средней Азии стало важной вехой в истории народов региона, но этому большому событию была свойственна сложная противоречивость – необоснованность и половинчатость некоторых решений, фальсификация и незаконные насильственные действия, явная национальная несправедливость» [10, 106]. По справедливому замечанию академика В. В. Бартольда, «национальный принцип был совершенно чужд местным историческим традициям» [3, 165]. Действительно, создание на территории Средней Азии национальных республик явилось результатом перенесения на местную почву европейских принципов государственного устройства [16, 166].

Но, независимо от этого, Таджикская Советская Социалистическая Республика занимает важное место в истории таджикского народа своими невероятными экономическими, социальными и культурными достижениями. Именно в этот период и в кратчайшие сроки Таджикистан из отсталого уголка региона превратился в передовую аграрно-промышленную республику. В советское время промышленность Таджикистана насчитывала более ста отраслей и около 400 крупных предприятий. Всего за 25 лет (1960-1985) на территории республики было построено и

введено в эксплуатацию более 300 промышленных предприятий, среди них такие крупные промышленные предприятия, как Регарский алюминиевый завод, Яванский электрохимический завод, Вахшский завод азотных удобрений [5, 253].

Повысились темпы развития в экономике республики, как части единого народного хозяйственного комплекса Советского Союза, особенно в энергетике, машиностроении, химической, горнодобывающей, легкой и пищевой промышленности, а также хлопководстве. Только за 1960-1985 годы производство электроэнергии в Таджикистане увеличилось в десять раз. В 1979 году с вводом в эксплуатацию Нурекской ГЭС производство электроэнергии в республике за год увеличилось до 12 млрд. кВт. часов. К середине 1980-х годов промышленность Таджикистана производила различную промышленную продукцию, которая помимо регионов Советского Союза экспортировалась в 50 зарубежных стран [12, 171]. С преобразованием сельского хозяйства полностью изменился социальный облик сельской местности страны, связанный с освоением новых земель, организацией передовой ирригационной системы, применением новой техники и новых методов земледелия. Выращивание хлопка и других культур процветало, уже в 1966 году Таджикистан произвел 631 тысячу тонн хлопка и 228 тысяч тонн пшеницы, а в 1980 году в Таджикистане было собрано более 1 млн. тонн хлопка. Структура валового внутреннего продукта республики в 1987 г. была следующей: промышленность - 52, 9 %, сельское хозяйство - 18, 4 %, транспорт и связь - 37, 7 %, строительство - 8, 5 %, остальное приходилось на торговлю и другие отрасли [12, 220].

Одним из важнейших достижений советской эпохи и советского Таджикистана является культурное преобразование и развитие народного образования. Советская система образования считалась одной из самых передовых систем воспитания и обучения в мире. В частности, ликвидация неграмотности в кратчайшие сроки на территории большой страны является уникальным историческим опытом. Первые советско-таджикские школы были созданы сразу после образования республики Таджикистан [13, 206-207]. В 1964 г. в республике насчитывалось уже 2750 общеобразовательных учреждений, в которых обучалось 500 тыс. учащихся. В этот период в средних и высших профессиональных учебных заведениях республики обучалось 47 тысяч учащихся. В 1966 году в Советском Таджикистане функционировали 7 высших школ, в которых обучались 34 687 учащихся, и 32 средних профессиональных учебных заведения. В 1970 году в Академии наук и других научных учреждениях республики насчитывалось 5000 научных сотрудников, в том числе 102 доктора наук и более 1000 кандидатов наук.

Период существования Таджикский ССР является коротким историческим этапом, но периодом возрождения таджикского народа. Следуя своим вековым традициям, таджики превратили отсталый регион в цветущую развитую страну с передовой культурой и знаниями. Конечно, и в советское время были свои изъязны и недостатки, как и в любом другом историческом периоде, но, несмотря на это, таджикская нация, наряду с ее передовой экономикой и развитой культурой, смогла организовать совершенно новый национальный и духовный облик и цивилизованный уклад жизни. «Наша страна, - отметил Президент республики Эмомали Рахмон, - 70 лет входила в состав Советского Союза и, в отличие от стран исламского

Востока, приняла многие принципы цивилизованного общества и вела светский образ жизни» [17, 141].

О политических, экономических, социальных, научных и культурных достижениях периода существования Таджикской ССР проведены и будут проводиться сотни исследований различного уровня. Но ясно одно, когда в начале прошлого века под угрозой исчезновения оказались существование таджикской нации и ее языка, появление Таджикистана на политической карте мира стало поистине историческим событием, и, как следствие, крупнейшей победой таджикского народа стало провозглашение Таджикистана в 1991 году независимой республикой.

Советский период оставил неизгладимый след в истории Таджикистана, особенно в области образования и науки. За сравнительно короткий срок республика прошла путь от региона с высокой неграмотностью до центра, обладающего разветвленной сетью образовательных учреждений, научных институтов и передовых специалистов. Именно в это время были заложены основы современной системы образования, подготовлены тысячи учителей, ученых и культурных деятелей, сформирована интеллектуальная элита республики.

Несмотря на противоречивость оценок советской эпохи, несомненным остается тот факт, что она стала важным этапом в становлении таджикского народа как единой нации с развитой культурой и системой знаний. Хотя в советском государственном устройстве имелись свои недостатки, его образовательная и культурная политика во многом способствовала подъему Таджикистана, его интеграции в мировое сообщество и формированию современного национального самосознания.

Сегодня, анализируя уроки прошлого, важно учитывать как достижения, так и трудности советской эпохи, извлекая из них полезные уроки для будущего. Провозглашение независимости Таджикистана в 1991 году стало логическим продолжением исторического пути, начатого еще в годы Советской власти. Это событие ознаменовало новую страницу в развитии страны, позволяя таджикскому народу самостоятельно определять свое будущее, опираясь на богатый исторический опыт и достижения прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобохонов, Р. С. Эволюция этно-региональных кланов в Таджикистане (XX в.) / Р. С. Бобохонов // Право и политика. – 2012. – № 3 (147). – С. 570–582.
2. Декларация об образовании Советской Социалистической Республики Таджикистан // Коммунистический Таджикистан. – 2009. – № 6 (август).
3. Бартольд, В. В. Записка по вопросу об исторических взаимоотношениях тюркских и иранских народностей Средней Азии / В. В. Бартольд // Восток. – 1991. – № 5. – С. 165–167.
4. История таджикского народа. Т. 5: Новейшая история (1917–1941) / под общ. ред. акад. Р. М. Масова. – Душанбе: Империял-Групп, 2004. – 752 с.
5. История таджикского народа. Т. 6: Новейшая история (1941–2010) / под общ. ред. акад. Р. М. Масова. – Душанбе: Империял-Групп, 2011. – 688 с.
6. Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917–1924 гг.). Сб. документов. Т. 1. – Ташкент, 1973. – 573 с.
7. Масов, Р. Таджики: вытесненные и ассимиляция / Р. Масов. – Душанбе: Ирфон, 2003. – 175 с.
8. Масов, Р. Таджики: история национальной трагедии / Р. Масов. – Душанбе: Ирфон, 2008. – 536 с.
9. Масов, Р. Образование таджикской советской государственности – правовая основа независимости Республики Таджикистан / Р. Масов // Научно-теоретическая конференция, посвященная 20-летию независимости Республики Таджикистан. Материалы конференции. – Душанбе, 2011. – С. 3–7.

10. Шакурии Бухорой, М. Пантуркизм ва сарнавишти таърихии тоҷикон / Муҳаммадҷони Шакурии Бухорой. – Душанбе: Адиб, 2012. – 304 с.
11. Олимов, М. В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии / М. Олимов // Восток. – 1991. – № 5. – С. 162–165.
12. Таджикистан: 1000 ответов на один вопрос / сост. А. Каххаров. – Душанбе: Ирфон, 1990. – 352 с.
13. Убайдуллоев, Н. Историография народного образования Таджикистана (вторая половина XIX – первая половина XX вв.) / Н. Убайдуллоев. – Душанбе: ДДОТ, 2016. – 410 с.
14. Убайдуллоев, Н. Становление советской системы народного образования Таджикистана в отечественной историографии / Н. Убайдуллоев. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 176 с.
15. Шукуров, М. Р. История культурной жизни Советского Таджикистана (1917–1941 гг.) / М. Р. Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 494 с.
16. Шустов, А. В. Центральная Азия: особенности этнодемографического и социального развития в советский период / А. В. Шустов // Центральная Азия. Человек – общество – государство: сб. статей / отв. ред. Ар. А. Улуныя. – М.: ИВИ РАН, 2013. – С. 164–188.
17. Раҳмон, Э. Тоҷикон дар оинаи таърих. Аз Ориён то Сомониён. Иборат аз ҷаҳор китоб / Эмомалӣ Раҳмон. – Душанбе: Ирфон, 2009. – 704 с.
18. Эркаев, М. Очерки таърихи Тоҷикистони советӣ / М. Эркаев ва диг. – Сталинобод, 1957. – 647 с.
19. ЦГА РТ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 35. ЛЛ. 9–11.

ТАШАККУЛИ ҶШС ТОҶИКИСТОН ВА МУШКИЛОТИ ТАЪРИХИ ҲАЛЛИ МАСЪАЛАИ МИЛЛӢ ДАР ОСИЁИ МИЁНА

Мақола дар заминаи гузориши илмӣ муаллиф, ки дар Конференсия байналмилалӣ муаррихони кишварҳои ИДМ бахшида ба 100-солагии таъсиси СССР (июни соли 2022) ироа шудааст, таҳия гардидааст. Муаллиф раванди ташаккул ва таъсиси ҶШС Тоҷикистонро мавриди таҳлил қарор дода, ба нақши он дар таърихи халқи тоҷик ва мушкилоти ҳалли масъалаи миллӣ дар солҳои 1924 ва 1929 таваҷҷуҳ зоҳир менамояд. Таъкид мешавад, ки дар натиҷаи марзбандии ниҳоии ҷумҳуриҳои Тоҷикистон соли 1929 ба ҷумҳурии кӯхистон табдил ёфта, минтақаҳои пешрафтаи иқтисодӣ, ки аҳолиашон асосан тоҷикон буданд, берун аз ҳудуди он монданд. Инчунин, сиёсати нодурусти миллӣ аз ҷониби роҳбарияти болшевикон боиси бе давлат мондани қисмати зиёди тоҷикон ва коҳиши мақоми забони тоҷикӣ гардид. Танҳо баъди таъсиси ҶШС Тоҷикистон вазъи ҳуқуқӣ ва фарҳангии тоҷикон қисман барқарор шуд. Ба назари муаллиф, таъсиси ҶШС Тоҷикистон барои тоҷикон падидаи сарнавиштсоз буда, оғози марҳалаи нав дар роҳи ташаккули давлатдорӣ миллӣ ва ниҳоятан истиқлолияти давлатӣ мебошад.

Калидвожаҳо: *марзбандии миллӣ- ҳудудӣ, Тоҷикистон, Ҷумҳурии худмухтор, Ҷумҳурии иттифоқӣ, худмуайянкунии миллатҳо, баробарӣ, масъалаи миллӣ.*

ФОРМИРОВАНИЕ ТАДЖИКСКОЙ ССР И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Статья подготовлена на основе научного доклада автора, представленного на Международной конференции историков стран СНГ, посвящённой 100-летию образования СССР (июнь 2022 г.). В работе проанализирован процесс становления Таджикской ССР, её значение для истории таджикского народа, а также выявлены ключевые ошибки, допущенные в ходе национально-территориального размежевания в 1924 году и при преобразовании республики в 1929 году. Особое внимание уделяется тому, что после окончательного разграничения Таджикистан приобрёл преимущественно горный характер, а экономически развитые регионы с преобладанием таджикского населения остались за его пределами. Неверная национальная политика большевиков привела к маргинализации таджикского языка и оставлению миллионов таджиков без государственной принадлежности. Правовой и культурный статус таджиков начал восстанавливаться лишь с образованием Таджикской ССР, что стало важным шагом на пути к национальному возрождению и обретению независимости в 1991 году.

Ключевые слова: национально-территориальное размежевание, Таджикистан, автономная республика, союзная республика, национальное самоопределение, равноправие, национальный вопрос.

FORMATION OF THE TAJIK SSR AND HISTORICAL CHALLENGES OF THE NATIONAL QUESTION IN CENTRAL ASIA

This article is based on the author's scientific report presented at the International Scientific Conference of Historians of the CIS Countries, dedicated to the 100th anniversary of the founding of the USSR (June 2022). It analyzes the formation process of the Tajik SSR, its significance for the history of the Tajik people, and the major issues surrounding the national question during the territorial reorganizations of 1924 and 1929. The article highlights how Tajikistan became a predominantly mountainous republic in 1929, while economically advanced Tajik-majority regions remained outside its borders. The flawed national policy of the Bolsheviks led to the marginalization of the Tajik language and the exclusion of many Tajiks from national statehood. The legal and cultural status of the Tajiks was partially restored only after the establishment of the Tajik SSR, marking a decisive turning point in the national revival that eventually led to full independence in 1991.

Keywords: national-territorial delimitation, Tajikistan, autonomous republic, union republic, national self-determination, equality, national question.

Сведение об авторе: Убайдулло Насрулло Каримзода – главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, доктор исторических наук, профессор. Телефон: (+992) 93-850-00-10; E-mail: nasrullokarimovich@mail.ru

About the author: Ubaydullo Nasrullo Karimzoda – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel: (+992) 93-850-00-10; E-mail: nasrullokarimovich@mail.ru

УДК 94(575.3)''1920/1930'': 614.2

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА НА ПЕРВЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА

НУРЗОДА А. Р.,

Таджикский национальный университет

После Великой Октябрьской революции охрана материнства и детства была провозглашена одной из главных задач Советского государства.

Коммунистическая партия и Советское правительство предоставили равные права женщинам и мужчинам во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно - политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчинами права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности

отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов. Сопротивление фактическому раскрепощению женщин (выдача замуж малолетних, калым, организация сопротивления вовлечения женщин в учебу, сельскохозяйственное и промышленное производство, государственное управление и в общественно-политическую жизнь) карается законом.

В ноябре 1917 г. при Наркомате общественного призрения РСФСР (позднее - социального обеспечения) был создан специальный отдел охраны материнства и младенчества (ОММ), который в 1920 г. был передан в ведение НКЗдрава РСФСР. Аналогичные отделы впоследствии были организованы и при НКЗдравах национальных республик. В эти годы они проводили неотложные мероприятия по организации охраны материнства и детства, по развёртыванию детских учреждений, по оказанию помощи матерям-одиночкам и по ликвидации беспризорности детей. Наряду с этим, были сформулированы основные принципы системы материнства и детства, изданы законы об охране интересов матери и ребенка, а также определены пути развития детских и родовспомогательных учреждений в СССР. Кроме того, широкая программа оздоровительных и лечебно-профилактических мероприятий в области охраны материнства и детства была предусмотрена и в специальном декрете об ОММ от 1918 г.

В результате особой заботы Коммунистической партии и Советского правительства о матери и ребенке в СССР, в том числе в Таджикской ССР, стала создаваться качественно новая и стройная система охраны материнства и детства, являвшаяся составной частью коренных социально-экономических преобразований в стране. Она представляет собой систему государственных и общественных мероприятий, направленных на охрану здоровья и интересов женщин и детей.

В Постановлении Всетаджикского съезда Советов рабочих, دهقانских и красноармейских депутатов «О правах трудящихся женщин ТАССР и необходимости борьбы с их раскрепощением» в 1926 году были определены общие, гражданские, брачные, семейные и другие права женщин, а также мероприятия по развитию учреждений ОММ в Таджикской ССР.

В борьбе с выдачей малолетних замуж, а также многожёнством, важную роль сыграло Постановление правительства Таджикской АССР № 19 от 16 июля 1925 г., в соответствии с которым на территории республики была введена, в частности, обязательная для всех граждан регистрация актов гражданского состояния (регистрация рождений, смертей, браков, разводов) [2, л.31].

В целях улучшения бытовых и экономических условий жизни местных женщин, а также проведения необходимых мероприятий в области охраны материнства и детства при Президиуме ЦИК республики в 1926 г. была создана «Комиссия по улучшению быта трудящихся женщин Таджикистана» и утверждено «Положение» о ней (аналогичные комиссии были организованы и при исполкомах местных Советов депутатов трудящихся) [2, л.31]. Эти комиссии оказывали материальную помощь женщинам, в первую очередь многодетным матерям, содействовали развёртыванию сети общепита (столовых, питательных пунктов), общежитий, трудовых кооперативов и кустарно-промысловых артелей. В области правовой помощи эти комиссии вели борьбу с выдачей малолетних замуж, многожёнством и калы-

мом, проводили работу по охране прав и интересов женщин, а также улучшению быта и фактическому их раскрепощению [4, л.58-59]. В защите интересов матери и ребенка значительную роль сыграли бытовые комиссии, созданные при горрайисполкомах. Они помогали также органам здравоохранения в развёртывании сети медицинских учреждений, детских яслей, детских садов, а также в пропаганде санитарно-гигиенических знаний среди женщин, содействовали фактическому политическому и экономическому раскрепощению женщин, профессиональному обучению и вовлечению в общественность [3, л.1-4].

При ЦИК Таджикской АССР и в исполкомах местных Советов в 1925 г. были организованы также и детские комиссии [4, л.48-49], которые проводили работу по улучшению условий жизни детей и борьбе с беспризорностью, а также участвовали в развёртывании сети детских воспитательных и лечебных учреждений.

Важную роль в решении вопросов охраны материнства и детства играли и отделы по работе среди женщин (женотделы) Центрального и местных комитетов партии, организованные в 1919 году.

На первых этапах развития здравоохранения в Таджикистане специальные учреждения охраны материнства и детства почти не получили развития, а некоторые мероприятия по лечебно-профилактическому обслуживанию женщин и детей осуществлялись общей медицинской сетью. Сеть учреждений по охране материнства и детства стала создаваться главным образом только после организации в 1925 году отдела ОММ при НКЗдраве Таджикской АССР.

В начале развёртывание учреждений охраны и материнства и детства в Таджикской АССР сталкивалось с большими трудностями, вызванными, прежде всего условиями, в которых происходило восстановление и развитие народного хозяйства республики. В эти годы часть населения относилась еще с некоторым недоверием к медицинским мероприятиям, особенно профилактическим; этому в значительной мере способствовало духовенство, которое не только выступало против начинаний советского здравоохранения, но и всеми мерами старалось срывать мероприятия Советской власти, в частности, по раскрепощению женщин. Оно не останавливалось даже перед совершением террористических актов против женщин за желание учиться и работать и т.п.

В Таджикской АССР первые учреждения по охране материнства и детства были организованы в г. Душанбе: в 1926 г. была открыта первая женская амбулатория, в 1927 г. – первая детская консультация. Аналогичные учреждения в 1927-28 гг. были созданы в областных центрах республики - в Гарме, Кулябе, Курган-Тюбе, Пенджикенте, Ура-Тюбе и Хороге. Женские амбулатории впоследствии были реорганизованы в женские и женско-детские консультации.

Деятельность работников учреждений по охране материнства и детства не ограничивалась осуществлением лишь лечебно-профилактических мероприятий. Они проводили большую санитарно-просветительскую работу, содействовали развёртыванию сети культурно-просветительских учреждений (клубов, уголков, школ), особенно на селе, популяризации советских законов о женском праве (запрещение калыма, многожёнстве, выдачи замуж малолетних) и активному вовлечению их в общественную и производственную работу.

Медицинские работники детских и женских консультаций, кроме приёма больных, проводили большую исследовательскую и патронажную работу. Они выявляли больных и беременных женщин, оказывали им необходимую лечебную и консультативную помощь, осуществляли наблюдение за определёнными контингентами, привлекали их в консультации, проводили лекции и беседы на различные санитарно-просветительские темы. «За малым исключением, - говорится в отчете отдела ОММ за 1928 г. – как правило, после 3-5 посещений врачом больной, больные сами являются в женскую амбулаторию и консультацию. Беседы с матерями, проводимые врачами, проходят успешно, матери охотно слушают врачей, медицинских сестер, рассматривают картинки выставки, запоминают сказанное врачом и через 2-3 посещения повторяют врачу всё сказанное им» [5, л.58].

Детские консультации, как школы для матерей, широко пропагандировали грудное вскармливание и правильные взгляды на него, вели борьбу против раннего прикорма, всевозможных предрассудков в воспитании детей, обучали матерей правилам ухода за ребёнком, а также боролись с детской заболеваемостью и смертностью. В деятельности консультаций всё более возрастала роль патронажной работы. При этом проводилась работа не только по оказанию медицинской помощи больным и привитию санитарно-гигиенических навыков, но и активному их привлечению в консультации.

В эти годы в сельских местностях Таджикской АССР не было еще учреждений по охране материнства и детства. Поэтому врачи городских детских и родовспомогательных учреждений, где оказывали медицинскую и консультационную помощь женщинам и детям, организовывали уголки «Мать и дитя» при магазинах потребительской кооперации, в которых демонстрировались предметы ухода, игрушки, бельё, постельные принадлежности, продукты питания, рекомендуемые беременным, матерям и ребёнку; здесь распространялась различная литература по вопросам охраны материнства и детства. Помимо обеспечения лечебной и консультативной помощью, больным отпускались бесплатные лекарства, проводились беседы и лекции на санитарно-просветительские темы, давались объяснения по материалам устраивавшихся выставок (по типу передвижных выставок) [7, л.33].

Учреждения по охране материнства и детства начали развиваться и в Ходжентском округе. Здесь первые детские учреждения – детская консультация и молочная кухня – были организованы в г. Ходженте в 1927 г. Детские консультации были открыты также в гг. Канибадаме в 1928 г. и Исфаре в 1929 г. В их деятельности патронажная работа занимала также одно из ведущих мест. «Результат патронажа, - писала зав Ходжентской детской консультацией Успенская, весьма значимый. Население идет с новорожденными здоровыми детьми, приобретает кровати, купает детей, приобретает необходимые вещи для ухода за детьми» [6, л.914-918].

Благодаря деятельности консультаций и открытой в 1928 г. в г. Ходженте школьно-профилактическими амбулаториями были получены первые сведения о состоянии здоровья женщин и детей. В структуре их заболеваемости (по обращаемости) ведущие места занимали желудочно-кишечные заболевания, малярия, болезни органов дыхания, туберкулез легких и лимфатических желез, костный туберкулез и рахит.

Первые мероприятия по обеспечению женщин республики акушерско-гинекологической помощью относятся к 1925 г., когда при Душанбинской городской больнице было создано акушерско-гинекологическое отделение (на 6 коек). Помимо этого, при развертывавшихся больницах выделялись специальные койки (палаты) для обеспечения женщин акушерско-гинекологической помощью. В Ходжентском же округе первые мероприятия по обеспечению женщин акушерско-гинекологической помощью относятся к 1928 г., когда в г. Ходженте «... женщины обслуживались гинекологом, работающим при женском клубе по два часа по нагрузке, и содержался он на средства КУБТ, полученные 8 марта 1928 г.» [6, л.922-923]. В округе первая женская консультация была открыта в феврале 1929 г. в г. Ходженте. Впоследствии женские консультации были организованы в гг. Канибадаме и Исфаре. В результате лечебно-профилактическая помощь женщинам и детям стала по своему объему одним из основных разделов деятельности лечебно-профилактических учреждений.

Однако родильную помощь получало лишь небольшое количество женщин, обратившихся в медицинские учреждения с нормальной беременностью (6,2%). Так, в 1929 г. в республике под наблюдением консультаций находилось 7,3% беременных женщин, в том числе в г. Душанбе -26,5%, в Гармском округе -16,8%, в Курган-Тюбинском -16,7%. С 1929 г. число родов, принятых в республике с медицинской помощью, составляло 6,2%, в том числе в Душанбе -18, 3%, в Гармском округе -8,8%, Гиссарском округе -4,3% к общему числу родов [8, л.6].

Активное привлечение женщин в общественную жизнь потребовало создания детских учреждений. Первые детские ясли в Душанбе были открыты 8 марта 1928 г. в течение 1928-29 гг. детские ясли были открыты в гг. Кулябе, Курган-Тюбе, Гарме, Ура-Тюбе и Пенджикенте. В Ходжентском округе первые детские ясли были открыты в 1927 г. в г. Ходженте, Канибадаме, нефтепромысле «Санто» и в шахтерском городке Сулюкта (впоследствии переданном Киргизской ССР).

Для обеспечения материальной базы строительства и снабжения яслей СНК Таджикской АССР в 1929 г. обязал отчислять из фонда улучшения быта рабочих и служащих до 10 % на содержание яслей. Постановление обязало исполкомы местных Советов, промышленные и кооперативные организации при жилищном строительстве выделять специальную площадь для организации детских яслей. Кроме того, Нкздрав Таджикской АССР до 50% средств, ассигнованных на охрану материнства и детства, направлял на строительство детских яслей, особенно в сельских местностях республики [1, л.2].

Таким образом, уже на первых этапах развития здравоохранения в республике стали открываться первые учреждения по охране материнства и детства, число которых к концу рассматриваемого периода несколько возросло. Ими проводилась разнообразная работа в области охраны здоровья и защиты интересов женщин и детей, в том числе по обеспечению их лечебно-профилактической и консультативной помощью.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.9. – Оп.1. – Ед.хр.120. – Л.2.
2. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.9. – Оп.1. – Ед.хр.179. – Л.31.

3. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.10. – Оп.1. – Ед.хр.448. – Л.1-4.
4. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.10. – Оп.2. – Ед.хр.2. – Л.48-49, 58-59.
5. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.172. – Оп.1. – Ед.хр.42. – Л.58.
6. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.172. – Оп.1. – Ед.хр.58. – Л.914-918, 922-923.
7. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.172. – Оп.1. – Ед.хр.76. – Л.33.
8. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.279. – Оп.2. – Ед.хр.99. – Л.6.

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА НА ПЕРВЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Охрана материнства и детства в современных условиях является одним из приоритетных направлений здравоохранения всех стран мира и постоянно находится под контролем их правительств.

В Таджикистане, после победы Октябрьской революции, защита материнства и детства считалась одним из преимуществ Советской власти. Коммунистическая Партия и Советская власть гарантировала равноправие женщин и мужчин во всех сферах деятельности.

В данной статье отражены первые этапы развития системы здравоохранения Таджикской АССР, а также состояние защиты материнства и детства.

С целью улучшения бытовых и экономических условий местных женщин, а также осуществления необходимых мероприятий в сфере защиты материнства и детства, в 1926 году при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета республики была создана «Комиссия по улучшению бытовых условий трудящихся женщин Таджикистана» и утверждён её Устав.

На этой основе были созданы комиссии при местных исполнительных комитетах, целью которых было улучшение бытовых условий женщин.

Автор в данной статье отмечает, что в Таджикской АССР первое учреждение по защите материнства и детства было создано в Душанбе, в том числе: первая женская амбулатория в 1926 году и первая детская консультация в 1927 году. В дальнейшем и в других населённых пунктах республики были созданы подобные учреждения, о вкладе которых в область защиты материнства и детства в данной статье предоставлены необходимые сведения.

Ключевые слова: *защита материнства и детства, медицина, здравоохранение, амбулатория, больница, родильный дом, детская консультация.*

PROTECTION OF MOTHER AND CHILD IN THE FIRST STAGES OF HEALTH DEVELOPMENT OF TAJIKISTAN

Protection of mother and child in today's conditions is considered one of the priority areas of health care in all countries of the world, this field is always under the control of states and governments. In the Republic of Tajikistan, after the victory of the October revolution, the protection of mothers and children was considered one of the priorities of the Soviet government. The Communist Party and the Soviet government ensured the equality of men and women in all fields. In this article, the state of mother and child protection during the formation of Tajikistan's National Health Service and the first stages of the development of the health sector in the country is reflected. In order to improve the living and economic conditions of the women of the neighborhood, as well as the imple-

mentation of necessary measures in the field of mother and child protection under the Presidium of the Central Executive Committee. republic, in 1926 «Commission on improving the living conditions of working women of Tajikistan» was established, and at the same time its regulations were approved. In this context, such commissions have been established under the local executive committees. Whose main goal was to improve the living conditions of women. In this article, the author noted that the first institution for the protection of mother and child in Tajikistan was established in the city of Dushanbe. In particular, in 1926, the first women's clinic was opened, and in 1927, the first children's clinic was opened. Later, such institutions were established in other parts of the country, and the necessary information about them and their contribution to the protection of mothers and children is given in this article.

Keywords: *mother and child care, medicine, healthcare, ambulatory, hospital, consulting room, maternity hospital.*

Сведения об авторе: Нурзода Амирджон Рузихон - кандидат исторических наук, соискатель - докторант кафедры истории таджикского народа факультета истории Национального университета Таджикистана, Тел: +992918247678; E-mail: amirinur@mail.ru

Information about the author: Nurzoda Amirjon Ruzikhon - Candidate of Historical Sciences, Working for degree of doctors of the Department of History of the Tajik People, Faculty of History, National University of Tajikistan, Tel: (+992) 918-24-76-78; E-mail: amirinur@mail.ru

УДК 796(575.3)+94(575.3)

СПОРТ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 1961 -1991 ГГ.

АКРАМОВ М.И.,¹

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Развитие социализма в Таджикистане определило и заметно расширило функции физической культуры и спорта. В этой связи представляют несомненный интерес особенности влияния физической культуры и спорта на формирование основ советского образа жизни таджикского народа. Поэтому вполне правомерно рассматривать физическую культуру и спорт, как средство преобразования условий жизненного уклада таджикского народа в период строительства социализма.

¹Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (Таджикистан в период Советского Союза), государственный регистрационный номер 0121 TJ 1200.

В 60-80-е XX века спорт и физическая культура в Таджикской ССР имели своё дальнейшее развитие благодаря усилиям и принимаемым мерам со стороны государства в предыдущие годы. Решения Советского правительства по внедрению в массы культуры физического воспитания и пропаганды спорта, как залога здорового образа жизни советского человека, а также финансирование и обеспечение материально – технической базы во всех учебных воспитательных учреждениях способствовало росту и количеству именитых таджикских спортсменов, занявших высокие чемпионские места в соревнованиях союзного и международного значения.

В 1961-1991 годы в Таджикской ССР функционировали десятки спортивных обществ и секций по разным видам спорта. Среди спортивных обществ были такие как «Таджикистан», «Динамо», «Локомотив», «Трудовые резервы», «Спартак», «Хосилот» и др. На базе учебных заведений работали секции детско-юношеского спортивного общества, откуда выходили будущие мастера спорта. Спортсмены Таджикской ССР принимали участие в соревнованиях разного уровня и по разным видам спорта.

В 1960-х годах в Таджикской ССР насчитывалось более 1362 коллектива физической культуры, объединявших 133 438 человек, в том числе 56 мастеров спорта, 4 кандидата мастера спорта, 386 спортсменов I разряда. В период с 1960- 1970 годов в республике было построено 12 малых стадионов, 16 летних бассейнов, 1179 волейбольных площадок, 353 баскетбольных площадок, 9 теннисных кортов и 25 других спортивных площадок [10].

В ходе упорядочивания системы подготовки спортивных кадров, оптимизации порядка их подбора, совершенствовании системы определения и присвоения классности и спортивных разрядов и званий, качественно и количественно изменялись условия материально- технической базы, тренерского состава и других компонентов спортивного кластера общественной жизни. В частности в период с 1961 по 1990 годы увеличилось число спортивных сооружений: наливных бассейнов с 16 достигло до 37, стрелковых тиров с 40 до 195, футбольных площадок с 234 до 643, баскетбольных полей с 273 до 643, спортивных залов с 404 до 646, стадионов с 24 до 36. Между тем, за этот период уменьшились волейбольные поля с 2492 до 2279 [5].

Одним из важных решений стало Постановление Совета Министров СССР от 15 марта 1971 года за №173 «Об организации Таджикского института физической культуры в г. Душанбе». На базе данного Института воспитывались будущие спортсмены и тренерский состав по многим видам спорта.

Спартакиады народов СССР во многом способствовали расширению физкультурного движения в республике. Проводимые Спартакиады народов СССР придавали мощный импульс развитию новых видов спорта в Таджикистане, таких как академическая гребля, водное поло, фехтование, вольная борьба, греко-римская борьба, самбо, велоспорт, стрельба из лука, художественная гимнастика и др.

Проводя анализ достижений таджикских спортсменов в 1960-х -1970-х годах, можно проследить следующие тенденции: на первой Спартакиаде народов СССР 1957 года от Таджикской республики участвовало 389 спортсменов. В этом году

были установлены один мировой рекорд, один всесоюзный рекорд и 32 республиканских рекорда.

На II Спартакиаде народов СССР в 1963 году за команду Таджикистана выступили 379 спортсменов, из них 57 мастеров спорта. В общем зачёте по гребле, водному поло, прыжкам в воду и пулевой стрельбе таджикские спортсмены вышли на 9-е место. Таджикские спортсмены становились обладателями призовых мест: Ибрагим Хасанов стал бронзовым призёром чемпионата Европы (1961), Виталий Двигун двукратным серебряным призёром Чемпионатов СССР по тяжёлой атлетике (1963г., 1965г.) и золотым призёром Чемпионата Европы (1963г.), Алексей Гарбуз и Григорий Паничкин заняли третье и второе места соответственно в соревнованиях Чемпионата Европы по легкой атлетике 1962 года [13,423].

Образованный в 1971 году Таджикский институт физической культуры в значительной мере улучшил состояние уровня подготовки, как спортсменов, так и тренерского состава в различных видах спорта.

Необходимо отметить о гендерном соотношении и активном участие в спортивной жизни республики молодых девушек - спортсменок. Свой вклад в дело развития таджикского спорта внесли такие известные спортсменки как З. Рустамова, Э. Шиллер, Г. Пулатова, Е. Торкина, Р. Агледдинова, Е. Баринаова, А. Инютина, А. Джумаева и др. Общее количество женщин в сфере физической культуры и спорта в 1971 году составляло 79007 человек (26%) из них 6,6% - физкультурные кадры, 29,52% значкисты ГТО, 8,2% Мастера спорта. В 1985 году эта цифра выросла до 596336 человек (40,3%), из которых 8,2% - физкультурные кадры, 32% - значкисты ГТО, 39,47% со званием Мастера спорта [5].

В 1960 - 1980 годы XX века в Таджикистане получили дальнейшее развитие школьные, студенческие общереспубликанские соревнования по различным видам спорта. Также таджикские спортсмены активно выступали на всесоюзных и мировых чемпионатах. Десятки таджикистанцев удостоились звания чемпиона СССР. С начала 60-х годов спортсмены Таджикистана начали регулярно выступать за Советский Союз на международных соревнованиях. В 1972 году первым чемпионом Олимпийских игр из Таджикистана стал Ю. Лобанов (гребля на каноэ). В 1980 году этого звания был удостоен А. Старостин (современное пятиборье). З. Рустамова стала бронзовым призером Олимпийских игр (стрельба из лука) [2,428,429].

Чемпионами мира по различным видам спорта стали С. Рахимов (1975г., самбо), Э. Шиллер (1977г., художественная гимнастика), Х. Исмоилов (1977г., фехтование на саблях). Ю. Лобанов чемпионом мира становился семь раз (гребля на каноэ). Двукратными чемпионами мира стали З. Рустамова (1975, 1985 гг., стрельба из лука), и А. Старостин (1978, 1981 гг., современное пятиборье). На чемпионатах Европы на высший пьедестал почета поднимались Г. Пулатова (1983 г., стрельба из лука), А. Абдувалиев (1985г., метание молота), впоследствии чемпион Олимпийских игр и мира, О. Шведов (1985г., водное поло), И. Белявцева (1986г., прыжки в воду), Е. Торкина (1986г., стрельба из стандартного пистолета), Л. Сотскова (1989г., стрельба из пневматического оружия). Двукратными чемпионами Европы стали З. Рустамова (1975, 1983 гг., стрельба из лука) и И. Коваленко (1978, 1982 гг., настольный теннис) [2,428,429].

В 1988 году важным событием в спортивной жизни Таджикистана стал выход футбольной команды «Памир» в высшую лигу СССР. Футбольная команда «Памир» была создана в 1970 году и на протяжении 19 лет боролась за выход в высшую лигу СССР. С 1983 по 1986 годы тренером футбольного клуба «Памир» был заслуженный тренер СССР Ю. Сёмин, с 1986 по 1994 – Шариф Назаров. В состав команды входили такие известные футболисты как В. Турсунов, Р. Рахимов, Х.Фузайлов, М. Мухаммадиев, Ю. Батуренко, А. Мананников, А.Гертнер, В.Долганов, А. Воловоденко, И. Лагутченко, В. Ермолаев, А. Азимов, В. Манасян, В. Сысенко, И. Омельченко, С. Ибадуллаев.

Впервые в советском футболе была использована практика приёма легионеров. В 1989 году в таджикскую команду прибыли замбийские футболисты Дерби Макинга, Пирсон Мванза и Виздом Чанса. Это были первые иностранные легионеры в истории элитного дивизиона Чемпионата СССР по футболу. В высшей лиге футбольная команда «Памир» участвовала до 1991 года, когда проводился последний 54 сезон Чемпионата СССР по футболу. Таджикская команда «Памир» была лучшим представителем футбольного сообщества советской Средней Азии в Высшей лиге чемпионата СССР [4].

Весомый вклад в развитии спорта Таджикистана внесло Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ). На базе Таджикского ДОСААФ работали спортивные секции по мотоспорту, пулевой стрельбе, самолётному и парашютному спорту и др. В 1960 -1980 годах данная организация воспитала много именитых спортсменов. Из их числа чемпионы СССР и чемпионы мира рекордсмены, мастера спорта и мастера международного класса: А. Егришин, Н. Ибрагимова, Р. Курбанов, Ю. Михалкин, В. Полосин (пулевая стрельба)

При ДОСААФ действовал душанбинский аэроклуб с аэродромом «Фахрабад». Здесь тренировали лётчиков спортсменов и лётчиков курсантов для дальнейшей учёбы в лётных учебных заведениях. Среди выдающихся лётчиков - спортсменов были В. Карлин, В. Дзибура, С. Ибрагимбеков, С. Арутюнян Д. Гарипов и др. В 1970-1980-х годах при ДОСААФ тренировались известные спортсмены - парашютисты А. Абдураззаков, Ю. Рура, Л. Савицкая, В. Долбёшкин, А. Тонкошуров, М. Дружинина, Ю. Баранов.

Примечательно тот факт, что таджикская база ДОСААФ была одной из самых лучших в СССР. Среди воспитанников парашютного спорта многие стали чемпионами страны и призёрами международных соревнований. Одним из известных парашютистов был 50 - кратный рекордсмен мира - Юрий Баранов, попавший в книгу рекордов Гиннеса, совершивший 17 тысяч 250 прыжков с парашютом с самолётов, вертолёт, аэростатов, с высот от 1000 до 7 тысяч метров [14].

Год	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место
1971	В. Панков, М. Лобанов гребля на байдарках	Ю. Баранов, парашютный спорт, ДОСААФ	В. Полосин, пулевая стрельба	А. Гулуев, классическая борьба	М. Лобанов, гребля на байдарках
1972	М. Лобанов, гребля на байдарках	А. Панжин, стрельба из лука	З.Рустамова, стрельба из лука	В.Полосин, пулевая стрельба	Ю.Баранов, парашютный спорт, ДОСААФ

1973	М. Лобанов, гребля на байдарках	С. Рахимов, борьба самбо	Н.Суровицкий, гребля	З.Рустамова, стрельба из лука	А. Тихонов, велоспорт
1974	М. Лобанов, гребля на байдарках	М. Лобанов, гребля на байдарках	З.Рустамова, стрельба из лука	А. Тихонов, велоспорт	Н.Суровицкий, гребля из лука
1975	З.Рустамова, стрельба из лука.	С. Рахимов, борьба самбо	М. Лобанов, гребля на байдарках	М. Лобанов, гребля на байдарках	А. Панжин, стрельба из лука
1976	З.Рустамова, стрельба из лука.	Э. Шиллер, художественная гимнастика	Р. Агледдинова, легкая атлетика	А. Тихонов, велоспорт	Н.Суровицкий, гребля из лука
1977	З.Рустамова, стрельба из лука	М. Лобанов, гребля на байдарках	Э. Шиллер, художественная гимнастика	Х.Исмоилов, фехтование	С. Гусейнов, велоспорт
1978	С. Гусейнов, велоспорт	А. Старостин, совр. пятиборье	И.Коваленко, теннис настольный	З.Рустамова, стрельба из лука	Э.Шиллер, художественная гимнастика
1979	М. Лобанов, гребля на байдарках	А. Старостин, совр. пятиборье	З.Рустамова, стрельба из лука.	С.Гусейнов, велоспорт	Е.Барина, художественная гимнастика
1980	А. Старостин, совр. пятиборье	М. Лобанов, гребля на байдарках	Э.Шиллер, художественная гимнастика	З.Рустамова, стрельба из лука	И. Ачельдыев, пулевая стрельба
1981	А. Старостин, совр. пятиборье	И. Коваленко, теннис настольный	И.Чербашьян, пулевая стрельба	Р.Фаёзов, тяжёлая атлетика	С.Димитренко. гребля
1982	А. Старостин, совр. пятиборье	И. Коваленко, теннис настольный	З.Рустамова стрельба из лука.	С.Джумаева, пулевая стрельба	О.Капитонов, альпинизм.
1983	З.Рустамова, стрельба из лука.	А.Васильев, пулевая стрельба	О.Палашевский, легкая атлетика	В.Турсунов, пул.стрельба	Н.Макаров, велоспорт
1984	З.Рустамова, стрельба из лука	А. Васильев, пулевая стрельба	О.Палашевский, легкая атлетика	С.Джумаева, пулевая стрельба	А.Инютина, стрельба из лука
1985	З.Рустамова, стрельба из лука.	Т. Камалетдинов, гребля	О. Борзунов. велоспорт	А.Абдуқвалиев., легкая атлетика	А.Чигрин, тяжёлая атлетика

В 1960 – 1980-х годах XX века национальные виды спорта в Таджикской ССР являлись органичной частью социалистической культуры и общественной жизни, важным средством физического и нравственного воспитания людей, укрепления здоровья, повышения производительности труда.

Национальные виды спорта, имели важное значение в укреплении здоровья народа, в сохранении национальной самобытности в контексте воспитания и формирования личности советского человека в духе интернационализма.

Некоторые из них, такие как гуштингири и чавгонбози были включены в программы спартакиад республики, национальных праздников урожая, Навруза (гуштингири, чавгонбозии аспаки - поло, бузкаши) и т.д. Велась воспитательная работа по национальным видам спорта. В этом большое значение придавалось работе средств массовой информации - печати, радио и телевидения.

В популяризации национальных видов спорта большую роль играла телевизионная передача «Майдон аз далер», где транслировались национальные виды спорта.

В 1975 году национальными видами спорта занимались 30638, а в 1982 году уже - 35145 человек [15].

В целях улучшения физкультурно - массовой работы на селе, большое внимание уделялось организации спортивных секций и команд по массовым и наиболее доступным для сельской молодежи видам спорта, в том числе по её национальным видам и играм.

Среди них гуштингири (таджикская борьба) - национальный вид спорта, без которого не проходил ни один праздник на селе. Занимаясь «гуштингири» многие наши известные борцы вышли на союзные и мировые арены (А. Олимов, И. Абдуллоев, экс-чемпионмира С. Рахимов) [11,32].

Таджикские национальные игры были включены в программу факультета физического воспитания. В 1997 году была составлена программа по таджикским национальным видам спорта, куда вошли «гуштингири», «чавгонбози» и «бузкаши», а также по указанным видам спорта выпущены правила соревнования. В итоге возросла популярность различных видов национальных спортивных состязаний.

Таким образом, в Таджикской ССР в период 1961 -1991 гг. были проведены важные мероприятия по развитию физкультуры и спорта. В рамках государственной политики в сфере развития спорта были проведены работы по обеспечению материально - технической базы для подготовки кадровых спортсменов и тренерского состава. Идеологическая пропаганда советского спорта, её значения в общественной жизни, популяризация через средства массовой информации, стали стимулом для общества в стремлении проявить себя в спортивной жизни страны и в достижении высоких показателей во всех видах спорта. Спорт стал одним из факторов формирования советского человека. Советский спорт являлся символом мирного сосуществования народов СССР и других стран, предлагая дружественные спортивные соревнования в духе братства равенства и спортивной солидарности. Спортсмены Таджикистана внесли свой весомый вклад в дело развития советского спорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаджанов, А. К. Развитие физической культуры и спорта в Таджикской ССР в период 1971–1985 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А. К. Бабаджанов. – Душанбе, 1990. – 183 с.
2. История таджикского народа. Т. 6. – Душанбе, 2011. – 688 с.
3. Коммунист Таджикистана. – 1951. – 15 апреля.
4. Науменко, М. Легенды Таджикистана. Футбольный клуб «Памир» [электронный ресурс] / М. Науменко. – URL: <http://sports.ru/football/blogs/2896086.html> (дата обращения: 12.06.2025).
5. Отчёты Спорткомитета Таджикской ССР за 1971–1985 гг.: сводные отчёты ФиС за 1971–1985 гг. (форма № 2-фк).
6. Раджабов, З. Ш. Очерки истории культурного строительства в Таджикистане / З. Ш. Раджабов. – Душанбе: Дониш, 1976. – 134 с.
7. Садуллаев, М. Посланцы спортивного Таджикистана / М. Садуллаев, В. Юрескул. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 95 с.
8. Садуллаев, М. Наши лучшие спортсмены / М. Садуллаев. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 95 с.
9. Суяркулов, Т. М. Прошлое и настоящее таджикского спорта / Т. М. Суяркулов. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 185 с.
10. Таджикская ССР: развитие физической культуры и спорта [электронный ресурс]. – URL: <http://sport-history.ru/physicalculture/item/f00/s02/e0002762/index.shtml> (дата обращения: 04.02.2025, 07: 40).

11. Турсунов, Н. Н. О значении таджикских национальных видов спорта и игр в развитии массовости физической культуры и спорта на селе / Н. Н. Турсунов // Проблемы развития массовой физической культуры и спорта в Таджикской ССР: тез. докл. – Душанбе: Дониш, 1984. – 64 с.
12. Файзов, Г. Счёт медалям открыл Борзунов / Г. Файзов // Коммунист Таджикистана. – 1985. – 9 июля.
13. Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Т. 3. – М., 1963. – 423 с.
14. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф. 404. – Оп. 3. – Д. 14. – Л. 67–76.
15. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф. 404. – Оп. 5. – Д. 22. – Л. 43, 119, 127, 134.
16. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф. 404. – Оп. 4. – Д. 2. – Л. 15–22.

СПОРТ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 1961 -1991 ГГ.

В статье рассматриваются вопросы развития спорта в Таджикской ССР в 1961- 1991 годы. Именно в этот период таджикский спорт достиг своих наивысших показателей. Благодаря проводимой государственной политике в сфере организации подготовки спортивных кадров, Таджикская ССР смогла воспитать целую плеяду спортсменов мирового класса и в целом поднять уровень вовлеченности общественности Таджикистана в спортивную жизнь.

Для достижения поставленных целей в сфере спорта была решена задача по обеспечению материально - технической базы, подготовкой спортивных резервов и тренерского персонала во всех ответственных учреждениях, ведомствах и заведениях, обществах имеющее прямое и косвенное отношение к сфере физкультуры и спорта. Подготовка спортивных кадров требовало наличия специалистов в этой сфере, что было достигнуто в предыдущие годы.

Пропаганда и внедрение физической культуры и спорта велась для всех граждан страны, начиная со школ и заканчивая ВУЗами республики.

Неотъемлемой частью в сфере подготовки спортсменов являлось формирование тренерского кадрового состава, что имело поддержку со стороны общесоюзных ведомств ответственных за область развития спорта в республиках. Свидетельством эффективности развития спорта в Таджикской ССР в данный период, являются достижения в спартакиадах и олимпиадах, чемпионатах союзного и мирового уровня.

Наряду с олимпийскими видами спорта, в республике активно популяризировались национальные виды спортивных состязаний, что свидетельствовало о преемственности традиций и культурной самобытности таджикского национального спортивного кластера.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в Таджикской ССР в указанный период спорт приобрёл массовый характер и широкую популярность, показав высокий уровень подготовки таджикских спортсменов.

Ключевые слова: Спорт, Таджикская ССР, подготовка кадров, физическая культура, национальные виды спорта, спартакиада, советское правительство, олимпийские виды спорта, государственная политика.

SPORT IN TAJIKISTAN IN 1961-1991

The article examines the development of sports in the Tajik SSR in 1961-1991. It was during this period that Tajik sports reached their highest levels. Thanks to the state policy in the field of organizing and training sports personnel, the Tajik SSR was able to educate a whole galaxy of world-class athletes and, in general, raise the level of sports involvement of the public of Tajikistan.

To achieve the goals set in the field of sports, the task of providing the material and technical base for training sports reserves in all institutions of national importance was first solved. The training of sports personnel required the presence of specialists in this area, which was achieved in previous years.

Propaganda and implementation of physical culture and sports was carried out for all citizens of the country, from schools to universities of the republic.

An integral part in the field of training athletes was the formation of a coaching staff, which had the support of the all-Union departments responsible for the development of sports in the republics. Evidence of the effectiveness of the development of sports in the Tajik SSR during this period are achievements in Spartakiads and Olympiads, championships of the Union and world level.

Along with Olympic sports, national sports competitions were actively popularized in the republic, which testified to the continuity of traditions and cultural identity of the Tajik national sports cluster.

Thus, it can be stated that in the Tajik SSR during this period, sports acquired a mass character and gained wide popularity, demonstrating a high level of training of Tajik athletes.

Key words: *Sports, Tajik SSR, personnel training, physical education, national sports, Spartakiad, Soviet government, Olympic sports, state policy.*

ВАРЗИШ ДАР ТОЧИКИСТОН СОЛҲОИ 1961—1991

Дар мақола тараққиёти варзиш дар ҶШС Тоҷикистон дар солҳои 1961—1991 таҳлил карда шудааст. Маҳз дар ҳамин давра варзиши тоҷик ба куллаҳои баландтарин расид. Ба шарофати сиёсати давлатӣ дар соҳаи ташкил кардан ва тарбия намудани кадрҳои варзишӣ ҶШС Тоҷикистон тавонист як ғалабаи варзишгарони дараҷаи ҷаҳониро тарбия кунад ва умуман масъалаи ба варзиш ҷалб намудани ҷомеае дар Тоҷикистон баланд бардорад.

Барои ноил шудан ба ҳадафҳои гузошташуда дар соҳаи варзиш, пеш аз ҳама, вазифаи таъмини базаи моддию техникаи тайёр кардани захираҳои варзишӣ дар тамоми муассисаҳои дорои аҳамияти ҷумҳуриявӣ ҳал карда шуд. Тайёр кардани кадрҳои варзишӣ мавҷуд будани мутахассисони ин соҳае талаб мекард, ки масъалаи мазкур ҳануз дар солҳои пеш ба даст оварда шуда буд.

Тарғиб ва ҷорӣ намудани тарбияи ҷисмонӣ ва варзиш барои ҳамаи шаҳрвандони мамлакат, аз мактаб сар карда, то донишқадаҳои олии ҷумҳурӣ ба роҳ монда шуда буд.

Қисми таркибии тарбияи варзишгарон ташкил намудани ҳайати мураббӣён буд, ки ба он идораҳои умумитифоқии оид ба инкишофи варзиш дар ҷумҳуриро масъул буданд. Дар бораи самаранокӣ инкишофи варзиш дар ҶШС Тоҷикистон дар ин давра комёбӣҳо дар Спартакиада ва олимпиадаҳо, мусобиқаҳои иттифокӣ ва ҷаҳонӣ шаҳодат медиҳанд.

Дар ҷумҳурӣ дар баробари намудҳои олимпии варзиш мусобиқаҳои миллии варзишӣ фаёлона тарғиб мешуданд, ки аз идомаи анъанаҳо ва хувияти фарҳангии миллии варзишии тоҷикон гувоҳӣ медиҳад.

Ҳамин тариқ, гуфтан мумкин аст, ки дар ҶШС Тоҷикистон дар давраи муайяншуда варзиш хусусияти оммавӣ ва шуҳрати васеъ пайдо карда, дараҷаи баланди тайёрии варзишгарони тоҷикро нишон дод.

Калидвожаҳо: *варзиш, ҶШС Тоҷикистон, тарбияи кадрҳо, тарбияи ҷисмонӣ, варзиши милли, спартакиада, Ҳокимияти Шӯравӣ, варзиши олимпӣ, сиёсати давлатӣ.*

Сведения об авторе: **Акрамов Муртазо Иномович** - кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Тел.: (+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov.murtazo@mail.ru

Information about the author: **Akramov Murtazo Inomovich** - candidate of Historical Sciences, researcher of the Institute history, archeology and ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov.murtazo@mail.ru

УДК 712(575.3)+711.4

САДОВО - ПАРКОВОЕ ИСКУССТВО В ГОРОДАХ ТАДЖИКИСТАНА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ (КОНЕЦ 1950 – 1960 - ГГ.)**МУХИДДИНОВА Р. К.,****Таджикский технический университет имени академика М. С. Осими**

Развитие садово-паркового искусства в Таджикистане в середине XX века стало важной составной частью процесса формирования архитектурного и градостроительного облика городов республики. Период конца 1950-х и всего десятилетия 1960-х годов ознаменовался закладкой основ современной системы озеленения, которая сыграла ключевую роль в создании комфортной городской среды. Формирование садово-парковой архитектуры происходило в русле общесоюзных градостроительных тенденций, при этом проявлялась и локальная специфика, определяемая природно-климатическими условиями, социально-экономическими возможностями и устоявшимися архитектурными традициями региона.

Особую роль в этом процессе играл город Душанбе. Как административный и культурный центр, он выступал экспериментальной площадкой для внедрения новейших ландшафтных решений. Согласно генеральному плану города, разработанному в 1948–1955 гг., предусматривалось создание масштабной системы озеленения, охватывающей парки, скверы, бульвары и набережные. Эти элементы городской среды формировали не только визуально-пространственную структуру города, но и обеспечивали санитарно-гигиенические и рекреационные функции. Впоследствии выработанные здесь подходы были адаптированы в таких городах, как Худжанд, Исфара, Канибадам и Куляб.

Следует подчеркнуть, что развитие садово-паркового строительства в данный период сталкивалось с рядом институциональных и идеологических ограничений. Принятие Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» стало значимым фактором, повлиявшим на архитектурную политику. Оно ограничило использование избыточных декоративных элементов и ориентировало проектировщиков на строгое соблюдение норм экономии. Это, в свою очередь, отразилось на композиции парковых ансамблей, приведя к отказу от сложных скульптурных композиций и переходу к более утилитарным формам [7]. По мнению автора, подобная рационализация, несмотря на свою очевидную функциональность, способствовала нивелированию художественной выразительности городской среды.

Несмотря на это, процессы паркостроения продолжали развиваться в логике комплексного озеленения и создания гармоничного городского пространства. Важную роль в реализации проектов играли как союзные специалисты, в частности архитекторы и инженеры Московского Горстройпроекта, так и местные про-

фессионалы, включая сотрудников Государственного проектного института «Таджикгипрострой». Именно ими были разработаны проекты озеленения центральных районов Душанбе — в частности, территория Комсомольского озера, площадь Ленина и прибрежная зона реки Варзоб.

Настоящее исследование направлено на выявление архитектурных и градостроительных особенностей становления садово-паркового искусства в городах Таджикистана указанного периода. В центре внимания находятся конкретные архитектурные практики, эволюция проектных решений, а также влияние социально-экономических и идеологических факторов на содержание и форму ландшафтных объектов. Как показывают наблюдения, паркостроение в этот период следует рассматривать как составную часть идеологической политики, направленной на повышение качества жизни населения в условиях социалистического города.

Особенности развития садово-парковой архитектуры в регионах Таджикистана проявились в неравномерности её распространения. Так, если в Душанбе она реализовывалась на системной основе, в соответствии с генеральным планом, то в других городах республики формирование озеленённых пространств носило более локальный и эпизодический характер. Тем не менее, во всех случаях прослеживается стремление к интеграции зелёных насаждений в жилую и общественную застройку, что позволяло достигать высоких стандартов городской среды даже в условиях ограниченного финансирования [1, 48-49].

Реализация проектов озеленения в Душанбе происходила при активном участии специалистов высокого уровня. Среди них — архитекторы В. Балдин и Д. Меерсон, инженеры А. Эшлиман и А. Дембовский, а также сотрудники Института ботаники Академии наук Таджикской ССР. В 1956 году по инициативе Совета министров Таджикской ССР была начата широкомасштабная реконструкция зелёных насаждений не только в столице, но и в ряде районных центров. Разработанный Институтом ботаники ассортимент древесных и кустарниковых растений включал более 70 видов, в том числе чинару, крымскую сосну, клён, липу и конский каштан [11-12]. Это свидетельствует о высоком уровне научного сопровождения ландшафтных проектов и осознанной экологической направленности озеленительных мероприятий.

Архитектурно - планировочные решения были глубоко увязаны с природным рельефом и гидрографией. Река Варзоб (Душанбинка), как естественная градостроительная ось, определяла направление развития зелёных массивов. Зелёные зоны активно включались в структуру жилых микрорайонов, создавая тем самым комфортные условия для повседневной жизни горожан. В этом контексте центр города - площадь Ленина и прилегающая к ней зелёная эспланада - рассматривались как ядро, вокруг которого формировалось целостное архитектурно-пространственное решение. Автор полагает, что подобный подход можно считать одним из наиболее последовательных примеров реализации принципов советского модернизма в условиях Центральной Азии.

С принятием упомянутого постановления 1955 года паркостроение оказалось в ситуации вынужденного пересмотра проектных стандартов. Многие архитекторы оказались перед задачей адаптации традиционных форм к новым экономическим

реалиям. Исследователи отмечают, что «архитекторам приходилось проектировать сады и парки без дорогих скульптурных композиций, имевших большое эстетическое и художественное воздействие на население своей красотой и скульптурностью облика». Это стало вызовом для творческой мысли, однако, как представляется, открыло путь к формированию новых, функционально насыщенных форм ландшафтной организации.

Таким образом, развитие садово-паркового искусства в Таджикистане в рассматриваемый период, можно охарактеризовать как процесс, находящийся на пересечении идеологии, архитектурной традиции и научного прогресса. Он стал неотъемлемой частью стратегии социалистического благоустройства и одним из выразительных элементов формирования идентичности городской среды.

Развитие садово-паркового искусства в городах Таджикистана во второй половине XX века тесно связано с общими тенденциями советского градостроительства и идеологией социалистического благоустройства. Одним из ярких примеров этого процесса стало формирование комплексной системы озеленения и благоустройства на территории Комсомольского озера в Душанбе. В указанный период происходил отказ от художественно насыщенных элементов оформления - таких как парковые скульптуры, декоративные вазоны и цветочницы, придававших общественным пространствам прежнюю эстетическую выразительность. Им на смену пришли стандартизированные элементы благоустройства, выполненные из доступных и недорогих материалов - металлических прутьев, железобетонных форм, деревянных и кованых деталей, что соответствовало курсу на упрощение архитектурных решений, заданному постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года.

Как подчёркивают специалисты, подобные изменения были обусловлены не только экономическими соображениями, но и идеологической переориентацией архитектурной мысли: отказ от избыточного декоративизма в пользу функциональности и типизации. В городе Душанбе это совпало с определённым спадом зодческой активности в 1960 -1970-х годах, что особенно проявилось в проектировании городской среды, включая ландшафтные и парковые зоны. Тем не менее, несмотря на упрощение форм, паркостроение продолжало развиваться, включая внедрение системного подхода и научно обоснованных методик планирования.

Примером такого подхода стал планировочный проект благоустройства Комсомольского озера, разработанный в 1954-1955 годах отделом планировки городов Государственного проектного института «Таджикгипрострой» под руководством архитектора Ю. В. Снеговского. Проект включал не только расширение самого озера, но и организацию обширной рекреационной зоны с многопрофильной инфраструктурой. В рамках реализации проекта были проведены масштабные работы: со стороны улицы имени Путовского (ныне проспект Исмоила Сомони) был обустроен главный вход, организован пляж общего назначения с разделением на мужскую, женскую и детскую зоны, построена лодочная станция. Вдоль всей территории были размещены малые архитектурные формы - фонтанчики, беседки, игровые площадки, садовые скульптуры, танцевальные площадки и зоны аттракционов. Дополнительно были сооружены летний театр, летний кинотеатр, летний

цирк, павильоны выставочного и игрового назначения, а также библиотека с открытой читальной зоной. Значительное внимание было уделено организации питания - построены кафе, ресторан, буфеты и чайхана. Центральной композицией служил фонтан с монументом, обрамлённый цветочными клумбами и декоративным озеленением.

Пространственное решение территории было выдержано в традициях симметричной планировки, с акцентом на центральную ось. Вход в парк был выполнен в виде трёхуровневой лестничной структуры: верхняя часть служила порталом, средняя — обзорной площадкой, а нижняя — началом главной аллеи. Последняя представляла собой широкую прямую линию протяжённостью 5–10 метров и шириной до 200 метров, вдоль которой располагались декоративные скульптуры на темы природы, сказочных персонажей и животных. Центральный фонтан, завершавший аллею, выступал визуальной доминантой всего ансамбля. Использование шарообразных светильников и оформление павильона в псевдоантичном стиле с элементами коринфского ордера и рваного камня [8] подчёркивало попытку стилистического сближения с западноевропейскими традициями.

Архитектор В. Житомирский, разработавший пляжную зону, предусмотрел аллею, идущую от входа до береговой линии, которая завершалась беседкой, разделявшей мужскую и женскую зоны. Вдоль пляжа была организована прогулочная аллея с декоративной балюстрадой и невысокими торшерами. Это решение подчёркивало стремление к архитектурной завершенности пространства даже при ограниченных художественных средствах.

Проект озеленения парка также был научно обоснован. Согласно дендрологическому плану, на территории были высажены шелковая акация, дуб различных видов, карагач, грецкий орех, каштан, лох серебристый, платан восточный и западный, тюльпановое дерево (лириодендрон), плакучая ива, пирамидальный тополь, а также декоративные кустарники - сирень, роза, спирея, испанский дрог, юкка, и даже отдельные виды пальм. Такое многообразие флоры не только обеспечивало декоративную насыщенность, но и способствовало созданию благоприятного микроклимата.

С инженерной точки зрения, проект озера был технически продуман: водоём площадью 22 га и глубиной до 4 метров наполнялся водой из Гавкушского канала, поступающей через северный берег. В южной части располагался шлюзовой колодец, через который вода по трубопроводу возвращалась в реку Душанбинка, проходя под Гиссарским каналом. Такая циркуляционная система предотвращала застой воды и регулировала уровень водоёма.

После проведения дополнительных работ в 2003 году, парк был модернизирован и получил завершенный облик. Вся территория от Большого Гиссарского канала до проспекта Исмоила Сомони была превращена в благоустроенное общественное пространство с малыми архитектурными формами, кафе, чайханами, детскими аттракционами и зелёными зонами. Объект получил новое название - «Молодёжный парк» и перешёл под управление Комитета по делам молодёжи и спорта столичного Хукумата.

В 1964 году Государственным проектным институтом «Таджикгипрострой» были разработаны «Основные положения развития города Душанбе на 1965 -1980 гг.» [10]. Этот документ стал важным этапом в уточнении градостроительных приоритетов столицы Таджикской ССР. Планировочная система была доработана в рамках сотрудничества с Московским проектным институтом «Гипрогор», где в работе над проектом приняли участие архитекторы В. Пекарский, С. Самонина, И. Ткачёв, инженер-экономист Т. Терещенко и инженер по транспорту В. Бирюков. 25 апреля 1966 года проект был официально утверждён правительством республики. Утверждение генерального плана означало переход к новому этапу архитектурного освоения города: здания, возводимые в центре Душанбе, приобрели черты, сочетающие современные конструктивные решения с элементами национального зодчества, отражая облик таджикской архитектуры 1960-х годов.

Градостроительная структура столицы в соответствии с новым планом формировалась с учётом естественного рельефа и гидрографической сети. Территория города, рассеянная руслом реки Душанбинки (Варзоба), была разделена на три крупных планировочных района, каждый из которых был рассчитан на 140–160 тысяч жителей [9,45]. Общественные центры в этих районах органично интегрировались в систему озеленения и водного регулирования. Зелёные насаждения проектировались в виде мощных зелёных коридоров вдоль водных артерий - реки Варзоб, Большого Гиссарского канала и системы оросительных каналов. Такой подход обеспечивал не только санитарно-гигиеническую функцию, но и формировал устойчивую ландшафтную структуру города.

Развитие садово-паркового искусства в Таджикистане в период 1950–1960-х годов стало важным этапом в формировании нового архитектурного и градостроительного облика городов республики. Этот процесс осуществлялся в условиях постепенного перехода от традиционных приёмов к рационализированным и функционально оправданным методам проектирования, соответствующим курсу советского градостроительства. Несмотря на ограничения, введённые постановлением 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», архитекторы продолжали развивать систему озеленения, стремясь к созданию не только функциональной, но и эстетически привлекательной городской среды. Устойчивое стремление к комплексному озеленению демонстрировало, что архитектурная мысль республики сумела адаптироваться к новым экономическим реалиям, не утрачивая при этом художественного содержания.

Будучи столицей, Душанбе выступал в роли экспериментальной площадки, на которой апробировались новейшие принципы ландшафтного проектирования. Реализация генерального плана 1948–1955 годов создала основу для масштабного озеленения городской территории, включая устройство парков, скверов, бульваров и набережных. Эти пространства обеспечивали рекреационные функции и в то же время служили важным элементом визуальной и символической идентичности советского города. Проекты реконструкции, такие как благоустройство Комсомольского озера, создание системных парковых зон, внедрение новых видов декоративной флоры, стали свидетельством того, что формирование среды происходило не спонтанно, а на основе научного планирования и государственного контроля.

Тем не менее, начиная с 1960-х годов, паркостроение столкнулось с определёнными вызовами. Экономические ограничения и идеологическая ориентация на типовые формы привели к упрощению архитектурных решений, стандартизации благоустройства, отказу от дорогостоящих элементов — скульптурных композиций, уникальных малых архитектурных форм, сложных орнаментальных решений. С одной стороны, это обеспечивало снижение затрат и ускорение темпов строительства, с другой — вело к утрате художественной выразительности городской среды. Однако даже в этих условиях таджикские архитекторы и ландшафтные инженеры стремились к сохранению баланса между функциональностью и эстетикой. Примером тому служит практика интеграции природных элементов — рек, зелёных массивов, террасированных склонов — в структуру жилых районов, что придавало парковой архитектуре уникальный региональный колорит.

Анализ развития садово-парковой архитектуры в Таджикской ССР в этот период позволяет заключить, что, несмотря на внешние ограничения, архитектурная школа республики проявила способность к инновациям в рамках заданных норм. Был создан комплекс озеленённых пространств, который учитывал как природно-климатические особенности региона, так и потребности быстрорастущего городского населения. Опыт, накопленный в 1950–1960-е годы, стал основой для формирования устойчивых принципов благоустройства и озеленения, оказав значительное влияние на последующее развитие городской среды в Таджикистане. Эти достижения не только вошли в архитектурное наследие, но и заложили фундамент для подготовки нового поколения специалистов — архитекторов, ландшафтных дизайнеров и урбанистов, ориентированных на гуманизацию городского пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боговая, И. О. Озеленение населенных мест: учеб. пособие для вузов / И. О. Боговая, В. С. Теодоронский. — М.: Агропромиздат, 1990. — 239 с.
2. Брудная, А. Ф. Агроклиматические ресурсы. Ч. 1 / А. Ф. Брудная, Л. А. Овчаренко. — Волгоград: Волгоградская правда, 1976. — 215 с.
3. Варданян, К. К. Озеленение как значимый санитарно- и психофизиологический фактор оптимизации городской среды // Зелёный журнал. — 2018. — Вып. 4. — С. 84.
4. Вергунов, А. П. Архитектурно-ландшафтная организация крупного города / А. П. Вергунов. — Л.: Стройиздат, 1982. — 134 с.
5. Веселовский, В. Г. Архитектура Советского Таджикистана / В. Г. Веселовский, Р. С. Мукимов // ВИА : в 12 т. — Т. 12, кн. 1. — С. 19–20, 132–134.
6. Воронина, В. Л. Народная архитектура Северного Таджикистана / В. Л. Воронина. — М.: Госстройиздат, 1959. — 85 с.
7. Воронина, В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии / В. Л. Воронина // Советская археология. — 1959. — № 1. — С. 84–104.
8. Галактионов, И. И. Декоративная дендрология / И. И. Галактионов, А. В. Ву, В. А. Осин. — М.: Высшая школа, 1967. — 316 с.
9. Гафуров, Б. Г. История таджикского народа. Т. 3 / Б. Г. Гафуров. — Душанбе: Ирфон, 1983. — 978 с.
10. Гетманченко, О. В. Использование принципов проектирования малого сада в экспресс-проектах приусадебных участков / О. В. Гетманченко, Б. М. Вяткина // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. — 2013. — № 1 (4). — С. 151–160.
11. Городские многофункциональные парки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://landscape.totalarch.com/node/71> (дата обращения: 31.03.2023).
12. Гвоздов, Б. В. Дендрология / Б. В. Гвоздов. — Л.: Гослесбумиздат, 1960. — 189 с.

ХУНАРИ БОҒДОРӢ ВА БӢСТОНСОЗӢ ДАР ШАҲРҲОИ ТОҶИКИСТОН ДАР ДАВРАИ ШАКЛГИРИИ ОН (ОХИРИ СОЛҲОИ 1950 - 1960)

Дар мақола рушди ҳунари боғу бӯстонсозӣ дар шаҳрҳои Тоҷикистон дар марҳалаи ташаккули он (охири солҳои 1950 ва солҳои 1960) мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Дар ин давра меъморӣ боғу бӯстон нақши муҳимро дар ташаккули муҳити шаҳрӣ иҷро мекард, ки унсурҳои табииро бо ҳаллу фаслҳои меъморӣ муттаҳид менамуд. Таҷассум ба равандҳои сабзгардонӣ дар шаҳри Душанбе бахшида шудааст, ки дар асоси Нақшаи кулли (генералии) солҳои 1948 -1955 низоми васеи кабудизоркунӣ ба роҳ монда шуд. Дар шаҳрҳои дигар, ба мисли Хучанд, Исфара, Конибодом ва Кӯлоб боғсозӣ дар ҳаҷми нисбатан маҳдудтар рушд кард, ки хусусиятҳои минтақавӣ ва шароити иқтисодиро инъикос менамуд.

Яке аз омилҳои асосие, ки ба рушди сохтмони боғу бӯстон таъсир гузошт, қарори Кумитаи Марказии Ҳизби Коммунисти Иттиҳоди Шуравӣ ва Шурои Вазирони ИҶШС аз соли 1955 таҳти унвони «Дар бораи баргараф кардани зиёдаравиҳо дар тарҳрезӣ ва сохтмон» буд. Ин қарор боиси даст кашидан аз унсурҳои гаронбаҳои ороишӣ, аз қабилӣ ҳайкалҳо, гулдонҳо ва сабадҳои гул гардид ва истифодаи роҳи ҳалҳои содатари меъмориро ба вучуд овард. Бар замми ин, боғҳои шаҳрӣ ва манотиқи сабз ғайлона рушд карданд ва фазои мусоиде барои фароғат ва муоширати иҷтимоӣ фароҳам оварданд.

Дар мақола лоиҳаҳои асосии меъморӣ - манзаравӣ, аз ҷумла бозсозии Кӯли комсомол ва бунёди Боғи ҷавонон дар шаҳри Душанбе мавриди таҳлил қарор гирифтаанд, ки намунаҳои барҷастаи ҳамгироии наботот ба муҳити шаҳрӣ маҳсуб меёбанд. Таҳқиқот таъсири сиёсати шаҳрсозии Шуравиро ба тарҳрезии ландшафти нишон дода, инчунин нақши ҳунари боғу бӯстондориро дар ташаккули симои шаҳрҳои Тоҷикистон таъкид менамояд.

Калидвожаҳо: ҳунари боғдорӣ ва парксозӣ, кабудизоркунӣ, Душанбе, Тоҷикистон, боғсозӣ, Кӯли комсомол, ободонӣ, меъморӣ, шаҳрнишинӣ, шаҳрсозии Шуравӣ, тарроҳии ландшафти.

САДОВО-ПАРКОВОЕ ИСКУССТВО В ГОРОДАХ ТАДЖИКИСТАНА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ (КОНЕЦ 1950–1960 ГГ.)

Статья рассматривает развитие садово-паркового искусства в городах Таджикистана в период его становления (конец 1950-х – 1960-е годы). В этот период садово-парковая архитектура играла важную роль в формировании городской среды, сочетая природные элементы с архитектурными решениями. Особое внимание уделено процессам озеленения в Душанбе, где на основе генерального плана 1948–1955 гг., была создана масштабная система зелёных насаждений. В других городах, таких как Худжанд, Исфара, Канибадам и Куляб, паркостроение развивалось в более ограниченных масштабах, отражая региональные особенности и экономические условия.

Одним из ключевых факторов, повлиявших на развитие садово-паркового строительства, стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Это привело к отказу от дорогостоящих декоративных элементов, таких как скульптурные композиции, вазоны и цветочницы, и внедрению более упрощённых архитектурных решений. Тем не менее, городские парки и зелёные зоны продолжили активно развиваться, формируя комфортное пространство для отдыха и социальных взаимодействий.

В статье проанализированы основные архитектурно-ландшафтные проекты, включая реконструкцию Комсомольского озера в Душанбе и создание Молодёжного парка, которые стали знаковыми примерами интеграции зелёных насаждений в городскую среду. Исследование демонстрирует влияние советской градостроительной политики на ландшафтное проектирование, а также подчёркивает роль садово-паркового искусства в формировании облика таджикских городов.

Ключевые слова: *садово-парковое искусство, озеленение, Душанбе, Таджикистан, паркостроение, Комсомольское озеро, благоустройство, архитектура, урбанизация, советское градостроительство, ландшафтный дизайн.*

GARDEN AND PARK ART IN THE CITIES OF TAJIKISTAN DURING ITS FORMATIVE PERIOD (LATE 1950s – 1960s)

This article examines the development of garden and park art in the cities of Tajikistan during its formative period (late 1950s – 1960s). During this time, garden and park architecture played a crucial role in shaping the urban environment, integrating natural elements with architectural solutions. Particular attention is given to the landscaping processes in Dushanbe, where a large-scale system of green spaces was established based on the 1948–1955 master plan. In other cities, such as Khujand, Isfara, Kanibadam, and Kulyab, park construction developed on a more limited scale, reflecting regional characteristics and economic conditions.

One of the key factors influencing the development of landscape gardening was the 1955 Resolution of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers «On the Elimination of Excesses in Design and Construction». This decree led to the abandonment of expensive decorative elements such as sculptures, vases, and flowerpots in favor of more simplified architectural solutions. Nevertheless, city parks and green spaces continued to develop actively, creating comfortable areas for recreation and social interaction.

The article analyzes major architectural and landscape projects, including the reconstruction of Komsomol Lake in Dushanbe and the creation of Youth Park, which became iconic examples of integrating green spaces into the urban environment. The study highlights the influence of Soviet urban development policies on landscape design and underscores the role of landscape gardening in shaping the appearance of Tajik cities.

Keywords: *landscape gardening, landscaping, Dushanbe, Tajikistan, park construction, Komsomol Lake, urban improvement, architecture, urbanization, Soviet urban planning, landscape design.*

Сведения об авторе: **Муҳиддинова Рухшона Қутфиевна** – кандидат архитектурных наук, ассистент кафедры «Дизайн архитектурной среды и реставрация» Таджикского технического университета имени академика М. С. Осими. E-mail: rmukhiddinova@inbox.ru

Information about the author: **Muhiddinova Rukhshona Qutfievna** - candidate of Architectural Sciences, assistant of the Department of Design of the architectural environment and restoration of Tajik technical university named after Academician M.S. Osimi. E-mail: rmukhiddinova@inbox.ru

УДК 811.49'373.21(582)"-02": 94

РАБОТАКСКАЯ НАДПИСЬ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА КУШАН

ЯКУБОВ Ю.,

Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

В 1995 году на древнем городище Работак, недалеко от Сурх-Коталия в Багланском Афганистане, была найдена бактрийская надпись, содержащая принципиально новые сведения по истории Кушан, в том числе об их языке, религии, этническом составе и других аспектах. Надпись была прочитана, расшифрована и опубликована С. Вильямсом и Дж. Грибом. Документ относится к первым годам правления Канишки I и составлен по его указу. В нём говорится о строительстве Bagolaggo - храма для богов.

В надписи сказано, что Канишка - «великий спаситель, праведный, справедливый, автократор, бог, достойный поклонения, получивший царство от Нани и всех богов, положивший начало (?) первому году так, как это нравилось богам». Далее в тексте провозглашается, что он «издал (?) эдикт (?) по-гречески, а затем переложил его на арийский язык» [10, 4]. После этого указа арийско-бактрийский язык заменил - греческий. Из содержания документа следует, что бактрийский язык был родным языком для кушан, поэтому он стал государственным.

С. Вильямс отмечает, что язык древнего населения Бактрии занимает уникальное место среди иранских языков, поскольку для его записи использовался греческий алфавит. Это было одним из последствий завоевания Бактрии Александром Македонским в IV веке до н. э. Несколько позже, после подчинения Бактрии кушанами, новые владельцы поначалу сохранили греческий язык в качестве основного административного, но затем довольно быстро перешли к использованию лишь греческого алфавита для записи слов бактрийского языка. Поворотный момент наступил, когда кушанский царь Канишка I впервые использовал бактрийский язык в качестве официального государственного на выпускавшихся им монетах. После первой эмиссии Канишки греческий язык навсегда исчез из монетных легенд и был заменён бактрийским (арийским) языком.

В первые века н. э. бактрийский язык мог с полным основанием считаться одним из важнейших языков древнего мира. Будучи языком кушанских царей, он, несомненно, был понятен народам всей огромной Кушанской империи, включавшей территории современного Афганистана, Северной Индии и части Центральной Азии. Даже после распада Кушанской империи на бактрийском языке продолжали писать, по крайней мере, ещё шесть столетий, что подтверждается наход-

ками надписей IX века в долине Точчи (Пакистан), а также фрагментами буддийских и манихейских рукописей, обнаруженных в далёком Турфанском оазисе в Западном Китае. Таким образом, использование литературного бактрийского языка продолжалось около тысячелетия [10, 3].

Как известно, среди лингвистов долгое время шёл спор о том, как называть язык Сурхкотальской и других надписей, составленных с использованием греческого и бактрийского алфавитов. Одни называли этот язык бактрийским, другие — тохарским.

Из Работакской надписи стало известно, что официальным языком Кушанского государства до Канишки был греческий, а затем стал бактрийский, который в тексте назван арийским языком.

Н. Симс-Вильямс указывает, что, в принципе, любой язык индоарийской группы мог быть назван «арийским». Однако ясно, что, говоря об арийском языке, Канишка имел в виду именно бактрийский язык, то есть язык самой надписи — подобно тому, как Дарий I в Бехистунской надписи имел в виду древнеперсидский, когда утверждал: «По воле Ахура-Мазды я составил другой текст на арийском, чего ранее не существовало» [10, 4]. Исследователь также отмечает, что трудно не обратить внимания на тот факт, что Канишка посчитал нужным особо подчеркнуть употребление «арийского языка» именно в момент, когда греческий язык был заменён бактрийским в легендах его монет [10, 4].

Из приведённого выше становится, очевидно, что в литературной традиции согдийский и хорезмийский языки, подобно бактрийскому, также назывались арийскими. Канишка отказался от греческого языка потому, что он был для него чужим, тогда как бактрийский был родным. Как известно, язык является одним из определяющих признаков этнической самоидентификации, следовательно, кушаны, вероятно, называли себя ариями.

Во время арабского завоевания Мавераннахра ислам в Согде распространялся на языке дари. По сообщению Наршахи, в 708 году Кутейба ибн Муслим организовал в Бухаре коллективную молитву (намаз), и поскольку бухарцы не знали арабского языка, намаз был совершен на дари [9, 55 - 56]. Возникает вопрос: откуда бухарцы, чей родной язык был согдийским, знали дари?

В государстве Сасанидов господствовали два языка - пехлеви и среднеперсидский (фарси). В источниках сасанидского периода язык дари не упоминается, поэтому нет оснований полагать, что он был привнесён арабами или персами, как утверждают некоторые узбекские авторы. Родина языка дари долгое время оставалась неизвестной. Работакский документ дал ответ и на этот вопрос. Как уже отмечалось выше, после распада Кушанской империи бактрийский язык продолжал использоваться в письменной и устной форме, по крайней мере, ещё шесть столетий - вплоть до эпохи Саманидов.

Таким образом, литературный бактрийский язык использовался в течение приблизительно тысячи лет. Он был официальным, литературным языком народов Центральной Азии и на момент арабского завоевания получил широкое распространение под названием дари. Слово «дари» означает «дворцовый язык», то есть официальный государственный литературный язык. При Тахиридах, особенно при

Сафаридах и Саманидах, язык дари стал государственным и оттуда распространился на запад - в современный Иран, где получил название «порси». Дари — это современный таджикский язык.

Теория о том, что язык фарси пришёл в Мавераннахр из Парса и вытеснил местные языки - согдийский, хорезмийский и бактрийский - во время арабского завоевания якобы с помощью иранских воинов, не имеет под собой оснований. Бактрийский язык (дари) уже был официальным и литературным языком жителей Центральной Азии задолго до прихода арабов. Именно поэтому согдийское общество хорошо знало язык дари, и поэт Рудаки, происходивший из знатной среды (IX век), стал основоположником таджикско-персидской литературы. Как человек образованный, он свободно владел официальным государственным языком дари — таджикским.

Следующим важным вопросом в изучении истории кушан является их религия. В науке преобладает мнение, что кушаны, особенно их цари, в том числе Великий Канишка, были последователями буддизма и его активными распространителями в Центральной Азии. Однако Работакская надпись посвящена строительству храма богов в самом Работаке, рядом с Сурх-Коталем, где ранее располагался династический храм огня кушанских царей.

В строках 9 и 10 надписи перечислены божества, статуи которых устанавливались в храме. Среди них - богини Умма и Нанна, Ормуз (Хурмуз), как бог благодетельный, а также Сарошард, Маздована, Насара, Михр, Махасена и Вишакка — всего 10 божеств. При этом в списке отсутствует ряд имён богов, известных по монетам самого Канишки, включая Варахрану, Арту, Ваю, Друваспу, Фарру, Ардохшу и других. Известно также, что в Сурх-Котале был построен династический храм огня. Канишка занимался его восстановлением, и в нём находились скульптурные изображения богов.

На монетах всех кушанских царей на плечах отчётливо изображаются языки пламени - символ зороастрийской веры. Все эти данные свидетельствуют о том, что кушанские цари, включая Канишку, исповедовали зороастризм. При этом они проявляли религиозную терпимость, в частности к буддистам, которым было разрешено строить храмы. Тем не менее, их национальной религией оставался зороастризм. Именно зороастризм, в том числе в зурванистской форме, был вероисповеданием, как местного населения Центральной Азии, так и кушанских и эфталитских правителей [14; 7, 435].

Из Работакской надписи следует, что в храме богов, помимо авестийских божеств, также стояли скульптурные изображения обожествлённых царей династии кушанов. В книге «Религия Согда» мною уже отмечалось, что в Согде, помимо храмов огня, существовали и храмы богов, и храмы Пенджикента являются именно такими [14, 45, 64-67]. Работакский документ подтверждает эту точку зрения.

В связи с буддизмом необходимо отметить, что исследователи буддизма Центральной Азии часто не учитывают особенности восприятия образа Будды местным населением. Жители региона воспринимали скульптурные изображения Будды в соответствии со своими религиозными представлениями. Например, профессор Б. Я. Ставиский обнаружил в пещерном храме Каратепе (Старый Термез)

изображение Будды в кольце пламени с надписью «Буддо-Маздо», то есть Будда в этом контексте отождествлялся с Ахурамаздой [11, 6].

В Бамиане на потолке ниши Малого Будды изображены боги зороастрийского пантеона, в том числе сцена нисхождения пророка Заратуштры с небес с миджмаром огня - в виде человека-птицы. Абу Райхан Бируни писал: «Маги утверждают, что он (Заратуштра) спустился с неба на крышу дворца в Балхе в полуденное время, и крыша раздвинулась для него. Виштасп пробудился от послеполуденного сна, и Заратуштра призвал его принять веру магов». Именно эта сцена изображена на потолке ниши Малого Будды в Бамиане [14, 42 - 43].

Указанные факты свидетельствуют о том, что бактрийцы воспринимали в образе Будды своего верховного бога - Ахурамазду. Возможно, что статуи Малого и Большого Будды Бамиана изначально были посвящены не Будде, а Ахурамазде. К сожалению, исследователи буддизма в Средней Азии зачастую игнорируют эту локальную специфику. Распространённое мнение о том, что буддизм стал доминирующей религией местного населения при Кушанах, не подтверждается фактами.

Одной из проблем кушановедения остаётся этническая принадлежность кушан и эфталитов. Некоторые тюркоязычные «учёные», не приводя убедительных доказательств, утверждают, что кушаны были тюрками. Однако Работакский документ ясно показывает, что кушанские цари считали себя ариями и принадлежали к европеоидной расе. В тексте Канишка перечисляет четырёх предков: Куджулу Кадфиза (прадеда), Виму Такту (деда), Виму Кадфиза (отца) и самого себя - Канишку. Само имя «Канишка» в таджикском языке означает «кенджа» - младший, последний по рождению.

Узбекский учёный А. Аскарлов в ранних работах утверждал, что население Центральной Азии в эпоху бронзы было европеоидным и ираноязычным [3, 129]. Однако в более поздних публикациях он пересматривает свои взгляды и называет это население тюркским [2, 129]. Ранее Аскарлов относил тюрков к монголоидной расе, но теперь он утверждает, что не только кушаны, но даже андроновцы, которых большинство исследователей считают ираноязычными и носителями раннеиранской культуры, были тюрками. Он пишет: «Не исключено, что арийцы изначально были не ираноязычными, а тюркоязычными. Когда арийцы во второй половине II тысячелетия до н.э. пришли в Иран через Среднюю Азию (другая часть - через Кавказ), их тюркский язык в преобладающей местной среде был вытеснен, и они вскоре перешли на иранский язык. В качестве завоевателей предводители пришлого народа возглавили сначала Мидийское, затем Ахеменидское царства и стали активно обожествлять ахеменидских царей, отрицая при этом пророческий статус Заратуштры. Когда ахеменидские цари заявляли, что они - настоящие арийцы, они, по-видимому, имели в виду свою власть и социальное положение, а не языковую или этническую принадлежность».

Таким образом, по версии А. Аскарлова, арийцы — это привилегированная часть кочевого населения, тюркоязычная военная верхушка, чья родина - евразийские степи. Он утверждает, что тюркоязычные племена были носителями андроновской культуры и что эта культура, распространившаяся по Великой степи, впоследствии

называлась Тюркской, Кыпчакской степью, а в позднем Средневековье - «Страной кочевых узбеков» [2, 13 - 19].

Из вышеизложенного следует, что, объявив арийцев тюрками, А. Аскарлов вскоре может заявить, что именно тюрки были создателями всей мировой цивилизации. Как говорится, «хотеть - не вредно».

До сих пор специалисты по андроновской культуре утверждали, что андроновцы были ираноязычными ариями, которые во II тысячелетии до н.э. завоевали Среднюю Азию, населённую дравидами, и как господствующая группа распространили среди местного населения иранский язык [5, 69-70; 8]. Однако, согласно новой гипотезе А. Аскарова, все древние кочевые евразийские племена - от ямной культуры до андроновской - были тюрками.

Другой узбекский исследователь - А. Ходжаев - анализировал китайский термин «юэчжи» и интерпретировал его как «роуэи», «руэи» или «руэи». Он пишет: «Основываясь на данных китайских источников, можно заключить, что царство Роуэ - Юэчжи существовало, по крайней мере, с XI века до 176 года до н. э. Китайское название этого государства является транскрипцией неизвестного нам слова на языке местного населения» [12].

Ходжаев верно интерпретирует слово «юэчжи» / «руэи»: по-таджикски «руз» означает «светлый». Речь в источниках идёт о народе, которого китайцы называли «белолицыми», - это были авестийские хионы, то есть кушаны. Далее он, подобно Аскарову, утверждает, что «роуэицы, как и хунну, относились к индоевропейской группе, но имели красновато-белый цвет кожи» [12, 73].

Как известно, в Авесте (Гушт-Яшт, параграф 29) кочевники туры во главе с Афрасиабом называются хиёнами. Китайские термины «ху» и «хунну» являются транскрипциями слова «хиён» и обозначают ираноязычные народы.

В 1980 году в провинции Шэньси были проведены раскопки дворца царства Западного Чжоу (XI-VIII вв. до н. э.). В ходе работ был найден ряд изображений людей с европеоидными чертами лица - узкими лицевыми формами, глубоко посаженными глазами, высокими носами и тонкими губами. На их головах были изображены остроконечные колпаки, верхушки которых были срезаны, а на образовавшейся плоскости вырезана перевёрнутая свастика. Как известно, свастика является древним родовым символом арийских племён, однако А. Ходжаев приписывает её хунну - тюркам [12, 73].

А. Ходжаев справедливо считает, что роуэицы были основателями Кушанского государства, но ошибочно полагает, что, поскольку они делились на пять ябгукняжеств (титулов), использование термина «ябгу» автоматически делает их тюрками [12, 75]. Относительно термина «ябгу» следует отметить, что в ряде лингвистических трактовок он был переведён некорректно. На самом деле этот термин может быть восходящим к форме *bagōga, *bagōga, то есть к словам *baga, *bogo, *bog - «царь» или «господин».

В заключение стоит подчеркнуть, что первоначальные тюрки, с точки зрения антропологии, относились к монголоидной расе, что зафиксировано в памятниках каменной пластики (см. рис. 1). Однако М. Аскарлов и А. Ходжаев игнорируют факт сохранения типичных тюркских антропологических изображений - с монго-

лоидными чертами. Что касается этнонима «узбек», то он происходит от имени Узбекхана, внука Чингисхана. Его потомок - Шайбанихан - был сыном этого Узбек-хана. Таким образом, этноним «узбек» (озбак) восходит к монгольскому происхождению и связан с монгольскими династиями.

Современные тюрки (турки), ставшие европеоидами, представляют собой отуреченных по языку потомков различных народов - греков, иранцев, армян и других европеоидных групп, населявших территорию современной Турции до тюркского завоевания. Сегодня они говорят на турецком языке. Этноним «тюрк» имеет иранское происхождение и связан с именем сына Фаридуна - Тура (Турака) [6, 130; 14, 28-32].

Что касается европеоидных узбеков, то, по сути, это таджики, оузбеченные по языку. Как известно, до тюрко-монгольского завоевания Средней Азии основное население региона составляли таджики.

Относительно хионов - белых и красных, - следует отметить, что это были европеоидные ираноязычные племена, обитавшие в западных областях Тибета и Китая с глубокой древности (см. рис. 2). Кушаны и эфталиты, по всей видимости, происходили именно из этой среды.

Рис. 2. Послы Чаганяна, Эфталиты в настенной живописи Афрасияба. Они и есть белый и красный хиони (китайские хуни).

Археологические данные по Таджикистану свидетельствуют о том, что в период расселения андроновских племён на территории Средней Азии, включая территорию современного Таджикистана, ни на одном из известных памятников не зафиксированы разрушительные последствия военных действий. Напротив, прослеживается процесс взаимной интеграции двух культур, существовавших параллельно. Об этом свидетельствуют материалы таких памятников бронзового века, как поселения Кангурттут, Тегузак, Тошгузар, а также могильники Бешкентской долины, Тулхар и ряд других.

В археологическом материале - керамике, металлических изделиях и украшениях - отчётливо проявляются черты как оседлой земледельческой, так и бешкент-

ско-вахшской скотоводческой и андроновской культур. Например, Н. М. Виноградова в анализе металлических изделий из поселения Кангурттут выделяет две традиции: земледельческую (булавки) и андроновскую (ножи, кинжалы, стрелы, пуговицы). В керамическом комплексе, состоящем преимущественно из посуды земледельцев, присутствует по 1- 2% сосудов, относящихся к Бешкентско-Вахшской и андроновской традициям. Виноградова характеризует ситуацию на поселении следующим образом: в земледельческую среду с юга проникли носители бешкентско-вахшской культуры, принешие с собой традицию изготовления лепной круглодонной посуды, а о присутствии андроновского населения свидетельствуют захоронения в горнах [4, 24- 40].

Лингвистический анализ имён кушанских царей и придворных показывает, что все они имеют иранское происхождение. Изображения царей на монетах также демонстрируют ярко выраженные европеоидные черты лица.

С учётом этих данных можно согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые связывают происхождение кушан с сакскими кочевыми племенами арийского корня. В частности, на это указывает имя главной богини, упомянутой в Работакской надписи - Умма. Она почиталась среди сакских племён северо-восточной Средней Азии. Слово «умма» (или «мума») до сих пор сохраняется в говорах таджиков Дарваза и Памира, где означает «мать». Умма, по-видимому, была и главной богиней кушанского племени юэчжи.

Таким образом, лингвистические, религиозные и антропологические данные убедительно свидетельствуют об арийском происхождении кушанских и эфталитских племён, включая правящую династию. Что касается хронологии, то начало правления Канишки обычно датируется 30-ми годами н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авесто – Яшты. - Душанбе, 2001. -790 с.
2. Аскарлов, А. Новые подходы к проблеме этногенеза тюркоязычных народов Центральной Азии / А. Аскарлов // Независимость и история: новые подходы к изучению истории Узбекистана: тез. докл. – Ташкент, 1997. - С. 13-19.
3. Аскарлов, А. Сапалитеппа / А. Аскарлов. – Ташкент, 1973. - 173 с.
4. Виноградова, Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы / Н. М. Виноградова. – М.: Наука, 2004.-250 с.
5. Гинзбург, В. В. Палеоантропология Средней Азии / В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. - М.: Наука, 1972. - 270 с.
6. Еремеев, Д. Г. Тюрк - этноним иранского происхождения / Д. Г. Еремеев // Советская этнография. - 1990. – № 3. - С. 130.
7. История таджикского народа. Т. 1. - Душанбе, 1998. - 719 с.
8. Кузьмина, Е. Е. Арии - путь на юг / Е. Е. Кузьмина. - М.: Логос, 2008. - 557 с.
9. Наршахи, А. Таърихи Бухоро / А. Наршахи. - Тегеран, 1323 [1944].-200 с.
10. Симс-Вильямс, Н. Новые бактрийские документы / Н. Симс-Вильямс // Вестник древнего мира. – 1997. – № 3. - С. 3. - 212 с.
11. Ставиский, Б. Я. Древности Кара-теппе / Б. Я. Ставиский.- М.: Наука, 1981. - 197 с.
12. Ходжаев, А. О трансформации «юэчжи» из топонима к этнониму / А. Ходжаев // O'zbekiston tarixi. - Ташкент, 2005. - № 4.
13. Якубов, Ю. Религия древнего Согда / Ю. Якубов. - Душанбе, 1996.- 257 с.
14. Якубов, Ю. Туран и туранцы / Ю. Якубов // Известия АН. Серия: Востоковедение, история и филология. - 1993. - № 3. - С. 28-32.

РАБОТАКСКАЯ НАДПИСЬ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЭТНОГЕНЕЗА КУШАНОВ

Документ найден в 1995г. на городище Работак около династического храма огня Кушанских царей Суркутал в Баглоне, в Афганистане. Надпись прочитана Симсом Вильямсом и Джо Кирри-бом. Документ является указом Кушанского царя Великого Канишки о создании храма богов - bogolaggo и установление в нем скульптурных изображений зороастрийских богов и царей Кушан: Куджулу Кадфиса, своего прадеда, Виму Такту, своего деда, Виму Кадфиза отца и самого себя. Здесь же Канишка издал эдикт о замене греческого языка на бактрийский - арийский язык, который стал государственным языком Кушан и после них ещё 600-лет до прихода Саманидов, был литературным языком всех народов Центральной Азии т.е. это язык дари- таджикский. Кушаны считали себя арийцами.

Ключевые слова: *Работакская надпись, Канишка, Суркутал, Баглон, bogolaggo, эдикт, греческий язык, бактрийский, арийский язык, Симс Вильямс.*

КАТИБАИ РАБОТАК ВА АҲАММИЯТИ ОНДАР ЭТНОГЕНЕЗИ КУШОНИЁН

Дар мақола дар бораи аҳаммияти «Катибаи Работак» марбут ба масъалаи этногенези Кушониён суҳан меравад. Катиба соли 1995 дар ёдгории замони Кушониён аз Работак назди маъбади оташи сулолави шоҳони Кушониён дар Сурхқутали Бағлони Афғонистон ёфт шуда, аз ҷониби Симс Вильямс ва Ҷо Кибб рамзкушоӣ шудааст. Катиба фармони Канишкаи Кабир дар бораи сохтани маъбади Худоён-bogolaggo ва дар он гузоштани ҳайкалони Худоёнӣ ойини зардуштӣ ва ҷаддаш, Кучула Кадфиз, бобояш Вима Такту, падараш Вима Такту ва ҳудаш Канишка гузошта шаванд. Дар ҳамин ҳуҷҷат Канишкаи Кабир фармон медиҳад, ки ба ҷойи забони юнонӣ забони давлатии Кушониён бохтарӣ - ориёӣ эълон шавад. Кушониён худро аз наҷоди ориёӣ мешумориданд.

Калидвожаҳо: *Катибаи Работак, Сурхқутал, Бағлон, Маъбади худоён, Bogolaggo, Канишкаи Кабир, Симс Вильямс, забони юнонӣ, забони бохтарӣ - ориёӣ.*

THE RABOTAK INSCRIPTION AND INSIGNIFICANCE FOR THE ETHNOGENESIS OF THE KUSHANS

The document was found in 1995 at the Rabotak settlement near the dynastic fire temple of the Kushan kings, Surkotal, in Baghlan, Afghanistan. The inscription was read by Sims-Williams and Joe Cribb. The document is a decree of the Kushan king, Great Kaniska, regarding the creation of a temple for the gods – **bogolaggo** – and the installation of sculptural images of Zoroastrian gods and Kushan kings: Kujulu Kadphises, his great-grandfather; Vima Taktu, his grandfather; Vima Kadphises the Elder, and himself. Kaniska also issued an edict in this document to replace the Greek language with the Bactrian-Aryan language, which became the state language of the Kushan Empire and remained the literary language of the peoples of Central Asia for another 600 years, until the arrival of the Samanids. This language, known as Dari, is the precursor to modern Tajik. The Kushans considered themselves Aryans.

Key words: *Rabotak inscription, Kaniska, Surkotal, Baghlan, bogolaggo, edict, Greek language, Bactrian, Aryan language, Sims-Williams.*

Сведения об авторе: **Юсуфшо Якубов** - доктор исторических наук, академик НАНТ, главный научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ. Телефон (+992) 93-877-56-22. E-mail: yakubov_37@mail.ru

Information about the author: **Yusufsho Yakubov**- doctor of Historical Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Chief Researcher of the Archaeology Department at the Institute of History, Archaeology, and Ethnography named after A. Donish NAST. Phone: (+992) 93-877-56-22. E-mail: yakubov_37@mail.ru

УДК 737.1(55): 94(73)"1930/1960"

ТАҲҚИҚИ ТАЪРИХИ СИККАЗАНӢ ВА МУОМИЛОТИ ПУЛИИ ДАВЛАТИ СОМОНИЁН ДАР ИЁЛОТИ МУТТАҲИДАИ АМРИКО ДАР СОЛҲОИ 30 – 60-и АСРИ XX

ШАРИФЗОДА А. Қ.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Таҳқиқи таъриху фарҳанг, ҷуғрофия ва захираҳои табиӣи дунё, аз ҷумла, кишварҳои Шарқ ва ҷамъоварии беҳтарин намунаҳои мероси таърихӣи онҳо яке аз ҳадафҳои стратегии Иёлоти Муттаҳидаи Амрико буда, дар ин кор ИМА рақибӣи асосӣи давлатҳои тамоми дунё ба ҳисоб меравад. Дар амалӣи шудани ҷунин ҳадаф осорхонаҳо, марказҳои таҳқиқотию таълимии мухталиф (паҷуҳишгоҳҳо, донишгоҳҳо, коллеҷҳо, ҷамъияту ташкилот) нақши басо ҳам муҳим мебозанд.

Аз ин ҷост, ки дар ИМА бузургтарин осорхонаҳо ва марказҳои таҳқиқотӣ амал менамоянд ва осори муҳимми илмӣ ба нашр расонда мешавад. Дар осорхонаҳои ИМА осори гаронбаҳои замони Сомониён ҷамъоварӣ шудааст.

Аз омӯзиши ғаёлияти ин марказҳо маълум мешавад, ки таъриху фарҳанги давраҳои гуногуни халқи тоҷик, аз ҷумла мавзӯҳои мухталифи марбут ба таърихи давлати Сомониён (807-1055) аз доираи ғаёлияти мутахассисон ва олимони амрикоӣ берун намондааст. Олимони амрикоӣ доир ба паҳлуҳои гуногуни таърихи давлати Сомониён таҳқиқоти арзишмандро анҷом додаанд.

Таърихи иқтисодӣи давлати Сомониён яке аз мавзӯҳои марказии таърихшиносии амрикоӣ мебошад. Аммо ин мавзӯи муҳим дар таърихшиносии Тоҷикистон дар сатҳи лозима мавриди таҳқиқ қарор нагирифтааст. Бинобар ин мо тасмим гирифтаем, ки дар мақолаи мазкур натиҷаи таҳқиқи марбути ҳешро ироа намоем.

Яке аз масоили мубрами таърихи таҳқиқи сикказанӣ ва муомилоти пулии давлати Сомониён дар ИМА ин муайян намудани ҷиғунагии воридшавии сиккаҳои сомонӣ ба қаламрави ин давлат мебошад. Бояд қайд кард, ки ИМА берун аз ҷуғрофияи муносибатҳои иқтисодӣи тичоратӣи давлати Сомониён қарор дошт. Ҳоло дар баъзе коллексияҳо ва осорхонаҳои ИМА сиккаҳои зиёди Сомонӣ ҷамъоварӣ шудаанд, ки таърихшиносии мавзӯи мазкур имконият медиҳад то роҳҳои воридшавии сиккаҳои сомонӣ ба ИМА ва мавзӯҳои мубрами таҳқиқшудаи марбут ба сикказанӣ ва муомилоти пулии давлати Сомониён дар ин кишвар муайяншаванд.

Соли 1858 дар шаҳри Нию Йорк «American Numismatic Society» (Ҷамъияти сиккашиносии Амрико, минбаъд: ANC) ёфт. Ин ҷамъият дар рушди минбаъдаи сиккашиносӣ ва осорхонакунонии сиккаҳо нақши муҳим мебозад. Таҳқиқи сиккаҳои исломӣ яке аз ҳадафҳои умдаи ANC ба ҳисоб меравад. ANC нашрия ва

осорхонаи худро дорад. Чамъияти мазкур нашрияҳои даврии «American Journal of Numismatics» (Маҷаллаи амрикоии сиккашиносӣ), «Numismatic Literature» (Адабиёти сиккашиносӣ), «American Numismatic Magazine» (Маҷаллаи сиккашиносии амрикоӣ) ва китобу феҳристҳои алоҳидаро роҷеъ ба сиккаҳо ва нишонҳо ба ҷоп мерасонад. Ҳоло он аз бузургтарин Маркази таҳқиқоти сиккашиносии ИМА ба шумор меравад [1].

Маркази хеле муҳимми чамъоварӣ ва таҳқиқи сиккаҳо Осорхонаи Метрополитен мебошад, ки он соли 1870 таъсис ёфта, дар фондаш беҳтарин намунаҳои мероси таърихӣ ниёкони мо маҳфузанд. Яке аз нашрияҳои илмӣ Метрополитен «The Metropolitan Museum of Art Bulletin» (Маҷаллаи санъати осорхонаи Метрополитен) ном дорад ва дар он натиҷаи таҳқиқоти сиккашиносӣ низ ба ҷоп мерасад.

Чунончӣ соли 1937 дар нашрияи мазкур мақолаи Аптон Ч. М. бо номи «The Coins from Nīshāpūr» (Сиккаҳои Нишопур) ҷоп шуд. Аз мухтавои мақола маълум мешавад, ки Метрополитен соли 1936 дар ёдгории Сабзпӯшони Эрон, ки боқимондаҳои шаҳри Нишопури асрҳои VIII - XIII мебошад, ковишҳои бостоншиносӣ ташкил намуда, дар рафти ин таҳқиқот дар баробари сиккаҳои гуногун се сиккаи сомонӣ – 1 дирҳам ва 2 фалс кашф гардида аст. Онҳо ба Нуҳи III ибни Мансур (976-997) мансубанд. Нигоранда вижагиҳои сиккаҳои сомониро шарҳ намедихад. Аммо онҳоро барои муайян намудани таърихи ёдгории Сабзпӯшон муҳим медонад [13, 38].

Дар шумораи мазкури ин нашрия мақолаи муҳаққиқони дигари Метрополитен - В. Ҳаузер [9, 23-36], С. Диманд ва С. Вилкинсон ба интишор гардида буд [3, 1-22]. Ҳарчанд муаллифони мазкур дар ин мақолашон доир ба сиккаҳои сомонӣ аз Нишопур кашфшуда ҳарфе намегӯянд, аммо баррасиҳои онҳо доир ба ин ёдгории замони Сомониён арзанда мебошанд. Викилсон С. минбаъд доир ба Нишопур асарҳои хеле муҳимми илмиро ба нашр расонидааст [15, 16]. Бояд гуфт, ки осори илмӣ ин олими шинохта барои таҳқиқи муқоисавӣ ёдгориҳои даврони сомонӣ Тоҷикистон, ба вижа Ҳулбук хеле муҳим мебошанд.

Инчунин соли 1937 мақолаи муҳимми Р. П. Блейк (1886- 1950) – «The Circulation of Silver in the Muslim East Down to the Mongol Epoch» (Гардиши нуқра дар Шарқи мусулмонӣ то давраи муғул) ба ҷоп расид. Муаллиф дар аввали мақолааш сабаби қатъ шудани содироти нуқраро аз Шарқ ба Аврупо масъалагузорӣ намуда, аз кашфи зиёди дирҳамҳо дар Россия ва Балтика ёдовар шуда, ҳатто яку якбора кашф шудани даҳҳо ҳазор дирҳамро, ки вазни умумии онҳо аз 400 кг ҳам зиёд буд, таъкид намудааст [1, 294].

Тибқи ҳулосаи ин муҳаққиқ ёфт шудани чунин миқдори зиёди дирҳамҳо дар бораи ҳаҷм ва ғайбӣ тичорате, ки байни қаблаҳои бутпарастии Аврупои Шимолӣ ва ҳамсояҳои мутамаддини онҳо дар ҷануб ва шарқ ба амал омадаанд, шаҳодат медиҳанд. Нигоранда дирҳамҳои аббосиро *сиккаҳои марказӣ* ва дирҳамҳои сомониро *сиккаҳои музофотӣ* номида, давраи аз соли 909 то соли 955-ро замони авҷи воридоти дирҳамҳои музофотӣ ба Аврупо меҳисобид [1, 295].

Баъди соли 975 воридоти дирҳамҳо ба Аврупо коҳиш меёбад ва аз соли 1012 пурра қатъ мегардад. Зеро дирҳами аз ҳама «ҷавон» соли 1012 зарб шудааст. Блейк

дар ин пажухиш ба яке аз зухуроти хеле равшани асри X дар сикказании сулолаҳои мусулмонӣ-паст шудани иёри дирҳамҳои онҳо ва бештар истифода шудани хўлаи филизи пастсифат дар сикказании онҳо аҳаммияти хоса додааст. Ў таъкид менамояд, ки барои дуруст омӯхтани ин зухурот моро лозим мешавад, ки рушди иқтисодии музофоти шимолу шарқии хилофат, яъне Варазрӯдро баррасӣ намоем.

Мавсуф ин масъаларо баррасӣ намуда, инчунин иброз менамояд, ки ҳокимияти сиёсӣ дар Варазрӯд мисли Эрони Сосонӣ мутамарказ набуд. Бозёфтҳои нумизматӣ аз он шаҳодат медиҳанд, ки тичорат тавассутироҳҳои поёноби дарёҳои Ому, Сирдарё ва даштҳои Турғай бо минтақаҳои ҷанғалии Сибири Ғарбӣ ва болооби Волга дар давраи Сосонӣ пасин оғоз шуда буд. Метавон илова кард, ки то имрӯз аз ин минтақаҳои Россия сикка ва зарфҳои симини замони Сосонӣ кашф мешаванд.

Аз баррасии мақолаи мазкур бармеояд, ки Роберт Пирпонт барои таҳқиқимавзуи гардиши нуқра дар қаламрави Сомонӣ сарчашмаҳои ҳаттӣ аз ҷумла «Таърихи Бухоро»-и Абубакри Наршаҳӣ, «Аҳсану-т-тақосим»-и Мақдисӣ ва осори илмӣ олимони Россия чун Х. Д. Френ, П. С. Савелев, А. Марков, П. Лерх ва В. В. Бартоldrо мавриди омӯзиш ва таҳлил қарор додааст.

Дар баробари баррасии иттилои сарчашмаҳои ҳаттӣ ва адабиёти илмӣ Р. Блейк хулосаҳои мустақилонаи хешро иброз намуда, дуруст қайд менамояд, ки забткориҳои арабҳо дар Варазрӯд илова ба сиккаҳои Умавӣ ва Аббосӣ сабаби зарби навӣ нави сикка – сиккаи бухорхудотӣ мешавад. Сипас, ӯ дар асоси маълумоти сарчашмаҳои ҳаттӣ, ба вижа иттилои Муҳаммад Наршаҳӣ таърих ва сабабҳои зарби сиккаи навӣ ғитрифиро дар Бухоро баррасӣ намуда, масъалаи аз хўлаҳои мухталиф зарб шудани чунин сиккаро хеле шубҳанок меҳисобад.

Ба фикри муаллифи мазкур ташаббускори асосии зарб шудани сиккаҳои пастиёри ғитрифӣ тоҷирони маҳаллӣ буданд. Зеро аллакай дар асри IX дирҳамҳои баландиёр ба хориҷ содирот мешуданд ва барои тичорати дохилӣ амалан дирҳам наменонд. Чун сиккаи пастиёр содирот намешуд ва онро тоҷирони хориҷӣ қабул намекарданд, ин сабаби дар бозори дохилӣ авҷ гирифтани гардиши сиккаҳои бухорхудотӣ мегардид. Дар аввал як дирҳам баробари 6 ғитрифӣ буд. Бо сабаби паст будани иёри филизи сиккаҳои ғитрифӣ ранги онҳо сиёҳ шуд. Мардум аз истифодаи онҳо даст кашиданд. Аммо ҳокими Бухоро хирочро бо сиккаи ғитрифӣ қорӣ кард. Ин сабаби ба таври сунъӣ баланд шудани қурби сиккаҳои бухорхудотӣ нисбат ба дирҳамҳо шуд.

Бояд иброз намуд, ки бо баланд шудани қурби сиккаҳои бухорхудотӣ ва мустаҳкам шудани мавқеи онҳо дар бозори дохилӣ барои содироти бештари дирҳамҳои иёрбалнд ба хориҷи қаламрави Сомонӣ имконоти бештар фароҳам оварда шуд [1, 300-302].

Блейк таъкид мекунад, ки ўро маълум нашуд, ки Сомонӣ худ сиккаи бухорхудотӣ мебароварданд ё не? Чун иттилои Наршаҳӣ доир ба сиккаҳои бухорхудотӣ дар мақолаҳои пешин ба таври муфассал баррасӣ шуда буданд, мо ин ҷо аз такрори гуфтаҳои Блейк вобаста ба ин асар худдорӣ менамоем.

Роберт Пирпонт дар идомаи мақолааш қайд менамояд, ки 80 ғисади тамоми дирҳамҳои аз қисми аврупоии Россия кашфшуда ҳамон дирҳамҳои сомонӣ

мебошанд, ки байни солҳои 862 – 975 зарб шудаанд. Ба назари муҳаққиқаксари дирҳамҳои сомони ба Аврупо содирот шуда, аз нуқраи конҳои Варазрӯд зарб мешуданд. Яъне, коркарди маъдан дар ин ҷо хеле тараққӣ карда, иёри конҳои нуқраи Варазрӯд нисбат ба нуқраи конҳои Эрон баланд буд.

Блейк ба таври маҳдуд роиҷ будани сиккаҳои бухорхудотиро дар шаҳри музофотҳои Варазрӯди қаламрави Сомониён аз шароити умумии иқтисодӣ вобаста медонад. Акнун таъсири Аббосиён ба сикказании Сомониён коҳиш меёбад. Сомониён бо нигоҳ доштани қурби пасти дирҳамҳо ва бо баланд бардоштани қурби сиккаҳои бухорхудотӣ дар бозоридоҳили содироти зиёди дирҳамҳои исмоилиро ба роҳ монда, бо ин роҳ талаботи Аврупо ба нуқра қонеъ менамуданд. Аз ин ҷост, ки меҳкадаҳои марказии Сомониён бо мақсади ҳарчи бештар ба даст овардани ғоида асосан барои содирот дирҳам мебароварданд. Ин аст сабаби асосии нисбат ба қаламрави Сомониён азхудуди кишварҳои Аврупо бештар ёфт шудани дирҳамҳои Сомонӣ Р. П. Блейк дар ин таҳқиқоташ доир ба сиккаҳои сомони ба ИМА воридшуда ҳарфе нагуфтааст.

Муҳаққиқони Метрополитен -М. С. Дайманд, В. Ҳаузер, Ч. М. Юптон ва С. К. Вилкинсонсоли 1937 таҳқиқи бостоншиносии Нишопурро идома медиҳанд ва натиҷаи онсоли 1938 аз ҷоп баромад [3, 1-22].

Тибқи навиштаи муаллифон дар қовишҳои онсола аз харобаҳои Нишопур 268 сикка кашф гардида буд. Аксари сиккаҳои ёфтшуда Аббосӣ буда, миқдори зиёди онҳо хуб боқӣ намондаанд. Бо тақя ба иттилои сиккаҳои Аббосӣ муаллифон оғози бунёди шаҳри Нишопурро нимаи дуюми асри VIII муайян намудаанд. Дар рафти қовишҳои соли 1937 ҳамагӣ 17 сиккаи сомонӣ кашф гардид.

Барои муайянсозии таърихи минбаъдаи Нишопур сиккаҳои сомонӣ аҳамияти хос доранд. Нигорандагон навъи сиккаҳои сомониро зикр намеkunанд. Тибқи навиштаи онҳо аз 17 сиккаи сомонӣ 1-тоаш ба Насри I ибни Аҳмад, як адад ба Насри II ибни Аҳмад ва 15 ба Нухи III ибни Мансур мансуб мебошанд.

Ба фикри ин муҳаққиқон сиккаи Насри I барои мушаххас намудани таърихи бунёди Нишопур аҳамияти илмӣ надорад. Зеро Сомониён то соли 899 ҳукумфармои Нишопур набуданд. Тоҳириён баъди соли 820 Нишопурро соҳиб шуданд ва он даррафти ҷанг бо Сафғориён хароб карда шуд. Ин шаҳр солисоли 892 ба дасти Сафғориён гузашт [3,6]. Нишопур дуҷумбора баъди онро гирифтани Сомониён боз вайрон гардид.

Метрополитенсолҳои 1938 - 1940 ҳафтриётро дар ёдгориҳои Нишопур идома бахшид. Аммо дар маводи роҷеъ ба натиҷаи ин қовишҳо нашрнамудаи аъзои экспедитсияҳо перомунӣ ёфт шудани сиккаҳои сомонӣиттилоъ дода нашудааст [10].

Олимони амрикоӣ дар баробари пешбурди таҳқиқоти ёдгориҳои замони Сомониён ба фаъолияти ҳамкасбони шуравии худ аҳамият дода, перомуникори онҳо маводи илмӣ ба нашр расониданд. Чунончи соли 1942 Ҳ. Филд ва Е. Простов натиҷаи ҳафтриёти солҳои 1937-1939 дар Ўзбекистон гузаронидашударо баррасӣ намуда, перомунӣ кашфи яксиккаи Насри II ибни Аҳмад (913-943) ва 1 сиккаи Абдулмалики I ибни Нух (954-961) иттилоъ додаанд.

Тибқи навиштаи муаллифон панҷ фалси сомони аз Пайканд ёфтшударо А. Биков муайян намудааст. Ҳ. Филд ва Е. Простов ба така ба кашфи сиккаҳои сомонӣ ба ин ҳулоса мерасанд, ки Пайканд дар замони Сомониён ободу шукуфон буд ва бо омадани Қарахониён он вайрон карда мешавад [4, 143 - 150].

Яке аз мавзӯҳои хеле печидаи сикказанӣ ва муомилоти пулии давлати Сомониён ин роиҷ будани сиккаҳои бухорхудотӣ дар қаламрави ин давлат мебошад. То таҳқиқи мавзуи мақолаи мазкур ба назар чунин мерасид, ки сиккаҳои бухорхудотӣ, ба вижа таркиби филизи дирҳамҳои ғитрифиро асосан олимони Россияи императорӣ ва олимони Иттиҳоди Шуравӣ аз ҷама бехтар таҳқиқ намудаанд.

Аз таҳқиқи осори илмӣ олимони амрикоӣ ошкор мешавад, ки таҳқиқи сиккаҳои бухорхудотӣ аз мадди назари онҳо низ дур намондааст. Баъд аз нашри мақолаи муфассали Р. П. Блейк, ки он дар боло мавриди баррасӣ қарор гирифта буд, соли 1945 устоди Донишгоҳи Мачиган Меҳмет А. О. роҷеъ ба яке аз навҳои сиккаҳои бухорхудотӣ – ғитрифӣ бо номи «An observation on the alloy of the «Ghitrifi» coins» (Мушоҳидае бар ҳулаи сиккаи «ғитрифӣ») натиҷаи таҳқиқи хешро ба нашр расонд. Ӯ дароғози мақолааш маълуми машҳур будани сиккаи ғитрифиро барои мутахассисони сиккаҳои исломӣ қайд карда, сипас таъкид менамояд, ки «To my knowledge no attempt has been made to determine the alloy of which these coins were minted» [12, 101]. Яъне, «Тибқи иттилои ман барои муайян кардани ҳулае, ки ин сиккаҳо аз он зарб шудаанд, кӯшише нашудааст».

Чунин ибрази назар намудани муаллиф роҷеъ ба таркиби ҳулаи сиккаҳои ғитрифӣ аз он шаҳодат медиҳад, ки ӯ аз таҳқиқоти олимони Россиягӣ П. Лерх, ки натиҷааш соли 1909 ба нашр расида буд, беҳабар мондааст [11]. Сипас, Меҳмет О. иттилои олимони асрҳои миёна Истрахрӣ, Наршаҳӣ, Ёқубӣ, Берунӣ ва Гардезиро доир ба сиккаҳои мусайябӣ, муҳаммадӣ ва ғитрифӣ таҳлилу баррасӣ намудааст. Ӯ дар охир ба чунин ҳулоса мерасад, ки ин сиккаҳо, аз ҷумла сиккаи ғитрифӣ аз омехтаи ҳулаи мису сурб зарб шудаанд [11, 103].

Ричард Нелсон Фрай (1920–2014) яке аз машҳуртарин муаррих ва забоншиноси Амрико буда, тамоми умри худро ба таҳқиқи таъриху фарҳанги Эрон бахшидааст. Мавсуф доктори фаҳрии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон мебошад. Таърихи сикказанӣ ва муомилоти пулии давлати Сомониён низ аз доираи таҳқиқоти ин олим берун намондааст.

Соли 1949 мақолаи муфассали ӯро Ҷамъияти сиккашиносони Амрико бо номи «Notes on the early coinage of Transoxiana» (Қайдҳо дар бораи сиккаҳои барвақтаи Варазрӯд) ба нашр расонд [5]. Ин асари Ричард Нилсон яке аз муҳимтарин таҳқиқоти сиккашиносӣ ба шумор меравад. Тибқи тақризи олимони дигари шинохта Ч. Волкер ин мақолаашро Фрай Р. Н. дар асоси боби «Зикри дирам ва сим задан ба Бухоро»-и «Таърихи Бухоро»-и Муҳаммад Наршаҳӣ навиштааст [14]. Бартарии Р. Н. Фрай дар таҳқиқи мавзуи мазкур, ки яке аз муҳимтарин ва дар навбати худ мушкилтарин мавзуи таърихи сикказанӣ ва муомилоти пулии Варазрӯд мебошад, ҳамин аст, ки муаллиф барои таҳқиқи он осори марбути муаллифони асрҳои миёна Табарӣ, Истахрӣ, Наршаҳӣ, Берунӣ, Ёқут, Ибни Ҳавқал ва сиккашиносону олимони машҳур Х. Д. Френ, В. Тизенхаузен, Р. Фасмер, П. Лерх, Г. Майлс, В. Бартолд, А.

Бернштам, А. Якубовский, Аллот де ля Фю, Л. Пул, Е. Томас, А. Ж. Совер, Е. Херсфелд С. А. Толстов, А. Фрейман ва дигаронро ба таври мукоисавӣ таҳлилу баррасӣ ва натиҷагирӣ кардааст.

Асари мазкур аз панҷ баҳши зерин иборат аст:

1. Қадимтарин сиккаҳои Варазрӯд;
2. Сиккаҳои Хоразм (Хеваи имрӯза);
3. Сиккаҳои Бухоро;
4. Сиккаҳои дигари суғдӣ.
5. Сиккаҳои аввали исломӣ то сулолаи Сомониён, асри даҳуми милодӣ.

Баҳши сеюм ва панҷуми ин таҳқиқот барои баррасии мавзуимақолаи мо асосӣ ба ҳисоб меравад. Р. Н. Фрай дар аввал иттилои Наршахиро доир ба таърихи сикказании Бухоро баррасӣ ва сипас онро бо иттилои сарчашмаҳои дигари хаттӣ мукоиса карда, чунин хулоса менамояд, ки аз се навъи сиккаи бухорхудотӣ, сиккаҳои мусайябӣ дар меҳкадаи Шош, сиккаҳои навъи ғитрифӣ дар меҳкадаи Бухоро ва сиккаҳои навъи муҳаммадӣ дар Самарқанд бароварда мешуданд.

Тибқи навиштаи ин муҳаққиқ то ба сари қудрат расидани Сомониён дар Варазрӯд сиккаҳои аббосӣ зарб мешуд. Ӯ сулолаи Сомониёнро як сулолаи аз Аббосиён мустақил меҳисобад [5,37]. Аммо ин мустақили аз замони волии Хуросон таъин шудани Талҳа ибни Тоҳир аз соли 822 оғоз мешавад. Зеро ин волии Тоҳирӣ дар Бухоро ва Самарқанд аз номи худ сикка мезад. Фрай Р. Н. таъкид менамояд, ки то замони Сомониён дар Варазрӯд, ки ӯ барои ифодаи он вожаи «Трансоксиана»-ро истифода мебарад, меҳкадаҳо чандон зиёд набуданд. Бо ба сари қудрат расидани Сомониён меҳкадаҳои нави Ахсикат, Тункат, Усрушана ба кор шуруъ менамоянд. Ин олими машҳур замони Сомониёнро давраи бехтарини гулгулшукуфии Варазрӯд ва таъмини амну бехатарӣ меҳисобад. Ӯ сабаби зиёдшавии меҳкадаҳои замони Сомониёнро дар таъмини бехатарӣ, зиёдшавии пул дар муомилот, афзудани хироч ва боин сабаб болоравии талабот ба пули нақд мебинад [5, 38]. Кашфи ганҷинаҳои зиёди сиккаҳои сомониро аз Аврупои Шимолӣ ва Шарқӣ натиҷаи рушди тичорати хориҷии Сомониён медонад. Сомониён бехатарии роҳҳои қорвонгузарро низ таъмин менамуданд. Бо таъмини бехатарӣ истеҳсоли нуқраи қонҳои Варазрӯд низ меафзояд.

Яке аз мавзӯҳои баррасӣ намудаи Ричард Фрай ин гардиши динар дар қаламрави Сомониён, аниқтараш дар Варазрӯд мебошад. Чи тавре ки дар таҳқиқоти пешина зикр намуда будем, баъзе аз муаллифони асрҳои миёна ба монанди Истаҳрӣ, Ибни Ҳавқал ва Ёқут гардиши динарро дар муомилоти пулии Бухоро инкор намуда буданд. Ҳарчанд Фрай Р. ин мавзӯро муфасссал баррасӣ накарда бошад ҳам, бо таъкид ба миқдори зиёди динарҳои сомонӣ дар коллексия ва осорхонаҳои Амрико чунин иттилои сарчашмаҳои хаттиро нодуруст меҳисобад [5,39].

Аммо, ба фикри ӯ дар табодули молу коло дирҳам бар динар бартарӣ дошт. Зеро тоҷирони хориҷӣ, ба вижа русҳо моли худро бештар ба дирҳам мефурухтанд. Муаллиф инро яке аз сабабҳои истихроҷи бештари нуқра дар Варазрӯд медонад. Дар охири баррасиҳо муаллиф дар асоси иттилои сарчашмаҳои хаттӣ ва сиккаҳо

пастшавии тадричии иёри дирҳамҳои сомониҳо қайд қарда, онро як масъалаи мушкили таърихи иқтисодӣ меҳисобад.

Фрай Р. Н. дар охири мақолаи мазкур матни тоҷикии бахши «Зикри дирам ва сим задан ба Бухоро»-и «Таърихи Бухоро»-и Муҳаммад Наршахи аз рӯи матни чопи соли 1936-и Техрон ҳамроҳ бо тарҷумаи англисии он пешниҳод менамояд [5, 40 - 49]. Мақолаи мазкури Р. Фрай дар таърихи сиккашиносии ИМА роҷеъ ба сиккаҳои Варазғӯд аз муҳимтарин таҳқиқот мебошад. Аз ин ҷост, ки он ба зудӣ аз ҷониби олими шинохта Ч. Волкер мавриди омӯзиш ва баррасӣ қарор гирифта, мавсуф ин таҳқиқи Р. Фрайро муҳим меҳисобад [14, 118-119].

Соли 1965 асари навбатии Р. Фрай бо номи «Bukhara: The Medieval Achievement» (Бухоро: Дастоварди асрҳои миёна) ба чоп расид [6]. Соли 2004 тарҷумаи форсии асари мазкур, ки М. Маҳмудӣ анҷом дода буд, рӯи ҷомро дид [7]. Соли 2016 тарҷумаи русии он низ ба нашр расид [8]. Тарҷумаи русӣ нисбат ба тарҷумаи форсӣ бо аниқӣ ва мушаххасии худ бартариҳои зиёде дорад.

Аз таҳқиқи ин асар маълум мешавад, ки муаллиф сикказанӣ ва муомилоти пулии Сомониёнро дар Бухоро мавриди баррасии ҷиддӣ қарор додааст. Ин муҳаққиқи номвар дар боби аввали асараш се навъи сиккаи бухорхудотиро баррасӣ қарда, ҳамзамон пайдо шудани катибаи арабиҳо дар онҳо натиҷаи ҷойгузини Сосониён шудани аъроб дар Варазғӯд меҳисобад [7, 45-46].

Албатта, ин фикри ӯ беасос нест. Ӯ хатти суғдии сиккаҳои бухорхудотиро «бухорӣ» меномад, на суғдӣ [7, 46]. Муаллиф дар идома аз саҳми олими машҳури шуравӣ Е. А. Давидович дар таҳқиқи сиккаҳои бухорхудотӣ ёдовар шуда, қайд менамояд, ки мавсуф ба ин натиҷа расида буд, ки фарқи асосии дирҳамҳои мусайябӣ, муҳаммадӣ ва ғитрифӣ, ки дар асрҳои IX - X дар нуқоти гуногуни Варазғӯд роиҷ буданд, дар иёри онҳост. Р. Фрай ин хулосаи Е. А. Давидовичро ҷонибдорӣ менамояд. Фрай Р. дар ин асараш иттилои китоби «Таърихи Бухоро»-и Наршахиро доир ба сикказании Бухоро бори дигар баррасӣ менамояд [8].

Тибқи навиштаи Наршахӣ ашрофу уламои Бухоро ҳангоми ба ин шаҳр ҳамчун ҳоким ворид шудани Исмоили Сомонӣ дар роҳаш сикка нисор менамоянд. Ӯ ба ин иттилои Наршахӣ тавачҷуҳ қарда, онро одати қадима меномад ва роиҷ будани ин одатро дар байникнязҳои рус зикр мекунад.

Сипас Р. Фрай сифати иёри дирҳамҳои сомониҳо баррасӣ қарда, чунин менависад: «Аз таҷзияи сиккаҳои мавҷуди Сомониён чунин бармеояд, ки ҷинси нуқра дар сиккаҳои авоили қарни даҳум оӣ аст, дар сурате ки дар поёни ҳамаи сада сиккаҳо танҳо дорои иёре аз нуқра ҳастанд, ки ҳамчун сиккаҳои баъд аз давраи сомонӣ аз ҳайси иёр ва марғубии нуқра рӯ ба таназзул ва ҳаробӣ аст» [7, 211-212]. Ӯ илова мекунад, ки камбуди зиёди нуқра дар кишварҳои исломӣ аз охири асри X то миёнаи асри XIII дар осори муаллифони асрҳои миёна зикр шудааст.

Аксари муаллифони асрҳои миёна сабаби асосии бухрони нуқраро аз байн рафтани суботи сиёсӣ, аз ҷумла дар афзоиши нуфузи қabilaҳои турк ва инқирози давлати ҳазарҳо дар ҷануби Русия қаламдод намудаанд.

Ричард Нилсон омили сиёсиро инкор накарда, омили иқтисодиро дар авҷёбии бурҳони нуқра хеле муҳим мешуморад ва чунин менигорад: «Бо баррасии шароити

иктисодии мавҷуд дар шаҳрҳо, яъне дар марокизи тичорат ва доду ситад ба ин натиҷа мерасем, ки шояд авомили иқтисодӣ бисёр асосӣ дар мавзуи камбуди нукра бештар дахил будаанд, гарчи натоиҷи адами суботи сиёсӣ низ қатъан дар ин чараён таъсири зиёде доштааст» [7, 212].

Муҳаққиқи мазкур сиккаҳои сомонино вобаста ба муомилоти пулӣ ва тичоратба ду навъи асосӣ - дохилӣ ва хориҷӣ ҷудо менамояд. Ӯ сиккаҳои бухорхудотиро ба навъи дохилӣ ворид карда, доираи гардиши онҳоро ба чанд шаҳри Варазрӯд маҳдуд доништа, онҳоро воситаи асосии муомилоти пулии дохилӣ меҳисобад. Дар идома вай дуруст қайд менамояд, ки ба хориҷ баровардани дирҳамҳои бухорхудотӣ бо сабаби паст будани иёри нукраи онҳо ғайриимкон буд. Зеро аврупоиҳо хостгори нукраи иёрбаланд буданд ва молу қолаи худро бо дирҳамҳои иёрбаланд мефуруштанд.

Аз тарафи дигар қурби сиккаҳои бухорхудотӣ дар Бухоро нисбат ба дирҳамҳои маъмули катибаи арабидору бидуни тасвир баланд буд. Ба гуфтаи Р. Фрай «Бо қоҳиши вусъати қаламрави Сомониён нархи тасъири (қурби) сиккаҳои бухорхудотҳо низ қоҳиш ёфт ва миқдори сурб ва филизҳои дигари онҳо бештар шуд. Вақте умарои Сомонӣ барои пардохти ҳуқуқи сипоҳиён ва дарбориён ва ниғаҳдории дарбори аризу тавил эҳтиёҷ ба пули бештарепаӣдо карданд, тамоил барои зарби сиккаҳои номарғубтарниз афзун шуд. Чанде нагузашт, ки натоиҷи иқтисодии ҳосил аз зарби ин қабил сиккаҳои номарғуб низ ба мансаи зухур (ошқору паидид шуд) расид» [7, 213].

Ҳарчанд фаъолияти меҳкадаҳои Сомониён мавриди баррасии муфассали Р. Фрай қарор нагирифтааст, номбурда меҳкадаҳои Самарқанду Чоҷ ва Андаробу Бухоро ҳамчун меҳкадаҳои асосӣ зикр карда, аз Балху Нишопур, ки ду меҳкадаи муҳимми Сомониён буданд, ёдовар намешавад. Ин муаллиф иқрор мешавад, ки аз ҷузыёти қоҳиши муомилоти пулии байни Варазрӯд ва Урупои Шарқӣ беҳабар аст, аммо бегумон ҳучуми варягҳо ва таҳкими Киеви Русро аз сабабҳои муҳимми фурупоиши муносибатҳои тичорӣ ва содироти дирҳамҳои сомонӣ меҳисобад.

Дигар масъалаи марбут ба сиккаҳои сомонӣ, ки Р. Фрай дар ин асараш таҳлил намудааст, камшавии дирҳамҳо дар таркиби ганчинаҳои аз Аврупо кашфшуда мебошад. Тибқи навиштаи ӯ «Миқдори зиёди сиккаҳои Сомониён аз замони Викингҳо, ки дар ганчинаҳои нукра дар Русия, Балтика ва Шветсия кашф шудаанд, бисёре аз донишмандонро ба ҳайрат овардааст» [8,73]. Мавсуф ҷунин ҳулоса менамояд, ки ганчинаҳои барвақтаи санаашон то соли 960асосан аз дирҳамҳои маъмули исломӣ иборат буданд. Аммо баъд аз соли 960 дар таркиби ганчинаҳо сиккаҳои румӣ, олмонӣ ва англосаксонӣ пайдо мешаванд. Дар охири асри X шумораи ганҷҳо торафт кам мешуд ва метавон тахмин кард, ки ягона сабаби қатъи робита бо Осиёи Миёна буд. Аммо сиккашиносони шуравӣ ва муаррихони Русияи асримиёнагӣ исбот кардаанд, ки дирҳамҳои Шарқӣ дар Русия ҳамчун пули нақд истифода мешуданд, зеро дирҳампораҳоезиёде пайдо шуданд, ки онҳо ними дирҳам ва ҷоряки онро ташкил медиҳанд ва славянҳо метавонистанд то охири асри X онҳоро истифода баранд. Бухрони дохилии нукра дар қаламрави Сомониён ҳамроҳ бо пайдоиши ҷиҳати ҷадид дар тичорат ва иқтисоди Аврупои Шарқӣ дар уфули иқтисоди шарқи ҷаҳони ислом нақши муҳиме доштааст [7, 214].

Ҳамин тавр, аз таҳқиқи мавзуи мақолаи мазкур маълум шуд, ки воридшавии сиккаҳои сомонӣ ба ИМА дар нимаи дуҷуми солҳои сиёми асри XX оғоз шудааст. Ин сиккаҳо дар натиҷаи қовишҳои бостоншиносӣ аз Нишопур кашф шудаанд. Қовишҳои бостоншиносӣ дар асоси шартномаи байни ҷониби Эрон ва осорхонаи Метрополитен ба имзорасида ташкил карда шуда, ин воридсозии қонунии сиккаҳои сомониёро ба ИМА таъмин кард.

Олимони амрикоӣ маводи нумизматӣ, аз ҷумла сиккаҳои сомониёро таҳқиқ намуда, дар асоси он давраи таърихӣ-қабатҳои фарҳангии ёдгориҳоро аниқ намуданд. Аз олимони Метрополитен Р. П. Блейк дар соли 1937 нисбат ба дигарон пирумуни сикказанӣ ва муомилоти пулии давлати Сомониён таҳқиқоти густурдатарро анҷом медиҳад.

Хулосаи ӯ ҳамин аст, ки аз соли 909 то соли 955 давраи авҷи воридоти дирҳамҳои сомонӣ ба Аврупо буда, аз соли 975 воридоти дирҳамҳо бо сабаби паст шудани иёри нуқра дафъатан қоҳиш меёбад ва соли 1012 пурра қатъ мегардад. Ба фикри ӯ ҳокимияти сиёсии Сомониён мисли Ҳукумати Сосониён дар Эрон мутамарказ набуд.

Дар охири солҳои 40-уми асри ХХР. Н. Фрай дар асоси таҳқиқи сарчашмаҳои ҳаттӣ ва осори илмӣ олимони машҳур доир ба таърихи сикказанӣ ва муомилоти пулии Осиёи Миёна муҳимтарин таҳқиқотро анҷом дод. Ӯ нақши Сомониёнро дар рушди сикказанӣ ва муомилоти пулии Осиёи Миёна ва муассир будани онро барои тичорат бо Аврупо муҳим шуморид. Бори нахуст изҳор намуд, ки дирҳамҳои ғитрифӣ дар Бухоро, мусайябӣ дар Чоч ва муҳаммадӣ дар Самарқанд зарб мешуданд. Ин дар илми сиккашиносӣ назари нав буд. Р. Фрай Сомониёнро аз Аббосиён мустақил дониста, таъкид менамояд, ки ба сари қудрат омадани Сомониён сабаби зиёд шудани меҳкадаҳо дар Варазрӯд мебошад. Зиёдшавии меҳкадаҳои Сомонӣ натиҷаи таъминисуботи беҳатарӣ, рушди иқтисод ва тичорати хориҷӣ, афзудани хироч ва талабот ба пули нақд қаламдод мешавад. Сомониён беҳатарии роҳҳои қорвонгузарро таъмин намуданд. Инчунин таъмини беҳатарӣ ба истеҳсоли бештари қонҳо мусоидат намуд.

Р. Н. Фрай бо тақя ба зиёд будани динорҳои сомонӣ дар осорхонаҳои ИМА иттилои баъзе муаллифони асрҳои миёнаро роҷеъ ба роиҷ набудани динорҳои сомонӣ дар муомилоти пулии Бухоро дуруст намеҳисобад. Муҳаққиқи мазкур дар таҳқиқоти минбаъдааш хулосаҳои зикршудаашро тақмил медиҳад.

Ӯ баъд аз соли 960 дар таркиби ганҷинаҳои Аврупо пайдо шудани сиккаҳои румӣ, олмонӣ ва англисаксониро яке аз сабабҳои қам шудани содироти сиккаҳои сомонӣ ба хориҷа медонад. Дар умум Р. Фрай шаҳри Бухоро муҳимтарин маркази ҳаёти сиёсӣ, фарҳангӣ ва иқтисодӣ қаламдод намуда, замони давлатдорӣи Сомониёнро давраи заррини асрҳои миёна меҳисобад.

АДАБИЁТ

1. Blake, R. P. The Circulation of Silver in the Moslem East Down to the Mongol Epoch / R. P. Blake // Harvard Journal of Asiatic Studies. – Harvard, 1937. – Vol. 2. – P. 291–328.
2. Dimand, M. S., Wilkinson, C. K. The Excavations at Nishāpūr, 1936 / M. S. Dimand, C. K. Wilkinson // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – New York, 1937. – Vol. 32. – P. 1–22.

3. Dimand, M. S., Hauser, W., Upton, J. M., Wilkinson, C. K. The Museum's Excavations at Nīshāpūr / M. S. Dimand et al. // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – New York, 1938. – Vol. 33 (Nov.). – P. 1–22.
4. Field, H., Prostov, E. Excavations in Uzbekistan 1937–1939 / H. Field, E. Prostov // Ars Islamica. – Michigan, 1942. – Vol. 9. – P. 143–150.
5. Frye, R. N. Notes on the Early Coinage of Transoxiana / R. N. Frye // Museum Notes (American Numismatic Society). – New York, 1949. – Vol. 1. – 49 p.
6. Frye, R. N. Bukhara: The Medieval Achievement / R. N. Frye. – Norman, 1965. – 299 pp.
7. Фрай, Р. Н. Бухоро: дастоварди қуруни вусто / тарҷ. М. Маҳмудӣ. – Техрон, 1969. – 273 с.
8. Фрай, Р. Н. Бухара в Средние века. На стыке персидских традиций и исламской культуры / Р. Н. Фрай. – М.: Центрполиграф, 2016. – 99 с.
9. Hauser, W., Wilkinson, C. K. The Museum's Excavations at Nīshāpūr, 1938–1940 / W. Hauser, C. K. Wilkinson // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – New York, 1942. – Vol. 37. – P. 81–119.
10. Hauser, W. The Plaster Dadj from Sabz Pushan / W. Hauser // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – New York, 1937. – Vol. 32. – P. 23–36.
11. Лерх, П. И. Монеты Бухар-худатов / П. И. Лерх // Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – СПб., 1909. – 161 с.
12. Mehmet Aga-Oglu. An Observation on the Alloy of the «Ghitrifi» Coins / M. Aga-Oglu // Museum Notes (American Numismatic Society). – New York, 1945. – Vol. 1. – P. 101–104.
13. Upton, J. M. The Coins from Nīshāpūr / J. M. Upton // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – New York, 1937. – Vol. 32. – P. 37–39.
14. Walker, J. The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society / J. Walker. – New York, 1949. – Vol. 9. – P. 118–119.
15. Wilkinson, C. K. Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period / C. K. Wilkinson. – New York: The Metropolitan Museum of Art, 1973. – 374 p.
16. Wilkinson, C. K. Nishapur: Some Early Islamic Buildings and Their Decoration / C. K. Wilkinson. – New York: The Metropolitan Museum of Art, 1987. – 328 p.
17. American Numismatic Society [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://numismatics.org> (дата обращения: 15.05.2025).

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ МОНЕТНОГО ДЕЛА И ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВА САМАНИДОВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ В 30 – 60-х ГОДАХ XX ВЕКА

Автором выявлено, что 30-60-е годы XX в. являются важным периодом в истории изучения саманидских монет и денежного обращения государства Саманидов в США. Во второй половине 30-х годов на основе соглашения между Ираном и музеем Метрополитен начались археологические исследования в Нишапуре – одном из важных центров государства Саманидов. В рамках соглашения американские ученые перевезли часть находок, в том числе саманидские монеты, в Метрополитен, где они их исследовали и опубликовали. Американские ученые достигли важных научных результатов.

Особенно важны научные результаты Р. П. Блейка и Р. Н. Фрая в этом периоде. Они оценили важную роль государства Саманидов как в развитии политической, экономической и культурной жизни, так и в развитии монетного дела и денежного обращения в X веке в так называемом Большом Хорасане, Иране, некоторых странах Восточной и Северной Европы. Вывоз саманидских монет в США продолжается и по сей день.

Ключевые слова: Государство Саманидов, историография, история, монетное дело, денежное обращение, Иран, Варазруд, Бухара, Нишапур, США, Американское нумизматическое общество, музей Метрополитен, Р.П. Блейк, Р.Н. Фрай.

—————МУАРРИХ – ИСТОРИК – HISTORIAN—————

**STUDY OF THE HISTORY OF COINAGE AND MONEY CIRCULATION THE SAMANID
STATE IN THE UNITED STATES OF AMERICA IN THE 1930-1960S
OF THE 20TH CENTURY**

The author determined that the 1930s-1960s are an important period in the history of the study of Samanid coins and monetary circulation of the Samanid state in the United States. In the second half of the 1930s, based on an agreement between Iran and the Metropolitan Museum, archaeological excavations began in Nishapur, one of the important centers of the Samanid state. Under the agreement, American scientists transported some of the finds, including Samanid coins, to the Metropolitan Museum, where they studied and published them.

The import of Samanid coins to the United States continues to this day. However, during this period, American scientists began to discover and study Samanid coins and achieved important scientific results.

The scientific results of R.P. Blake and R.N. Frye in this period are especially important. They assessed the important role of the Samanid state in the development of political, economic and cultural life, including the development of coinage and monetary circulation in the 10th century in the so-called Greater Khorasan, Iran, and some countries of Eastern and Northern Europe.

Key words: *Samanid State, historiography, history, coinage, money circulation, Iran, Varazrud, Bukhara, Nishapur, USA, American Numismatic Society, Metropolitan Museum, R.P. Blake, R.N. Frye.*

Сведения об авторе: Шарифзода Абдували - кандидат исторических наук, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ. Тел.: (+992) 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

Information about the author: Sharifzoda Abduvali - Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel: (+992) 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

◆—————◆

УДК 94(55)"09": 336.74(73)"1930/1960"

**ОПИСАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ГУРА ПО
СРЕДНЕВЕКОВЫМ ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ТРУДАМ ¹**

**САФАРЗОДА Н. Ш.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша**

Гур (Гор, на тадж. Гур, на перс. غور) на сегодняшний день является одним из юго-западных областей Афганистана. По рельефу это горная область, которая расположена в верховьях реки Харируд и Хашруд. На северо-востоке горы этой области более высокие – 4–5 тыс. м. Высота гор постепенно снижается в направлении юго-востока по течению реки Харируд, а в середине достигают высоту не более 800 м. Погода прохладная, постоянно дует сильный горный ветер.

По некоторым предположениям название «Гур» встречается в Авесте и на санскрите в форме «Гири», а в древнебактрийском приобрела форму «Гар» [1, 13], что означало «гора» или «горы». Удивителен тот факт, что в трудах греческих геогра-

¹Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа (III - начало XXвв), государственный регистрационный номер 0121TJ1211.

фов и историков, описавших области Ирана и Средней Азии, какие-либо сведения о Гуре отсутствуют [2, 142]. По мнению А. Панджшери это возможно связано с тем, что грекам не удалось подчинить эту область при завоеваниях Александра Македонского, и тем самым они не получили возможность ознакомления с этой местностью, чтобы дать хоть какие-то сведения.

Таким образом, топоним Гур логично истолковать как «горная область/район». Этому мнению придерживались также В. В. Бартольд и В. Томашек, прибавляя к указанным аргументам и тот факт, что жителей горных районов Средней Азии звали «гарча» [«gharcha»], «галча» [«ghalcha»], корни которых исходят от согдийских и бактрийских слов и означают горы/горный [5, 121–122].

Афганский историк Абдулхай Хабиби в комментариях к «Табакати Насири» утверждает, что до завоевания Хорасана арабами прежняя форма с буквой «г» – Гур/Гар сохранилась, а затем в силу отсутствия этой буквы в арабском, название «Гур» приобрела форму «Гур» [«Ghur»/«غور»].

К упомянутым аргументам, можно добавить и тот факт, что в наши дни в некоторых сохранившихся древних языках иранских народов слово гора/горы по сей день звучит как «гар» (в мазендаранском), «ғар» (в пушту).

Таким образом, можно согласиться с мнением, что название исторической области Гур, означает «горная местность» или «горная страна».

Как географическая область Гур описан в трудах средневековых географов востока. Сведений об этой области после образования державы Гуридов стало еще больше и подробнее в силу превращения данного региона в новый политический центр огромного государства в Хорасане.

У Ибн Хордадбеха сведения о Гуре очень скудны: «Из Гура до Балха три фарсаха. Гур – название гор и области, которая расположена между Гератом и Газной. Климат у нее холодный, земли широкие, рельеф страшный [7, 48].

В труде аль-Якуби название Гур встречается в форме Гурванд. Автор при описании походов войска наместника Хорасана Фадла Бармакида в 792 г. на долину Кабула и центральных областей сегодняшнего Афганистана пишет: «... и отправил войско под командованием Ибрахима ибн Джабраиля на земли Кабулшаха и присоединил к нему правителей и дикханов Тохаристана среди которых был и царь Бамияна – Хасаншер. Затем [войска Фадла ибни Яхьи Бармакида – Н. С.] отправились в тот край и покоряли город и ущелье Гурванд и Сарход и Бабдилистан и Шахбахар... И правители городов Кабулшаха – Кавсана, Мазира и Мархарда вместе со своими подданными просили у Фадла ибн Яхьи пощады и он пощадил их... А один из больших городов Кабула Джурвас Абд ар-Рахман ибн Самура покорял при Усмани ибн Аффани, но этот город ныне не покорен, и только купцы входят в него и выводят оттуда кабульские халильи (лекарственное растение). Джурвас – из городов Гура между Гератом и Газной [6, 74, 76].

Истахри описывая Систан, пишет, что самая большая река этой области – Хиндменд берет истоки с гор Гура. По его сведениям, «Гур является горной областью, вокруг которой расположены области проживания мусульман, а сами жители [Гура] неверные, и мусульман среди них не много [1, 16; 8, 257]. Макдиси почти повторяет те же сведения Истахри [11, 182, 206].

В «Худуд аль-алам» автор, которого неизвестен, схожая информация встречается при описании Герата: «И у него [Герата] есть большая река, истоки которой находятся между Гуром и Гузганом» [9, 55].

При описании Гузгана и его правителя автор «Худуд аль алам» пишет следующее: И все правители, которые находятся на территории Гарджистана и Гура подчиняются ему [правителю Гузгана – Н.С.Ш.].

О самой области Гур, пишет: «Гур – область среди гор и разломов. У нее свой царь, которого зовут «гуршах», и он подчиняется правителю Гузгана. В давние времена все жители Гура были неверными, а ныне большинство мусульмане [9, 60]. Сведения Ибн Хаукаля во многом похожи на описание «Худуд аль-алам», однако Ибн Хаукаль дает некоторые удивительные сообщения. В частности он говорит: «...во всем мусульманском мире нет места как Гур, где вокруг живут все мусульмане, а в середине неверные...». В другом месте пишет: «Горы Гура протянутся далеко, выйдя за пределы Бамияна, достигнув Вахана, Чача до земель тюрков и хирхизов [12, 179].

В географическом трактате Мухаммада ибн Наджиба Бакрана – «Джахан-наме» также есть некоторые упоминания о Гуре. В частности, автор изложил следующее: «Хирменд – знаменитая река, которая берет истоки с территории гор Гура и Гарджистана. Затем она проходит по территории Давара, Буста и течет в сторону Систана и впадет в морей Зара» [14, 51].

Якут аль-Хамави пишет о Гуре следующее: «Джурвас – город среди гор Гура между Гератом и Газной» [15, 87].

Гардизи при упоминании событий времен саманидского эмира Мансура ибн Нуха (961–976) сообщает о том, что некий полководец по имени Абу Али Мухаммад Тулаки взбунтовался и укрылся в крепости Тулак собрав вокруг себя приверженцев. Против него эмир Абульхасан [ибн Симджур – саманидский наместник Хорасана и военачальник – Н.С.] отправил Абуджафара Забади и тот нашел его в крепости Тулак и после того как он просил пощады, привез его в Нишапур. И этот Абуджафар Забади отправился в Гур и покорял несколько из крепостей Гура [10, 236].

Подробности данного инцидента не известны. Обращение к другим источникам не дало нам каких-либо сведений об этом событии. Можно утверждать чисто по логическим принципам что, возможно была кратковременная осада крепости Тулак, после чего взбунтовавшийся Абу Али Тулаки сдался отправленному против него Абуджафару. И те другие крепости, которых покорял затем Забади возможно, также были причастны к мятежу.

Схожее событие есть также в «Сиясетнаме» Низам аль-Мулька Туси – известного визиря Сельджуков. В этой книге есть специальная глава, где речь идет о мятеже в областях Гура и Гарджистана, которые были подняты «карматами и батинитами». Это событие по утверждению автора «Сиясетнаме» происходило при эмире Исмаиле Самани (892–907). В 907 году правитель Герата Мухаммад Харсама отправив письмо эмиру Исмаилу, сообщил ему что группа из 10 тыс. людей под руководством человека по имени Бубиляль подняли восстания в горах Гура и Гарджистана и стремятся увеличивать количество своих приверженцев из

числа населения прилегающих районов. Эмир Исмаил выбрав 500 своих опытных бойцов под командованием Бегаша, отправил их с письмом к наместнику Хорасана Абуали Марвази и приказал им вместе идти за помощью Харсаме в Герат. Отправленное войско эмира Исмаила подавило восстание Бубилаяла, взяв в плен его самого вместе с 10 руководителями восстания, которые впоследствии были казнены [18, 310; 21, 297–299].

История Гура описана В. В. Бартольдом в той части его труда, где тема посвящена Герату и течению Герируда [3, 70–82]. Цитируя слова путешественника Ферье, Бартольд пишет следующее: «...вся эта горная страна может быть рассматриваема, как одна громадная крепость, воздвигнутая в центре и в самом высоком месте большой азиатской возвышенности; откуда ни подойти к ней, везде надо переходить высокие и крутые горы, которые и внутри прорезывают страну по нескольким направлениям, особенно с востока на запад [3, 73–74; 19, 354; 20, 62].

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на то, что население Гура (или же его большая часть) еще не приняла ислам при Тахиридах, Саффаридах и возможно даже Саманидах, территория Гура административно подчинялась правителям Хорасана, и считалась одной из регионов Гератской части Хорасана.

Трактат Фахраддина Мубаракшаха – «Адаб аль харб ва шуджаа» (Правила ведения войны и мужество) сообщает о Гуре следующее: «Цари Гура чаще воевали с клинком и копьем и султан Мухаммад Сам (да будет доволен им Господь) хорошо кидал твердую стрелу» [16, 272].

В историческом труде Хамдаллаха Мустауфи Казвини (1281–1350) – «Тарих-и гузида» (Избранная история) есть интересные сведения о Гуре, где говорится: «Султан Махмуд [Газневи] шел на войну против Гуридов, которые были неверными в то время. Некая личность по имени Сури был их уважаемым человеком [лидером – Н. С.]. Воевали и Сури был убит, а его сын взят в плен, из-за ярости выпил яд, который был у него на перстне и умер. Таким образом, область Гур покорялась исламу и была подчинена султану [17, 393].

Сведения Казвини в этом рассказе имеют некоторые противоречия с другими источниками. Нами уже были упомянуты слова автора «Худуд аль-алам» относительно того, что, большинство или по крайней мере половина жителей Гура в X веке были мусульманами. Известно, что лозунгами всех походов и войн Махмуда Газневи были религиозными, следовательно, логично делать заключение, что вероятно Гур не подчинялась Султану Махмуду, и тот решил объявлять их неверными, чтобы иметь повод для похода в данный регион.

Однако, географические сведения Мустауфи о Гуре в другом его труде – «Нузхат уль-кулуб» имеют ценность [4, 396–397]. По его описанию: «Гур – это область, центральным городом которой называется Ахангаран...примерно тридцать деревень находятся в этой области».

С приходом во власть династии Шинасбанидов и впоследствии образовании империи Гуридов, область Гур стала политико-административным центром огромной державы. Гуриды при Гияс ад-Дине (1163–1202) и Муизз ад-Дине (1173–1206) расширили границы своего государства до Центральной Индии [13, 435; 19, 354].

В частности, Гияс ад-Дин очистил областей к северу от Гура, а также Герат и Нишапур от огузов, а Муизз ад-Дин создав плацдарм в Газне расширил территорию государства на востоке до самого Дели.

Таким образом, анализ сведений исторических и географических трудов показывает, что границы историко-географической области Гур почти не изменились несмотря на то, что выходцами этого региона было создано огромное государство. Возможно, фактором такой относительной «статичности» границ области было природно - географическое положение региона. Поскольку в более низменных регионах случились относительные изменения (расширение/сужение) административных границ областей в зависимости от политической обстановки.

Также, сведения некоторых источников указывают на то, что возможно до монгольского нашествия Бамиян, также была частью исторической области Гур.

АДАБИЁТ

1. Аҳмади Панҷшерӣ, Азиз. Ҷуғрофиёи таърихӣи Гур / Азиз Аҳмади Панҷшерӣ. – Кобул, 1360 [1981]. – 311 с.
2. Энциклопедияи миллии тоҷик. Ҷ. 5. – Душанбе, 2017. – С. 142–143.
3. Бартольд, В. В. Работы по исторической географии и истории Ирана / В. В. Бартольд // Сочинения. Т. 7. – М.: Наука, 1971. – 661 с.
4. Крачковский, И. Ю. Избранные сочинения. Т. 4: Арабская географическая литература / И. Ю. Крачковский. – М., 1957. – 928 с.
5. Бартольд, В. В. Общие работы по истории Средней Азии / В. В. Бартольд // Сочинения. Т. 2, ч. 1. – М.: ИВЛ, 1963. – 1024 с.
6. Яъқубӣ, Аҳмад ибни Абӣқуб. Ал-Булдон / тарҷумаи доктор Муҳаммадиброҳими Ояӣ; баргардонандаи хатти форсӣ ба кириллӣ Некрӯз Сафарзода. – Душанбе: СИЭМТ, 2022. – 220 с. – ISBN 978-99986-0-013-6.
7. Ибни Хурдодбеҳ, Убайдуллоҳ ибни Абдуллоҳ. Масолик ва мамалик / тарҷ. Саъид Хокранд; баргардон. Некрӯз Сафарзода. – Душанбе: СИЭМТ, 2022. – 232 с. – ISBN 978-99986-0-012-9.
8. Истаҳрӣ, Абуисҳоқ Иброҳим. Масолик ва мамалик / ба кӯшиши Эраҷи Афшор. – Техрон, 1373 х.ш. [1994]. – 580 с.
9. Худуд-ул-олам мина-л-Маширик ила-л-Мағриб. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 588 с.
10. Гардезӣ, Абусаъид Абулхай ибни Заҳҳок. Зайну-л-аҳбор / ба эҳтимоми Раҳим Ризозодаи Малик. – Техрон: Анҷумани осор ва мафоҳири фарҳангӣ, 1384 х. [2005]. – 708 с. – ISBN 964-7874-98-7.
11. Муқаддасӣ, Муҳаммад ибни Аҳмад. Аҳсану-т-тақосим фӣ маърифат-ил-ақолим / тарҷ. Алинакии Мунзавӣ. – Техрон, 1361 х.ш. [1982]. – 286 с.
12. Ибни Хавқал. Сурату-л-арз / тарҷ. ва тавзеҳ Ҷ. Шиър. – Техрон, 1366 х.ш. [1987]. – 455 с.
13. Амиршоҳӣ, Нурмуҳаммад. Давлатдорӣи тоҷикон дар асрҳои IX–XIV / Н. Амиршоҳӣ. – Душанбе, 1998. – 1008 с.
14. Бақран, Муҳаммад ибни Наджиб. Джаҳан-наме / таҳия ба чопп М. А. Раяҳи. – Техрон, 1342 х. [1963]. – 140 с.
15. Ҳамавин Бағдоӣ, Ёкути. Муъҷаму-л-булдон / китобхонаи онлайни: tarikheslam.com. – Санаи боргирӣ: 8.08.2012. – Ҷ. 1: 1064 с.; Ҷ. 2: 990 с.
16. Муборақшоҳ Фаҳраддин. Адаб ал-харб ва шуджаат / таҳ. А. Сухайли Хансари. – Техрон, 1342 х. [1963]. – 586 с.
17. Мустауфи, Хамдаллах. Тарих-и гузида (Избранная история) / таҳрир д-р Абдулхусайн Наваби. – 1339 х. [1960]. – 915 с.
18. История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа / под ред. акад. Н. Негматова. – Душанбе, 1999. – 790 с.
19. Негматов, Н. Н. Государство Саманидов / Н. Н. Негматов. – Душанбе: Дониш, 1977. – 280 с.
20. Тусӣ, Хоҷа Низомулмулк. Сиёсатнома (Сияру-л-мулк) / таҳрир Ҳюберт Дорк. – Техрон: Бунгоҳи тарҷума ва наъри китоб, 1347 х. [1968]. – 455 с.

ТАВСИФИ ҶУҒРОФИЁИ ТАЪРИХИИ ГУР БАР АСОСИ АСАРҲОИ ҶУҒРОФИЁИИ АСРИ МИЁНА

Вилояти таърихӣи Гур яке аз сарзаминҳои аҷдоии миллати тоҷик аст, ки дар таърихи на танҳо тоҷикон, балки дигар миллатҳои минтақаи Осиёи Марказӣ ҷойгоҳи ҳосе дорад. Тавсифи ҷуғрофиёи ин сарзамин аз ибтидои забткориҳои арабҳо дар Хуросон дар осори таърихӣ ва ҷуғрофӣ мушоҳида мешавад.

Ташкили давлати муктадири Ғуриён бо марказияти шаҳри Фирӯзкӯҳ (соли 1148) таваҷҷуҳи таърихнависон ва ҷуғрофиёнигорони асримиёнагиرو ба ин каламрав бештар қард ва дар ин замина матолиби арзишманде фароҳам шуданд, ки ниёз ба таҳқиқ ва баррасӣ доранд.

Дар мақолаи мазкур муаллиф кӯшиш кардааст, ки ҷуғрофиёи таърихӣ ин сарзамини аҷдоии миллати тоҷикро бо тақя ба маълумоти осори арзишманди таърихӣ ва ҷуғрофӣ мавриди таҳлил ва баррасӣ қарор диҳад ва ҳулосаҳои худро дар пайи он ироа намояд.

Калидвожаҳо: *Ғур, Хуросон, кӯҳистон, роҳҳои қорвоғузар, ҷуғрофиё, вилоят, Систон, Ҳирот, Ғарҷистон, Ғуриён, марзҳои ҷуғрофӣ, маркази маъмурӣ, қалъа.*

ОПИСАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ГУРА ПО СРЕДНЕВЕКОВЫМ ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ТРУДАМ

Историческая область Гур — одна из исконных земель предков таджикского народа, занимающая особое место в истории не только таджиков, но и других народов Центральноазиатского региона. Описание географии этой области можно встретить еще в историко-географических трудах времен начала арабских завоеваний Хорасана.

Создание могущественного государства Гуридов с центром в городе Фирузкух (1148 г.) стало поводом особого внимания средневековых историков и географов к этому региону, и в этой связи были созданы ценные материалы, которые необходимо исследовать и обсуждать.

В данной статье автор попытался проанализировать и обсудить историческую географию этой части исконной земли таджикского народа, полагаясь на сведения ценных историко-географических трудов, и представляя по его результатам свои соответствующие выводы.

Ключевые слова: *Гур, Хорасан, горы, караванные пути, география, регион, Систан, Герат, Гарджистан, Гуриды, географические границы, административный центр, крепость.*

DESCRIPTION OF THE HISTORICAL GEOGRAPHY OF GUR BASED ON MEDIEVAL GEOGRAPHICAL WORKS

The historical region of Ghur is one of the original lands of the ancestors of the Tajik people, occupying a special place in the history of not only the Tajiks, but also other peoples of the Central Asian region. A description of the geography of this region can be found in historical and geographical works from the beginning of the Arab conquests of Khorasan.

With the creation of the powerful state of the Ghurid dynasty with its center in the city of Firozkoh (1148), this became the reason for special attention of medieval historians and geographers to this region, and in this regard, valuable materials were created that need to be studied and discussed.

In this article, the author tried to analyze and discuss the historical geography of this part of the original land of the Tajik people, relying on information from valuable historical and geographical works, and presenting his own conclusions based on its results.

Key words: *Ghur, Khorasan, mountains, caravan routes, geography, region, Sistan, Herat, Gharjistan, Ghurids, geographical boundaries, administrative center, fortress.*

Сведения об авторе: Сафарзода Некруз Шоди — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Ак. Раджабовых, 7. Тел.: (+992) 985-88-08-10. E-mail: nekruz_tj@mail.ru.

About the author: Safarzoda Nekruz Shodi — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish NACT. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Ak. Rajabovs, 7. Mobile phone: (+992) 98-588-08-10. E-mail: nekruz_tj@mail.ru.

УДК 75.052(58): 656.61: 94(5)

ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ТАЙНА: СУДОХОДСТВО В МИНИАТЮРНОЙ ЖИВОПИСИ

ФРАНСИС Р.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Проблема использования рек и морских путей в Центральной Азии - важная тема для историков [2,34-49]. Но изменения в русле рек и значительные климатические колебания делают исследования этой проблематики очень сложными, поскольку хронологию различных трансформаций весьма трудно установить. Для изучения этого вопроса существует лишь несколько источников, имеющих отношение к данной проблеме.

Вероятно, количество пригодных для использования водных путей, помимо Амударьи и Сырдарьи, значительно варьировалось, главным образом в зависимости от течения притоков этих двух рек. Важно было и положение устья реки Аму, а также существовавшего канала, связывающего Аму с Хазарским (Каспийским) морем[1;12,996-997].

Как бы то ни было, река Джайхун (Оксус или Аму) всегда играла очень важную роль в истории иранского мира[11,65-67]. Это нашло отражение в некоторых иллюстрациях классических персидских текстов. Долгое время река также обозначала границу между территориями, например, между Ираном и Тураном [10,231-240] (рис. 1). Нередко переправа через реку была сложной для солдат и купцов, поэтому они использовали особые суда [9, 513-517].

Учеными опубликованы интересные документы о периоде 1850-1920 годов. О более ранних исторических периодах сообщения источников весьма бедны и неточны [8,1-3], в основном для Каспийского моря. В них имеются лишь некоторые упоминания о лодках, использовавшихся для переправы через реку в античную эпоху или во время завоевания Надиршаха (ок. 1740 г.). [6, 7680-7682].

Среди росписей Афрасиаба в Самарканде есть изображение лодки (рис. 2), которая имеет весла. Это изображение достаточно причудливо и представляет собой небольшое, округлое, плоскодонное судно, способное передвигаться по мелководью. Данный тип судна должен был быть хорошо знаком жителям региона. Вероятно, он похож на лодки, которые использовались хотанцами, китайцами были известны согдийцам. Они, вероятно, были предназначены для плавания по рекам в бассейне Тарима, например, в районе Кучи или Карашахра.

Говоря о мореплавании, нельзя не упомянуть знаменитые набеги русичей на Каспий (863-1041 гг.), ведь русские торговые суда бороздили Волгу на протяжении нескольких веков. Благодаря скандинавским мореходам-викингам русичи получи-

ли в свое распоряжение очень эффективные лодки - знаменитые *драккары* (рис. 3). Таким образом, реки и протоки, безусловно, значительно облегчали развитие торговли в эпоху Саманидов, особенно в направлении России и Скандинавии [4,23-28].

До X века, а затем с XIII по XVI века по Амударье можно было попасть в Каспийское море. Несмотря на то, что торговля велась в основном наземным путем посредством караванов, возможность обмена через водные артерии также заслуживает внимания. В течение некоторого времени подобная возможность, несомненно, служила существенным подспорьем для развития экономики новой империи Саманидов.

Специфические суда, нагруженные товарами, с квадратными парусами и головой животного на носу, были известны на Волге и на берегах Каспийского моря на протяжении нескольких столетий. Иногда они также приводились в движение шестами. Есть большая вероятность, что корабли этого типа с внушительными габаритами, известные на Каспии, или их имитации иногда можно было увидеть на Амударье. В благоприятный сезон, до наступления зимних холодов, навигация, как правило, была возможна до порта Термези, вероятно, даже за его пределами в благоприятные сезоны до наступления холодной зимы.

Позже, т. е. после XVI века, согласно историческим документам, начиная с XVIII века, движение лодок и кораблей по реке Аму возобновилось. Стоит отметить, что в 1739 году армия Надиршаха, состоявшая из нескольких тысяч иранских солдат, двинулась на 800 лодках из Балха в Хиву и атаковала Хорезм.

На сегодняшний день существует больше документации [7,6-9].

Мы знаем о том, что до советских времен некоторые суда могли ходить в Сарай - Камар, Файзобод или даже от Амударьи до Курган-Тюбе по реке Вахш. После 1880 года этот путь также оставался важным средством сообщения для грузов и людей, чтобы соединиться с железнодорожной станцией Чарджоу (Амуль). Российская имперская администрация уделяла внимание развитию судоходства по Оксу/ Аму, и Термез играл важную роль в нем вплоть до Октябрьской революции.

При изучении миниатюр в персидских рукописях возникает интересная проблема в связи с изображением лодок. Собрав значительное количество иллюстраций, изображающих корабли в различных текстах – в основном в классической литературе и в нескольких исторических книгах, – мы можем выделить различные конкретные типы лодок на миниатюрах достаточно длительного исторического периода XIII - XVII веков. После этого периода представление лодок европейского типа становится более частым. Особо выделяются высокие суда, типичные для плавания в Персидском заливе. Их можно увидеть в некоторых багдадских миниатюрах («Макаматал-Харири» XIIIв.) и в иллюстрациях более поздних персидских рукописей (ширазская рукопись «Шахнама» ок. 1505г.н.э.) (рис.3,4).

Другие изображения можно связать с классическими рисунками лодок Индийского океана типа «Котиядоу» (рис.6). Они широко использовались для навигации с древних времен. Их изображения можно найти в рукописях, иллюстрированных в эпоху Тимуридов в Герате, например, в знаменитом списке «Гулистон» Са'ди,

созданного около 1430 г. для Байсонкурамирзы (Дублин, библиотека Честер Битти, рис. 6). Этот тип кораблей лишь изредка встречается в других манускриптах.

Существует и другой вид судов, очень распространенный и вполне «стандартный», который изображался в ряде персидских рукописей.

Это довольно маленькая лодка с квадратным парусом - а иногда и вовсе без него. У нее округлая носовая часть, заканчивающаяся скульптурным изображением головы лошади, утки, лебедя или даже дракона. Мы находим множество изображений подобного типа, начиная с XIV до конца XVI века. Он был распространен в тимуридской живописи Герата, а затем согласно тимуридским образцам был использован в Ширазе, в туркменской книжной живописи эпохи Ак-коюнлу и Кара-коюнлу. В бухарской классической живописи школы Шибани много изображений таких лодок в рукописях сочинений Са'ди, Джами и др. (рис. 7,8).

Существует множество миниатюр, где мы находим относительно причудливые изображения кораблей, в некоторых из которых имеются киоски с установленным в них тронем государя. В основе большинства композиций представлен именно этот тип кораблей.

В качестве гипотезы мы хотели бы предложить такое положение: этот тип кораблей, вдохновленный драккарами, был давно известен в Мавераннахре, а значит, был известен и на Амударье. Трудно допустить, что изображение судов в миниатюрах было просто плодом воображения художников. Заманчиво увидеть в этом преемственность, идущую от древних драккаров, присланных на Восток скандинавами. Если лодки строились по этим образцам, пришедшим в Каспий по Волге, то возможно, что в Мавераннахре произошел синтез различных традиций.

Чтобы проиллюстрировать наше предположение такого рода, приведем одно интересное свидетельство. Во время своих путешествий по Центральной Азии в начале XX века (1910 год) шотландская путешественница Элла Кристи (1861-1949) была пересажена с парохода, который вез ее вверх по реке Аму из Чарджоу в Хиву, на лодку типа «кайук». Лодку с небольшим парусом на носу, украшенным талисманом из конского волоса, что придавало ей определенное сходство с баркасом викингов, приводили в движение три человека с помощью весел [3, 58-67, 109-114]. Элла Кристи нашла судно довольно удобным, но довольно пыльным из-за того, что для конопатки корпуса использовалась грязь, а не смола. Этот небольшой «тендер» был способен преодолевать канал, ведущий от главной реки к городу Новый Ургенч. Может быть, это судно - воспоминание о раннем «золотом веке» судоходства по Оксусу/Аму?

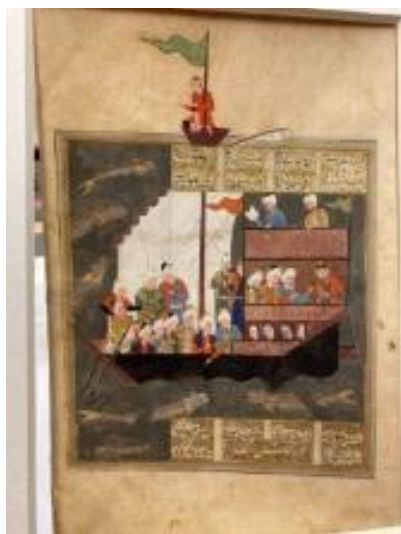
Рис.1. Кейхусров пересекает Джайхун.
«Шахнаме» Фирдауси. Шираз, XVIв. Вашингтон, галерея Саклера.

Рис.2. Лодка. VIIIв.Афрасиаб. Археологический музей.

Рис. 3. Лодка, направляющаяся из Басры в Оман.
«Макамат ал-Харири» Багдад, 1237г. Париж,
Национальная библиотека (Arabe 5847).

**Рис. 4 . Высокая лодка в персидском заливе.
«Шахнаме» Фирдавси. Шираз, 1505г.**

Париж, частная коллекция.

Рис. 5. Классическая лодка котьядоу в Индийском океане.

Рис. 6. Котьядоу. Саади. «Гулистан». Герат, ок.1430г. Бодлеянская библиотека, Per 119.

Рис. 7. Миниатюра. Низами «Искандарнома». Шираз(?), конец XV в. Париж, Лувр, MAO 157.

Рис. 8. Лодка с головой дракона. Джамии «Юсуф и Зулейха». Бухара, XVI в. (рукопись выставлена на аукцион в Sotheby's, Лондон, 22 апреля 2015 г., № 120). Множество рукописей бухарской школы XVI в. содержит тот же тип лодок, изображение которых связано с классическими тимуридскими моделями Герата XV в.

Рис. 9. Средневековый драккар.

ЛИТЕРАТУРА

1. Daneshname-ye Jahan-e Eslam (Encyclopaedia of Iran and Islam). Vol. XI, 1393 sh / 2014. Article: Jayhun. – URL: <https://rch.ac.ir/article/Details/7765> (датаобращения: 12.06.2025).
2. De la Vaissière, É. Asie centrale 300–850, des routes et des royaumes / É. de la Vaissière. – Paris: Belles Lettres, 2024. – P. 34–39.
3. Christie, E. From Khiva to Golden Samarkand / E. Christie. – Philadelphia, 1925. – [Объёмпри-
необходимости].
4. Frye, R. N. Ibn Fadlan's Journey to Russia: A Tenth-Century Traveler from Baghdad to the Volga River / R. N. Frye. – Princeton: Markus Wiener Publishers, 2005. – [Объёмпри-
необходимости].
5. Heide, E. The Early Viking Ship Types / E. Heide. – Bergen: Bergen Maritime Museum, 2014. – 153 p.
6. Jumanioyozov, F. Shipbuilding in the Aral Sea and the Amu Darya River / F. Jumanioyozov // Inter-
national Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE). – 2019. – Vol. 8, № 4. – P. 7679–7684.
7. Karimov, Y. A. Navigation on the Amu Darya, Water Transport, Types, Modes of Use (Ancient and Medieval) / Y. A. Karimov // EPRA International Journal of Socio-economic and Environmental Out-
look. – 2021. – Vol. 8, № 12. – P. 6–9.

8. Mohebbi, P. Notes on the Caspian Sea Ships / P. Mohebbi // Academia Letters. – 2021. – P. 1–3. – [Электронный ресурс].
9. Özbayraktar, A. The Crossing Points of the Amu Darya River Used by Caravans in the 10th Century / A. Özbayraktar // Uluslararası Geçmişten Geleceğe İpekyolu Sempozyumu (10–12 Ekim 2022). – Ankara: Hacı Bayram Veli Üniversitesi, 2022. – P. 513–517.
10. Rhoné-Quer, C. Faire ou défaire la frontière fluviale: penser et vivre l'Amou-Daria au Xe siècle / C. Rhoné-Quer // Frontière.s. – 2022. – № 7. – P. 57–67.
11. Spuler, B. Der Āmū Darjā. Eine Fluss-Monographie / B. Spuler // Jean Deny Armağanı. – Ankara, 1958. – P. 231–248.
12. Spuler, B. ĀMŪ DARYĀ / B. Spuler // Encyclopædia Iranica. – Vol. I/9. – P. 996–997. – URL : <http://www.iranicaonline.org/articles/amu-darya-gk> (дата обращения: 30.12.2012).

ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ТАЙНА: СУДОХОДСТВО В МИНИАТЮРНОЙ ЖИВОПИСИ

Река Джайхун (Оксус или Аму) всегда играла очень важную роль в истории иранского мира. Это нашло отражение в некоторых иллюстрациях классических персидских текстов. Долгое время река также обозначала границу между Ираном и Тураном.

До X века, а затем с XIII по XVI век по Амударье можно было попасть в Каспийское море. Несмотря на то, что торговля велась в основном наземным путем посредством караванов, возможность обмена через водные артерии также заслуживает внимания. В течение некоторого времени подобная возможность, несомненно, служила существенным подспорьем для развития экономики новой империи Саманидов.

Собрав значительное количество иллюстраций, изображающих корабли в различных текстах – в основном в классической литературе и в нескольких исторических книгах, – мы можем выделить различные конкретные типы лодок на миниатюрах достаточно длительного исторического периода XIII–XVII веков.

Ключевые слова: *Иран, Туран, Саманиды, судно, лодка, водные пути, торговля, персидские письменные источники, миниатюра.*

РАМЗУ РОЗИ НАМОДГАРОЙ: КИШТИГАРДӢ ДАР НАҚҚОШИИ МИНИАТЮРӢ

Дарёи Чайхун (Оксус ё Аму) ҳамеша дар таърихи Эрон нақшхеле муҳим дошт. Ин дар баъзе тасвирҳои матнҳои классикии форсӣ инъикос ёфтааст.

Дар муддати тулонӣ дарё инчунин сарҳади байни қаламрави Эрон ва Туронро ифода мекард. То асри X ва сипас аз асри XIII то асри XVI аз Амударё ба баҳри Каспӣ ворид шудан мумкин буд. Гарчанд ки тичорат асосан тавассути роҳи заминӣ ба воситаи қорвонҳо сурат мегирифт, имконияти мубодила тавассути роҳҳои обӣ низ сазовори тавачҷуҳ аст. Дар тули муддате чунин имконият, бешубҳа, барои рушди иқтисодии империяи нави Сомониён кӯмаки назаррас мекард.

Бо ҷамъоварии шумораи зиёди мусаввараҳо, ки киштиҳоро дар матнҳои гуногун тасвир мекунанд, асосан дар адабиёти классикӣ ва дар якҷанд китобҳои таърихӣ, мо метавонем намудҳои муҳталифи мушаххаси қайқҳоро дар миниатюраҳои давраи таърихӣ асрҳои XIII–XVII таъҳис диҳем.

Калидвожаҳо: *Эрон, Турон, Сомониён, киштӣ, қайқ, роҳҳои обӣ, тичорат, манбаҳои хаттӣ форсӣ, миниатюра.*

AN ICONOGRAPHIC MYSTERY: SHIP NAVIGATION IN MINIATURE PAINTING

The river Jayhun (Oxus, or Amu) played always a very important role in the history of Iranian world. This importance found way in some illustrations of classical Persian texts. For long time the river marked also the border between territories Iran and Turan.

Until the 10th century and, later, from the 13th to the 16th century, it should be remembered that it was possible to sail from the Amu Darya to the Caspian Sea. Even if trade was also mainly done by caravans, this possibility of exchange also deserves to be taken into consideration. For some time that could have provided a considerable asset for development of the economy of the new Samanid Empire.

After collecting an important number of illustrations showing ships in various texts – mostly in classical literature and in few historical books – we can distinguish different specific types of boats in miniatures since the XIIIth century until the XVIIth century.

Keywords: *Iran, Turan, Samanids, ship, boat, waterways, trade, Persian written sources, miniature.*

Сведения об авторе: Франсис Ришар - Почетный член Национальной академии наук Таджикистана г. Париж, Франция. E-mail - richardfrancis0@gmail.com

Information about the author: **Francis Richard-** Honorary Member of the Tajikistan National Academy of Sciences of Paris, France. E-mail - richardfrancis0@gmail.com

УДК 94(55)"09": 001.891

ШИНОХТИ ТАЪРИХНОМАҲОИ КАМШИНОХТИ АҲДИ СОМОНӢ

НАСРИДДИНОВ Ф. А.,

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров

Аҳди Сомониён аз дурахшонтарин давраҳои тамаддун ва фарҳанги халқи тоҷик ба шумор меравад. Дар ин самт нақши он донишмандони тоҷик, ки бо тадвини таърихномаҳои мондагӯ дарпойдор сохтани бунёҳои хоҳи ҳастии миллат хидмат кардаанд, назаррас аст. Имрӯз асли аксари ин таърихномаҳо мафқуду нопайдо ва арзиши аслии онҳо камшинохтаву ноҳувайдост. Бояд бо истифода аз усулҳои илмӣ бар шинохту бозсозии ин таърихномаҳо кӯшид ва ба ин васила асноди тоҷикишиносии нодиру маҳфузмонда дар онҳоро ба муомилоти илмӣ кашид.

Ин ҷо, бо назардошти ғунҷоиши соҳати баррасӣ, чанде аз таърихномаҳои камшинохта ва мафқуди аҳди сомониёро, ки ба доираи таърихномаҳои маҳаллӣ дохил мешаванд, муаррифӣ намуда, зимнан пешниҳодҳоеро дар шинохту бозсозии онҳо баён медорем.

1. «Таърихи Марв»-и Абузуръаи Синҷӣ. Ин китоб аз шумори осори нодирест, ки дар силки таърихномаҳои маҳаллӣ таълиф ёфтааст. Аз нисбаи муаллиф ва гузоришҳои бозмонда аз китоб бармеояд, ки Абузуръаи Синҷӣ аз деҳқадаи бузурги Синҷ буда, ки дар ҳафтфарсаҳии Марв қарор доштааст [19,3,317]. Асли «Таърихи Марв»-и ӯ чун таърихҳои дигари Марв, ки аз ҷониби Аҳмад ибни Сайёри, Абураҷои Хуҷонӣ, Абусолеҳи Муаззин, Аббос ибни Мусъаб, Абдулқарими Самъонӣ ва ғайраҳо таълиф ёфтаанд, аз байн рафтааст.

Таҳқиқ нишон медиҳад, ки зоҳиран «ал-Ансоб»-и Самъонӣ сарчашмаи ягона ва муҳим дар шинохт ва бозсозии матнҳои бозмонда аз он мебошад. Иқтибосҳои, ки

минбаъд аз ҷониби Ёкути Ҳамави сурат гирифта, тавассути ҳамин китоби Самъонӣ анҷом ёфтааст [19, 1, 228 – 4, 1, 435; 19, 1, 358 – 4, 1, 410; 19, 1, 23 – 4, 1, 403].

Аз матнҳое, ки дар «ал-Ансоб» аз таърихномаи Синҷӣ иктибос шуда, чунин бармеояд, ки китоби мазкур асосан дар табиини нисбаву мансубони нодиру пешгузаштаи Марв мавриди эътимоду истиноди Самъонӣ буда, зоҳиран, муаллифи он дар оғози аҳди Сомонӣ мезистааст. Масалан, дар нисбаи «ал-Ибринақӣ» менависад, ки он мансуб ба деҳаи Ибринақи Марв аст, ки онро (мардуми маҳаллӣ) «Ибрина» мегӯянд. Он гоҳ баъд аз зикри донишмандони мансуб ба он менависад: «Ва мина-л-кудамо (аз пешгузаштагон): Абуалӣ Ҳасан ибни Аҳмади Тоии Ибринақӣ. Абузуръаи Синҷӣ фармуда: Абуалии Той, моҳир дар фунуни арабия ва нахву балоғат аст, аз деҳаи Ибрина мебошад. Абуабдурраҳмон Ҳасин ибни Мусаннои Ибринақии Марвазӣ, ки аз Муаммар ибни Сулаймон, Ҷарир ибни Абдулҳамид, Фазл ибни Мӯсои Синонӣ ва дигарон ҳадис шунидааст. Абузуръаи Синҷӣ дар китобаш чунин зикр кардааст» [19, 1, 68].

2. «Мафоҳири Хуросон»-и Абуисҳоқи Балхӣ. Ин китоб аз муҳимтарин китобест, ки дар он номоварони Хуросон дар оғози аҳди Сомонӣ ва пеш аз он бо сабки ҳосаи таълиф муаррифӣ шудаанд. Муаллифи он Абулқосим Абдуллоҳ ибни Аҳмад ибни Маҳмуди Балхӣ (ваф. 319 ҳ.қ. 931) дар ҷомеаи он рӯзгор аз эътибори баланд бархурдор буд. Муддате вазорати Аҳмад ибни Саҳли Марвазиро, ки сипаҳсолори Наср ибни Аҳмади Сомонӣ (ваф. 331 ҳ.қ. 943) буд, бар уҳда дошт. Осори зиёд таълиф намуд, ки аз онҳо «Қабулу-л-ахбор», «ал-Ғурару ва-н-наводир», «Маҳосини Оли Тоҳир», «Тухфату-л-вузаро» ва «Мафоҳири Хуросон» дар маърифати таърихи аҳди сомониву пеш аз он аз сарчашмаҳои нодир будаанд. Аз ин миён «Мафоҳири Хуросон» роҷеъ ба фарҳангофарони Хуросон дар оғози давраи Оли Сомон аҳбори арзишмандро гоҳе бо тафсил шомил будааст. Нусхае аз ин таърихнома то ҳол ба даст наомадааст ва ин асар аз ҷумлаи осори мафқуди аҳди Сомонӣ ба ҳисоб меравад. Аммо дар ҷанде аз осори куҳан пораҳое аз китоб нақл ёфта, ба ин васила намунае аз гузоришҳои он то мо омада расидааст. Дар ин замина, «ал-Ансоб»-и Самъонӣ ва «Таърихи Байҳақ»-и Абулҳасани Байҳақӣ аз ҷумлаи қадимтарин китобҳо мебошанд, ки дар онҳо пораматнҳои муҳтасаре аз «Мафоҳири Хуросон»-и Абуисҳоқи Балхӣ ва гузоришҳои дақиқе аз он маҳфуз мондааст.

Навиштаи зерини Самъонӣ дар шинохти поре аз ҳоки Хуросони он аҳд ва ҷонибе аз сабки таълифи «Мафоҳири Хуросон»-и Абуисҳоқи Балхӣ муҳим мебошад: «ал-Бағлонӣ, бо фатҳи «бо»-и манкута ба як нукта, сукуни «ғайн»-и муъҷама ва дар охири он «нун», ин нисбат ба Бағлон аст, ки он шаҳре дар ноҳияи Балх мебошад. Ба назари ман он аз Тахористон мебошад. Он ду қисмат аст: (Бағлони) боло ва (Бағлони) поён. Ҳар ду, бино ба он чи гуфтаанд, аз хушбӯхавотарин шаҳрҳои Худост. Махсусан, (Бағлони) боло, ки онро дараи фароҳи некуву ободест бо афзунии аҳли бошандагон ва боғистонҳои пурдарахт аз рости чап, ки роҳҳои навоҳӣ аз он муншааб мешаванд.

Абулқосим Абдуллоҳ ибни Аҳмад ибни Маҳмуди Балхӣ дар китоби «Мафоҳири Хуросон» ҳамин гуна зикр кардааст...» [19, 2, 276]. Албатта, дар идома афроди мансуб ба Бағлон муаррифӣ шуда, аммо аз ҳамин гузориш низ дармеёбем, ки китоби «Мафоҳири Хуросон»-и Абуисҳоқи Балхӣ на танҳо муаррифгари чехраҳои

ифтихорофари Хуросон, балки равшангари ҳар шахру деҳкадаи ин сарзамин низ будааст.

Дар намунаи зерин мебинем, ки дар «Мафохири Хуросон» чӣ тавр, илова бар тавзеҳи амокину номоварони он ва тавсифи ҷуғрофӣ, аз фарҳанги муомила ва ҳӯйю муносибати маҳаллоте аз Хуросон хабар дода шуда будааст. Чунонки оварда: «ар-Рованӣ», бо фатҳи «ро» ва «вов» ва дар охираш «нун», ин нисбат ба Рован аст, ки он шаҳре аз Тахористони Балх мебошад ва бузург нест. Он аз они Яҳё ибни Холид ибни Бармак буд. Имрӯз хайри он фаровону сайдаш низ бисёр аст. Ҳеҷ воли аз аҳли он саломат наместонад ва мо низ ба онҳо гирифтор омада будем, ки баъдан Худованд саломат дошт. Абулқосим Абдуллоҳ ибни Аҳмад ибни Маҳмуди Балхӣ дар «Мафохири Хуросон» ҳамин гуна ёд намудааст» [20, 6, 54].

Ба ҳамин минвол дар «ал-Ансоб»-и Самъонӣ нисбаҳои «Хастӣ» ва «Тойконӣ» аз «Мафохири Хуросон»-и Абуисҳоқи Балхӣ тавзеҳ ёфта, донишмандони ифтихоровари он муаррифӣ гардидаанд [19, 5, 230; 20, 9, 20].

Дар китоби «Мафохири Хуросон»-и Абуисҳоқи Балхӣ гузоришҳои зиёд ба забони форсӣ дарҷ ёфта, намунаҳои ашъори шуарои форсигӯй дар он нақл гардида будааст. Чунонки дар «Таърихи Байҳақ»-и Абулҳасани Байҳақӣ омада: «Шайх Муҳаммад ибни Саиди Байҳақӣ – Абулқосими Балхӣ дар китоби «Мафохири Хуросон» зикри ӯ итноб кунад ва шеъри порсии ӯ ба забони байҳақӣ биёрад...» [2, 138].

Дар мавриди дигар муаллифи «Таърихи Байҳақ» дар барои Абуисҳоқ Иброҳими Байҳақии Муғисӣ батафсил маълумот дода, дар ниҳоят менависад: «Ва Абулқосими Балхӣ дар китоби «Мафохири Хуросон» дар ҳикоят ва ашъори Иброҳими Муғисии Байҳақӣ итноби бисёр лозим шумурдааст...» [2, 154]. Зоҳиран, дар ин бахш «Мафохири Хуросон»-и Абуисҳоқи Балхӣ манбаи асосии нигориши Байҳақӣ будааст. Ҳамчунин, бармеояд, ки Абуисҳоқи Балхӣ дар муаррифии бузургмардони Хуросон гоҳе бо тафсили зиёд бо зикри ҳикоеҳои аҳволу нақли ашъори эшон сухан намуда будааст.

3. «Таърихи Нишопур»-и Ҳокими Нишопурӣ. Ин китоб аз пурбортарин осор дар мавзуи худ мебошад. Муаллифи он Абуабдуллоҳ Муҳаммад ибни Абдуллоҳ ибни Муҳаммад ибни Ҳамдуя ибни Нуайм ибни Ҳаками Заббии Таҳмонии Нишопурӣ (ваф. 405 ҳ./1014 м.) аз бузургтарин донишмандони аҳди Сомониён аст. Амӣрони Оли Сомон ўро гиромӣ медоштанд. Ў аз ҷумлаи муфтиёни ин хонадон буд ва дар аҳди вазорати Абунаسر Муҳаммади Утбӣ мансаби қазои Нишопурро бар уҳда дошт. Сомониён ўро чун сафир ба мулуки Оли Бўя мефиристоданд [13, 4, 106]. Ў «Таърихи Нишопур»-и ҳешро соли 388 ҳ.к./998ба итмом расонидааст. Ин таърихнома аз ҷумлаи шоҳкориҳои аҳди Сомонӣхисоб меёбад. Он борҳо талхису тарҷума ёфта, барояш такмилаву зайлҳо навишта шудааст [24, 108-111]. Аз матнҳои бозмондаи китоб бармеояд, ки муаллиф тарҷумаи ҳол ва муаррифномаи ҳар шахсро ба шеваи муҳаддисон бо зикри асонид овардааст. Ин хусусият чунон бар китоб ғолиб аст, ки ҳатто дар нақли ашъор риоят гардидааст. Қисме аз шарҳи ҳолҳо муфасссалтар буда, дар онҳо афзун бар ному насаб ва устодону шогирдон, аз аҳволу қаромат ва хусусиятҳои фардиву наҳваи муоширати эшон низ сухан рафтааст. Дар мавридҳои муаллиф мушоҳидаҳои худро низ нақл намудааст. Китоби мазкур дар

маърифати таърих ва чуғрофиёи қаламрави Оли Сомон ва огоҳӣ аз меъмории шаҳрҳо, масоҷиду маобид, биноҳо, кӯчаву хиёбонҳо ва вазъи зиндагии моддиву маънавии ҷомеа дар аҳди Сомонӣ сарчашмаи нодире мебошад.

Асли китоб бо ҳама арзише, ки дошта, аз ҳаводиси рӯзгор эмин намондааст ва ҳанӯз нусхаи комиле аз он ба даст наомадааст. Аммо бо иқтибосу истиноди фаровоне, ки аз ин таърихнома дар сарчашмаҳои зиёд сурат гирифтааст, метавон онро шинохт ва бахше аз онро бозсозӣ намуд.

Ин ҷо ба овардани намунае иқтифо намуда, пас аз он ба чанде аз гузоришу пораматнҳо, ки аз таърихномаи мазкур дар сарчашмаҳои муҳим маҳфуз мондаанд, ишора мефармоем. Самъонӣ дар бозшиносии бузургони нисбатёфта ба Буст аз Абуҳотам Муҳаммад ибни Ҳиббони Бустӣ маълумот дода, аз ҷумла менависад: «Ҳоким Абуабдуллоҳ аз ӯ зикр намуда, чунин овардааст: «Абуҳотами Бустии Қозӣ аз зуруфи дониш буд, дар илми луғат, фикҳ, ҳадис ва ваъз табаҳхури комил дошт ва аз ақлмандтарин мардон ба ҳисоб мерафт. Осор тасниф намуд ва дар ҳадис таснифоте анҷом дод, ки касе мисли онро анҷом надода буд. Мансаби қозиро дар Самарқанд ва дигар шаҳрҳои Хуросон бар уҳда дошт. Сипас дар соли (сесаду) сию чаҳор ба Нишопур даромад. Ёро рӯзи ҷумъа пас аз намоз пеш нишондем ва хоҳиши ривояти ҳадис намудем. Он ҳол ба мардум нигарист ва ба ман, ки хурдсолтарини онҳо будам, гуфт: «Оё навишта метавонӣ?». «Гуфтам»: Бале». Он гоҳ имлои ӯро навиштам. Сипас муддате назди мо иқомат намуд ва баъд ба вазифаи қозигии Нисо ё шаҳре дигар рафт. Соли (сесаду) сию нух дигарбора назди мо бозгашт ва дар Дарвозаи Розӣён хонақоҳе бино намуд. Бар ўқисме аз таснифоташ хонда шуд. Сипас соли (сесаду) чихил аз Нишопур баромаду ба ватанаш Буст бозгашт. (Толибони дониш) ба Хуросон барои шунидани таснифоташ сафар мекарданд. Дар шавволи соли сесаду панҷоҳу чаҳор вафот намуд ва дар Буст дар суффае, ки дар назди манзилаш бано намуда буд, ба хок супорида шуд. Он ҷо имрӯз мадрасе барои шогирдонаш аст. Онҳоро маоше муқаррар аст, ки онро масраф менамоянд» [19, 1, 348-349].

Дар асарҳои поёни иқтибосот ва гузоришоте аз «Таърихи Нишопур»-и Ҳокими Нишопурӣ дарҷ ёфтааст: «Таърихи Бағдод»-и Хатиби Бағдодӣ (ваф. 463 ҳ./1071 м.): 26, 2, 209; 3, 31, 159, 305; 4, 20, 140, 330, 334, 390; 8, 473; 9, 75, 91, 354, 422; 10, 148, 181; 11, 238, 248, 281, 385; 12, 268, 272; 13, 185, 299 ва ғ.; «ал-Ансоб»-и Самъонӣ (ваф. 562 ҳ./1166 м.): 20, 1, 58, 164, 176, 240; 2, 22, 62, 114, 147, 149, 198, 223, 244, 247; 3, 81, 181, 288, 399; 4, 21, 215, 222, 327; 5, 214, 325, 424; 6, 282; 7, 121, 164; 8, 43, 83, 143, 269, 285, 315, 318; 9, 61, 340, 414; 10, 127, 346, 489; 11, 194, 243; 12, 59, 174, 228, 288, 423, 438; 13, 80, 105, 260 495 ва ғ.; «Таърихи Байҳақ»-и Байҳақӣ (ваф. 565 ҳ./1170 м.): 2, 19, 28, 47, 108, 151, 254; «ат-Тадвин»-и Рофеии Қазвинӣ (асри шашуми ҳиҷрӣ): 18, 1, 52; 2, 476; 3, 411, 477; «Таъриху мадинати Димишқ»-и Ибни Асокир (ваф. 571 ҳ./1175 м.): 9, 8, 166, 258; 37, 424; 49, 150 ва ғ.; «Муъҷам у-л-булдон»-и Ёқут (ваф. 626 ҳ./1229 м.): 4, 1, 176, 318, 534; 3, 305 ва ғ.; «Таърихи Ирбил»-и Ибни Муставфӣ (ваф. 637 ҳ./1239 м.): 11, 1, 409; 2, 158, 213.; «Бӯят- у - т-талаб»-и Ибни Адим (ваф. 660 ҳ./1162 м.): 7, 2, 855; 3, 1262, 1267; 6, 2964; 10, 4396; «Сияру аъломи-н-нубало»-и Заҳабӣ (ваф. 748 ҳ./1374 м.): 6, 3, 441; 9, 542; 10, 570; 14, 31, 122, 218, 368, 382; 15, 391, 398, 399; 16, 242, 288, 302, 412,

471; 17, 176, 354 ва ғ.; «Вафийёт – у-л-аъён»-и Ибни Халликон (ваф. 681 х./1282 м.): 13, 4, 208; «Чавохир- у-л - музийя»-и Қурашӣ (ваф. 775 х./1373 м.): 15, 1, 77, 81, 98, 136, 143, 153, 161, 253, 264, 270, 285, 321, 344, 451, 456 ва ғ.

4. «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ. Китоби «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ аз осори хеле арзишманди аҳди Сомонӣ ба шумор рафта, дар Суғди куҳан тасниф ёфтааст. Он бо номи «ал-Камол фӣ маърифати-р-риҷоли би Самарқанд» ё ба сура-ти ихтисории «ал-Камол» низ ёд мешавад [19, 2, 296; 5, 252; 10, 284; 17, 51, 369]. Муаллифи он Ҳофиз Абусаъд Абдуллаҳмон ибни Муҳаммади Идрисии Астарободист. Ӯ дар Самарқанд зист. Аз ҳофизони маъруфи аҳодис дар ин шаҳр буд. Осори арзишманд ба қалам овард. Умри дароз ёфт ва дар охири моҳи зулҳиҷҷаи соли 405 х.қ./охиртари июни соли 1015 дар шаҳри Самарқанд даргузашт. Ӯро дар қабристон-и Чокардеза, дар талли аҳли ҳадис, ба хок супориданд [17, 369]. Имрӯз асли «Таърихи Самарқанд»-и ӯ мафкуду нопайдост ва шояд аз байн рафта, аммо бино ба эътиборе, ки дар аҳди худ ва асрҳои баъдӣ дар ҷомеаи илмӣ дошта, пораҳои зиёде аз он дар осори донишмандони дигар маҳфуз мондааст. Яке аз чунин осор «ал-Ансоб»-и Самъонӣ мебошад. Муаллиф дар тавзеҳи нисбаҳои марбут ба Самарқанду шаҳракҳои тобеи он ва олимони нисбатёфта бар онҳо аз «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ бисёр баҳра бурдааст. Ба таври мисол ба шавоҳиди зерин тавҷӯҳ мефармоем.

Дар тавзеҳи нисбаи Банучӣ менависад: «ал-Банучӣ, бо фатҳи «бо»-и муваҳхада, замми «нун» ва дар охираш «чим», ин нисбат ба деҳае аз деҳаҳои Рӯдак дар навоҳии Самарқанд аст, ки онро Банучрӯдак (Панчрӯдак) мегӯянд ва он маркази Рӯдак аст. Шоири маъруф Абуабдуллоҳ Рӯдакӣ аз ҳамин деҳа буд... Абусаъд Идрисии Ҳофиз фармуда: «Қабри Абуабдуллоҳ Рӯдакӣ дар он машҳур аст. Он дар паси бӯстони Банучрӯдак қарор дорад ва ман онро зиёрат кардаам» [19, 1, 420].

Чунин шавоҳид аз иқтибосоти «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ дар «ал-Ансоб»-и Самъонӣ хеле зиёд буда, шумори онҳо аз сад намуна мегузарад. Алоқамандон ба сафаҳоти зер аз китоби мазкур мурочиат фармоянд: 20, 1, 105, 108, 115, 116, 131, 132, 154, 169, 171, 224, 246, 248, 249, 252, 292, 295, 328, 363, 419, 430, 501; 2, 139-140, 141, 377; 3, 112-113 ва ғ.

Ин навъ пораматнҳо ва иқтибосот дар осори зиёди дигар низ маҳфуз монда, ки таълифоти зерин аз ҷумлаи онҳо мебошанд: «Таърихи Бағдод»-и Хатиби Бағдодӣ (ваф. 463 х./1071 м.): 26, 1, 300, 328; 2, 8, 10, 17, 27; 3, 83, 194, 305, 332, 436; 4, 85, 87, 129, 330; 5, 211, 269, 347; 6, 45, 99, 164; 7, 373; 9, 137, 327, 379, 442; 10, 13, 87, 136, 147, 162, 209, 302; 11, 88, 260, 311, 341; 12, 384, 466 ва ғ.; «ал-Қанд»-и Насафӣ (ваф. 537 х./1142 м.), ки зайле бар «Таърихи Самарқанд»-и Идрисист: 17, 34, 46, 47, 50, 51, 62, 63, 64, 66, 67, 68, 69, 76, 77, 83, 89, 90, 92, 95, 109, 116, 119, 121, 122, 142, 144, 146, 149 ва ғ.; «Таъриху мадинати Димишқ»-и Ибни Асокир (ваф. 571 х./1175 м.): 9, 52, 73, 76, 83, 88, 250-251; 54, 306; 55, 178; 56, 115, 160 ва ғ.; «ал-Амокин»-и Ҳозимӣ (ваф. 584 х./1184 м.): 76; «Муъҷам у-л-булдон»-и Ёкути Ҳамавӣ (ваф. 626 х./1229 м.): 4, 1, 289; 2, 184, 411, 415; 3, 42; 4, 288, 357, 375, 419, 460, 479; 5, 79, 122, 244, 306 ва ғ.; «Бӯғату-т-талаб»-и Ибни Адим (ваф. 660 х./1162 м.): 7, 5, 2457; 7, 3396 ва ғ.; «Сияру аъломи-н-нубало»-и Заҳабӣ (ваф. 748 х./1374 м.): 6, 13, 270; 14, 402; 15, 32; 16, 413, 481; 17, 78, 225, 663 ва ғ.

5. «Таърихи Бухоро»-и Ғунҷор. Ин китоб шомили гузоришҳои нодир роҷеъ ба муҳаддисони Бухоро ва равобити илмию фарҳангии донишмандони ин шаҳр бо олимони дигар манотики сарзамини исломӣ буда, дар доираҳои илмии аҳди Сомонӣ ва давраҳои баъд аз он аз ҷойгоҳи хоса бархурдор будааст. Муаллифи он Абуабдуллоҳ Муҳаммад ибни Аҳмад ибни Муҳаммад ибни Сулаймон ибни Комили Бухорӣ, маъруф ба Ғунҷор, худ аз ровиёни ҳадис буда, ба таснифу нақли аҳодис ва варроқӣ иштиғол доштааст. Ба сабаби пайгирии аҳодиси Исо ибни Мӯсои Бухории мулаққаб ба Ғунҷор (сурхрӯй, гулгунчеҳра, аноргун, ғунҷарӯй, касе ки ду гунааш сурх аст), бо лақаби Ғунҷор маъруф гардидааст [19, 4, 311]. Ёро китобе дигар бо номи «Ҷазоилу-с-саҳоба ал-арбаа» будааст [ҳамон манбаъ]. Ғунҷор соли 412 ҳ./1021 дар қуҳансолӣ дар Бухоро даргузаштааст [19, 4, 312; 6, 17, 304; 28, 1, 286; 1, 2, 61]. Самъонӣ «Таърихи Бухоро»-и ёро сутуда [19, 1, 306], Силафӣ онро мухтасар намуда ва асли он назди Саховӣқарор доштааст [21, 252]. Ҳофиз Ибни Момои Исфаконӣ зайле бар он нигоштааст [6, 17, 580; 28, 1, 74]. Имрӯз асли ин таърихнома мафқуд аст ва нусхае аз он то ҳол ба даст наомадааст. Аммо тавассути осори ҳамзамонон ва ҳаммавзӯ бо он гузоришҳо ва пораматнҳои нодир аз он маҳфуз монда, ки метавон бо фароҳамории онҳо ба бахше аз матни арзишманди китоб дастрасӣ пайдо намуд.

Ибни Моқуло ба нусхае аз он, ки бо хатти муаллиф буда, дастрасӣ доштааст ва аз он дар таснифи китоби «ал-Иқмол»-и худ кӯмак чустааст. Аз ҷумла дар таъйини нисбаҳои ҳамгуни Ҳассоб ва Ҳашшоб менависад: «Аммо Ҳассоб, бо «ҳ» ва «со»-и муҳмала, он нисбаи Муҳаммад ибни Иброҳим ибни Ҳамдуяи Бухории Ҳассоби Фароизист. Ҳофиз Муҳаммад ибни Аҳмад ибни Муҳаммад ибни Сулаймони Бухории Ҳофиз дар «Таърихи Бухоро» чунин хабар дода ва ман чунин забтҳо бо хатти худӣ ӯ дарёфтаам. Ё (Ҳассоб) аз Мӯсо ибни Афлаҳ, Солеҳ ибни Муҳаммад, Ҳомид ибни Саҳл ва дигарон ҳадис ривоят намудааст. Дар зулқайдаи соли сесаду сию нух вафот кардааст» [10, 3, 3]. Ҳамчунин, ниг. 10, 7, 309, 385.

Абдулқарими Самъонӣ ба китоби «Таърихи Бухоро»-и Ғунҷор таваҷҷуҳи хоса дошта, ба таври назаррас аз он баҳра бурдааст. Масалан, дар тавзеҳи нисбаи Қаҳтонӣ меорад: «Яке аз афроди маъруфи мансуб ба он Абуабдуллоҳ Муҳаммади Қаҳтонию Андалусӣ аст. Ғунҷор дар «Таърихи Бухоро» фармуда: «Вай Муҳаммад ибни Солеҳ ибни Муҳаммад ибни Самҳ ибни Ҳошим ибни Урайби Қаҳтонию Маофирии Андалусист. Ё фақеҳу ҳофизи ҳадис буд. Дар мавриди (донишмандони) аҳли Андалус таърихе фароҳам овард... Абуабдуллоҳи Андалусӣ соли сесаду ҳафтоду нух дар Бухоро вафот намуд» [20, 10, 345-346].

Барои огоҳӣ аз намунаҳои дигар аз «ал-Ансоб» ниг. 20, 1, 74, 135, 300, 306, 383, 385; 2, 97, 311, 328, 405; 3, 197, 368, 397; 4, 56-57; 5, 209, 359; 6, 289, 326; 8, 69, 286; 9, 109, 176, 232, 234, 346; 11, 144; 12, 91, 318 ва ғ.

Шамсуддини Заҳабӣ аз «Таърихи Бухоро-и Ғунҷор» ёд намуда, огоҳии фароҳи муаллифи онро сутудааст [6, 17, 304]. Дар тадвини китоби «Сияр»-ӯ «Таърихи Бухоро»-и Ғунҷор ҳамчун манбаи муътамад хидмат намудааст. Ё бештар дар мавриди бухороиён, баҳусус Муҳаммад ибни Исмоили Бухорӣ, ба ривояту гузоришҳои Ғунҷор таъя намуда, иқтибосоти фаровоне аз «Таърихи Бухоро»-и ӯ овардааст [6, 12, 407-408].

Заҳабӣ дар мавриди Абуисҳок Аҳмади Сурморӣ (мансуб ба деҳаи Сурмори Бухоро) дар се саҳифа нақлро аз «Таърихи Бухоро»-и Ғунҷор меорад [6, 17, 38-40]. Дар шинохти корномаҳои далериву шуҷоат ва зухду манқабати ин диловари покманиши тоҷик «Таърихи Бухоро»-и Ғунҷор ягона манбаи мувассас буда, ки Самъонӣ бар мақоми ин асар дар шинохти ӯ махсус таъкид фармудааст [19, 3, 247-248].

Барои огоҳии бештар аз нақли матнҳо ва гузоришҳои Заҳабӣ дар «Сияр» ниг. 6, 10, 630, 659; 11, 85; 12, 330, 401, 409, 416, 441, 447, 452, 456, 457, 464, 519; 13, 41, 277, 389, 424; 14, 11; 15, 80, 517; 16, 291; 17, 580 ва ғ.

Афзун бар ин, муаррихон, кишваршиносон ва муаллифони осори марбут ба аълому ансоб ва донишҳои дигар истифодаи зиёде аз «Таърихи Бухоро»-и Ғунҷор дошта, ки ҷиҳати огоҳӣ ба қисме аз онҳо ишора мефармоем: «Таърихи Бағдод»-и Хатиби Бағдодӣ: 26, 1, 296; 3, 221; 4, 184, 387, 428; 10, 27, 148, 296, 364; 11, 42; 12, 256 ва ғ.; «Муъҷам-ул-булдон»-и Ёқут: 4, 1, 419; 2, 449; 3, 182; 5, 57 ва ғ.; «Таъриху мадинати Димишқ»-и Ибни Асокир: 9, 21, 313; 40, 339; 48, 346; 51, 398; 52, 63, 73, 76, 82, 88-90, 115 ва ғ.; «ал-Иқмол»-и Ибни Моқуло: 7, 307, 385; «ал-Қанд»-и Насафӣ: 17, 125, 420, 432, 445, 478, 490, 516, 456, 581, 600 ва ғ.

6. «Таърихи Насаф»-и Мустағфирӣ. Китоби «Таърихи Насаф»-и Мустағфирӣ аз ҷумлаи таърихномаҳои нодиру камшинохта буда, дар он шавоҳиди зиёди тоҷикшиносӣ дарҷ ёфта будааст. Муаллифи он Абулаббос Ҷаъфар ибни Муҳаммад ибни Муътаззи Мустағфирӣ Насафӣ фақеҳ, муҳаддис ва мусаннифи номвари аҳди Сомонӣ ба шумор меравад. Муддатҳо хатибу муфтии Насаф буд. Умри дароз ёфт ва ниҳоят соли 432 ҳ.к. 1041 дар Насаф даргузашт. Аз худ осори гаронарзиш ба мерос гузошт. Ӯ, илова бар асарҳои мондагӯ дар илоҳиёт ва шеърӯ адаб, роҷеъ ба таърихи илм ва маърифати мардони фарҳангофари меҳани худ осори мондагӯ тасниф намуд. «Таърихи Самарқанд», «Таърихи Кеш», «Таърихи Насаф» муҳим-тарини онҳо ҳисоб меёбанд. Аз ин миён, «Таърихи Насаф» аз маъруфияти бештар бархурдор буда, дар ҷомеаи илмӣ Хуросону Мовароуннаҳр бо истикболи гармтар рӯ ба рӯ шудааст. Ба ин мӯҷиб, агарчи то ҳол асли он мафқуду нопадост, аммо пораматнҳои зиёде аз он дар осори дигарон маҳфуз мондааст.

Таҳқиқ дар бозҷӯии мутуни бозмонда аз «Таърихи Насаф»-и Мустағфирӣ равшан менамояд, ки ин китоб дар таснифи «ал-Ансоб»-и Самъонӣ ва «ал-Қанд»-и Насафӣҷузъи сарчашмаҳои тирози аввали муаллифон буда, дар онҳо матну гузоришҳои иқтибосшуда аз он ба таври хеле назаррас боқӣ мондааст.

Абдулқарими Самъонӣ ба «Таърихи Насаф»-и Мустағфирӣ бевосита дастрасӣ дошта, аз он гузоришҳои дақиқ додааст. Мебинем, ки зимни нисбаи Нахшабӣ менависад: «Дар мавриди ин шаҳр таърихи кабирест дар ду ҷилди захиму бузург, ки Абулаббос Мустағфирӣ Ҳофиз Насафӣ онро тадвин намудааст» [20, 13, 61]. Дар нисбаи Насафӣ низ ба ин нукта таваҷҷуҳ намуда, менигорад: «Абулаббос Ҷаъфар ибни Муҳаммад ибни Муътаззи Мустағфирӣ Насафӣ Ҳофиз дар таърихи риҷолу бузургмардони ин шаҳр китоби гаронборе фароҳам оварда, ки шомили ҳаштод тоқа ё бештар аз он аст» [20, 13, 94].

Самъонӣ дар мавридҳои зиёд маводи тавзеҳи нисбаҳо, бахусус нисбаҳои мансуб ба Насафу насафӣро хос бар асоси «Таърихи Насаф»-и Мустағфирӣ баён мена-

мояд. Масалан, дар табиини нисбаи Аҷир менависад: «Бо ин сифат касеро нашинотам, чуз аз «Таърихи Насаф», ки таснифи Абулаббоси Мустағфирӣ аст. (Ў) мефармояд: «Аҳяи Аҷир – инро ғайримансуб мебинам, ӯ аҷиру коргузори муздури Туфайл ибни Зайди Тамимӣ дар манзилаш буд. Вақте ки Муҳаммад ибни Исмоили Бухорӣ ба Насаф омад, маҳзари ӯро дарёфт. Абуяъло Абдулмуъмин ибни Халаф ҳикоётеро дар мавриди Туфайл ибни Зайд аз ӯ ривоят намудааст...» [19, 1, 83]. Ё дар тавзеҳи нисбаи Қўйборӣ, ки мансуб ба чанд макон бо номи «Қўйбор» аст, дар баҳши нисбати он ба маҳаллаи Қўйбор-и Насаф танҳо гузориши «Таърихи Насаф»-и Мустағфирӣро меоварад ва дар охир мегӯяд: «Ин маълумотро танҳо Абулаббоси Мустағфирӣ дар «Таърихи Насаф»-и худ овардааст» [19, 3, 425]. Ҳамчунин, дар нисбаи Усбонекаӣ, ки мансуб ба деҳкадаи Усбонекас аз музофоти Испечоб аст, гузориши фаровонро арза дошта, онро бо зикри фазоиلى Абубакри Усбонекаӣ ва тазаккури даргузашти ӯ дар соли сесаду ҳафтоду шаш дар Суғд ба поён мебарад ва менависад: «Ҳамаи инро Абулаббоси Мустағфирӣи Ҳофиз баён кардааст» [19, 1, 132].

Дар мавридҳое забти саҳеҳро танҳо бо така ба навиштаи Мустағфирӣ ироа менамояд. Ҳамчун шохид ба нисбаи зерин тавачҷуҳ менамоем: «аш-Шанҷӣ, бо фатҳи «шин»-и муъчама, сукуни «нун» ва дар охири он «чим», ин нисбат ба аш-Шанҷ аст. Ман инро дар «Таърихи Насаф»-и Абулаббоси Мустағфирӣ саҳеҳ бо ҳамин қайду забт дидам» [20, 8, 159].

Барои истифодаи бештар аз гузоришҳои «Таърихи Насаф»-и Мустағфирӣ дар «ал-Ансоб»-и Самъонӣ ниг. 20, 1, 80, 118, 133, 135-136, 202, 221, 323, 368; 2, 97, 148, 235, 270, 310; 3, 29, 98, 102, 241, 381, 389, 425, 426; 4, 115; 5, 92, 144, 145, 147, 228, 285; 6, 55, 225, 235; 7, 26-28, 199, 326, 342, 343; 8, 44, 160, 173, 269; 9, 8, 208; 10, 177, 199, 250, 462, 502, 503; 11, 9, 21, 38, 88, 106, 122, 192; 12, 8, 185, 206, 237; 13, 28, 61, 209, 229, 315, 320, 347, 361, 463, 480, 516 ва ғ.

Шоидаи тазаккур аст, ки чунин хусусиятҳо аксар бо «ал-Қанд»-и Насафӣ низ тавофуқ доранд ва ин муаллиф низ дар мавридҳои муҳим аз «Таърихи Насаф»-и Мустағфирӣ ҳамчун манбаи аввалдараҷа баҳра бурдааст. Барои огоҳӣ ниг. 17, 51, 53, 72, 73, 74, 76, 84, 86, 87, 88, 89, 102, 113, 117, 123, 125, 135, 143, 144, 152, 167, 177, 178, 179, 180, 201, 228, 234, 244, 254, 257, 261, 263, 271, 282, 320, 324, 326, 330, 333, 494, 533, 540, 661 ва ғ.

Бояд таъкид намуд, масъалаи шинохт ва бозсозии таърихномаҳои камшинохтаву мафқуди аҳди Сомонӣ ба огоҳӣ аз усулҳои равишманди ин амр пайванди қавӣ дошта, дар ин замина бозёбӣ ва ҷустуҷӯ дар гурӯҳе аз манобеъ, ба мисли осори ҳаммавзӯ, китобҳои дигари муаллиф, табақот ва донишномаҳои соҳавӣ, талхис, тарҷума ва зайлу такмилаҳо, феҳристҳо ва осори нусхашиносӣ, маҷмуа, машахха, аҷзоъ, амолӣ, шарҳу хошияҳо, осори дӯстону шогирдон, манокӣбу сираномаҳо, осори пажуҳишӣ таҳқиқномаҳо ва ҳоказои дигар муҳим арзёбӣ мегардад, ки тафсил дар тавзеҳи ин масъала фаротар аз ғунҷоиши як мақола аст.

Метавон натиҷаҳои таҳқиқи мавзӯ ва ковишҳои анҷомёфта дар шинохт ва бозсозии таърихномаҳои камшинохту мафқуди аҳди Сомониро дар чунин нуктаҳо ҷамъ намуд:

а) Аҳди Сомониён дурахшонтарин давраи илму фарҳанги тоҷик ба ҳисоб меравад. Дар ин давра дар донишҳои мухталиф осори мондагор ба қалам омада, ки дар байни онҳо таснифоти марбут ба илми таърих барозандагии хоса дорад;

б) Дар аҳди сомонӣ шуморе аз таърихномаҳои маҳаллӣ, ба мисли «Таърихи Марв»-и Синҷӣ, «Мафохири Хуросон»-и Балхӣ, «Таърихи Нишопур»-и Ҳоким, «Таърихи Самарқанд»-и Идрисӣ, «Таърихи Бухоро»-и Ғунҷор, «Таърихи Насаф»-и Мустағфирӣ ва ғ. тадвин гардида, ки ҳама дар касби шукуҳмандии миллат нақши муҳим бозидаанд;

в) Таърихномаҳои маҳаллии навишташуда дар давраи Сомонӣ ба таври шоиста шинохта нашудаанд. Аксари ин таърихномаҳо мафқуду нопаёдо мебошанд ва то ҳол нусхае аз онҳо ба даст наомадааст;

г) Шинохт ва бозсозии таърихномаҳои аҳди Сомонӣ бо усулҳои равишманди нухшаиносӣ ва матнпажухӣ имконпазир буда, метавон бо баҳрабарӣ аз шеваҳои мучарраб онҳоро бозшиносӣ намуд ва матнҳои бозмонда аз онҳоро эҳёву бозсозӣ кард;

ғ) Матнҳои бозмонда аз таърихномаҳои аҳди Сомонӣ нишон медиҳад, ки ин асарҳо дар шинохти таърихи илму фарҳанги тоҷик шомили нодиртарин маълумот мебошанд ва наметавон аксари шавоҳиди онҳоро аз манбаъҳои дигаре ба даст овард. Дар онҳо, афзун бар гузоришҳои мунҳасир ба фард, асноди арзишманд дар маърифати вазъи сиёсӣ маъмурӣ ва иқтисодиву иҷтимоӣ давлати Сомониён маҳфуз мебошад;

д) Аз пораматнҳои бозмонда аз таърихномаҳои камшинохтаву мафқуди аҳди Сомонӣ метавон ба маводи нодири омӯхтанашуда дар тоҷикишиносӣ даст ёфт ва пажуҳишҳои тозаву бунёдӣ анҷом дод.

АДАБИЁТ

1. Бағдодӣ, Исмоилпошо ибни Муҳаммадамин. Ҳадийят-ул-орифин / И. Бағдодӣ. – Бейрут: Дор-ул-кутубал-илмийя, 2008. – 2 ҷ.
2. Байҳақӣ, Абулҳасан Алӣ ибни Зайд. Таърихи Байҳақ / А. З. Байҳақӣ. – Техрон: Фуруғӣ, 1361 [1982]. – 360 с.
3. Байҳақӣ, Абулфазл Муҳаммад ибни Ҳусайн. Таърихи Байҳақӣ / тасҳеҳ Акбар Файёз. – Техрон: Интишороти Донишгоҳи Фирдавсии Машҳад, 1375 [1996]. – 1088 с.
4. Ҳамавӣ, Ёқут. Муъҷам-ул-булдон / Ёқутӣ Ҳамавӣ. – Бейрут: ДоруСодир. – 7 ҷ.
5. Ҳамавӣ, Ёқут. Муъҷам-ул-удабо / тасҳеҳ Умар Форук Таббоъ. – Бейрут: Муассисат-ул-маориф, 1999. – 7 ҷ.
6. Заҳабӣ, Шамсуддин Муҳаммад ибни Аҳмад. Сияруаълуман-нубало / Ш. Заҳабӣ. – Бейрут: Муассисат-ур-рисола, 1985. – 25 ҷ.
7. Ибни Адим, Умар ибни Аҳмад. Бугъят-ут-талаб фӣ торихи Ҳалаб / У. Ибни Адим. – Бейрут: Дор-ул-фикр, [б. г.]. – 12 ҷ.
8. Ибни Асир, Иззуддин. Ал-Лубоб фӣ таҳзиб ал-Ансоб / И. Ибни Асир. – Бағдод: Мактабату Мусанно. – 3 ҷ.
9. Ибни Асокир, Алӣ ибни Ҳасан. Ториху мадинати Димишқ / А. Ибни Асокир. – Бейрут: Дор-ул-фикр, 1415 [1994]. – 80 ҷ.
10. Ибни Моқуло, Абӯнасор Алӣ ибни Ҳибатуллоҳ. Ал-Иқмол / А. Ибни Моқуло. – Қоҳира: Дор-ул-кутуб ал-исломӣ, 1997. – 10 ҷ.
11. Ибни Муставфӣ, Муборак ибни Аҳмад. Торихи Ирбил / М. Ибни Муставфӣ. – Ироқ: Дор ар-Рашид, 1980. – 2 ҷ.
12. Ибни Надим. Ал-Феҳрист / Ибни Надим. – Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 1996. – 792 с.

13. Ибни Халликон, Абулаббос Аҳмад. Вафийёт-ул-аъён / А. Ибни Халликон. – Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 1998. – 6 ч.
14. Броккелман, Карл. Таърих ал-адаб ал-арабӣ / К. Броккелман. – Риёз: Мактабат-уш-шомила, 2004. – 6 ч.
15. Қурашӣ, Абӯмуҳаммад Абдулқодир. Чавохир-ул-музийя фӣ табақоти-л-ҳанафийя / А. Қурашӣ. – Риёз: Ҳичр, 1413 [1992]. – 5 ч.
16. Мунзавӣ, Аҳмад. Феҳриствораи китобҳои форсӣ / А. Мунзавӣ. – Техрон: Маркази доира-тулмаорифи исломӣ, 1350 [1971]. – 9 ч.
17. Насафӣ, Начмуддин Умар. Ал-Қанд / Н. У. Насафӣ. – Техрон: Мероси мактуб, 1378 [1999]. – 878 с.
18. Рофеи Қазвинӣ, Абдулқарим. Ат-Тадвин фӣ ахбори Қазвин / А. Р. Қазвинӣ. – Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 1408 [1987]. – 4 ч.
19. Самъонӣ, Абдулқарим. Ал-Ансоб / А. Самъонӣ; ҳавошии Муҳаммад Абдулқодир Ато. – Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 1998. – 5 ч.
20. Самъонӣ, Абдулқарим. Ал-Ансоб / тасх. ва таълиқ Шайх Абдулрахмон ибни Яҳё ал-Муалламӣ Ямонӣ. – Ҳайдаробод, 1962. – 13 ч.
21. Саховӣ, Шамсиддин Муҳаммад. Ал-Иълон-ут-тавбиҳ лиман замма-т-таърих / Ш. Саховӣ. – Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 1414 [1993]. – [объём не указан].
22. Тамимӣ, Такиуддин ибни Абдулқодир. Табақот-ус-санийя фӣ тарочими-л-ҳанафийя / Т. Тамимӣ. – Риёз: Дор ар-Рифой, 1403 [1983]. – 4 ч.
23. Каҳҳола, Умар Ризо. Муъҷам-ул-муаллифин / У. Р. Каҳҳола. – Бейрут: Дору эҳё ат-турос ал-арабӣ, 1957. – 15 ч.
24. Насриддинов, Фахриддин. Таърихи Нишопур / Ф. Насриддинов // Фаслномаи илмӣ-адабии Камоли Хучандӣ. – 2015. – № 2(2). – С. 108–111.
25. Сазгин, Фуод. Таърих-ут-турос ал-арабӣ / Ф. Сазгин. – Риёз: Дор-ус-сақофати ван-нашр, 1991. – 10 ч.
26. Хатиби Бағдодӣ, Аҳмад ибни Алӣ. Таърихи Бағдод / А. Х. Бағдодӣ. – Бейрут: Дор-ул-ғарб ал-исломӣ, 1422 [2001]. – 17 ч.
27. ал-Ҳазимий ал-Хамданӣ, Абубақр Муҳаммад ибн Мусо. *аль-Амакин ау ма иттафака лафзуху ва ифтарака тасмиятуху мина аль-амкина* / таҳкийк: Хамад ибн Муҳаммад аль-Джасир. – ар-Рияд: Дар аль-Ямама лиль-бахс ва ат-тарджама ва ан-нашр, 1415 х. [1994/1995]. – 871 с.
28. Халифа, Ҳоҷӣ Мустафо ибни Абдуллоҳ. Кашф-уз-зунун / Ҳ. Халифа. – Бейрут: Дор-ул-кутуб ал-илмийя, 2005. – 3 ч.

ОЗНАКОМЛЕНИЕ МАЛОИЗВЕСТНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ЭПОХИ САМАНИДОВ

Статья посвящена исследованию вопроса идентификации малоизвестных и утраченных исторических летописей Саманидской эпохи. В начале рассматриваются факторы процветания государства Саманидов и предпосылки для создания значимых литературных произведений этого времени, а также подчеркивается значение исторического наследия данной эпохи в формировании культурной самобытности таджикского народа. В основной части рассматриваются важнейшие, но малоизученные хроники, преимущественно регионального характера, такие как «История Мерва» Синджи, «История Нишапура» Хокима, «Мафохир Хурасан» Балхи, «История Самарканда» Идриси, «История Бухары» Гунджора, «История Насафа» Мустагфири. Освещаются вопросы авторства, значимость этих произведений для таджикской историографии, а также анализируются сохранившиеся фрагменты. Также обращается внимание на упоминания и цитаты из этих трудов в произведениях современников и последующих авторов, что подчеркивает их научную ценность. В заключении предлагаются пути по изучению и реконструкции этих хроник, а также в нескольких пунктах сформулированы выводы и итоги исследования.

Ключевые слова: эпоха Саманидов, исторические книги, местная история, таджиковедение, «История Мерва» Синджи, «История Нишапура» Хокима, «Мафохирӣ Хурасан» Балхи, «История Самарканд» Идриси, «История Бухары» Гунджора, «История Насафа» Мустағфирӣ.

STUDY OF LITTLE-KNOWN HISTORICAL SOURCES OF THE SAMANID ERA

The article is devoted to the study of the issue of identifying lesser-known and lost historical chronicles from the Samanid era. In the introduction, the factors behind the grandeur of the Samanid period and the foundations for the creation of enduring literary and historical works are discussed, with an emphasis on the significance of the historical heritage of this era in the cultural formation of the Tajik people. The main section explores several important but lost chronicles from the Samanid period, most of which are related to local history — such as «The History of Marv» by Sinji, «Mafokhiri Khuroson» by Balkhi, «The History of Nishapur» by Hokim, «The History of Samarkand» by Idrisi, «The History of Bukhara» by Ghunvor, «The History of Nasaf» by Mustaghfiri. In this context, attention is given to researching the identities of the authors, the Tajik-centered significance of these chronicles, and the surviving fragments of these works. Furthermore, the presence of references and quotations from many of these works in the writings of contemporary and later scholars is highlighted, underlining their scientific and historical value. In the conclusion, suggestions are provided regarding the identification and reconstruction of the mentioned works, and the results of the analysis and discussion are presented in several key points.

Keywords: *Samanids era, historical books, local history, Tajik studies, «The History of Marv» by Sinji, «Mafokhiri Khuroson» by Balkhi, «The History of Nishapur» by Hokim, «The History of Samarkand» by Idrisi, «The History of Bukhara» by Ghunvor, «The History of Nasaf» by Mustaghfiri.*

Сведения об авторе: Насриддинов Фахриддин Абдуманонович - доктор филологических наук, профессор кафедры языка и литературы Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Тел: (91) 729- 15 -03. E-mail: fahr79@mail.ru

About the author: Nasriddinov Fakhriddin Abdumanonovich- Dr. of Philology, Professor of the department of language and literature under Khujand State University named after acad. B. Gafurov. Tel: (91) 729 -15- 03. E-mail: fahr79@mail.ru

УДК 930.2: 94(560)“11”+891.551

«ЗУБДАТУ-Т-ТАВОРИХ» - МАНБАИ ТАЪРИХИИ АСРИ XII

БАРОТЗОДА Н. Б.,

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

«Зубдату-т-тавориҳ» ё ба таври комил «Зубдату-т-тавориҳ: Ахбору-л-умарои вал-мулуки-с-Салчуқия» муҳимтарин асари Садруддини Ҳусайнӣ, муаррихи асри XII мебошад.

Тавре ки аз номаш пайдост, ҳулоса ва ҷавҳари ахбору рӯйдодҳои муҳим дар таърихи Салчуқия аст. Ҳусайнӣ навиштани ин асарро пас аз ғавти султон Санҷар

дар соли 552 х.к. [9, 12]/1157-58 оғоз кард ва то охири умри худ ба такмили он машғул буд. Аз ишороти мавҷуд дар матн метавон дарёфт, ки нигориши асар то ҳудуди соли 580 х.к.[7,12] /1184-85 идома ёфтааст ва ҳаводиси баъд аз он ё навишта нашуда ё ба дасти мо нарасидааст. «Зубдату-т-таворих» аз вақоеи соли 420 х.к. [6, 324]/1029, яъне аз замони истикрори аввалин амирони Салҷуқӣ дар Хуросоноғоз мешавад ва то ҳаводиси соли 582 х.к./1186-87, давраи заволи инқирози давлати Салҷуқӣ дар Ироқ ва қисматҳои аз Эронидома меёбад[7,12].

Муаллифи ин асар, танҳо ба баёни вақоеи сиёсӣ ва низомӣ иктифо намекунад, балки ба масоили иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва фарҳангӣ низ таваҷҷуҳи хос дорад. Ҳусайнӣ дар ин асар ба шарҳи муносиботи Салҷуқӣ бо хилофати Аббосӣ, низоҳҳои дохилии ин хонадон бо ҳамсоягончун Хоразмшоҳиёну Ғуриён ва ҷунбишҳои мухталифи сиёсӣ мазҳабӣ дар қаламрави Салҷуқӣ пардохтааст.

Аҳамияти «Зубдату-т-таворих» дар он аст, ки Ҳусайнӣ яке аз шохидони айнӣ ва бевоситаи ҳаводиси охири аҳди Салҷуқӣ буда, бисёре аз умури пушти пардаи сиёсатро, ки мавриди камтаваҷҷуҳии дигар муаррихон қарор дорад, худ дидаву сабт кардааст. Аз ин рӯ, «Зубдату-т-таворих» манобеи дасти аввал дар таърихи Салҷуқӣ ба шумор меравад.

Барои дарки беҳтари аҳамият ва ҷойгоҳи «Зубдату-т-таворих» дар таърихи садаҳои миёна, шиносоии заминаҳои таърихӣ ва иҷтимоӣ таълифи ин асар амри зарурист. Дар ин боб ба баррасии вазъи сиёсӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангии замони таълифи асар, омилҳои муассир дар нигориши он, ангеҷаҳо ва ҳадафи Ҳусайнӣ аз таълифи «Зубдату-т-таворих» мепардозем.

Садруддини Ҳусайнӣ «Зубдату-т-таворих»-ро дар давраи авҷ ва сипас заволи инқирози давлати Салҷуқӣ таълиф кардааст. «Салҷуқӣ, ки аз қабоиلى туркнажоди Осиёи Миёна буданд, аз оғози қарни панҷуми ҳиҷрӣ (ёздаҳуми милодӣ) воридаи Хуросон шуданд ва тавонистанд бо шикасти Ғазнавиён, ҳукумати васееро аз ҳудуди Хоразм то Сурия ва аз Қасб то Яман таъсис диҳанд. Аз бузургтарин салотини Салҷуқӣ метавон ба Туғралбек, Алпарслон, Маликшоҳ ва Санҷар ишора кард»[8, 105].

Ҳусайнӣ дар давраи султон Санҷар (511-552 х.к./1117-18-1157-58) [5,11, 402,234-235], ки онро давраи тиллоии Салҷуқӣ донистанд, дар дарбори Санҷар ҳузур дошт ва шохиди рӯйдодҳои муҳимме буд. Ё инқирози Салҷуқӣро, ки дар натиҷаи низоҳҳои дохилӣ ва ҳамаҷониби хориҷӣ, бавижа аз ҷониби ғузҳо ва Хоразмшоҳиён сурат гирифт, бо ҷашми худ дид ва дар китобаш баён кард.

Аз лиҳози иҷтимоӣ замони Салҷуқӣ замони шукуфоии фарҳанг ва тамаддуни исломӣ буд. Дар ин давра, бо вучуди низоҳҳои сиёсӣ, шаҳрҳои Нишопур, Исфаҳон, Марв, Ҳирот, Бағдод ва Димишқ ҷун марказҳои илмӣ фарҳангӣ ҳифз гардида, рушд намуданд. Мадрасаҳои мухталиф бино ва китобхонаҳои бузург таъсис ёфтанд. Уламо ва донишмандони зиёде дар соҳаи илмҳои мухталиф ба ҷаҳлият мепардохтанд. «Низомулмулк, вазири бузурги Салҷуқӣ, нақши муҳимме дар тарғибу ташвиқи илм ва дониш дошт ва бо таъсиси «Низомия»-ҳо дар шаҳрҳои гуногун, заминаи рушди беш аз пешии улумро фароҳам кард»[9, 105].

Ҳусайнӣ дар ҷунин муҳити фарҳангии пӯё ва ҷаҳол мезист. Аз ин рӯ, китоби ӯ на танҳо бозбодхандаи рӯйдодҳои сиёсӣ, балки оинаи тамомиро аз вазъи

ичтимоӣ ва фарҳангии замони Салчукист. Бинобар ин намунаи чанд омили муҳимми сиёсӣ ва фарҳангиро, ки дар нигориши «Зубдату-т-таворих» таъсиргуздор буданд, сабт мекунем:

Ҳусайнӣ муддатҳо дар дарбори султон Санҷар ва ҷонишинони ӯ хидмат кардааст ва табиатан нигоҳ ва ғароиши мусбате ба ин хонадон дорад. Ӯ дар бисёр маврид аз султон Санҷар бо тамчиду таҳсин ёд намуда, ӯро «малику-ш-шарқ ва-л-ғарб» ва «султон-у-л-аъзам» [9, 85-213] хитоб мекунад. Вай тавзеҳ медиҳад, ки Санҷар «подшоҳе соҳибқирон ва лашкаршикан буд ва ҳеҷ подшоҳе бад-ин мартаба нарасид ва сӣ сол аз авлоди Салҷуқ дар Хуросон подшоҳӣ кард ва касеро ёрои он набуд, ки бо вай набард намояд» [8, 106].

Ин нигоҳи мусбат сабаб шуд, ки Ҳусайнӣ дар бисёр маврид, хоса дар тавсифи Салҷуқиён ва амалкарди онҳо, ҷониби эътидолро риоят накунад ва беш аз ҳад ба мадҳу ситоиш бипардозад. Чунин равишро дар тавсифи душманони Салҷуқиён, аз ҷумла Хоразмшоҳиён, ғузҳо ва Ғуриён, метавон ёфт, ки онҳоро бо дидаи камлутфӣ ва баъзан таҳқир менигарад.

Ғароиши динии Ҳусайнӣ дар нигориши «Зубдату-т-таворих» бисёр муассир мебошад. Ӯ аз хонадони содоти ший буд, аммо дар дарбори Салҷуқиён, ки ҳомии мазҳаби тасаннун буданд, хидмат мекард. Ин дугонагии вобастагӣҳои динӣ ва сиёсӣ ӯ дар нигоҳаш ба масоили мазҳабӣ бозтоб шудааст. Аз як сӯ, ӯ дар бораи шахсиятҳои муҳимми ший ва рӯйдодҳои марбут ба онҳо, монанди ошӯробо эҳтиром сухан мегӯяд ва аз сӯи дигар, заҳматҳои Салҷуқиёнро дар ҳимоят аз хилофати Аббосӣ ва мазҳаби тасаннун меситояд. Ҷолиб ин аст, ки ӯ дар тавсифи муборизаи Салҷуқиён бо исмоилиён, ки аз фирқаҳои ший буданд, муштаракоти мазҳабиро қанор ниҳода, аз мавзеи Салҷуқиён дифоъ мекунад. Мисли ин ки, Ҳасани Саббоҳро «имоми малоҳида» [10, 78-92] меномад.

Муҳаққиқон дар бораи ҳомиён ва сарпарастони «Зубдату-т-таворих» дар андеша шуданд. Агарчи дар оғози китоб, муаллиф номи ҳеҷ ҳомӣ ё сарпарастеро зикр намекунад, аммо аз шохиди мавҷуд дар матн метавон дарёфт, ки китоб эҳтимолан бо хосту ҳимояти Тоҷуддин Абулфазл, вазирӣ султон Арслон ибни Туғрал, аз Салҷуқиёни Ироқ, навишта шудааст. Ҳусайнӣ дар чанд маврид аз ин вазир ба некӣ ёд мекунад ва ӯро «садру-давр ва низому-л-мулк» [8, 71] хитоб мекунад.

Бояд таваҷҷуҳ кард, ки дар замони таълифи асар, давлати Салҷуқиён заиф ва ба қисматҳо ҷудо шуда, шоҳаҳои мухталифи хонадони Салҷуқӣ дар Ироқ, Хуросон, Кирмон ва Шом ҳукумат мекарданд. Таваҷҷуҳи Тоҷуддин Абулфазл ва эҳтимолан дигар вазирони Салҷуқӣ ба сабти воқоии ин хонадон, ки дар гузашта шукуҳу иқтидори фаровон доштанд, метавонад аз анғезаҳои сарпарастии ин асар бошад.

Ҳусайнӣ дар муқаддимаи «Зубдату-т-таворих» чанд ҳадаф ва анғезаро барои таълифи асараш баён мекунад:

1) Сабти воқеияти таърихӣ. Ӯ рӯйдодҳое, ки худ шохиди онҳо буда, меҳодад, сабт кунад, то барои ояндагон боқӣ бимонад: «Ва қасд кардам дар ин китоб он чиро, ки худ аз аҳволи ин давлати Салҷуқӣ дидаам, сабт кунам, то ганҷинае аз зикри ҷамил ва таърихи гуворо бошад» [9, 132].

2) Ибратомӯзӣ барои хонандагон. Ҳусайнӣ таъкид мекунад, ки ҳадафи дигарӣ ӯ

аз нигориши ин асар, фароҳам кардани маводи ибратомӯз барои хонандагон аст, то аз саргузашти пешиниён панд гиранд ва аз фитнаву фасод дурӣ чӯянд: «То ибрат гирад аз он ҳар ки ибратгиранда аст ва парҳез кунад аз бадӣ ҳар ки парҳезанда аст» [9,13-14].

3) Бузургдошти таърих ва шахсияти Салчуқиён. Дар ҷо-ҷойи китоб нишонаҳо аз робитаи Хусайнӣ ба бузургдошти хотираи Салчуқиён, бавижа султон Санҷарметавон ёфт. Хусайнӣ кӯшидааст рашодатҳо, фатҳҳо ва муваффақиятҳои Салчуқиёро барҷаста созад ва онро ба мухотабони худ бинмояд.

4) Тафаккур дар нопойдории айём ва ҳаводис. Хусайнӣ дар ҷойҳои дигари китоб, дар нақли рӯйдодҳое, чун асорати султон Санҷар ба дасти ғузҳо, ба масъалаи ҳикмати Илоҳӣ дар гардиши рӯзгор ва нопойдории айём мепардозад ва хонандаро ба тафаккур фаро меҳонад.

Бо дарназардошти паҳлуи ин ангеаҳои ошкор, метавон ба баъзе ангеаҳои дида нашудаи Хусайнӣ дар таълифи «Зубдату-т-таворих» низ ишора кард:

Навиштани таърих аз дидгоҳи худ. Хусайнӣ, кӯшидааст, таърихи ин давраро бар асоси дидгоҳ ва мушоҳидоти шахсии худ иншо намояд, то бад-ин тартиб, ривояти мухталифҳо аз таърихи Салчуқиён ироа диҳад, ки аз дидгоҳ ва ривоёти муаррихони дигар мутафовит бошад.

Ислоҳи иштибоҳоти дигар муаррихон. Дар ҷанд маврид, Хусайнӣ ба ислоҳи иштибоҳи кутуби таърихӣ муаллифони дигар мепардозад. Ў ба таҳрифҳо, ғалатҳои хронологӣ ва таҳлилҳои нодурусти воқеаҳои таърихӣ ишора мекунад, ки дар асарҳои баъзе аз муаррихон ҷой дорад. Хусайнӣ бо истифода аз манбаъҳои бозғатимод ва таҳлили муфасссал талош мекунад, то барои хонандагон равшан созад, ки гузориши дурусти воқеа чӣ будааст.

Таваҷҷуҳ ба унсури содот дар таърихи Салчуқиён. Ҳарчанд Хусайнӣ дар мавзеи расмӣ аз мавзеи сунӣ дифоъ мекунад, аммо дар баъзе мавозеъ ба таври пинҳонӣ кӯшидааст, то таваҷҷуҳи хонандаро ба нақши содот дар таърихи Салчуқиён ҳамаҷониба ҷалб намояд.

Ҳамаи ин ангеаҳо ва аҳдоф, дар канори якдигар, сабаб шудаанд, ки «Зубдату-т-таворих» ба яке аз манобеи муҳим дар таърихи Салчуқиён табдил шавад ва то замони мо чун ганҷинаи арзишманд аз маълумоти таърихӣ боқӣ бимонад. Ин китоб ба забони арабӣ навишта шудааст, ҳарчанд дар бархе нусхаҳои хаттӣ, ҳамчун нусхаи Купрулу ва Солорчанг, ашъору ибороте ба забони форсӣ ба назар мерасад. Агарчи мавзӯи аслии асар таърихи Салчуқиён аст, аммо сохтори он то ҳадде аз сохтори маъмули таърихҳои исломӣ пайравӣ мекунад.

Китоб бо ҳамду санои Худованд, наъту дуруд бар Паёмбар ва хонадони ӯ оғоз мешавад. Сипас, муаллиф муқаддимаи кӯтоҳе дар бораи аҳаммияти таърих ва ангеаи худ аз нигориши асар баён мекунад. Пас аз он, ба баёни аслу насаби туркони Салҷуқӣ мепардозад. Ба таври кӯтоҳ, зиндагиномаи Салҷуқ ибни Дуқоқ, ҷадди бузурги хонадони Салҷуқӣ ва бозмондагони ӯро нақл мекунад.

Бахши аслии китоб бо зикри вуруди Салҷуқӣ ба Хуросон дар замони султон Масъуди Ғазнавӣ ва пирӯзиҳои нахустини онҳо бар Ғазнавиён оғоз мешавад. Сипас, ба тартиби таърихӣ, салотини бузурги Салҷуқӣ, аз Туғралбек то Санҷар ва пас аз ӯ то Туғрали III, охирин Султони Салҷуқӣ Ироқ, муаррифӣ мешаванд ва ҳаво-

диси асосии ҳар даврае бозгӯ мегардад. Ҳусайнӣ аз равиши солшуморӣ барои баёни ҳаводис истифода мекунад ва рӯйдодҳои муҳимро бо зикри соли вуқуи онҳо баён менамояд. Баҳши бештари китоб ба даврони султон Санҷар ва ҷонишинони ӯ дар Хуросон ва Салҷуқиёни Ироқ ихтисос ёфтааст. Дар маҷмӯъ, Ҳусайнӣ таърихи Салҷуқиёноро ба панҷ давраи муҳим ҷудо менамояд:

Давраи нахуст - аз вуруди Салҷуқиён ба Хуросон то истиқрори салтанати онҳо дар Нишопур ва шикасти Ғазнавиён (429-432 ҳ.қ./1037-38-1040-41 м.).

Давраи дуюм - салтанати Туғралбек ва Алпарслон, аз фатҳи Нишопур то ҷанги Маллозгирд ва шикасти Рум (432-463 ҳ.қ./1041-1070-71).

Давраи сеюм - салтанати Маликшоҳ ва фарзандони ӯ, давраи авҷи қудрати Салҷуқиён дар Эрон ва Ироқ (463-511 ҳ.қ./1070-71-1117-18).

Давраи чаҳорум - салтанати султон Санҷар, давраи шуқӯи давлати Салҷуқиён дар Хуросон (511-552 ҳ.қ./1117-18-1157-58 м.).

Давраи панҷум - давраи пас аз Санҷар, даврони заъф ва инқирози Салҷуқиён (552-582 ҳ.қ./1157-58-1186-87).

Ҳусайнӣ дар баррасии ҳар давра, ба масоили муҳим ва мавзуоти мухталиф мепардозад:

- масоили сиёсӣ ва низомӣ. Ҷангҳо, лашкаркашиҳо, муборизот барои қудрат, ҷирағӣ ва шикастҳои Салҷуқиён, муносиботи онҳо бо хилофати Аббосӣ ва дигар қудратҳои ҳамҷавор;
- масоили дарборӣ. Тавсифи дарбори салотини Салҷуқӣ, низоми идорӣ, вазирону коргузорони муҳимми давлатӣ, мисли Низомулмулк, Тоҷулмулк, Камолуддавла ва дигарон;
- масоили мазҳабӣ. Муборизаи Салҷуқиён бо фирқаи исмоилия, ҳимояти онҳо аз мазҳаби тасаннун, бунёди мадорис ва масоҷид;
- масоили иҷтимоӣ. Вазъи мардум дар даврони Салҷуқӣ, бавижа дар замони ҳамалоти ғузҳо, Ҷиниён ва Хоразмшоҳиён;
- масоили фарҳангӣ. Рушди илму дониш дар даврони Салҷуқӣ, бунёди мадорису китобхонаҳо, тавсифи шахсиятҳои илмӣ ва фарҳангии барҷаста;
- масоили иқтисодӣ. Вазъи иқтисодии қаламрави Салҷуқӣ дар даврони ҷангҳо ва ноамниҳо.

Агарчи Ҳусайнӣ ба ҳамаи ин масоил пардохтааст, аммо таваҷҷуҳи бештари ӯ ба масоили сиёсӣ ва низомӣ мебошад ва ҳаҷми аслии китоб ба баррасии ҳамин масоил ихтисос ёфтааст.

Сабки нигориши Ҳусайнӣ дар «Зубдату-т-таворих» дорои вижагиҳост, ки онро аз дигар осори таърихӣ ҳамзамон фарқ мегузорад.

Нахуст, эъҷоз ва ихтисор. Ҳамон гуна ки аз номи китоб «Зубдату-т-таворих» ё «Зубдаи таворих» бармеояд, Ҳусайнӣ кӯшидааст бо эъҷозу ихтисор ба баёни рӯйдодҳо бипардозад ва аз дарозгӯӣ бипарҳезад. Бештари баҳши китоб ба тавсифи рӯйдодҳои сиёсӣ низомӣ пардохта ва аз баёни ҷузъиёти қамаҳаммият дар мавзуоти дигар худдорӣ намудааст.

Дуюм, сабки раван ва якдаст. Ҳусайнӣ аз насру сабки раван ва якдаст баҳра мебарад. Дар нигориши ӯ сарфу наҳви сода ва ҷумлаҳои кӯтоҳ бештар ба ҷашм бар-

мехӯранд. Аз саҷпардозӣ ва такаллуфоти маъмули замонааш нишон камтар ҳаст.

Сеюм, саҳеҳ ва дақиқ. Ҳусайнӣ кӯшидааст дар нақли вақоеъ, саҳеҳ ва дақиқ буда, ҷузъиёти муҳимми рӯйдодҳоро ба дурустӣ бозгӯ кунад. Ба хусус дар тавсифи рӯйдодҳое, ки худ шоҳиди онҳо буда, ҷузъиёти дақику муҳимро зикр мекунад, ки дар манобеи дигар камтар ба ҷашм мехӯранд.

Чаҳорум, пойбандӣ ба тартиби таърихӣ. Ҳусайнӣ дар нақли ҳаводис, ба тартиби таърихӣ онҳо пойбанд аст ва рӯйдодҳоро ба тартиби замонӣ баён мекунад. Китоб аз нахустин вуруди Салҷуқиён ба Хуросон то воқасин рӯзҳои ҳукмронии ин қилла дар Ироқ идома меёбад.

Панҷум, истинод ба шавоҳиди айнӣ. Ҳусайнӣ дар бисёр маврид, бавижа дар нақли рӯйдодҳои даврони Санҷар ва пас аз он, ба мушоҳидоти шахсии худ истинод мекунад ва таъкид мекунад, ки худ шоҳиди он рӯйдодҳо будааст. Чунин амр саҳеҳии нақли воқеаро афзун месозад.

Шашум, ҷонибдорӣ нисбӣ. Ҳусайнӣ дар таълифи «Зубдату-т-тавоҳид» ғаро-иши ошқоре ба ҳонадони Салҷуқӣ, ҳосатан ба султон Санҷар дорад. Ӯ дар тавсифи шахсияти салотини Салҷуқӣ бештар ба тамчиду таҳсин мебардорад ва камтар танқид аз онҳо дорад. Чунин амр сабаб шуда, ки дар баъзе маврид, дар тавсифи шахсиятҳо ва рӯйдодҳо аз мавқеи ҳолисона дур шавад.

«Зубдату-т-тавоҳид» ба сабаби аҳаммияти илмӣ ва таърихӣ дар давраҳои баъд мавриди таваҷҷуҳи китобхонон ва муаррихон қарор мегирад. Нусхаҳои ҳатти мутааддиде аз он китобат шуда, ки муҳимтаринашон аз ин қабиланд:

1. Нусхаи Купрулу (Китобхонаи Купрулу, Истанбул, шумораи 462): Ин нусха, ки аз қадимтарин нусхаҳои мавҷуд аст, соли 638 ҳ.қ. [3,564]/1240-41 китобат шудааст ва дорои матни комили «Зубдату-т-тавоҳид» аст.

2. Нусхаи Солорчанг (Китобхонаи Солорчанг, Ҳайдаробод, шумораи 156): Ин нусха соли 651 ҳ.қ. [4,291]/1253-54 китобат шудааст ва дорои матни комили «Зубдату-т-тавоҳид» аст.

3. Нусхаи Оксарой (Китобхонаи Оксарой, Истанбул, шумораи 687): Ин нусха соли 668 ҳ.қ. [2,526]/1269-70 китобат шудааст, агарчи дар ҷойҳои нақс дорад, аммо аз қуҳантарин нусхаҳои мавҷуд аст.

4. Нусхаи Маҷлис (Китобхонаи Маҷлиси Шурои Исломи, Техрон, шумораи 1478): Ин нусха дар асри ҳаштуми ҳиҷрӣ (чаҳордаҳуми милодӣ) китобат шудааст ва дорои матни комили «Зубдату-т-тавоҳид» аст.

5. Нусхаи Британия (Китобхонаи Британия, Лондон, шумораи 7628): Ин нусха дар асри нухуми ҳиҷрӣ (понздаҳуми милодӣ) китобат шудааст, агарчи афтодагӣҳо дорад, аммо аз нусхаҳои муҳим ба шумор меравад.

Нусхаи Ватикан (Китобхонаи Ватикан, Рум, шумораи 735): «Ин нусха дар асри даҳуми ҳиҷрӣ (шонздаҳуми милодӣ) китобат шудааст ва бахшҳои аз китобро дар бар мегирад» [1,34-56].

Дар садаи бистум, бо таваҷҷуҳи муҳаққиқон ба таърихи Салҷуқиён, «Зубдату-т-тавоҳид» низ мавриди таваҷҷуҳи уламо ва муҳаққиқон қарор гирифт ва тасҳеҳу ҷопи матни он оғоз шуд.

Муҳимтарин тасҳеҳот ва ҷопҳои «Зубдату-т-тавоҳид»:

1. Чопи Муҳаммад Иқбол (соли 1933): Нахустин тасҳеҳи илмии «Зубдату-т-таворих» ба дасти Муҳаммад Иқболи Лоҳурӣ анҷом шуд ва дар Лоҳур ба чоп расид. Иқбол дар тасҳеҳ асосан ба нусхаи Британия ва нусхаи Солорчанг иттико кард. Ӯ муқаддимаи муфассале бар тасҳеҳи худ навишт ва дар он аҳамияти таърихӣ ва илмӣ «Зубдату-т-таворих»-ро баён намуд.

2. Чопи Зия Буниятов (соли 1980): Ин тасҳеҳ бо унвони «Ахбор-уд-давлат-ас-Салчуқия» (Ахбори давлати Салчуқӣ) дар Маскав ба чоп расид. Буниятов, ки худ муаррихи соҳибназар дар таърихи Ҷафқоз ва Осиёи Миёна буд, дар тасҳеҳи худ ба нусхаҳои Истанбул ва Ҳайдаробод иттико кард ва дар тавзеҳоту таълиқоти худ, ба пажӯҳишҳои муҳаққиқони Шуравӣ дар бораи таърихи Салчуқӣён истинод намуд.

3. Чопи Муҳаммад Нуриён (соли 1380 ҳ.ш./2001): Ин тасҳеҳ дар Техрон ба чоп расид ва дақиқтарину комилтарин тасҳеҳи «Зубдату-т-таворих» то имрӯз аст. Нуриён дар тасҳеҳи худ аз нусхаҳои мутааддиде, аз ҷумла Купрулу, Солорчанг, Маҷлис ва Оксарой истифода карда, муқаддимаи муфассале бар он навиштааст.

Тарҷумаҳои зиёде аз «Зубдату-т-таворих» ба забонҳои мухталиф, аз ҷумла форсӣ, туркӣ, англисӣ ва русӣ анҷом шудааст, аммо то ҳоло тарҷумаи форсии комиле аз ин асар дар даст нест.

Хулоса, «Зубдату-т-таворих», ки дар охири асри шашуми ҳиҷрӣ таълиф шудааст, манбаи бебадиле дар бораи рӯйдодҳои сиёсӣ, низомӣ, иҷтимоӣ ва идорӣ аҳди Салчуқӣ мебошад. Ҳусайнӣ, ки худ дар дарбори султон Санҷар ва ҷонишинони ӯ хидмат мекард, тавонистааст маълумоти дасти аввал ва мустанадиро дар бораи рӯйдодҳои охирин даврони салтанати Салчуқӣён бидиҳад. Ҳамчунин, ба сабаби дастрасии ӯ ба аснод ва мадорики расмӣ, гузоришҳои ӯ аз ҷузъиёти умури девонӣ, низомӣ ва дипломатии Салчуқӣён, бисёр арзишманд ва беназир аст. Ҳамаи ин ангезаҳо ва аҳдоф, дар қанори якдигар, сабаб шудаанд, ки «Зубдату-т-таворих» ба яке аз манобеи меҳварӣ дар таърихи Салчуқӣён табдил шавад ва то замони мо чун ганҷинаи бебаҳо аз маълумоти таърихӣ боқӣ бимонад.

АДАБИЁТ

1. Бостонии Поризӣ. Таърихнигорӣ аҳди салчуқӣ / Бостонии Поризӣ // Шарҳи 8. – Техрон, 1369. – С. 34–56. – 749 с.
2. Байҳақӣ, Ибни Фундуқ. Лубоб-ул-ансоб ва-л-алқоб ва-л-аъқоб. Ҷ. 2 / Ибни Фундуқ Байҳақӣ. – Қум, 1410. – 543 с.
3. Ибни Асир, Иззуддин Алӣ. Ал-Комил фи-т-таърих (Таърихи комили бузурги ислом ва Эрон). Ҷ. 9–10 / Иззуддин Алӣ ибни Асир. – Бейрут, 1965. – 5270 с.
4. Масъудӣ. Муруҷу-з-заҳаб ва маъодину-л-ҷавҳар. Ҷ. 3 / Масъудӣ. – Қоҳира, 1964. – 1635 с.
5. Ровандӣ, Муҳаммад ибни Алӣ ибни Сулаймон. Роҳат-ус-судур ва оят-ус-сурур: таърихи оли Салҷуқ / Муҳаммад ибни Алӣ ибни Сулаймон Ровандӣ ; тарҷ. Муҳаммад Иқбол. – Техрон : Амири Кабир, 1364. – 585 с.
6. Мирхонд (Муҳаммад ибни Ховандшоҳи Балхӣ). Равзат-ус-сафо. Ҷ. 4 / таҳзиб ва талхис: Аббоси Зарёб. – Техрон : Илмӣ, 1373. – 1362 с.
7. Садраддин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-селджукийя (Зубдат ат-таварих) фи ахбор ал-умара ва-л-мулк ас-селджукийя / Садраддин Али ал-Хусайни; под ред., пер. и с прим. З. М. Буниятова. – М. : Наука, 1980. – 272 с.
8. Ҳусайнӣ, Садруддини. Зубдату-т-таворих / Садруддини Ҳусайнӣ; тасҳеҳ Муҳаммад Нуриён. – Техрон, 1380. – 256 с.
9. Ҳусайнӣ, Садруддин Абулҳасан Алӣ ибни Носир. Зубдату-т-таворих ахбору-л-умаро вал

мулуку-с-салчукия / С. А. Алй Хусайнй ; чопи Элшохсуни Багдодй. – Техрон: Маркази тахқиқоти роёнаи қоимаи Исфаҳон, 1385. – 217 с.

10. Фурӯғй, А. Дугонагии гароиши мазҳабй дар «Зубдату-т-таварих» / А. Фурӯғй // Чустучӯхо. – 1385. – Ҷ. 12. – С. 78–92.

11. Roux, J. Paul. Histoire des Turcs / J. Paul Roux. – Paris, 1984. – P. 234–235.

«ЗУБДАТ АТ -ТАВАРИХ» («СЛИВКИ ИСТОРИИ») - ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК XII ВЕКА

В данной статье «Зубдат ат-таварих» Садр ад-дина Хусайни рассматривается как важный исторический источник XII века. Автор проанализировал исторические и социальные предпосылки создания произведения, мотивы и цели Хусайни, структуру и содержание книги, стиль изложения, её языковые особенности, а также существующие рукописи и издания произведения. Можно утверждать, что «Зубдат ат-таварих» занимает особое место среди произведений средневековой исламской историографии.

Это произведение имеет большое значение и ценность не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения стиля, метода и подхода. «Зубдат ат-таварих» является в своём роде уникальным произведением и внесло большой вклад в расширение и развитие исламской историографии, представляя собой одну из первых специализированных хроник династии Сельджукидов. Это центральный источник по истории последнего периода сельджукского правления, содержащий бесценную информацию об административной структуре и диване султана Санджара; редкий источник, который подробно рассматривает дипломатические и политические отношения Сельджукидов с соседними державами, включая Аббасидский халифат, Хорезмшахов, Гуридов, Византийскую империю, а также другие государства и султанаты, анализируя их поведение и взаимоотношения; важный источник, в котором подробно приводятся исторические документы и письма.

«Зубдат ат-таварих», будучи политической и военной историей Сельджукидов, ценен также с лингвистической точки зрения и представляет выдающийся образец метода «передачи источников» в исламской историографии, который сам по себе считается разновидностью научно-исследовательской поддержки. В целом «Зубдат ат-таварих», созданный в конце VI века хиджры, является редким источником о политических, военных, социальных и административных событиях сельджукской эпохи. Особая ценность книги заключается в том, что её автор был одним из очевидцев событий последнего периода эпохи Сельджукидов.

Ключевые слова: *Зубдат-ат-таварих, Садр-ад-дин Хусайнй, Сельджукиды, историография, XII век, исторический источник, Султан Санджар, текстологический анализ, рукописи, исламская цивилизация.*

«ZUBDAT AT-TAWARIKH» («THE CREAM OF HISTORY») IS A HISTORICAL SOURCE FROM THE XII TH CENTURY

In this article, «Zubdat al-Tawarikh» by Sadr al-Din Husayni is examined as an important 12th-century historical source. The author has analyzed the historical and social background of the work's composition, Husayni's motivations and objectives, the book's structure and content, writing style, linguistic features, as well as existing manuscripts and editions of the work.

It can be stated that «Zubdat al-Tawarikh» occupies a special place among the works of medieval Islamic historiography. This work is of great importance and value not only in terms of content, but also in terms of style, method, and approach. «Zubdat al-Tawarikh» is a unique work of its kind and has made a significant contribution to the expansion and development of Islamic historiography, representing one of the first specialized chronicles of the Seljuk dynasty. It serves as a central source for the history of the final period of Seljuk rule, containing invaluable information about the administrative structure and divan of Sultan Sanjar; a rare source that comprehensively examines the diplomatic and political relations of the Seljuks with neighboring powers, including the Abbasid Caliphate, Khwarazmshahs, Ghurids, Byzantine Empire, as well as other states and sultanates, analyzing their conduct and interactions; an important source in which historical documents and letters are cited in detail.

«Zubdat al-Tawarikh» while being a political and military history of the Seljuks, is also valuable from a linguistic perspective and represents an outstanding example of the «source transmission» method in Islamic historiography, which itself is considered a type of scholarly-research support. Overall, «Zubdat al-Tawarikh» composed at the end of the 6th century AH, serves as a rare source on the political, military, social, and administrative events of the Seljuk era. The book's particular value lies in the fact that its author was one of the eyewitnesses to the events of the final Seljuk period.

Key words: Zubdat al-tawarikh, Sadr al-Din Husayni, Seljuks, historiography, XIIth century, historical source, Sultan Sanjar, textual analysis, manuscripts, Islamic civilization.

Сведения об авторе: Баротзода Нигина Барот - докторант кафедры истории древнего мира, средних веков и археологии Таджикского национального университета. E-mail: barotzodanigina@bk.ru Телефон: 918-33-71-78.

Information about the author: Barotzoda Nigina Barot - doctorant of the history department of the ancient world, Middle Ages, and archeology of Tajik National University. E-mail: barotzodanigina@bk.ru Телефон: 918-33-71-78.

УДК 001.89(575)"1928/1951": 92

САҲМИ АКАДЕМИК Е. Н. ПАВЛОВСКИЙ ДАР ТАШАККУЛ, РУШДИ ИЛМ ВА МУАССИСАҲОИ ИЛМӢ - ТАҲҚИҚОТИИ ТОҶИКИСТОН (СОЛҲОИ 1928 - 1951)¹

МИРЗОЕВ Ҷ.А., АЗИЗУЛЛОЗОДА М.Н.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Олими шинохта – асосгузори паразитологияи Шуравӣ, табиби ҳозик, академики Академияи илмҳои ИҶШС ва Академияи илмҳои тибби ИҶШС Евгений Никонович Павловский ҳаёт ва фаъолияти худро дар ибтидои даврони Шуравӣ бо Осиёи Миёна, аз ҷумла, бо Тоҷикистони Шуравӣ пайваста, дар рушди илмҳои биологӣ ва раванди мубориза бар зидди бемориҳои сироятӣ дар ин кишвар саҳми бориз гузоштааст.

Фаъолияти илмӣ ва ташкилии академик Е.Н. Павловский дар ҳудуди Тоҷикистон танҳо ба омӯзиш ва рушди илмҳои биологӣ ва табobati бемориҳои сироятӣ ихтисос наёфта, балки ниҳоят фарроҳ ва бисёрҷабҳа буд. Маҳз саҳми мавсуф дар баланд бардоштани иқтисод ва фарҳанги ҷумҳурӣ, ташаккул ва рушди марказҳои илмӣ, омода кардани кадрҳои илмӣ аз ҳисоби мардуми маҳаллӣ, ташкили экспедисияҳо, бунёди беморхонаҳо, марказҳои илмӣ-таҳқиқотӣ, озмоишгоҳҳо, донишқадаю донишгоҳҳо, ҳамкориҳои бурунмарзӣҷиҳати табодули таҷриба ва пайвастании илм бо истеҳсолот дар солҳои 30-юм, ба вучуд омадани соҳаҳои нави илм, мисли зоология, паразитология, биология, сейсмология, геология, химия, ботаника ва

¹Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи илм ва техникаи халқи тоҷик аз давраи қадим то замони ҳозира», рақами қайди давлатӣ 0121ТJ1273 навишта шудааст.

гайраҳо, ки дар ин самтҳо қабл аз даврони Шуравӣ таҳқиқотгузаронида намешуд, хеле назаррас аст [12, 2].

Е.Н. Павловский дар натиҷаи гузаронидани таҷрибаҳои зиёд аз рӯйи намунаи канаҳои таҳқиқшуда, ҳанӯз зимистони соли 1928 бар зидди бемории домана дору истеҳсол намуд. Тобистони соли 1928 бо ташаббуси Институти зоологияи шаҳри Ленингради Федератсияи Россия, ӯҳамчун раиси Комиссияи умумииттифоқии зидди вараҷа барои гузаронидани экспедитсияи паразитологӣ ба Осиёи Миёна фиристода шуд. Е.Н. Павловский бо боварии комил омодагии ҳешро ҷиҳати ташҳис ва табобати бемориҳои сироятӣ дар Тоҷикистон иброз дошт [3, 80].

Муҳаққиқон фаъолияти кории Е.Н. Павловскийро дар ташкили муассисаҳои илмӣ дар ҳудуди ҷумҳурӣ, ҷун фаъолияти илмӣ ба ду марҳалаи асосӣ тақсим мекунанд. Марҳалаи якуми фаъолияти ӯ аз соли 1928 оғоз ёфта, то соли 1941 давом кардааст. Яъне ӯҳанӯз пеш аз ташкили базаи тоҷикистони Академияи фанҳо фаъолияти илмӣ ташкили ҳешро ба роҳ монда, на танҳо барои ташкили як қатор самтҳои таҳқиқотӣ, балки дар самти омода намудани кадрҳои илмӣ ва нашри маводи илмӣ таҳқиқотӣ низ саҳми бориз гузоштааст.

Марҳалаи дуюми фаъолияти илмӣ ташкилотчигии олим солҳои 1941 то 1951-ро фаро гирифта, бевосита ба раванди ташаккулёбии Академияи фанҳо иртибот дорад. Бо ташаббус ва талошҳои пайгириҳои ӯ базаи тоҷикистони Академияи фанҳо ба филиали Академияи илмҳои ИҶШС мубаддал гардид.

Дар солҳои 20-ум – 30-юми асри XX паҳн гардидани бемориҳои гуногуни сироятӣ дар Тоҷикистон ба вазъи солимии ҷомеа таъсири амиқ гузошт. Нарасидани мутахассисон ва васоили табобатӣ боиси афзудани ғавти кӯдакон ва пиронсолон гардида, вазъиятро мушкил карда буд. Дар ҷунин ҳолати ба амаломеда, мурочиат намудан ба Ҳукумати Марказии Иттиҳоди Шуравӣ ягона роҳи дуруст ва муфид махсуб меёфт [7, 26].

Ин масъаларо дар комиссияи амалкунанда оид ба омӯзиши мағасҳои интиқолдиҳандаи вараҷа ва дигар паразитҳо Музейи зоологияи Академияи фанҳои ИҶШС ва шӯъбаи зоологияи Академияи ҳарбии тиббии шаҳри Ленингради Федератсияи Россия баррасӣ ва муҳокима намуда, ҷиҳати кӯмаки тиббӣ ба Ҳукумати Марказӣ дархост ирсол намуданд.

Аввалин шуда ба мурочиати комиссияи номбурда пизишкони ҳарбӣ, ки дар қаламрави Тоҷикистон корҳои зидди вараҷаро анҷом медоданд, посух доданд. Пизишкон ҳангоми иштирок дар семинари илмӣ, ки дар шаҳри Ленингради Федератсияи Россия баргузор гардида буд, ба комиссия оид ба омӯзиши вараҷа дар бораи вазъияти дар Тоҷикистон ба амаломеда иттилоъ дода, як қатор дастурҳои методӣ, китоб ва дигар маводи зарурӣ ҷиҳати мубориза алайҳи ин бемориҳо ба онҳо тақдим намуданд [4, 18-19].

Вабое ба иқтисодиёти ҷумҳурӣ зарари калони моддӣ расонид. Тамоми соҳаҳои хоҷагии халқ, бахусус хоҷагии кишлоқ аз ин эпидемия осеб дида буданд. Дар фасли баҳор бо сабаби боришоти зиёд вараҷа авҷ гирифта, деҳқонро аз кишти кори баҳорӣ ва ҷамъоварии ғалла бозмедошт. Вазъияти санитарӣ эпидемиологии ҷумҳурӣ ташҳиси амиқ ва гузаронидани муоинаи тахассусӣ ва тадбирҳои санитарӣ профилактикиро тақозо мекард [2, 71].

Комиссариати халқии нигоҳдории тандурустии ҶМШС Тоҷикистон соли 1928 ба кор шуруъ карда, ба Ҳукумати Марказии ИҶШС муроҷиат намуд, ки гурӯҳи таҳқиқотии профессор Е.Н. Павловскийро ҷиҳати муайян намудани сатҳи бемориҳои сироятӣ ба ҷумҳурии фаристонанд.

Бояд зикр кард, ки яке аз аввалин экспедитсияҳои паразитологии Осиёи Миёнагии Академияи фанҳои ИҶШС ва Академияи ҳарбии тиббии ба номи С.М. Кирови Федератсияи Россиятаҳти роҳбарии академик Е.Н. Павловский, ки аз ҷониби АИ ИҶШС дар соли 1928 роҳандозӣ гардид, барои Тоҷикистон хеле муфид буд. Зеро ҳадафи экспедитсияи мазкур омӯзиш ва мубориза бар зидди бемориҳои сироятӣ ва пешгирии намудани хавфи сар задани ин гуна бемориҳо ба шумор мерафт. Ин экспедитсия дар омӯзиши бемориҳои сироятӣ тақдир бахшида, дар натиҷаи он таҳқиқоти зиёди илмӣ ҷиҳати омӯзишу муолиҷаи бемориҳои гуногуни сироятӣ таълиф гардиданд, ки бешубҳа оғози илми тибби Тоҷикистони Шуравӣ буда, то ҳол мавриди истифодаи васеи олимону муҳаққиқони соҳа қарор гирифтаанд. Илова бар ин, экспедитсияи мазкур ба омӯзиши ҳадафмандонаи маҷмӯи олами ҳайвоноти Тоҷикистон ибтидо гузошта, имкон дод, ки на танҳо ҷиҳатҳои тиббии ветеринарӣ, балки мушкилиҳои самти биологӣ паразитологӣ дар ҷумҳурии муайян ва бартараф карда шаванд [5, 2].

Ҳамин тариқ, Е.Н.Павловский танҳо дар давоми ин экспедитсия зиёда аз 3000 нафар беморонро таҳқиқ намуда, харитаи бемориҳои эпидемиологии ноҳияҳои кӯхистонро тартиб медиҳад, ки теъдоди беморон ва макони зисти онҳоро фаро гирифта буд. Ин иқдом барои он зарур буд, ки дар оянда чунин экспедитсияҳо бе ҳадаф созон дода шуда, аз мутахассисони ҷирфавӣ иборат бошанд.

Дар солҳои 30-юми асри XX миёни экспедитсияҳои илмӣ ва муассисаҳои алоҳидае, ки бо таҳқиқоти тиббии биологӣ ва паразитологӣ дар ҳудуди ҶШС Тоҷикистон машғул буданд, саҳми базаи тоҷикистони Академияи фанҳои ИҶШС назаррас буд.

Евгений Никанорович Павловский роҷеъ ба рушди илм ва муассисаҳои илмӣ - таҳқиқотӣ дар қаламрави Тоҷикистон асару мақолаҳои зиёд таълиф намудааст. Дар яке аз мақолаҳои аввалини ӯ таҳти унвони «Дар бораи маорифи халқ дар Тоҷикистон ва вилоятҳои ҳамшафат дар замони тоинқилобӣ» («О народном образовании в Таджикистане и в прилежащих областях в дореволюционное время»), ки соли 1929 ба таърифи расида буд, ба масъалаи вазъи маорифи халқи Тоҷикистон дар давраи тоинқилобӣ таваҷҷуҳи зиёд зоҳир шудааст. Дар мақола муаллиф вазъи маорифи халқро дар ҳудудҳои ба ҳаёати ҶШС Тоҷикистон дохилшуда, (водиҳои Фарғона ва ноҳияҳои собиқ вилояти Самарқанд) инъикос кардааст. Е. Н. Павловский вазъи таълим дар мактабҳоро дар замони пеш аз инқилоби Октябр, мутобиқи нишондиҳандаҳои миқдорӣ, назари идеологии нишондиҳандаҳои маъмурӣ ва аҳли ҷамъиятро дар бораи мазмун ва мақсадҳои ниҳии маорифи халқҳое, ки ба ҳаёати Россия дохил шуда буданд, таҳқиқ ва баррасӣ намудааст.

Мақолаҳои Е. Н. Павловский таҳти унвони «Ба рушди нави илм дар Тоҷикистон» («К новому расцвету науки в Таджикистане»), «Дастовардҳои илм дар Тоҷикистон» («Успехи науки в Таджикистане»), «Таҳаввулоти ҷолиб»

(«Замечательные преобразования»), «Пойгоҳи илми Тоҷикистон» («Штаб науки Таджикистана»), ки дар саҳифаҳои матбуоти ҷумҳуриявӣ ба таъб расида буданд, роҳро ва марҳалаҳои ташкили марказҳои илмии Тоҷикистонро таҳлилу баррасӣ менамоянд. Мақолаи дигари Е. Н. Павловский таҳти унвони «Роҳҳои рушди илм дар Тоҷикистон» («Пути развития науки в Таджикистане»), ки пойдевори таърихи илми Тоҷикистонро гузоштааст, дар маҷмуаи «Илм дар Тоҷикистон» («Наука в Таджикистане») [10] соли 1945 ба таъб расидааст.

Дар ин маҷмуа, ки ба муносибати ҷашни 20-солагии ҶМШС Тоҷикистон ва Партияи Коммунистии ҷумҳурӣ ба ҷоп расида буд, натиҷаҳои илмии базаи тоҷикистонии Академияи фанҳои ИҶШС ҷамъбаст шуда буданд. Е. Н. Павловский дар ин мақола масъалаи мероси илмии муҳаққиқонро баррасӣ намуда, саҳми беназири муҳаққиқони русро, ки ба таҳқиқи ин минтақа асос гузошта буданд, инъикос намудааст [10, 2].

Е. Н. Павловский дар тӯли солҳои 1937 - 1951 дар база ва филиали тоҷикистонии Академияи фанҳои ИҶШС ҳамчун роҳбар кор ва фаъолият намуда, зимни роҳбарӣ дар ин муассисаҳо дар ҳалли масоили умдатарини илми ҷумҳурӣ, амсоли омода кардани кадрҳои илмӣ - техникӣ, базаҳои истеҳсолӣ, таҷҳизоти озмоишгоҳҳо, фонди китобхона таъсиргузор буд, ки натиҷаҳои онро дар ин мақолаи хеш ҷамъбаст менамояд. Илова бар ин, дар мақола маълумоти омӯрӣ оид ба ҳайати кормандони илмӣ, маблағҳо ва фондҳои китобхонаҳо оварда шудааст. Ӯ ба фаъолияти наشريҳои база ва Филиали тоҷикистонии Академияи фанҳои ИҶШС таваҷҷуҳи хоса зоҳир намуда, самтҳо ва натиҷаҳои асосии фаъолияти ин ниҳоди илмиро баррасӣ кардааст. Мавриди зикр аст, ки дар мақолаи худ Е. Н. Павловский на танҳо муваффақиятҳо ва дастовардҳои беназири илми Тоҷикистон, балки камбудииҳо ва норасиҳои соҳаро ба таври васеъ инъикос кардааст. Дар мақолаи мазкур инчунин фаъолият ва натиҷаҳои илмии ҳар як соҳаи алоҳидаи илм баррасӣ шудаанд.

Е. Н. Павловский ҳамчун асосгузори паразитологияи Шуравӣ дар ташаккул ва рушди илми паразитологияи тоҷик саҳми бориз дошта, ҳанӯз соли 1929 асари худро таҳти унвони «Ҳайвонот - паразитҳо ва баъзе бемориҳои паразитии одам дар Тоҷикистон» («Животные – паразиты и некоторые паразитарные болезни человека в Таджикистане») [8], ки нахустин таҳқиқот дар масоили илми паразитологияи Тоҷикистон ба ҳисоб меравад, ба ҷоп расонд. Академик Е. Н. Павловский минбаъд дар ин самт таҳқиқоти зиёд анҷом дода, на танҳо ба илми паразитологияи Тоҷикистон, инчунин илмҳои ба он алоқаманд, аз қабili зоология, биология, химия ва ботаника асос гузошт. Аз соли 1929 таҳти роҳбарии Е. Н. Павловский мунтазам корҳои илмӣ - таҳқиқотӣ дар самти зоология ва паразитология идома ёфтанд.

Баъд аз баргузори экспедитсияи нахустин (1928) бо ташаббуси Е. Н. Павловский дар пойтахти Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон - шаҳри Сталинобод (Душанбе) соли 1933 Маркази ҷумҳуриявии бемориҳои варача ва сироятӣ ташкил шуд, ки ин аввалин муассисаи илмӣ ба ҳисоб рафта, ба омӯзиши масъалаҳои паразитология ва чораҳои мубориза алайҳи ҳашароти зараррасони тропикӣ машғул буд. Бо роҳбарии ӯ воситаҳои самарабахши муолиҷаи захмҳо бо

истифода аз мӯмиё кашф гардида, дар муолиҷаи шикастагиҳо, пораҳо ва захмҳои кушода, ки табобаташон ниҳоят душвор буд, табибони тоҷик низ ғаёлона ширкат доштанд. Илова бар ин, бо шарофати бозёфтҳои илмӣ олимони тиббӣ тоҷик, ки дар он солҳо ба даст оварда буданд, дар раванди муолиҷаи бемориҳои сироятӣ антисептикаи нодир – равғани арча, васеъ истифода мешуд [1, 29].

Бояд зикр кард, ки Маркази паразитологии мазкур минбаъд Шуъбаи зоология ва паразитологияи Базаи тоҷикистони АИ ИҶШС номгузорӣ гардид. Соли 1941 бо ташаббуси Е. Н. Павловский Шуъбаи зоология ва паразитология ба Институти зоология ва паразитологияи филиали тоҷикистони АИ ИҶШС табдил дода шуд [11, 9].

Академик Е. Н. Павловский соли 1946 мақолае таҳти унвони «Рушди таҳқиқоти паразитологӣ дар Тоҷикистон» ("Развитие паразитологических исследований в Таджикистане") [9, 101-127], ки фарогири масоили раванди инкишофи таҳқиқоти паразитологӣ дар ҳудуди Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон буд, нашр намуд. Е.Н. Павловский дар ин мақола раванди умумии инкишофи таҳқиқоти паразитологиро дар ҷумҳурӣ, ки дар заминаи ғаёлияти аввалин табибони ҳарбии рус, экспедитсияҳои паразитологӣ шуруъ аз соли 1928, инчунин ғаёлияти Институти зоологияи Академияи фанҳои ИҶШС ба амал омада буд, инъикос намудааст. Олим аз соли 1928 ба таҳқиқи муҳимтарин гурӯҳҳои паразитҳо таваҷҷуҳи бештар зоҳир намуда, зимни он мушкилоти паразитологиро, ки бештар ба раванди мубориза бо бемориҳои сироятӣ, аз ҷумла вараҷа, паразитҳои чорво, бемориҳои сирояткунандаи рӯда иртибот доштанд, ошкор намуд. Муаллиф дар хотимаи мақола тамоми комёбиҳои ин соҳаи илмро дар ҳудуди ҷумҳурӣ ҷамъбаст кардааст [6, 168-172].

Е. Н. Павловский назарияпардозӣ барҷаста дар риштаи илмҳои биологӣ маҳсуб меёбад. Таълимот дар бораи мабдаи табиӣ бемориҳои сирояткунанда ва робитаи онҳо бо манзараҳои ҷуғрофӣ, ки академик Е. Н. Павловский соли 1939 коркард намуд, ҷамъбасти барҷастаи илмӣ аҳамияти умумибиологӣ дошта маҳсуб ёфта, ба маърифати бисёр ҷанбаҳои пайдоиш, ташаккул ва инкишофи бемориҳо, ангезандаҳо ва интиқолдиҳандаҳои онҳо равшанӣ меандозад. Ин таълимот ба рушди минбаъдаи таҳқиқот чӣхати коркарди тадбирҳои комилан нест кардани бемориҳои муҳиммтарини паразитии одам ва ҳайвоноти ҳонагӣ таъсири амиқ расонида, ба амалияи нест кардани мабдаҳои табиӣ ин бемориҳо роҳ кушод.

Боиси зикр аст, ки сарчашмаи таълимот дар бораи манбаи табиӣ бемориҳо бо нахустин таҳқиқоти Е. Н. Павловский дар водии Ҳисори Тоҷикистон, ки дар он ҷо ӯ нахустин маротиба мабдаи табиӣ маъмули табларзаи тақроршавандаи канаро кашф кардааст, алоқамандӣ дорад.

Бояд ёдрас шуд, ки марҳалаи дуҷуми ғаёлияти илмӣ ташкилии Е. Н. Павловский солҳои 1941 то 1951-ро фаро гирифта, бевосита ба раванди ташаккули Академияи фанҳо иртибот дорад. Академик Е. Н. Павловский на танҳо ҷун ташкилотчи илмҳои зоологӣ дар Тоҷикистон, балки ҷун муассис ва роҳбари Базаи тоҷикистонӣ, баъдтар Филиали АИ ИҶШС маълум аст.

Филиали Тоҷикистони Академияи фанҳои ИҶШС тибқи қарори Шурои Комиссариати Халқии ҶШС Тоҷикистон аз 1 сентябри соли 1941 таҳти роҳбарии

Е. Н. Павловский ба ғаёлият шуруъ намуд. Дар иртибот ба вазъи ба амал омада, нақшаи кории тамоми муассисаҳои илмӣ Тоҷикистон барои таъмини пурраи маводи ғизоӣ ва техникаҳои ҳарбии ҷумхури ба майдони ҷанг мутобиқ гардонид шуд.

Соли 1941 дар пойтахти Тоҷикистон шаҳри Душанбе бо ҳангоми ворид шудани гурезаҳо аз шаҳрҳои дар зери бомбаборони фашистон қарордошта, аввалин хуруҷи бемориҳои домана ва исҳол ба қайд гирифта шуд. Дар ин замина ғаёлият ва масъулияти олимон ва духтурон, аз ҷумла Е. Н. Павловский боз ҳам дучанд гардид. Танҳо то моҳи сентябри соли 1942, 140 ҳазор нафар шаҳрвандони гуреза, бемор ва бемадор ба Тоҷикистон паноҳ бурданд. Е. Н. Павловский бо кормандони Филиал ба ғайр аз корҳои илмӣ дар 29 (Эвакогоспитал)-ҳои кӯчонидашуда аз шаҳрҳои дар ҷанг зарардидаи собиқ Иттиҳоди Шуравӣ, ки дар Душанбе ва дигар минтақаҳои Тоҷикистон қарор доштанд, муолиҷаи ҷанговарони захмӣ ва гирифтронии бемориҳои сироятиро ба уҳда доштанд. Аз сабаби нокифоя будани маҳлулҳои безараргардонии тиббӣ дар ҷанг, Павловский барои муолиҷаи бемориҳои гангрена ва остеомиелит, ки аз захмҳо пайдо мешуданд, тарзҳои парвариши безарари кирминаи мағас (личинок мух)-ро пешниҳод намуд ва дар натиҷаи гузаронидани таҳқиқоти таҷрибавӣ истеҳсоли оммавии безарари кирминаи мағас ба роҳ монда шуд. Ҳангоми ба захмҳои фасодкарда гузоштани кирмина бофтаҳои мурда нест гардида, ҷойи онҳоро бофтаҳои нав иваз менамуданд. Сабаб дар он буд, ки дар таркиби мағас моддаи аллантоин мавҷуд аст, ки барқароршавии бофтаи осебидаро таъмин намуда, барои тезтар шифо ёфтани захмҳо мусоидат менамуд. Ин тарзи муолиҷа хеле самарабахш буд, зеродар ин давра антибиотикҳо камёфт буданд.

Тахти роҳбарии Е. Н. Павловский Филиали тоҷикистони АИ ИҶШС ба маркази бузурги илмӣ Тоҷикистон, ки теъдоди зиёди муассисаҳои илмӣ - таҳқиқотии соҳаҳои муҳталиф, аз қабилӣ нучум, геология, хокшиносӣ, ботаника, зоология, таърих, бостоншиносӣ, забон ва адабиётро муттаҳид менамуд, мубаддал гардид. Дар ин ниҳоди илмӣ мутахассисони риштаҳои муҳталифи илм, аз ҷумлаи миллатҳои маҳаллӣ омода карда шуданд. Ҳамин тавр, барои таъсиси Академияи мустақили илмҳои Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон заминаи хубе муҳайё гардид.

Академик Е. Н. Павловский, дарвоқеъ, яке аз аввалин асосгузори Академияи илмҳои Тоҷикистон маҳсуб меёбад. Аз ин лиҳоз, соли 1951, дар рӯзи ифтитоҳи Академияи илмҳои Тоҷикистон Е. Н. Павловский нахустин академики фахрии ин ниҳоди илмӣ интихоб гардид.

Ҳамин тавр, академик Евгений Николаевич Павловский яке аз шахсиятҳои барҷастаи илмҳои биология ва паразитологияи Шуравӣ буд, ки дар ташаккул ва рушди илм ва муассисаҳои илмӣ-таҳқиқотии Тоҷикистон саҳми назаррас дорад. Ӯ дар солҳои 30 - 50-уми асри XX дар раванди омӯзиш ва мубориза алайҳи бемориҳои сироятӣ, бахусус дар шароити иқлими гарм ва вижагиҳои иҷтимоии Тоҷикистон нақши калидӣ бозидааст.

АДАБИЁТ

1. Абулхаев, Р. Наука в годы Великой Отечественной войны / Р. Абулхаев // Муаррих. – 2020. - №2 (22). – С.27-37.

2. Азизуллозода, М.Н. Медико-биологическими исследованиями научных учреждений таджикской базы АН СССР (1928-1941 гг.) / М. Н. Азизуллозода // Паёми ДМТ. – 2021. - №2. - С. 70-77.
3. Бойгонии АИ ИҚШС. – Фонди 878. – Рӯйхати 2. – В. 80,84; Рӯйхати 3. – В. 29,30.
4. Гончарова, А. Наш земляк разгадал тайну переносчика страшной болезни / А. Гончарова // ЦГБ.- 2024. - (№33). - 13 август. - С. 18-19.
5. Кольцов, А.В. Роль Академии наук и организации региональных научных центров СССР, 1917—1961 гг. / А. В. Кольцов. – Ленинград: Наука, 1988. - 264 с.
6. Мирсаидов, У.М. История Академических учреждений, главный научный центр Таджикистана / У. М. Мирсаидов // Вестник Российской Академии наук. – 2001. - Том 71. - № 2. - С. 168-172.
7. Наврузов, Г. Формирование научного центра в Таджикистане (1924-1950 гг.) / Г. Наврузов. - Душанбе, 1991. - 312 с.
8. Павловский, Е. Н. К паразитологических исследований в Таджикистане // Животные - паразиты и некоторые паразитарные болезни человека в Таджикистане/ Под ред. Е.Н. Павловского. –Л., 1929. - С. 3-12.
9. Павловский, Е.Н. Развитие паразитологических исследований в Таджикистане/ Е.Н. Павловский // Тр. ТФ АН СССР. - 1945. - Т.21. - С. 101-127.
10. Павловский, Е.Н. Пути развития науки в Таджикистане /Е. Н. Павловский// Наука в Таджикистане. Том: XXI.- Сталинабад, 1945.- 153 с.
11. Саидов, А. С. Академик Е. Н. Павловский – организатор науки и основоположник паразитологии в Таджикистане // А. С. Саидов, Е. А. Манилова, Г. Н. Шахматов // Сборник материалов научной конференции «Вклад академика Е. Н. Павловского в становление науки Таджикистана». – Душанбе, 2021. – С.8-12.
12. Ҳаниф, Ш. Чон ба гарав / Ш. Ҳаниф. - Душанбе: Ирфон, 1982. - 266 с.

ВКЛАД АКАДЕМИКА Е.Н. ПАВЛОВСКОГО В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУКИ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ТАДЖИКИСТАНА (1928-1951)

В статье рассматриваются вопросы вклада известного ученого - основоположника советской паразитологии, выдающегося врача, академика АН СССР и Академии медицинских наук СССР Евгения Никаноровича Павловского в становление и развитие науки и научно-исследовательских учреждений в Таджикистане. В ней авторы, прежде всего, проявили большой интерес к научной экспедиции, проведенной в 1928 году АН СССР под руководством академика Е.Н. Павловского, целью которой были изучение и борьба с инфекционными болезнями, отметив, что именно с этой экспедиции началась научно-исследовательская и организаторская деятельность ученого в Таджикистане.

Следует отметить, что вклад академика Е.Н. Павловского в организацию научных учреждений в Таджикистане находится в центре внимания авторов статьи. По их мнению, после первой экспедиции в столице республики городе Сталинабаде (Душанбе) было создано первое в стране научное учреждение - паразитологическая станция, впоследствии ставшая Институтом зоологии и паразитологии Таджикского филиала АН СССР.

В статье также анализируется вклад академика Е.Н. Павловского в образование Академии наук Таджикистана. По мнению авторов, академик Е.Н. Павловский известен не только как организатор зоологических наук в Таджикистане, но и как основатель и руководитель Таджикской базы, впоследствии филиала Академии наук СССР, в которой он работал с 1937 по 1951 год.

Ключевые слова: паразитология, зоология, биология, тиф, лихорадка, врач, возбудитель, переносчик болезни, научно-исследовательские учреждения.

CONTRIBUTION OF ACADEMICIAN E.N. PAVLOVSKY TO THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF SCIENCE AND RESEARCH INSTITUTIONS IN TAJIKISTAN (1928-1951)

The article examines the contribution of the famous scientist - the founder of Soviet parasitology, an outstanding physician, academician of the USSR Academy of Sciences and the USSR Academy of Medical Sciences Evgeny Nikanorovich Pavlovsky to the formation and development of science and research institutions in Tajikistan. In it, the authors, first of all, showed great interest in the scientific expedition conducted

in 1928 by the USSR Academy of Sciences under the leadership of Academician E.N. Pavlovsky, which pursued the goal of studying and combating infectious diseases, noting that it was with this expedition that the scientist's research and organizational activities in Tajikistan began.

It should be noted that the contribution of Academician E.N. Pavlovsky to the organization of scientific institutions in Tajikistan is in the center of attention of the authors of the article. In their opinion, after the first expedition in the capital of the republic, the city of Stalinabad (Dushanbe), the first scientific institution in the country was created - a parasitological station, which later became the Institute of Zoology and Parasitology of the Tajik branch of the USSR Academy of Sciences.

The article also analyzes the contribution of Academician E.N. Pavlovsky to the formation of the Academy of Sciences of Tajikistan. According to the authors, Academician E.N. Pavlovsky is known not only as the organizer of zoological sciences in Tajikistan, but also as the founder and head of the Tajik base, later a branch of the USSR Academy of Sciences, where he worked in these scientific institutions from 1937 to 1951.

Key words: *parasitology, zoology, biology, typhus, fever, doctor, pathogen, disease carrier, research institutions.*

Сведения об авторах: Мирзоев Дж. А. –ведущий научный сотрудник Отдела новейшей истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Телефон: (+3772) 221-72-10; E-mail: mirzoev-dzhurabek@mail.ru. Азизуллозода М. –младший научный сотрудник Отдела история науки Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Телефон: (+992) 918-15-05-29; E-mail: bonyja_7979@mail.ru

Information about the authors: Mirzoev J. A. – Senior Research Fellow in the Department of Modern History at the A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992 372) 221-72-10; E-mail: mirzoev-dzhurabek@mail.ru.

Azizullozoda M. – Junior Research Fellow in the Department of History of Science at the A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992 918) 15-05-29; E-mail: bonyja_7979@mail.ru.

УДК 94(58)"14": 930.2+821.112(2)-312.6

АХБОРИ МИРХОНД РОҶЕЪ БА ҲУКУМАТИ АБУЛҶОСИМ БОБУР ДАР ХУРОСОН

ҲИМАТЗОДА Ҳ. Ҳ.,

Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хисрав

«Равзату-с-сафо»-и Муҳаммад ибни сайид Бурҳонуддин Ховандшоҳ ибни Камолуддин Маҳмуд маъруф ба Мирхонд (1433-1498) сарчашмаи арзишманди таърихиест, ки воқеаҳои таърихӣ нимаи дуҷуми асри XIV ва асри XV-и Мовароуннаҳру Хуросонро инъикос менамояд. Асар аз ҳафт ҷилд иборат буда, қисмҳои шашум ва ҳафтуми он тавсифи воқеоти таърихӣ аҳди Темур ва Темириёнро дар бар мегирад.

Муаллиф шоҳиди бевоситаи ҳодисоти таърихӣ нимаи дуҷуми асри XV аст, аз ин рӯ як идда муҳаққиқон ба монанди В. В. Бартолд [6], Е. Э. Бертелс [7], О. Д. Чехович [26], А. Ю. Якубовский [27,28], Ҳ. Мирҷаъфарӣ [21], Л. Буват [8], М. Ғ. Мирғуллом [16] ва дигарон дар таҳқиқоти худ зимни омӯзиш ва таҳқиқи ҳодисаҳои нимаи дуҷуми асри XV-и Хуросон аз осори Мирхонд «Равзату-с-сафо» васеъ истифода намудаанд.

Бояд гуфт, ки ин давраи таърихӣ таваҷҷуҳи муҳаққиқони тоҷикро низ ба худ ҷалб намудааст. Аз ҷумла, ба баъзе паҳлуҳои ҳукмронии Абулқосим Бобурро дар Хуросон пажухишгарон Н. Маҳмудов [15], А. Афсаҳзод [4, 5], Н.Амиршоҳӣ [2], Ҳ. Камол [11, 12, 13], А. Саидов [19], Ғ. Ғолибов [9], Н.Турсунов [20,21], Г. Турсунова [22] мавриди таҳқиқ қарор дода, «Равзату-с-сафо» чун манбаи муҳимми таърихӣ дар ин пажухишҳо хидмат кардааст.

Пас аз ғавти Шохрух (1447) барои ба даст овардани ҳокимияти Хуросон миёни намояндагони Темурӣ ҷангҳои шадиде рух дод, ки дар ин миён пирӯзи насиби Улуғбек гашт. Баъди ба сари қудрат омадани Улуғбек вазъияти Хуросони Бузург (Мовароуннаҳр Хуросон) ба эътидол наомад ва дере нагузашта, 24 октябри соли 1449 Улуғбек аз ҷониби писари худ, Абдулатиф кушта шуда, ҳокимияти Мовароуннаҳр ба дасти Абдулатиф гузашт, аммо баъди чанде, ки Абдулатиф 8 майи соли 1450 аз ҷониби муҳолифонаш ба қатл расид. Дар муддати кӯтоҳе нахуст Абдуллоҳ, сипас Абусаид (21 июни соли 1451) ба тахти Самарқанд нишастанд.

Дар аввалҳои моҳи феврари соли 1449 Абулқосим Бобур бародараш султон Муҳаммадро ба қатл расонда, ба тахти Хуросон соҳиб шуд. Ин замон Абулқосим Бобур (1452-1457), писари Бойсунқар набераи Шохрух дар қаламрави Хуросон ҳукмронӣ мекард.

Абулқосим Бобур баъд аз марги Шохрух бар ҳукмати Ҷурҷон даст ёфт ва пас аз тасарруфи Ҳирот дар соли 853 ҳ.қ./1449 -50 бар тахт нишаст. Ў соли 855 ҳ.қ./1451 дар минтақаи Чанорон бо бародари худ султон Муҳаммад ҷангид ва ўро асир гирифта, ба қатл расонид. Султон Муҳаммад ба фармони Шохрух ҳукумати Ироқро дар даст дошт. Пас аз марги Шохрух Исфохон ва Форсро ба даст овард ва бо Ҷаҳоншоҳи Қароқуйюнлу ворида ҷанг шуда, ки бо бастани сулҳ ба анҷом расид.

Давлатшоҳи Самарқандӣ роҷеъ ба тахти Хуросон соҳиб шудани мирзо Абулқосим Бобур чунин иттило медиҳад: »Эй султони олам, бародарон ва амакзодагони ту дар ҳар мамлакат мустақиланд, ганҷу сипоҳ доранд, агар маслиҳати манро гӯш кунӣ, эҳтимол мулк ба дасти ту гузарад. Абулқосим Бобур мепурсад: -Қадам аст он маслиҳат? Гуфт: Аввал он, ки мардуми дун ва бадасро тарбият кун, чунки бузургзодагон ба ту сар дарнаёваранд, дуоюм он, ки бахшандагӣ ба ифрот пеш гир, то ба овозаи ҷуди (ҷавонмардӣ) ту мардум ба ту ручуъ кунанд, сеюм он, ки ясоқ саҳт макун ва мардумро изо марасон, то аз ту эман бошанд, чаҳорум он, ки лашкаро аз ғорат ва дастандозӣ манъ макун, то ҷиҳати тамаи шуми худ кори тӯро пеш баранд ва чун кори ту пеш равад ва мулк ба ту мусаллам шавад, зинҳор ва ҳазор зинҳор, ки ин корҳои мазмӯро тарк кунӣ ва хилофи ин қоидаҳои нописандида намоӣ, ки инҳо ҳама ҷиҳати зарурат аст»[5,18-19].

Бино ба иттилои манбаъҳои таърихӣ давраи ҳукмронии Абусаид дар таърихи мардуми Хуросони Бузург, дар ҳақиқат яке аз давраҳои мудҳиш ва ноором ба ҳисоб меравад. Дар Хуросони Бузург аз ин кашмакашиҳои сиёсӣ ва задухӯрдҳои дохилӣ на танҳо вазъи сиёсӣ, балки адабӣ низ рӯ ба таназзул ниҳод. Аз тарафи дигар Хуросон ба муқобилияти қароқуйюнлуҳо дучор гашт.

Тибқи иттилои сарчашмаҳо Абулқосим Бобур зимистони соли 855 ҳ.қ./1451-ро дар Астаробод ва Бастом паси сар кард. Муҳаммад мирзо, ки дар Форс қарор дошт,

мехост бо як ҳамлаи густурда Хуросонро ба тасарруфи худ орад. Абулқосим Бобур аз нақшаи бародари худ огоҳ шуда, бо миёнчигарии шайхулисом Хоча Мирзо ба гуфтушунид шуруъ кард ва дар натиҷа як қисми заминҳои Хуросонро ба бародари худ бахшид. Аз ин гузаштҳо фурсате нагузашта, Муҳаммад аҳдшиканӣ карда, Хуросонро то Исфороин ишғол кард. Абулқосим Бобур аз ин вазъ огоҳ шуда, аз Мозандарон баргашта, бо бародари худ дар ҳаволии Хабурон набарди саҳт ва хунине анҷом дод. Дар ин набард Муҳаммад шикаст хӯрда, асир афтод. Абулқосим Бобур бо ситеза бо Муҳаммад гуфт, ки эй бародар аз ҷониби мо чи воқеа шуд, ки бо чунин кирдор даст задӣ ва хуни мусулмонон бирехтӣ. Муҳаммад дар ҷавоб чунин гуфт: «Ки эй бародар дар умури мулкгирии амсоли ин қазоё рӯй менамояд» [17,781, 8,105].

Абулқосим Бобур дастур дод, то ки бародари худро ҳамагӣ сиву ҷаҳор сол дошт, ба қатл расонданд ва наъши ўро ба дорусалтанати Ҳирот бурданд ва дар гунбади мадрасаи Гавҳаршод, ки марқади падараш мирзо Бойсунғар дар он ҷо буд, ба хок супориданд. Абулқосим Бобур пас аз куштани Муҳаммад дастури кӯр кардани бародари дигари худ, Алоудавларо дод. Аз мили оҳани тафсон ҷашмони Алоудавла осеб надид. Абулқосим Бобур пас аз байн бурдани бародарони худ, хотирҷамъ гашта, азми Ироку Форс кард, ба он хотир ки мирзо султон Муҳаммад аз ҳамин минтақа вориди Ҳирот шуда буд. Абулқосим Бобур бо қароре омад, ки ба қалъаи Туршез рафта, аз роҳи Язд мутаваҷҷеҳи мамлакати Ироқ шавад. Вақте ки Абулқосим Бобур ба мавзеи Тун расид, ғалла дар он диёр камёб буд. Ў фармуд ҳар ҷое ки ғалла бошад ба даст биёранд ва лашкариёнаш ба талаву торочи молу амволи мардум даст заданд. Ҳангоми дар Шероз қарор доштани Абулқосим Бобур қосиде расида, иттилоъ дод, ки мирзо Алоудавла худро аз осеби мил нигоҳ дошта, бо кумаки Ёдгоршоҳи арлот ба Балх лашкар кашида, аз он ҷо ҷониби Хуросон майл дорад. Абулқосим Бобур чун аз қазияи Хуросон огоҳ шуд, таваққуф карданро дар мамлакати Ироқ ба худ муносиб надид. Ў рӯ ба Ҳирот овард ва Мирхонд иттилоъ медиҳад, ки Абулқосим Бобур ҳангоми бозгашт ба Ҳирот дар Язд бо муаррихи аҳди Темуриён муаллифи «Зафарнома» Шарафиддин Алии Яздӣ вохӯрда, аз суҳбати ӯ бархӯрдор шудааст. Бояд қайд кард, ки пас аз ҳаштод соли аз даст рафтани мулки Ироку Форс ба тобеияти туркманон онро боз аз нав ба давлати Темуриён ҳамроҳ намуд.

Ҳангоме ки Абулқосим Бобур дар Астаробод қарор дошт, султон Абусаид соли 858 х.қ./1454 ба ҷониби вилояти Балх раҳсипор гардида, як идда минтақахоро аз худуди Бадахшон то канори Мурғоб ба тасарруфи худ оварда, лашкариёни ўро шикаст дода, яке аз амиронаш Дарвеш Муҳаммадро ба ҳалокат расонд.

Мирхонд роҷеъ ба лашкаркашии Абулқосим Бобур дар соли 858 х.қ./1454 ба Мовароуннаҳр бар зидди султон Абусаид иттилоъ медиҳад, ки Абулқосим Бобур ба амир Хоча Ваҷеҳиддин Исмоили Симнонӣ фармон дод, ки бо як идда умарои аъзом аз аҳолии хирочи «забти лашкар» ва «зари лашкар» ҷамъоварӣ кунанд. Абулқосим Бобур пас аз ситонидани андозҳои зарурӣ тамоми маблағҳои ҷамъшударо ба умаро ва лашкариён тақсим карда, рӯ ба Мовароуннаҳр овард [1,755, 15, 87].

Барои убур аз Амударё фақат як қайқ вучуд дошт, ки танҳо Абулқосим Бобурро ба ин самт расонду халос. Сипоҳинаш Ҳангоми убур аз дарё ғарқ шуданд ва қисми зиёдаш аз норасоии ғизо ғавтиданд.

Абусаид ҳеҷ бовар надошт, ки Абулқосим Бобур ба ин зудӣ ба Мовароуннаҳр лашкар мекашад. Абулқосим Бобур аз роҳи Арҳанг, Солисарой ва Ҳисори Шодмон ворида Самарқанд гардид. Вақте наздики Самарқанд шуд, дар посухи тақозои сулҳ ва ҳадяҳои ирсолӣ Абусаид чунин гуфт: «Беш аз он роҳ омадааст, то ба ин зудӣ бозгардад. Ҳатто ба пешниҳоди марди мухтараме чун Абунастри Порсои Балхӣ низ арзише нагузошт ва ба ӯ гӯшзад кард, ки аз ин ҷанги хунин даргузарад» [8, 106].

Ҳамчунин Мирхонд иттилоъ медиҳад, ки султон Абусаид ба Абулқосим Бобур мегӯяд, ки «Ман ин вилоятро (Мовароуннаҳро) ба ҷанг гирифтаам, осон-осон аз даст нахоҳам дод» [17, 790-791]. Моҳи сентябри 1454 Абулқосим Бобур аз Ҳирот бо теъдоди сад ҳазор лашкар рӯ ба Самарқанд меоранд. Абусаид аз лашкаркашии Бобур огоҳ шуда, Амударёро убур карда, озими Самарқанд гашт.

Тибқи ахбори Мирхонд Абусаид аз убури Чайхун лашкариёнашро иҷозат дод, то ба хонаҳои худ раванд [17, 791]. Сарчашмаҳо шаҳодат медиҳанд, ки сипоҳиёни Абусаид аз Хуросон молу амволи мардумро ба ғорат бурда, дигар на он қадар майли ҷанг кардан доштанд. Бобур бошад, бе ҳеҷ як муқовимате дар як фарсахии Самарқанд қарор гирифт ва дар ин муддат аз сипоҳи Самарқанд ҳеҷ кас дар муқобили лашкари Хуросон қарор нагирифт ва сипоҳи Хуросон хотир бар он қарор доданд, ки мардуми Самарқандро қуввати муқовимати онҳоро надоранд. Абусаид бошад, дар чунин вазъ бо амирони худ андешаи тарки мубориза кардан ва фирор ба ҷониби Туркистон дошт ва Ҳоча Аҳрор садди роҳи ӯ мешавад. Мардуми Самарқанд зери роҳбарии шахсиятҳои руҳонӣ, пеш аз ҳама Ҳоча Аҳрор баҳри дифоъ ба муқобили лашкариёни Хуросон бархостанд. Задухӯрди шадиде ба миён омад ва хуросониёни зиёде ба қатл расиданд. Инчунин яке аз сарлашкарони бонуфузи Абулқосим Бобур, амир Халил дар рафти ҷанг асир меафтад. Тибқи иттилои Мирхонд дар ин ҷанг зиёда аз сад ҳазор уштур ба ҳалокат расид. Аз ин далелҳо бармеояд, ки теъдоди сипоҳиёни Абулқосим Бобур хеле зиёд будаанд [17, 794, 1, 744, 18, 178].

Рафти ҷараёни ҷанги Абулқосим Бобур ва Абусаидро дар Самарқанд Мирхонд чунин тасвир мекунад: «Миёни ҳар ду гурӯҳ ҷанги азиме иттифок афтод ва ҳавли рӯзи машҳар зоҳир гашт ва муддати айёми муҳосира чихил рӯз имтидод ёфт ва ҳар ду гурӯҳ аз ҷангу ҷидол ва ҷарбу қитол ба сутуҳ омаданд» [17, 795].

Бояд гуфт, ки онҳо ҳарчанд шахро ба муҳосира гирифта, кӯшиши зиёде барои ишғоли он ба ҳарч дода бошанд ҳам, аммо онҳоро ишғоли шахр муяссар нагашт.

Баъд аз ин воқеаи мудҳиш Абулқосим Бобур бо фаро расидани фасли сармо маҷбур шуд, ки ба бастанӣ сулҳ розӣ шавад. Мутобиқи аҳдномаи сулҳ Абусаид мебоист бо мамлақати Мовароуннаҳр қаноат карда, ба умури идории Хуросон даҳлат намекард [24, 52-53, 6, 115, 26, 36-44, 10, 383, 12, 58]. 25 декабри соли 1454 Абулқосим Бобур тарки Самарқанд карда, ба Ҳирот баргашт.

В. В. Бартолд роҷеъ ба мудофияи Самарқанд ва шикасти Абулқосим Бобур дар асари худ «Мир-Али-Шер и политическая жизнь» чунин менависад: «Бобур дар

соли 1454 барои забт кардани Самарқанд кӯшишаш барор нагирифт ва пас аз бастанӣ сулҳ бо Абусаид 25 декабри ҳамон сол ба Ҳирот баргашт» [6,115]. Тибқи ахбори А.Ю. Якубовский Бобур Самарқандро забт карданӣ буд, вале ҳучуми ӯ дар соли 1454 бебарор анҷом ёфт [27,383].

Бино ба нигоштаи Мирхонд Абулқосим Бобур дар авоили зулҳиҷа 858 ҳ.қ./декабри 1454 бо лашкариёни худ дарёи Амуро убур карда, воридаи Ҳирот шуда, барои таскини лашкариёни худ як қатор минтақаҳоро ба амирони наздики худ ба суюрғол дод, мисли Балх ба амир Шайх Ҳоҷӣ, вилояти Баёну Ҷорик бо амири Форс, диёри Андхудро бо амир Шайх Заволнун ва бародараш амир Аҳмад, қасабаи Шибурғонро бо амир Кукалтош тақдим кард [17, 795].

Ҳангоме ки Абулқосим Бобур машғули ҷанг дар Самарқанд буд, волии Систон Шоххусайн даъвии истиқлолият мекард. Баъди бозгашт аз Самарқанд Абулқосим Бобур мачбур шуд, ки амир Халилро бо лашкариёни зиёд барои ҳокимиятро аз дасти Шоххусайн гирифтани ба Систон фиристод. Дар натиҷаи задухӯрди шадид Шоххусайн дучори шикаст гардида, ба вилояти Зирех фирор кард ва мардуми зиёд ба қатл расид. Пас аз ҷанд вақт Шоххусайн аз ҷониби амир Халил дастгир ва ба қатл расид.

Тибқи ахбори маъхазҳои хаттӣ Абулқосим Бобур бештари вақти худро ба сархушию майшат мегузаронид ва ба корҳои давлатӣ таваҷҷуҳ надошт ва ҳатто рӯзи маргаш низ дар шанбеи 25 рабеълсонии соли 861ҳ.қ./мартӣ соли 1457 аз нӯшидани шароб худорӣ накард [1,873, 18, 188, 24,57]. Ҷасади ӯро аз Машҳад ба Ҳирот оварда, сипас дар гунбази мадрасаи Шохрух дафн карданд.

Абулқосим Бобур даҳ сол дар Хуросон, Мозандарон, Симнон, Домғон то вилояти Бадахшон ва аз соҳили Ҷайхун, Марв ва Моҳон то ҳудуди мамлақати Систон ва Зобулистон ҳукумат кард. Ва мамолики Ироқу Форсро низ ба зерӣ тасарруфи худ оварда буд.

Соли 1453 тамоми ноҳияҳои ғарбии Эронро туркманҳои қарақуёнлу бо сарвари Ҷаҳоншоҳ забт карданд. Дар ин сол вилоёти Ироқу Форс аз ҳудуди вилояти Озарбойҷон то соҳилҳои дарёи Уммон ба қаламрави мамлақати туркмон дохил шуд.

Бояд гуфт, ки пас аз ихтилофу кашмакашиҳои шохзодагону амирон, аз даст ба даст гузаштани ҳокимият дар миёни онон, ҳаробии шаҳрҳо ва қаҳтию гуруснагиро ба миён овард. Авзои сиёсии соли 861ҳ.қ./1456-и Хуросонро аксари таърихшиногон асрҳои миёна, аз ҷумла муаррих Мирхонд дар асари худ «Равзату-с-сафо»-чунин тасвир мекунад: «...қавофили балое дар вилояти Хуросон боз кушод ва харҷу марҷ бо аҳолии мамлакат роҳ ёфт» [17, 807, 1, 821, 18,190].

Бино ба ахбори сарчашмаҳои таърихӣ пас аз вафоти Абулқосим Бобур ҳокимони алоҳида аз аҳолии Ҳирот ва навоҳии гирду атрофи он андозҳои барзиёд ҷамъ намуданд, ки ин боиси сар задани ошӯбҳо гардид. Муаллифи «Равзоту-л-ҷанноти фӣ авсофи мадинати Ҳирот» Замҷии Исфазорӣ (тахм.1446-47-1498) роҷеъ ба яке аз лашкариёни Абулқосим Бобур, амир шайх Абусаид аз Сарахс менависад, ки ӯ рӯ ба Ҳирот оварда, аз сабаби хурдсол будани мирзо Шохмаҳмуд, ки ҳамагӣ ёздаҳ сол дошт, ҳокимиятро ба даст овард ва ба сари аҳолии Ҳирот андози «саршумор» бор карда, ки давоми 2-3 рӯз бо пул ситонид. Исфазорӣ иттилоъ

медихад, ки дар ин сол се мол ва се шукрона аз раоё ситониданд, аввал Шохмахмуд мирзо, дувум султон Иброҳим мирзо, савум мирзо Абусаид [18, 203, 1, 810].

Бояд зикр намуд, ки бо дастури амир шайх Абусаид андози саршумор чанд маротиб зиёд карда шуд, ки ин ҳолат боиси исён бар зидди бедодгариҳои ҳукуматдорон гардид.

Хоча Кулол ва Хоча Алӣ Амирхоҷа вазирони Шохмахмуд таъйин шуда, масъули умури девон буданд ва нисбат ба мардум озору азиятро раво диданд. Вазирони номбурда ҳамроҳи шайх Абусаид бори дуюм аз аҳолии шаҳр андози саршумор чамъ мекунанд. Баъд аз он боз аз аҳолии шаҳр ба ҷойи як динор нух динори дигар зам карда, даҳ динор гирифтанд.

Азбаски аҳоли имкони пардохти маблағи заруриро надошт, мавриди шиканҷа қарор гирифта, бисёр одамон ҳалок шуданд, як ҳайати амирон борҳо бо хоҳиши кам кардани андоз ба назди амир шайх Абусаид, ки он замон берун аз шаҳр буд, рафтанд, вале ӯ ба ҳеҷ гузаште розӣ нашуд. Сипас, фармондеҳи Абулқосим Бобур, амир Шерхоҷа ҳамроҳи шохзода мирзо Шохмахмуд, ки он вақт дар Боғи Зоғон қарор дошт, ворида шаҳр гардида, ҳокимиятро ба даст овард. Аз аҳоли даъват кард, ки ҳеҷ кас андоз насупорад ва он чизе ки супориданд, бозпас гиранд. Мардум аз амир Шерхоҷа ҷонибдорӣ карданд. Мардуми ба ғазаб омада шайх Абусаидро дар кӯҳи Мухтор дастгир намуда, ба қатл расонида, сари ӯро ба дарвозаи Малик овехтанд [1,795,18,192-193, 17,807-808, 24,63-64, 14,358, 3,36]. Сарчашмаҳо аз он шаҳодат медиҳанд, ки пас аз марги Абусаид муборизаҳои байниҳамдигарӣ ва худсариҳои амирон шиддат гирифт, ки дар натиҷа вазъи мардуми Ҳирот вазнин гардид.

Бояд гуфт, ки тибқи иттилои сарчашмаҳои таърихӣ вазъи сиёсии Хуросон пас аз вафоти Абулқосим Бобур буғранҷ шуда, чунин вазъияти ноороми сиёсӣ боиси ҷангҳои дохилӣ гардид. Аз вазъи нобасомони Хуросон ҳокими Мовароуннаҳр султон Абусаид истифода намуда, ба ин сарзамин ҳучум кард ва ҳокимияти Хуросонро бе муқовимат ба даст овард. Соли 1457 пас аз тасхири Хуросон аз ҷониби Абусаид қаламрави Хуросони Бузург дигарбора муттаҳид гардид. Сарчашмаҳо шаҳодат медиҳанд, ки султон Абусаид ҳамавақт дар сар орзуи нишастан ба тахти Ҳирот ва Хуросонро мепарварид, ки он барояш муяссар гардид [1, 805; 18, 201].

Ҳамин тавр, асари «Равзату-с-сафо»-и Мирхонд дар баробари дигар сарчашмаҳои хаттии асрҳои XIV-XV аз манобеи муҳими таърихӣ маҳсуб шуда, дар танвири солҳои ҳукумати Абулқосим Бобур дар Хуросон аз маъхазҳои нодир ба шумор меравад.

АДАБИЁТ

1. Абдурразоқи Самарқандӣ. Матлаъу-с-саъдайн ва маҷмаъу-л-баҳрайн / Абдурразоқи Самарқандӣ. – Тоҳрон, 1372. – Ҷ. 4. – 454 с.
2. Амиршохӣ, Н. Темур дувумин чехраи хунрези таърих / Н. Амиршохӣ // Фарҳанг (нашрияи Бунёди фарҳангии Тоҷикистон). – 2004. – № 1 (январ - феврал). – С. 11–23.
3. Арунова, М. А. К истории народных выступлений в государстве тимуридов в XV в. / М. А. Арунова // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. – 1960. – Вып. 37. – С. 36.

4. Афсаҳзод, А. Адабиёти форсу тоҷик дар нимаи дуҷуми асри XV / А. Афсаҳзод ; таҳр. Расул Ходизода. – Душанбе : Дониш, 1987. – 261 с.
5. Афсаҳзод, А. Ҷомӣ – адиб ва мутафаккир / А. Афсаҳзод. – Душанбе: Маориф, 1989. – 382 с.
6. Бартольд, В. В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь / В. В. Бартольд // Мир-Али-Шир. – Л. : Изд-во АН СССР, 1928. – С. 3–164.
7. Бертельс, Е. Э. Навои : опыт творческой биографии / Е. Э. Бертельс. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 174 с.
8. Буват, Л. Таърихи муғул. Темуриён / Л. Буват; тарҷ. М. Бехфурӯзӣ. – Техрон : Ардашер, 1384. – 304 с.
9. Ғоибов, Ғ. Таърихи Хатлон аз оғоз то имрӯз / Ғ. Ғоибов. – Душанбе: Дониш, 2006. – 906 с.
10. История народов Узбекистана. Т. 1. – Ташкент, 1950. – 474 с.
11. Камол, Х. Таджикиский народ во второй половине XIV–XV вв. / Х. Камол // История таджикского народа. Т. 3. – Душанбе : Дониш, 2013. – С. 100–167.
12. Камол, Х. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчака в Мавераннахр и Хорасан (XVI в.) / Х. Камол. – Душанбе: Дониш, 2012. – 408 с.
13. Камол, Х. Политическое положение Хорасана во второй половине XV в. / Х. Камол // Муаррих. – 2015. – № 4. – С. 46–52.
14. Массон, В. М., Ромодин, В. А. История Афганистана. Т. 1 : С древнейших времён до начала XVI в. / В. М. Массон, В. А. Ромодин. – М. : Наука, 1964. – 358 с.
15. Махмудов, Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV–XV вв. / Н. Махмудов. – Душанбе, 1966. – 128 с.
16. Мирғулом, М. Ғ. Афғонистон дар масири таърих. Ҷ. 1 / М. Ғ. Мирғулом. – Техрон, 1390. – 608 с.
17. Мирхонд. Равзату-с-сафо / таҳзиб ва талхис: Аббоси Зарёб. – Техрон, 1339. – Ҷ. VI. – 886 с.
18. Муъинуддин Муҳаммад Замҷии Исфазорӣ. Равзоту-л-ҷанноти-л-ҷинон фӣ авсофи мадинаи Ҳирот. – Техрон, 1338 х.ш. – Ҷ. 2. – 375 с.
19. Саидов, А. Социально-экономическое положение Мавераннахр и Хорасана во второй половине XIV–XV вв. / А. Саидов // История таджикского народа. Т. 3. – Душанбе: Дониш, 2013. – С. 195–242.
20. Турсунов, Н. Таърихи тоҷикон / Н. Турсунов. – Хучанд, 2001. – 723 с.
21. Турсунов, Н. Таърихи халқи тоҷик / Н. Турсунов. – Хучанд : Нашриёти «Ношир», 2017. – 656 с.
22. Турсунова, Г. Н. Основные этапы деятельности Амир Темура (1360–1405 гг.) / Г. Н. Турсунова. – Худжанд : Хуросон, 2006. – 191 с.
23. Хондамир. Таърихи Ҳабибу-с-сияр фӣ ахбори афроди башар. Ҷ. 4. – Техрон, 1353. – 703 с.
24. Хусайни, Мирҷаъфарӣ. Таърихи таҳаввулотӣ сиёсӣ, иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва фарҳангии Эрон дар давраи Темуриён ва Туркманон / М. Хусайн. – Техрон, 1388. – 381 с.
25. Чехович, О. Д. Оборона Самарканда в 1454 году / О. Д. Чехович // Известия Академии наук Узбекской ССР. Серия общественных наук. – 1960. – № 4. – С. 36–44.
26. Якубовский, А. Ю. История народов Узбекистана. Т. 1 / А. Ю. Якубовский. – Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1950. – 474 с.
27. Якубовский, А. Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои / А. Ю. Якубовский // Алишер Навои. – М. – Л., 1946. – С. 5–30.

ИЗВЕСТИЯ МИРХАНДА О ПРАВЛЕНИИ АБУЛЬКАСИМА БАБУРА В ХОРАСАНЕ

В статье рассматривается и анализируется политическая ситуация в Мавераннахре и Хорасане во второй половине XV века в период правления Абулкаси́ма Бабура в «Раузату-с-сафа» Мирхонда. Автор отмечает, что наряду с другими письменными источниками XIV–XV веков «Раузату-с-сафа» Мирхонда

также считается важным историческим источником, особенно в выяснении истории правления Абулкасима Бабура в Хорасане, и считается редким письменным источником.

Автор также провел сравнительный анализ известий Мирхонда со сведениями других средневековых авторов. Автор отмечает, что в рассматриваемый период, именно после смерти Улугбека, представителей династии Темуридов, Абдуллатифа, Абдуллаха, Абусаида, Абулкасима Бабура, Алоудавлы Мухаммада вспыхнули войны и конфликты. Сделан вывод, что в период правления Абулкасима Бабура разрушения и опустошение городов и селений во время его походов за властью были не меньшими, чем у других представителей династии Тимуридов против коренных народов Мавераннахр и Хорасана.

Ключевые слова: *Мавераннахр, Хорасан, Абусаид, Абулкасим Бабур, оборона Самарканда, военный поход, Систан.*

MIRKHAND'S NEWS REGARDING THE RULE OF ABULKASIM BABUR IN KHURASAN

The article examines and analyzes the political situation in Transoxiana and Khorasan in the second half of the 15th century during the reign of Mirzo Abulkasim Babur in Mirkhand's "Rawzatu-s-safa". The author notes that, along with other written sources of the 14th-15th centuries, Mirkhand's "Rawzatu-s-safa" is also considered an important historical source, especially in clarifying the history of the rule of Mirzo Abulkasim Babur in Khorasan, and is considered a rare written source. The author also conducted a comparative analysis of Mirkhand's news with the information of other medieval authors.

The author notes that in the period under review, it was after the death of Ulugbek, representatives of the Temurid dynasty, Abdul-Atif, Abdullah, Sultan Abu Said, Abulkasim, Babur, Aloudawla, Muhammad, wars and conflicts broke out. It was concluded that during the reign of Abulkasim Babur, the destruction and devastation of cities and villages during his campaigns to gain power was no less than that of other representatives of the Timurid dynasty against the indigenous people of Transoxiana and Khorasan.

Key words: *Transoxiana, Khorasan, Abusaid, Abulkasim Babur, defense of Samarkand, military campaign, Sistana.*

Сведения об авторе: Химатзода Хасан Химат - докторант кафедры истории таджикского народа Бактрийского государственного университета имени Носира Хисрава. Тел.: (+992) 202-22-22-79.

Information about the author: Khimatzoda Hasan Khimat - doctoral student of the Department of History of the Tajik People of the Bactrian State University named after Nosir Khisrav. Tel.: (+992) 202-22-22-79.

АЗ ТАЪРИХИ МАКТАБҲОИ АВВАЛИН ДАР ШАРҚИ ҚАДИМ

АЮБОВ А. Р.,

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров

Мактаб дар давраҳои мухталифи таърихӣ ҳамчун маркази донишҳои илмӣ махсуб шуда, пешравии илму фарҳанг ва ҷамъиятро бо вазъи мактаб бештар муайян мекунад. Дар тамаддунҳои Шарқи қадим дар робита ба ниёзҳои маънавии давлатҳои Байнаннаҳрайн ва Мисри қадим нахустин мактабҳо пайдо шуданд. Мавзуи таърихи пайдоиши мактабҳо дар Шарқи қадим ба анҷоми давраи рушди мустақили давлатҳои он вобаста аст.

Нахустин бор институти мактаб ҳамчун як соҳаи махсуси додани донишҳо дар Байнаннаҳрайн қадим ба вучуд меояд. Ин як раванди табиӣ буд, ки бо зарурати кормандони босаводи соҳаҳои гуногун ба хизмати давлатӣ алоқаманд буд. Дар харобаҳои шаҳрҳои қадимии Байнаннаҳрайн дар баробари ёдгориҳои ҳаттӣ бостоншиносон теъдоди зиёди матнҳои дар мактабҳо тадрисшударо кашф карданд. Лавҳаҳои, ки дар харобаҳои Ур ёфт шуданд, тақрибан ба асрҳои XXVIII - XXVII то мелод тааллуқ доранд [6, 248].

Бисёр лавҳаҳои таълимӣ бо рӯйхати худоҳо, намудҳои ҳайвонот ва наботот кашф шуданд. Масалан, дар коллексияи Осорхонаи Берлин тақрибан 80 матни лавҳаҳои мактабӣ аз 235 лавҳаи гилин, ки дар Шуруппак пайдо шуда, ба нимаи аввали ҳазорсолаи III мутааллиқанд, мавҷуд аст. Ин гуна маъхазҳо дар бораи ташкили мактабҳо, робитаи муаллиму хонандагон, фанҳои дар мактаб таълим меодашуда ва усулҳои таълими онҳо маълумот медиҳанд. Аввалин мактабҳо дар калисоҳо ҷойгир буданд [2, 83].

Дар Бобулистон бо густариши дониш ва фарҳанг дар гурӯҳҳои иҷтимоии миёна муассисаҳои таълимии шакли нав пайдо мешаванд. Дар санадҳои мухталиф имзоҳои тоҷирон ва қосибон мавҷуданд. Дар қасри шоҳ низ мактабҳо вучуд доштанд. Эҳтимол дар он ҷо ходимони дарбор ё дар ҳудуди маъбадҳо - руҳониёни оянда таълим мегирифтанд. Муддати тӯлонӣ чунин ақида вучуд дошт, ки мактабҳо танҳо дар калисоҳо фаъолият мекунанд.

Ин ҳолат метавонист дар баъзе ҷойҳо ва дар давраҳои муайян рӯй диҳад, зеро қисми зиёди ҳуҷҷатҳои ин замон ба маъбадҳо иртибот надоранд. Бостоншиносон муайян карданд, ки тарҳи биноҳо аз мактаб ва синфхонаҳои мактабӣ иборат аст. Мактаби шумерӣ, ки зоҳиран ҳамчун хидмати махсус ба маъбадҳо оғоз шуда буд, дар ниҳоят ба як муассисаи дунявӣ табдил ёфт.

Ба вучуд омадани мактабҳои хусусӣ дар Аккад, ба охири ҳазорсолаи III пеш аз милод рост меояд. Нақши маорифи мактабӣ дар ҳазорсолаи I пеш аз милод пурзӯр гардид [1, 219].

Аз сарчашмаҳо маълум аст, ки мактаб метавонад як ё якчанд муаллим дошта бошад, ки вазифаҳои гуногунро иҷро мекарданд. Мактаби Эдуббаро дар Шумери қадим «падар-муаллим» сарварӣ мекард ва муаллимони боқимондари «бародарони падар» меномиданд. Масъулиятҳо ба вазифаи директори мактаб дар замони мо шабоҳат дорад.

Ёрдамчии муаллим «бародари калон» ҳисобида мешуд ва вазифаҳои ӯ тартиб додани намунаҳои лавҳаҳои нусхабардорӣ, тафтиши дафтарҳои хонандагон ва ғӯш кардани супоришхоро дарбар мегирифтанд. Муаллимони дигар дар назди Эдубба, масалан, «масъул барои расмкашӣ» ва «масъул барои забони шумерӣ» (даврае, ки забони шумерӣ аз байн рафта буд ва танҳо дар мактабҳо омӯхта мешуд) буданд.

Таҳсил дар Шумер пулакӣ ва эҳтимол хеле гарон буд, зеро кишоварзон ва касибони одӣ имкони фиристодани фарзандони худро ба он мактаб надоштанд. Писари деҳқон, хунарманд ё коргар, ки аз хурдӣ ба корҳои хона ё кор кӯмак мекард, кори падарашро идома медод ё ба ҳамин монандашро оғоз мекард. Фарзандони ашроф ва мансабдорон гурӯҳҳои хеле муътабар ва бонуфузи ҷомеаи Шумерҳо, дар навбати худ, фаъолияти падарони худ – дабиронро идома медоданд [3, 98; 8,119].

Аз ин хулоса мешавад, ки таҳсил дар мактаб як кори бонуфуз буда, барои болоравии касбии кормандони ояндаи давлатӣ имкониятҳои бузург фароҳам меовард. Аммо кӯдакони махсусан лаёқатманд аз оилаҳои камбизоат низ имкони идомаи таҳсилро доштанд.

Бостоншиносон як теъдод лавҳаҳои гилинро кашф карданд, ки оид ба кори хонагии хонандагон маълумот медиҳад. Як матни мактаби қадимии шумерӣ, ки шартан «рӯзи мактабчагон» номида шудааст, кичӣ гуна гузаштани рӯзи як хонандаро тасвир мекунад [9,187].

Пас аз хатми мактаб хонанда унвони котиб (дуб-кап) мегирифт ва метавонист ба давлат, маъбад кор кунад ё котиб ё мутарҷими хусусӣ шавад. Дар қаср котиби давлатӣ хизмат мекард, навиштаҷоти шоҳон, фармонҳо ва қонунхоро тартиб медод. Мутаносибан, котиботи маъбад ҳисобҳои иқтисодӣ анҷом медод, аммо метавонист корҳои ҷолибтарро иҷро кунад, масалан аз забони коҳинон сабт кардани матнҳои гуногуни динӣ ё гузаронидани мушоҳидаҳои астрономӣ. Дар хонаи як ашрофи бузург як котиб кор мекард. Мутарҷим барои корҳои гуногун аксар вақт дар ҷанг ва гуфтушунидҳои дипломатӣ иштирок мекард [12,127].

Дар Мисри қадим раванди омӯзиш дар оила оғоз мешуд. Кӯдак аз хурдӣ ба кори калонсолон менигарист ва баъдан ба онҳо барои дарёфти ризку рӯзӣ ба хунарашон кӯмак мекард. Коҳинон ва мансабдорон мустақилона писарони худро барои вазифаҳои оянда омода карда, ба онҳо хондану навиштанро ёд медоданд.

Шарти зарурии пайдоиши муассисаҳои мактабӣ эҳтиёҷоти давлат ба шахсони бомаърифат буд, ки мақсад иҷрои ҳисобу китоб, навиштани ҳуҷжатҳои ҳуқуқӣ ва ғайра буд. Бо шумораи ками амалдорон - ходимони дастгоҳи давлатӣ дар чунин давлати мутамарказ, монанди Миср идоракунии имкон надошт [10,89].

Мактабҳо дар Мисри қадим то давраи Шоҳигии қадим вучуд надоштанд. Тамоми маъхазҳои ин давра маълумот медиҳанд, ки дониш на дар мактабҳо, балки дар назди шахсони алоҳида ба шогирдони онҳо дода мешуд. Аввалин мактабҳо дар

Мисри қадим ба давраи гузариш аз Шоҳигии қадим ба Шоҳигии миёна (ҳазораи III-II пеш аз милод) рост меояд. Яке аз матнҳои қадимтарин «Таълимоти Птахопей» ба сулолаи V Шоҳигии қадим тааллуқ дорад. Инчунин таълимоти вазир ба писараш Кагемни, ки дар папируси Присс мавҷуд аст, ба сулолаи III ё IV мансубият дорад [4,45].

Матнҳои аввалин дар бораи мактабҳо хеле осеб дидаанд. Дар Миср мактабҳоро «хонаҳои таълимӣ» меномиданд. Яке аз сарчашмаҳо оид ба ташкили мактаб ва барномаи таълимии мактаб дар «Таълимоти Ахтой писари Довуф», ки ба Шоҳигии Миёна тааллуқ дорад, мавҷуд аст. Вай дар бораи сафари Ахтой бо писараш ба чануб, ба манзили (фиръавн) барои фиристодани писараш ба мактаби дабирон нақл мекунад. Аз ин хулоса мешавад, ки мактабҳои дабирони дарбор дар замони Шоҳигии Миёнавучуд доштанд [7, 96].

Дар Мисри қадим шояд барномаи ягонаи мактабӣ вучуд набошад. Дарачаи дониши хонандагони мактабҳои мухталиф бевосита ба муаллимони онҳо вобаста буд. Муассисаҳои гуногун вобаста ба коргаронро омода мекарданд. Масалан, «хонаҳои нуқра» мактабҳои худро доштанд. Мактабҳои руҳониён ва мактабҳои тиббӣ мавҷуд буданд.

Аксарияти мактабҳо дар маъбадҳо, қасрҳои подшоҳон ва ашроф ҷойгир буданд. Мисоли барҷаста ин мактаби руҳониёни навкор аст, ки дар деворҳои маъбади даҳмаи Рамсеси II дар ғарби Фива дар замони Шоҳигии нав ҷойгир аст. Дар он ҷо пораҳои сершумори папирусо ва тахтасангҳо кашф шуданд, ки барои хонандагон ҳамчун маводи хаттӣ хизмат мекарданд.

Берун аз мактабҳои маъбад, дар наздики мақбараи шоҳону ашрофзодагон синфҳои тайёрии рассомон ва ҳайкалтарошҳо амал мекарданд. Мисоли ин толори шимолии сутунҳои маъбади Ментухотеп мебошад [5, 223].

Дар Миср баръакси Байнаннаҳрайн, ки дар он танҳо оилаҳои сарватманд ё ашроф фарзандони худро таълим медиҳанд, кӯдакони гурӯҳҳои гуногуни иҷтимоӣ метавонистанд таҳсил кунанд ва китобхон шаванд. Аммо азбаски дабирони замони Шоҳигии қадим одатан ашрофзодагон буданд, метавон хулоса кард, хонандагон аз табақаҳои болои ҷомеа буданд. Бо сукути Шоҳигии қадим ва ибтидои Шоҳигии миёна аз байни омма табақаҳои нави иҷтимоӣ ба вучуд омаданд, ки ба китобхонӣ машғул буданд.

Интизом дар мактаб саҳт буд. Ба писарбача иҷозат дода намешуд, ки дар дарсҳо аз ҳад зиёд хоб кунад, аз дарс гурезад, бо дигар хонандагон суҳбат кунад. Барои ин кӯдаконро ҷазо медоданд. Дар папируси демотикии Лансинг, ҷазои ҷисмонӣ ҳамчун як усули тарбия дода шудааст: «Худо Тот дар рӯи замин ҷӯbero гузошт, то ба аблаҳон тавассути он таълим диҳад». Чунин усулҳо дар андешаи талабагон ҳисси масъулиятро нисбат ба раванди таълим тақвият меод [4,52].

Вазифаҳои асосии таълим дар мактабҳо инҳо буданд:

а) ҳифзкардан бо ғӯш ва тақрор. Инҳо, рӯйхати калимаҳо ё порчаҳои мебошанд, ки аз асарҳои адабӣ гирифта шуданд;

б) малакаи хониш, хушхат навиштан ва шуморидан, ки барои касби ояндаи котиб, коҳин ва мансабдор заруранд;

в) маҳорати тарҷумаи забони гуфторӣ ва навиштан аз як забон ба забони дигар. Махсусан дар даврае, ки забони шумерӣ аз миён рафта буд [11,75].

Дар бораи пайдоиши нахустин мактабҳо, ҳадафҳо ва созмонҳои онҳо метавон хулоса кард, метавон гуфт, ки дар тамаддуни Шарқи бостон бори аввал намунаҳои муассисаҳои таълимии муосир пайдо шуданд, ки вазифаҳои онҳо додани маълумот ва ихтисос барои кори минбаъдаи касбӣ дар соҳаҳои гуногуни фаъолият буданд.

АДАБИЁТ

1. Авдиев, В. И. История Древнего Востока / В. И. Авдиев. – Л.: Госполитиздат, 1953. – 753 с.
2. Бардески, К. Д. Месопотамия: колыбель человечества / К. Д. Бардески. – М.: Ниола-Пресс; Издательский дом «Вече», 2008. – 128 с.
3. Белицкий, М. Шумеры. Забытый мир / М. Белицкий. – М.: Вече, 2000. – 432 с.
4. Берлев, О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего Царства / О. Д. Берлев. – М.: Наука, 1978. – 367 с.
5. Выгодский, М. Я. Арифметика и алгебра в Древнем мире / М. Я. Выгодский. – М.: Наука, 1967. – 370 с.
6. Гуляев, В. И. Шумер. Вавилон. Ассирия. 5000 лет истории / В. И. Гуляев. – М.: Алетея, 2004. – 440 с.
7. Дандамаев, М. А. Государство и социальные структуры на Древнем Востоке: сборник статей / М. А. Дандамаев. – М.: Наука, 1989. – 160 с.
8. Дандамаев, М. А. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н.э.: социальные институты и идеология / М. А. Дандамаев. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 512 с.
9. Емельянов, В. В. Древний Шумер: очерки культуры / В. В. Емельянов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 368 с.
10. Кацнельсон, И. С. Культура Древнего Египта / И. С. Кацнельсон. – М.: Наука, 1975. – 447 с.
11. Клочков, И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время / И. С. Клочков. – М.: Наука, 1983. – 208 с.
12. Распопин, В. Н. Очерки истории зарубежной литературы: литература Древнего Востока / В. Н. Распопин. – Новосибирск: Рассвет, 1996. – 113 с.

АЗ ТАЪРИХИ МАКТАБҲОИ АВВАЛИН ДАР ШАРҚИ ҚАДИМ

Мақола ба таърихи мактабҳо ва таълиму тарбия дар Шарқи қадим дар мисоли Байнаннаҳрайн ва Миср бахшида шудааст. Кӯшишҳои аз ҷиҳати назариявӣ асоснок кардани таълиму тарбия дар аҳди қадим ба вучуд омаданд. Мактаб ва маорифи Шарқи қадимро ҳамчун як қизи нисбатан мутараққӣ ва дар айни замон натиҷаи инкишофи ҳоси ҳар як тамаддуни қадими Шарқ, ки хусусиятҳои устувор доштанд, донишдонӣ лозим аст. Чун қоида мактабҳо барои фарзандони оилаҳои озод ва сарватманд пешбинӣ шуда буданд.

Шарти зарурии пайдоиши муассисаҳои мактабӣ эҳтиёҷоти давлат ба шахсони бомаърифат буд, ки мақсад иҷрои ҳисобу китоб, навиштани ҳуҷжатҳои ҳуқуқӣ ва ғайраҳоро дар бар мегирифт. Барои омода кардани котибон дар Миср мактабҳо таъсис шуданд. Таҳсил дар мактаб як кори бонуфуз буда, барои болоравии касбии кормандони ояндаи давлатӣ имкониятҳои бузург фароҳам меорад. Омӯзгорон ба хоҳири бедор кардани хоҳиши хонандагон ба таълиму тарбия дар баробари китобҳои дарсӣ микдори зиёди матнҳои ибратбахш эҷод мекарданд. Адабиёти шумерӣ бевосита барои тарбияи хонандагон пешбинӣ шуда, зарбулмасалу мақол, муқола ва баҳсҳо ва соҳнаҳои ҳаёти мактабро дар бар мегирифт.

Калидвожаҳо: маориф, мактаб, таълим, тарбия, Байнаннаҳрайн, Миср.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ШКОЛ В ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

Статья посвящена истории школ и методам воспитания в Древнем Востоке на примере Месопотамии и Египта. Попытки теоретически обосновать образование и обучение зародились еще в глубокой древности. Школу и образование Древнего Востока следует рассматривать как относительно развитый элемент и в то же время результат специфического развития каждой древней цивилизации Востока, имевшей устойчивые характеристики. Как правило, школы были предназначены для детей из свободных и обеспеченных семей.

Необходимым условием возникновения школьных учреждений была потребность государства в образованных людях, целью которых было производить расчеты, писать юридические документы и т. д. В Египте были созданы школы для подготовки секретарей. Обучение в школе является престижной работой и предоставляет большие возможности для карьерного роста будущих государственных служащих. Наряду с учебниками учителя создали большое количество поучительных текстов, призванных пробудить у учащихся стремление к образованию. Литература шумерского развития предназначалась непосредственно для обучения учащихся и включала пословицы и поговорки, поучения, диалоги и споры о превосходстве, легенды и сцены школьной жизни.

Ключевые слова: *просвещение, школа, обучение, воспитание, Месопотамия, Египет.*

ABOUT HISTORY FIRST SHOOOLS IN ANCIENT

The article is devoted to the history of schools and education in the Ancient East using Mesopotamia and Egypt as an example. Attempts to theoretically substantiate education and training originated in ancient times. School and education in the Ancient East should be considered as a relatively developed element and at the same time a result of the specific development of each ancient civilization of the East, which had stable characteristics. As a rule, schools were intended for children from free and wealthy families.

A necessary condition for the emergence of school institutions was the state's need for educated people, whose purpose was to make calculations, write legal documents, etc. In Egypt, schools were created to train secretaries. Teaching at school is a prestigious job and provides great opportunities for career growth for future civil servants. Along with textbooks, teachers created a large number of instructive texts designed to awaken in students a desire for education. The literature of Sumerian development was intended directly for teaching students and included proverbs and sayings, teachings, dialogues and debates about superiority, legends and scenes of school life.

Key words: *education, school, training, upbringing, Mesopotamia, Egypt.*

Сведения об авторе: **Аюбов Абдусалом Рауфович** - Худжандский государственный университет имени академика Б.Гафурова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории. Адрес: 735700, Республика Таджикистан, г.Худжанд, проезд Мавлонбекова, 1. E-mail: abdusalom-1@mail.ru. Тел.: 927-09-06-65.

Information about the author: **Ayubov Abdusalom Raufovich** -Khujand State University named after B. Gafurov, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of World History. Address: 735700, Republic of Tajikistan, Khujand, Mavlonbekov Drive, 1. E-mail: abdusalom-1@mail.ru. Phone: 927-09-06-65.

УДК 904(575.3): 902.2+719

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЯЗБЕКА: ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ, ОХРАНЫ И РЕСТАВРАЦИИ**

РАХИМОВ Н.Т.,

Худжандский государственный университет им. академика Б. Г. Гафурова

Таджикистан богат археологическими памятниками, являющимися культурным наследием таджикского народа. В каждом уголке республики есть уникальные и интересные объекты, привлекающие к себе внимание, как специалистов, так и широкий круг любителей старины. Но, к сожалению ещё есть памятники, незаслуженно обделённые вниманием, несмотря на их уникальность. К таковым следует отнести два памятника – длинный и высокий вал – остатки древней стены Кампир девол и курганный могильник, расположенные на юго-восточной окраине селения Ниязбек в Канибадамском районе Согдийской области Таджикистана (рис.1).

Каждый из этих археологических объектов – Кампир девол и могильник Ниязбек по-своему интересен, и, в то же время, они связаны между собой и составляют единый комплекс. Следует отметить, что остатки разной сохранности фортификационных сооружений – оборонительных стен признаны одним из интересных объектов истории и культуры народов Средней Азии. По мнению большинства исследователей, стены строились в древности и раннем средневековье, главным образом для защиты крупных городов и их земледельческой округи от вторжений врагов и разбойных набегов кочевников. Самым известным оборонительным сооружением является Великая китайская стена.

Остатки вала Кампир девол и могильник были отмечены, как интересные памятники во второй половине 20-х годов XX века.

Первое упоминание о Кампир деволе есть в дневниках В.Шишкина. По решению руководства Средазкомстариса, В. Шишкин в июне 1927 года был командирован в Фергану. Согласно записям в его дневнике, В.Шишкин, вместе с сопровождающим его студентом Восточного факультета САГУ В.Ф.Дружининым прибыли 22.06.1927 года на станцию Верёвкино, откуда и начали осмотр памятников Канибадамского оазиса. В.Шишкин отмечает, что «По дороге в Мазар видели «Кампир-дувал» - тянущийся через ташлак от гор к (кишлаку) Ниязбек. Вал до 1,2-2 м вышины. Говорят, что он продолжается от Ниязбека до Сырдарьи и переходит даже на другую сторону реки. Кто построил и когда неизвестно» [1,120]. Этим упоминанием и ограничилась информация о стене Кампир девол. Сам В.Шишкин был не совсем доволен результатом осмотра стены. В своём дневнике он с сожалением отмечает, что не сфотографировал Кампир девол. И отметил необходимость

дополнительного изучения Кампир девола [1,133]. В работах Латынина во время работы Ферганской экспедиции тоже есть краткое упоминание о стене.

В начале 50-х годов началось интенсивное археологическое изучение зоны затопления Кайраккумской ГЭС – большой территории в бассейне р. Сырдарья между Худжандом и Канибадамом. В ходе разведочных работ Кайраккумского отряда в 1952 году под руководством Б.А.Литвинского в Канибадамском районе были выявлены и зафиксированы археологические памятники. Среди них отмечены крупный могильник и остатки каменного вала, расположенные за восточной окраиной кишлака Ниязбек [7, 139; 8, 177].

В связи с тем, что отряд был разведочным, проведённая в зоне памятников работа была не очень большого объёма. Б.А.Литвинский отмечает, что каменный вал-стена известна среди местного населения под названием «Кампырдувал», а также указывает на общее количество (80) курганов в могильнике. В статье представлена информация о том, что названные погребальные сооружения разбросаны на площади 5х6 км по предгорной каменистой долине на скате от Туркестанского хребта к долине р. Сырдарья. По внешним признакам погребальные сооружения были разделены на три группы: 1) курумы-мугхона, 2) курумы с камерой в виде каменного ящика, 3) крупные земляные курганы [8, 177]. И хотя раскопочные работы не были произведены, составленная Б.А.Литвинским карта-схема расположения памятников – остатков валов и курганов могильника, зафиксировала ситуацию на начало 50-х годов – позднее картина значительно изменилась (рис.2).

В ходе продолжавшихся разведочно-поисковых работ летом 1954 года Н.Н.Негматов и А.М.Мандельштам зафиксировали остатки ниязбековского Кампир девола и на правом берегу Сырдарьи [9,76]. Исследователи указывают, что вал начинается на гребне невысокой предгорной гряды к югу от хребта Акбель и тянется сначала по линии запад-восток на протяжении около 80 м а затем спускается по покатому склону до Сырдарьи. Протяженность стены около 800 м. По наблюдениям Н.Н.Негматова и А.М.Мандельштама, вал (стена Кампир девола) сложен из песчанниковых глыб. Уже в те годы стена находилась в разрушенном виде, и как отмечают исследователи «...восстановление его первоначального облика не представляется возможным» [9, 47]. Средняя высота вала была примерно 1,5-2 м. В южной части вал сохранился на высоту около 0,5 м. и внешне представлял собой цепь каменно-песочных холмиков, связанных между собой более низкими переходами. Обнаружено незначительное количество мелких фрагментов неполивной керамики.

По мнению Н.Н.Негматова и А.М.Мандельштама вал Кампир девола служил оборонительной линией, защищавшей Канибадамский оазис, а шире центральную часть Ферганской долины (Давань, Паркана?) от вторжений кочевников (к западу от стены отмечены концентрации курумов и могильников сакских племен).

В том же 1954 году А.М.Мандельштам произвёл вскрытие 5 погребальных сооружений Ниязбекского могильника, расположенного к западу от Кампир девола [6, 51].

Через 4 года археологи вновь обратились к памятникам Ниязбека. В 1958 года одна из групп Исфаринского археологического отряда провела небольшие по объ-

ёму раскопки и изучение каменного вала. Под руководством Е.Д.Салтовской были раскопаны 6 мугхона, 3 земляных кургана и 3 каменные насыпи с ящиками [13, 89-93]. В могилах были найдены керамика, оружие (ножи, кинжалы), украшения (бусы, кольца, браслеты), зеркало и китайская монета

Могильник был датирован: II-I вв. до н.э. - V-VII вв. н.э. Стена Кампир девол была датирована этим же временем.

К сожалению, опубликованный материал был сжатым, раскопанные материалы переданы в фонд Института истории, археологии и этнографии АН Тадж.ССР. Позднее, стена Кампир девол упоминается и в других работах, главным образом этнографического характера – приводятся легенды о постройке [14, 6; 15, 346-347].

В 2024 году памятники Ниязбека были вновь осмотрены разведочной группой Исторического музея Согдийской области.

Вал-стена Кампир девол начинается в одном из ущелий северных склонов горы Каратау и тянется на север почти по прямой линии юг-север, до горной цепи в северной части Ферганской долины. Река Сырдарья делила стену на две части. Северная часть стены сейчас находится под водохранилищем «Бахри тоджик» (Таджикское море). Южная часть стены сохранилась частично. Внешне — это высокий насыпной вал из глины и камней, покрытый мелким щебнем с грунтом (рис.3).

Южный участок начинается у горы Каратау и доходит до восточной окраины селения Ниязбек. Длина стены доходит почти до 20 км. Высота вала у предгорья достигает 7-8 м., при ширине по основанию 14-15 м. Размеры стены уменьшаются по мере приближения к населённому пункту – у селения Ниязбек высота вала 3-4 м при ширине 4-6 м. К северу от Ниязбека вал постепенно сходит на нет на полях сельхозугодий. Сохранились остатки 11 башен, которые представляют оплывы, выступающие на запад на 3-5 м. Осмотр подтвердил, что это древнее фортификационное сооружение, когда-то это была высокая и широкая стена между горами, перекрывала Ферганскую долину на западной узкой части (рис.4).

К западу от стены Кампир девол находится крупный могильник. Здесь отмечены разные виды погребальных сооружений: курганы, курумы и «мугхона» - каменные сооружения разной структуры и размеров. В настоящее время они представляют собой бесформенные скопления и груды крупных и средних камней (рис.5).

Таким образом, на большой территории площадью 7 x 5 км (между горой Каратау и селением Ниязбек) находятся Кампир девол и могильник. Стена Кампир девол и могильник Ниязбек расположены на одном из древних и важных маршрутов Шёлкового пути: Китай – Фергана – Согд, вдоль реки Сырдарья.

На территории Средней Азии также известны много древних стен, похожих на Кампир девол селения Ниязбек. Обзор показывает, что аналогичные сооружения возводились во многих частях Центральной Азии. В среднеазиатской археологии известная стена, окружавшая Мервский оазис. Мервская стена возведена в III в. до н.э. Антиохом I (324-261 гг. до н.э. [3, 260-275]. Примерно в это же время была построена стена, протяженностью 60 км и защищавшая Балхский земледельческий оазис с севера [5, 9-15].

В период раннего средневековья, опять же для защиты населения оазисов от набегов кочевников-тюрков были построены стены, защищавшие Бухару, Самарканд, Нуратинский и Кешский оазисы, Чач и Исфиджаб и др. [2, 141-142; 17, 9-11]. Результаты исследований остатков стен-валов на территориях, пограничных со степью, есть много публикаций [4, 45; 11; 12; 17. 93].

Остатки стен и валов «Кампир девора» отмечены и на территории Северного Таджикистана. Так, археолог У. Эшонкулов исследовал две стены в Пенджикентском оазисе, являющиеся по его мнению, стенами охотничьих парков. Остатки другой стены, сохранившиеся в Кизилинском массиве (Деваштинский район Согдийской области) отмечены А. К. Мирбабаевым. По мнению этого исследователя стена защищала Куркатский земледельческий округ. Стены различаются по времени возведения, по длине, по строительным материалам, высоте и другим показателям. Объединяет все эти сооружения название – Кампир девор (Кампырдувал, Кампирдевол, Девори кампирак и другие варианты), в переводе означающее «Стена старухи» или «Старухина стена». По мнению У. Эшонкулова «кампир» – искажённое древнетаджикское слово «камро», означающее «высокая стена» [17, 93].

Таким образом, аналогично вышеприведённым примерам, Кампир девол около селения Ниязбек выполнял оборонительные функции, разделяя степь и оазисы Ферганы. Исходя из того, возможности строительства такой мощной фортификационной системы только при сильном государстве, можно считать, что Кампир девол был политической границей Древней Давани-Парканы-Ферганы. Ферганская долина окружена с востока горами Ферганы, с севера Кураминским хребтом и Мо-голтау (Мевагул), с юга Алаем и Туркестанским хребтом. Таким образом, она была окружена с трех сторон естественной географической границей, западная её часть оставалась открытой. Это отмечено и Захириддином Бабуром – при характеристике Ферганы он писал, что зимой в окруженную с трех сторон горами Фергану враг может пройти только с западной стороны.

Стенной вал Кампир девол стоял на пути возможного неожиданного нападения неприятеля и, хотя бы частично, сдерживал его. О появлении неприятеля охранники (башенные сигнальщики) подавали сигнал, разводя на башнях огонь. Южная часть Кампир деволы, сохранившая древнюю форму, даёт основание утверждать, что через стенной вал высотой в 8-12 м. не смогли бы пройти обозы вражеской армии, тяжело груженные запасом оружия и продовольствия. Всадники были вынуждены спешиться, разрушать стены или искать ворота, бреши или разрушенные участки стен. В любом случае, это замедляло движение конницы, давало время для организации обороны, сводило на нет эффект неожиданности.

Таким образом, исходя из вышесказанного можно заключить, что:

1. В древней и средневековой Средней Азии сложилась традиция сооружения стен на границах степей и оазисов, что указывает на оборонительный характер построек.
2. Почти все дошедшие до нас стены называются «Кампырдувал», «Кампир девол», «Девори кампирак» и др., переводимые как «Стена старухи» или «Старухина стена»

3. Стена Кампир девол Ниязбека была оборонительной, построенной для защиты земледельческих оазисов от нападения степняков.

4. Такое сооружение можно построить с использованием большого количества строителей, то есть в большом государстве – Государстве Давань в Ферганской долине.

5. Стена могла быть использована до IX-X вв., в последствии, когда Мавераннахр был в составе крупных государств, функции стен внутри государств теряли свою актуальность и становились бесполезными.

6. Хронологические рамки вала Кампир девол определяются датировками находок из расположенного рядом могильника Ниязбек (II-I вв. до н.э. - V-VII вв. н.э.).

7. Расположенный на линии самого древнего среднеазиатского участка Шёлкового пути, Кампир девол оказывал влияние на функционирование торговли и другие контакты сообществ этого коридора.

Исходя из этого, можно говорить о большой значимости изучения и сохранение стены Кампир девол и могильника Ниязбек для истории Ферганской долины, Таджикистана и Великого Шёлкового пути.

Памятники Ниязбека нуждаются в охране со стороны государства. Хотя стена и могильник включены в Государственный реестр памятников истории и культуры (по Канибадамскому району) [16, 77], никаких мер по охране памятников не осуществляется. Нет даже стенда или планшета с краткой информацией об исторических памятниках.

Недавно проведенный мониторинг состояния стены Кампир девол и могильника показал, что для сохранения этих археологических объектов требуются срочные охранные мероприятия. К сожалению, заметны утраты: из 80 древних могил, зафиксированных в 1952 году, к настоящему времени осталось 45, да и то сильно разрушенные.

Жители селения Ниязбек интенсивно осваивают окрестности археологических памятников: орошают новые освоенные площади, создают садовые плантации, а камни насыпей курганов используют для фундамента новых домов. Многие курганы уже разрушены в ходе сельскохозяйственных работ и, фактически, утрачены для науки. На трех участках стена разрушена в ходе строительства дороги. Происходит разрушение и под действием природы: дождь и снег размывают глину и камни, которые падают вниз стены.

Таким образом, под воздействием хозяйственной деятельности людей и природных (климатических) явлений археологические памятники разрушаются. Необходимо предпринять экстренные меры по охране археологических памятников Ниязбека.

Расширяющаяся с каждым годом хозяйственная деятельность человека может привести к полной потере уникальных археологических памятников Ниязбека. Необходимы срочные проекты по изучению и сохранению уникального памятника на Фергана-Сырдарьинском коридоре Шёлкового пути:

1. Обосновать и принять меры к повышению статуса памятников в реестре объектов культурного наследия Таджикистана.

2. В срочном порядке уточнить охранную и буферную зоны памятников.

3. Поставить информационные щиты с информацией о памятниках, находящихся под охраной государства.

4. Провести соответствующую разъяснительную работу с местными сообществами – органами управления и населением.

5. Организовать и провести научно-изыскательные, раскопочные работы с последующей консервацией памятников.

6. Организовать и провести работы по сохранению ниязбекских памятников, с использованием мирового опыта (напр. результаты исследований китайских учёных из Дунхуанской академии и Университета Ланжоу).

При реализации проекта по охране и сохранению, стена Кампир девол и могильник не только будут сохранены для будущих поколений, но и могут стать интересными туристическими пунктами на Фергана-Сырдарьинском коридоре Шёлкового пути, пролегающем по территории Согдийской области Таджикистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология Центральной Азии: архивные материалы. Т. V. «Восток во всём...»: дневники и рисунки В. А. Шишкина. – Самарканд: МИЦАИ, 2019. – 241 с.
2. Буряков, Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса / Ю. Ф. Буряков. – Ташкент, 1982. – С. 141–142.
3. Вязикин, С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы / С. А. Вязикин // Труды ЮТАКЭ. – Т. 1. – Ашхабад, 1949. – С. 260–275.
4. Джаббаров, И. Книга о древних оборонительных сооружениях в Узбекистане / И. Джаббаров // Общественные науки в Узбекистане. – 1961. – № 12. – С. 11–17.
5. Кругликова, И. Т. Дильберджин. Храм диоскуров / И. Т. Кругликова // Материалы Советско-Афганской экспедиции. – Ч. 3. – М., 1986. – С. 9–15.
6. Литвинский, Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк) / Б. А. Литвинский // Труды АН Тадж. ССР. – Т. XXVI. – Сталинабад, 1954. – 68 с.
7. Литвинский, Б. А. Новые материалы по археологии Таджикистана / Б. А. Литвинский // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КС ИИМК). – Вып. 5. – М., 1954. – С. 137–141.
8. Литвинский, Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии / Б. А. Литвинский. – М., 1972. – 286 с.
9. Мандельштам, А. М., Негматов, Н. Н. Предварительный отчёт о работах Кайрак-Кумского отряда в 1954 г. / А. М. Мандельштам, Н. Н. Негматов // Археологические работы в Таджикистане (АРТ). – Вып. 2. – Сталинабад, 1956. – С. 73–78.
10. Мирбабаев, А. К. Дахмаки Курката / А. К. Мирбабаев // Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология. – Душанбе, 2003.
11. Мухамеджанов, А. Р. Новые открытия Махандарьинского археологического отряда / А. Р. Мухамеджанов // Общественные науки в Узбекистане. – 1962. – № 11.
12. Мухамедов, Х. Стена Канпирак: из истории древних народных оборонительных сооружений в Узбекистане / Х. Мухамедов // Общественные науки в Узбекистане. – 1961. – № 1.
13. Салтовская, Е. Д. Вал и могильник у кишлака Ниязбек / Е. Д. Салтовская // Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР (ИООН АН Тадж. ССР). – 1960. – № 1 (22). – С. 89–93.
14. Турсунов, Б. Р. Из истории святыни Канибадамского оазиса / Б. Р. Турсунов. – Худжанд, 2007. – 78 с.
15. Турсунов, Н. О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII–XX вв. / Н. О. Турсунов. – Душанбе, 1991. – С. 346–347.
16. Феҳристи ёдгориҳои таърихӣ фарҳангии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе, 2017. – 198 с.
17. Эшонкулов, У. История парадиза древнего Согда / У. Эшонкулов. – Душанбе, 2007. – 180 с.

МУАРРИХ – ИСТОРИК – HISTORIAN
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЯЗБЕКА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, ОХРАНЫ И РЕСТАВРАЦИИ

Статья посвящена вопросам изучения археологических памятников Ниязбека и их охране. Автор указывает, что остатки стены Кампир девол и могильник около селения Ниязбек (Канибадамский район) имеют важное значение для истории таджикского народа. Кампир девол и могильник составляют единый археологический комплекс. По археологическим данным комплекс датируется II-I вв. до н.э. - V-VII вв. н.э.

Вероятно, Кампир девол был фортификационным сооружением древнего государства Даван, который защищал ферганский оазис от набегов кочевников.

Под влиянием внешних факторов состояние археологических памятников ухудшается. Автор предлагается ряд неотложных мероприятий и рекомендаций для изучения, охраны и реставрации археологических памятников Ниязбека. Археологические памятники могут стать важными пунктами на туристических маршрутах.

Ключевые слова: археологические памятники, Ниязбек, Кампир девол, могильник, исследование, культурное наследие, охрана и использование.

ЁДГОРИҲОИ БОСТОНИИ НИЁЗБЕК:
МУШКИЛОТИ ОМУЌИШ, ҲИФЗ ВА БАРҚАРОРСОЗӢ

Мақола ба масъалаҳои омузиши ёдгориҳои бостониي Ниёзбек ва ҳифзи онҳо бахшида шудааст. Муаллиф қайд мекунад, ки боқимондаҳои девори Кампирдевол ва қабристон дар наздикии деҳаи Ниёзбек (ноҳияи Конибадом) барои таърихи халқи тоҷик аҳамияти муҳим доранд. Кампирдевол ва қабристон як маҷмааи ягонаи археологиро ташкил медиҳанд. Мувофиқи маълумоти археологӣ, маҷмаа ба асрҳои II - I то милод - асрҳои V - VII мелодӣ тааллуқ дорад.

Эҳтимол, Кампирдевол як иншооти қалъавии давлати қадимаи Давон буд, ки воҳаи Фарғонаро аз ҳамлаҳои қабिलाҳои кўчманчӣ муҳофизат мекард.

Бо таъсири омилҳои беруна вазъи ёдгориҳои археологӣ бадтар мешавад. Муаллиф як қатор чорабиниҳо ва тавсияҳои фаврӣ барои омузиш, ҳифз ва барқарорсозии ёдгориҳои бостониي Ниёзбек пешниҳод кардааст. Ёдгориҳои археологӣ метавонанд дар ҳатсайрҳои сайёҳӣ нуқтаҳои муҳим бошанд.

Калидвожаҳо: ёдгориҳои археологӣ, Ниёзбек, Кампирдевол, қабристон, таҳқиқот, мероси фарҳангӣ, ҳифз ва истифода.

ARCHAEOLOGICAL SITES OF NIYAZBEK:
PROBLEMS OF STUDY, PROTECTION AND RESTORATION

The article is devoted to the study of the archaeological sites of Niyazbek and their protection. The author points out that the remains of the Kampir Devol wall and the burial ground near the village of Niyazbek (Kanibadam district) are important for the history of the Tajik people. The Kampir devol and the burial ground form a single archaeological complex. According to archaeological data, the complex dates back to the II-I centuries BC - V-VII centuries AD.

Probably, the Kampir devol was a fortification of the ancient state of Davan, which protected the Ferghana oasis from nomadic raids. The condition of archaeological sites is deteriorating under the influence of external factors. The author suggests a number of urgent measures and recommendations for the study, protection and restoration of archaeological sites of Niyazbek. Archaeological sites can become important points on tourist routes.

Рис.1. Ниязбек. Сохранившийся участок стены Кампирдевол.

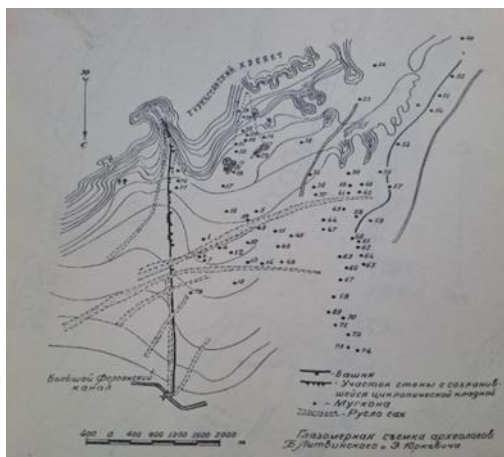

Рис.2. Схема расположения памятников Ниязбека: Кампирдевол и могильник (по Б.А.Литвинскому).

Рис.3. Участок вала Кампирдевол.

Рис.4. Кампирдевол. Развалины башни в средней части стены.

Рис.5. Могильник Ниязбек. Курган №6. Вид с востока.

Information about the author: Rahimov Nabijon Tyrdialievich -doctor of historical sciences, professor of the department of archeology, ethnography SEI «KSU named after acad. B. Gafurov» (Tajikistan, Khujand).Тел.: (+992) 927-30-51-94; E-mail: nabir@mail.ru

УДК 904: 739.27(575.3)"06/08"+398

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА ХАРКУШ¹**КАЛАНДАРОВА О. И.,****Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша**

Период раннего средневековья Таджикистана является ключевым моментом в развитии истории культуры таджикского народа. Датированная VI-VIII вв., эпоха изучена по материалам археологических памятников. Исследование ювелирных украшений из могильника Харкуш этого периода позволит пролить свет на проблему генезиса их самих и связанных с ними древних верований и культов.

Автор статьи при исследовании ювелирных украшений с могильника Харкуш ссылаясь на морфологию, проведенную В. С. Соловьевым. Представленная классификация не претендует на оригинальность, в основе лежат морфологические признаки: типы и подтипы выделены по форме украшения, варианты – по декору, проведены параллели с этнографическими украшениями таджиков.

Могильник Харкуш уникальный археологический памятник раннего средневекового периода. Памятник расположен в средней части высокого конуса-выноса у слияния рек Харкуш и Хазоркона, образующих р. Ширкент (Турсунзадевский район Республики Таджикистан). На ровной поверхности находится поселение, рядом с ним, на пологом склоне, обнаружен двухслойный могильник. Раннесредневековые погребения локализуются компактной группой, недалеко одно от другого. Стенки их окружены песчаниковыми плитами, в некоторых случаях ими перекрыты ямы. Могильные ямы ориентированы по линии ЮВВ-СЗЗ. В каждой яме расчищены одиночные захоронения [9,504].

Первое сообщение о могильнике Харкуш было сделано В. К. Смирновым [6,183], в 1980-1981 гг. им было вскрыто восемь погребений. Затем работы продолжил В.С. Соловьев [7, 621, 8, 444, 9,195], в 1981-1984 гг. было вскрыто ещё двадцать пять раннесредневековых погребений. Во всех захоронениях был установлен пол погребенных: в 10 могилах были захоронены мужчины от 20 лет и старше, в 3 мужчины от 50-65 лет, в 10 женщины от 25-30 лет, ещё в 3 женщины 60 лет, в 3 - девочки 13 лет и старше (подросток), в 4 -дети от 1 до 8 лет [9,134].

Наиболее многочисленную категорию находок в могильнике Харкуш составляют ювелирные украшения. Ювелирные украшения доминируют в захоронениях молодых людей, в погребениях пожилых людей изделий немного.

Бесспорно, что головные украшения являются важным археологическим источником, которые содержат в себе информацию о социальном статусе погребенного,

¹ Статья написана на основе проекта «История таджикского народа», раздел «Археология Таджикистана (от каменного века до позднего средневековья)», государственный регистрационный номер РБ0121 ТД 1212.

а также способствуют исследованию разных аспектов изучаемой культуры. По мифологическим представлениям наших предков голова наделялась особой функцией. Эта часть тела считалась вместилищем души человека или одной из нескольких его душ [4,150].

К числу единичных головных украшений могильника Харкуш относится фрагмент диадемы открытой в погребении 28 в захоронении девочки 14-17 лет. Фрагмент диадемы был украшен маленькими бронзовыми полукруглыми бляшками и тремя сердоликовыми бусинами, из которых был сформирован узор (рис. 1.1) [7,365].

Возникшие на ранних этапах истории диадемы присутствуют у предков таджиков и в более позднее время. Примером этому служит традиционное ювелирное изделие XIX-XX вв. серебряная диадема «коштилло», входившая в свадебный убор невесты Северного Таджикистана (рис.1.2) [4,123].

Особую ценность в могильнике Харкуш представляют накосные подвески (12 экз.) обнаруженные в погребении девочки в области глазниц и вдоль левой половины черепа (подростка 13-14) [9,123]. Украшение состояло из бронзовой цепочки и шариков с ушком для подвешивания (рис. 1.3). Можно предположить, что волосы были заплетены в две или несколько кос, соединенные лентами и подвесками в одно накосное украшение. Аналогичные украшения популярны в склепах Курката [6, 267].

Соединение накосных подвесок в одно украшение встречается в этнографических материалах таджиков. Не исключено что, накосные украшения из могильника Харкуш можно считать упрощенной формой женского серебряного украшения «найча» (рис.1.4) известного в этнографических материалах Северного Таджикистана [16,67]. У невесты подрезали длинные локоны, затем пропускали в серебряные трубочки и завязывались внутри них узлом. Трубочки соединялись попарно черной тесьмой, которая крепилась на темени, поддерживая украшение, подвешенное за ушами [12,152].

Особый интерес представляет украшение для волос – булавка-шпилька, входившая в состав женского погребения. Бронзовая булавка-шпилька представлена в виде гладкого заостренного стержня с навершием в виде круга (рис.1.5). Круг в древности обозначал солнечное светило и воспринимался как символ возрождения жизни и плодородия [6, 39].

Примеры доживания булавок - шпилек прослеживаются в этнографических украшениях таджиков XIX - XX вв. Это металлические булавки «сарсузан», к тупому концу которых приделывали небольшие металлические медальоны, пластинки и бусины [16,69].

Серьги являются важным археологическим источником. Согласно древним верованиям таджиков уши не должны быть пустыми. Они были самыми открытыми местами, а серьги осуществляли функцию оберега.

Серьги в могильнике Харкуш не многочисленны. Они просты по технике изготовления. В женских погребениях обнаружены бронзовые кольцообразные серьги с заостренными концами (рис.1.6).

Сложной по художественному замыслу и техническому мастерству является серьга в форме полумесяца с заостренными концами, обнаруженная в женском захоронении (рис.1.7). Серьги подобной формы связывали с астральным культом, который играл важную роль в древних мировоззрениях населения предков таджиков. В «Авесте» упоминаются сведения об очистительных свойствах небесных светил неба, как солнца, луны и звезды. В мифологии населения Средней Азии луна была связана с женским началом и плодородием [4,157]. Серьги, в форме полумесяца с трансформационными изменениями, присутствуют в женских украшениях XIX-XX вв. Северного Таджикистана [16, 56].

В могильнике Харкуш представлено большое количество стеклянных, каменных бус и подвесок. В женском погребении у грудной клетки обнаружено скопление бисера, которое можно интерпретировать, как ожерелья. Ожерелье состоит из 70 бусин круглой и бочковидной формы, в основном синего и зеленого цвета.

Бусы из самоцветов в погребениях могильника Харкуш встречаются из сердолика (2 экз.) круглой формы и агата удлинённо-округлой формы (1 экз.) (рис. 1.8). Бусы в могильнике Харкуш зафиксированы в женских и детских (подростков) погребениях.

Имеются в коллекции и раковины каури. Магическая сила каури была связана с культом змеи, существовавшей в прошлом у предков таджиков. Использовались каури в соединении с бусами, нанизанными на нитку в виде ожерелья. У населения Средней Азии до сих пор сохраняется вышивка змеи на детских халатиках в качестве амулета [2,59].

Самыми массовыми и распространенными ювелирными украшениями могильника Харкуш были украшения для рук. На исследованном памятнике браслеты отмечены в мужских, женских и детских погребениях. Они помещались на обеих руках погребенных по одному (3 экз.) и по два (2 экз.) браслета на каждой руке. Изделия были выполнены из железа и меди. В.С. Соловьев разделил браслеты на две группы: круглые с разомкнутыми концами и пластинчатые (рис. 1.9). В мужских погребениях преобладают железные браслеты, надетые на запястья левой руки [8,234]. В женских захоронениях существуют браслеты обоих типов, в трех случаях надетых на запястьях обеих рук.

Для могильника Харкуш характерны бронзовые перстни со щитками различной формы, украшенными антропоморфным и зооморфным орнаментом, а также с вставками. По конструктивным особенностям щитка перстни разделены В.С. Соловьевым [9,241] на три типа: с овальным щитком, с плоским гладким щитком, с круглым щитком. Перстни первого типа имеет овальный щиток и плечики-уступы с рельефной окантовкой (рис. 1.10). На перстнях второго типа края щитка отделаны по краю точечной или сплошной линией, на нем или на шинке иногда имелся шип (рис. 1.11). У круглого перстня щиток крепился непосредственно на шинке (рис. 1.12).

Среди материалов могильника Харкуш популярны перстни с двумя вставками, которые инкрустировались в небольшую площадку, возвышающуюся на щитке. Вставки стеклянные, гнезда вставки были квадратной формы (рис. 1.13).

Коллекции перстней были обнаружены в мужских, женских и детских (подростков) погребениях. В нескольких женских погребениях перстни надеты на разные пальцы рук. Символика ношения перстней по несколько штук на разных пальцах рук была известна у кочевых племен [3,56].

К числу многочисленных украшений встречающихся в погребениях могильника Харкуш относятся элементы наборного пояса. Примечательно, что они обнаружены не только в мужских и женских захоронениях, но даже в детском (подростковом) погребении. Всего коллекция насчитывает 27 металлических пряжек и бляшек и 2 костяные пряжки.

В мужских погребениях могильника Харкуш преобладают железные пряжки. Пряжки зафиксированы в районе пояса. Пряжки имели округлые рамки, на которых крепились подвижные язычки конусовидной формы (рис. 1.14). Единственным экземпляром из женского погребения могильника была медная пряжка округлой формы с подвижным язычком (рис. 1.15).

Значительный интерес представляют костяная пряжка из мужского погребения, которая представляет собой выпуклую прямоугольную пластинку. Пряжка украшена циркульным орнаментом: круг с точкой. Циркулярный орнамент известен с древнейших времен. Знак на пряжке, считается символом солнца, тем более что на изделие от кружков отходит процарапанные линии, как лучи. Ряд исследователей полагают, что орнамент на пряжке связан с солнечным богом Митрой, который считался покровителем воинов. Можно допустить, что, Митра лучами – стрелами ликвидировал своих врагов, а переданные на пряжке лучи это стрелы Митры [8, 181].

Особое внимание следует уделить широко распространенным в погребениях могильника Харкуш металлическим бляшкам. Судя по их месту размещения, можно предположить, что они украшали верхнюю часть одежды. Бляшки были обнаружены в женских погребениях на шейных позвонках.

В погребениях преобладают бляшки выпукло-сферической формы чаще всего орнаментированные. Они были снабжены сквозными отверстиями и использовались, возможно, для декорирования одежды и головных уборов. Особо интересны орнаментированные бляшки. На четырех бляшках на внутренней стороне стилизованное изображение фигуры человека, простершего руку над трезубцем.

Исследование украшений с могильника Харкуш, подтверждает что, творчество раннесредневековых ювелиров было высокопрофессиональным и разнообразным. Ювелирные украшения из могильника Харкуш являются ценным информативным источником для изучения материальной культуры предков таджиков. В костюме погребенных существовал довольно устойчивый комплекс ювелирных украшений. Женские и детские (подростковые) прически украшались накосными украшениями и булавками-шпильками. Женский комплекс украшений включал в себя серьги, ожерелья из бус, пряжки, браслеты и перстни. Мужчины в качестве украшений носили наборный пояс, который был оформлен пряжками и бляшками. Детский комплекс (подростковый) украшений содержал практически весь набор украшений, обнаруженный во взрослых погребениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борозна, Н. Г. Некоторые материалы об амулетах – украшениях населения Средней Азии / Н. Г. Борозна // Домусульманские верования и обряды Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 58.
2. Борозна, Н. Г. Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана (в связи с подготовкой Историко-этнографического атласа) / Н. Г. Борозна // Советская этнография. – 1974. – № 1. – С. 32–45.
3. Гаврилова, А. А. Могильник Кукдэргэ как источник по истории алтайских племен / А. А. Гаврилова. – М. – Л., 1965. – 116 с.
4. Каландарова, О. И. Золотые украшения Бактрии-Тохаристана (диадемы, серьги) / О. И. Каландарова // Муаррих. – 2023. – № 3 (35). – С. 150–160.
5. Литвинский, Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы / Б. А. Литвинский. – М.: Наука, 1973. – 139 с.
6. Мирбабаев, А. К. Дахмаки Курката: раскопки и исследования / А. К. Мирбабаев // Материальная и духовная культура Уструшаны. – Душанбе: Ому, 2003. – Вып. 7. – С. 267–562.
7. Новиков, В. П., Радилиловский, В. В., Смирнов, Ю. М. Металлургический центр древнего Гиссара (работы 1980 г.) / Ю. М. Смирнов // Археологические исследования в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1987. – Вып. XX. – С. 179–185.
8. Обельченко, О. В. Культура античного Согда / О. В. Обельченко. – М.: Наука, 1992. – 181 с.
9. Соловьев, В. С. Раскопки могильника Харкуш / В. С. Соловьев // Археологические открытия 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С. 504–505.
10. Соловьев, В. С. Раскопки в горном Тохаристане / В. С. Соловьев // Археологические открытия 1985 года. – М., 1987. – С. 621–622.
11. Соловьев, В. С. Поселение Ширкент / В. С. Соловьев // Археологические открытия 1984 года. – М.: Наука, 1985. – С. 484.
12. Соловьев, В. С. Раскопки могильника Харкуш в 1981 г. / В. С. Соловьев // Археологические исследования в Таджикистане. – 1988. – Вып. XXI. – С. 363–373.
13. Соловьев, В. С. Могильник Харкуш / В. С. Соловьев // Природа и древности Ширкента. – Душанбе: Дониш, 1991. – Вып. 1. – С. 127–155.
14. Соловьев, В. С. Раскопки поселения Ширкент в 1985 г. / В. С. Соловьев // Археологические исследования в Таджикистане. – 1994. – Вып. XXV. – С. 195–197.
15. Сухарева, О. Мать и ребенок таджиков / О. Сухарева. – Иран, 1929. – 152 с.
16. Чвырь, Л. А. Таджикские ювелирные украшения (материалы к историко-культурному районированию Таджикистана) / Л. А. Чвырь. – М.: ГРВЛ, 1977. – 144 с.
17. Хамиджанова, М. Туи-хатна (обрезание) у таджиков Верхнего Зеравшана / М. Хамиджанова // История и этнография Средней Азии / отв. ред. А. К. Писарчик. – Душанбе: Дониш, 1981. – С. 108–116.

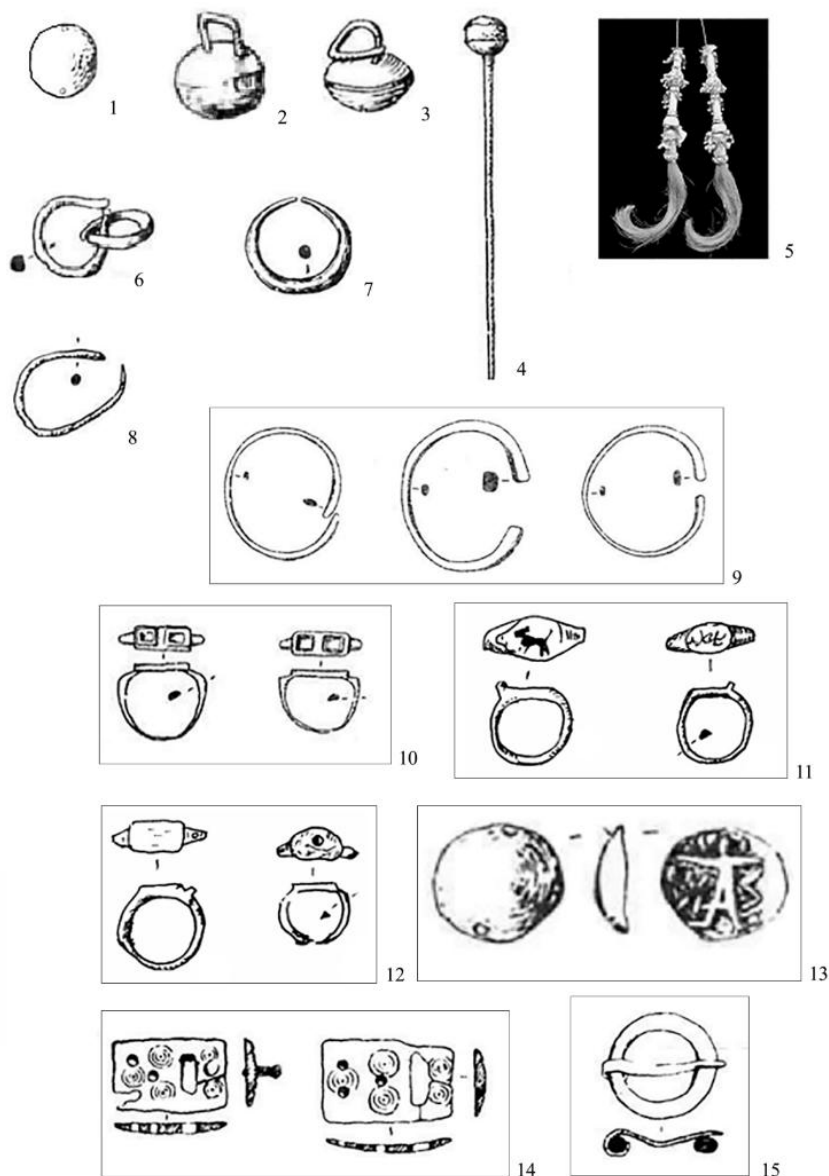

Рис. 1. Ювелирные украшения из могильника Харкуш: 1 - 5 – накосные украшения; 6-8 –серьги; 9 – браслеты; 10-12 – перстни; 13-15 – пряжки.

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА ХАРКУШ

В статье рассматриваются ювелирные украшения из могильника Харкуш. Период раннего Средневековья в Таджикистане является ключевым этапом в развитии истории культуры таджикского народа.

Исследование ювелирных украшений из могильника Харкуш, относящихся к этому периоду, позволяет пролить свет на проблему их генезиса, а также на связанные с ними древние верования и культы.

Анализ украшений с данного могильника подтверждает, что творчество раннесредневековых ювелиров отличалось высоким профессионализмом и разнообразием. Эти изделия являются ценным информативным источником для изучения материальной культуры предков таджиков. В составе погребального костюма прослеживается довольно устойчивый комплекс ювелирных украшений.

Женский комплекс включал серьги, ожерелья из бус, пряжки, браслеты и перстни. Мужчины, как правило, носили наборные пояса, украшенные пряжками и бляшками.

Ключевые слова: *могильник, раннее средневековье, ювелирные украшения, верования, культы, Тохаристан, костюм.*

ЧАВОХИРОТ АЗ ГҶҢРИСТОНИ ХАРКУШ

Дар мақола ҷавохироти аз ғӯристони Харкуш ёфтшуда баррасӣ шудааст. Давраи ибтидои асрҳои миёна дар Тоҷикистон давраи калидии инкишофи таърихи маданияти халқи тоҷик мебошад.

Омӯзиши ҷавохирот аз ғӯристони Харкуши ин давра ба масъалаи пайдоиш ва эътиқоду фарҳангҳои бостонии марбут ба онҳо равшанӣ меандозад.

Омӯзиши ҷавохирот аз ғӯристони Харкуш сатҳи баланди касбии қори заргарони асри миёна ва ғуноғунрангии заргариро тасдиқ менамояд. Зар ва зевар аз ғӯристони Харкуш барои омӯзиши фарҳанги модии ниёғони тоҷикон манбаи пурарзиш ба шумор меравад.

Маҷмуи ҷавохироти занонаро ғӯшворҳо, гарданбандҳои моҳтобӣ, сағакҳои камарбанд, дастпонаҳо ва ҳалқаҳо дар бар мегиранд. Мардҳо камарбандеро ҳамчун ҷавохирот мепаӯшиданд, ки онҳоро бо сағакҳо ва ҳалқаҳо оро меоданд.

Калидвожаҳо: *ғӯристон, асрҳои миёна, ҷавохирот, эътиқод, парастиишҳо, Тохаристон, либос.*

JEWELRY FROM THE KHARUSH BURIAL GROUND

The article discusses jewelry from the Kharkush burial ground. The period of the Middle Ages of Tajikistan is a key moment in the development of the history of the Tajik people.

The study of jewelry from the Kharkush burial ground will provide light on the problem of the genesis of themselves and the related ancient beliefs and cults. The study of jewelry from the Kharkush burial ground confirms that the work of early medieval jewelers was highly professional and diverse.

Jewelry from the Kharkush burial ground is a valuable informative source for studying the material culture of the ancestors of the Tajiks. In a costume of buried there was a fairly stable complex of jewelry.

The female complex of jewelry included earrings, necklaces from beads, buckles, bracelets and rings. Men as jewelry wore a dietary belt, which was decorated with buckles and plaques.

Key words: *burial, ground, early Middle Ages, jewelry, beliefs, cults, Tokharistan, costume.*

Сведения об авторе: Каландарова Олия Искандаровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Душанбе, ул. Рудаки, 33. Тел. (+ 992) 93 – 462- 94 - 21, E-mail: lola-kalandar@bk.ru.

Information about the author: Kalandarova Oliya Iskandarova – candidate of historical, research scientific of Donish institute of history, archeology and ethnography of National Academy of Sciences of Tajikistan. Dushanbe Rudaki street, 33. Tel. (+992) 93 – 462- 94 - 21, E-mail: lola-kalandar@bk.ru.

УДК 903(575.3): 738.1"05/08"

КЕРАМИЧЕСКИЕ ЦЕДИЛКИ САНДЖАР-ШАХА В КОНТЕКСТЕ АНАЛОГИЧНЫХ НАХОДОК ВЕРХНЕГО ЗАРАФШОНА¹

ПУЛОТОВ А.Г.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ

Фильтрующие сосуды – неотъемлемая часть традиций керамического производства, сформировавшихся в разных регионах под влиянием практических нужд. Их распространение в Леванте и Иране с энеолита по железный век демонстрирует устойчивость технологии и её адаптацию к местным условиям [20]. Эти параллели позволяют рассматривать согдийские цедилки не как изолированное явление, а как звено в более широкой традиции фильтрующей керамики, что помогает понять их функциональное назначение в хозяйстве верховьев Зарафшона в V–VIII вв.

Прежде чем рассмотреть цедилки из памятников верховьев Зарафшона V–VIII вв., особенно из слоя VIII–IX вв. городище Санджар-шах² (рис. 1), важно обратить внимание на их возможные предшественники в других регионах и хронологических контекстах.

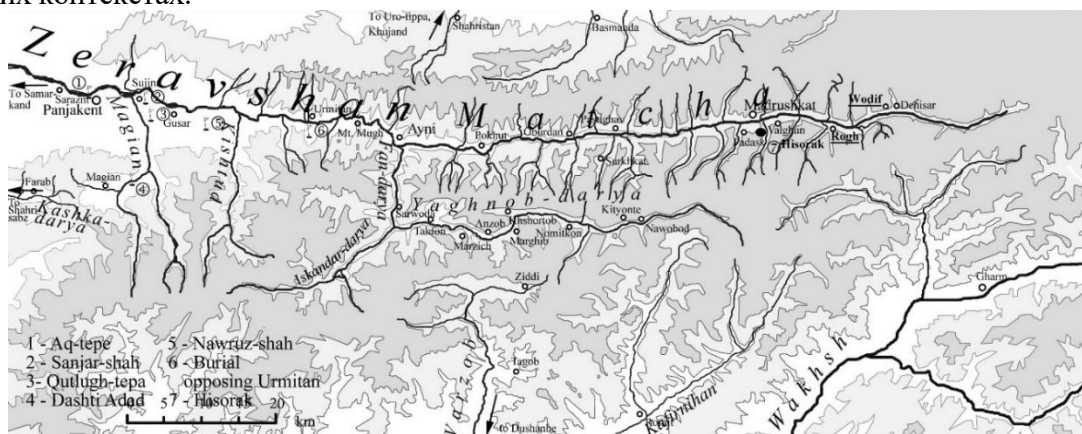

Рисунок 1. Карта верховья Зарафшона с расположением раннесредневековых памятников.

¹ Выражаю благодарность Ш.Ф. Курбанову, М.А. Шенкарю и П.Б. Лурье за возможность участвовать в раскопках Пенджикентской и Санджар-шахской экспедиций и изучать материальную культуру региона непосредственно в полевых условиях.

² Археологические раскопки на поселении Санджар-шах проводятся в рамках совместного проекта Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан и Общества по изучению Евразии (Society for the Exploration of Eurasia).

Керамические сосуды с фильтрующими элементами эпохи энеолита на Ближнем Востоке демонстрируют разнообразие в применении — от фильтрации жидкостей (оливкового масла, настоев, алкогольных напитков) до работы с твёрдыми веществами (жирами, мукой) [20]. Количество таких сосудов возрастает в позднем энеолите, но их распространение остаётся локальным. Цедилки железного века этого же региона рассматриваются как отдельный керамический тип, различающийся по морфологии, технологии изготовления и географии. Выделяются также редкие составные цедилок, известных всего в семи экземплярах [19].

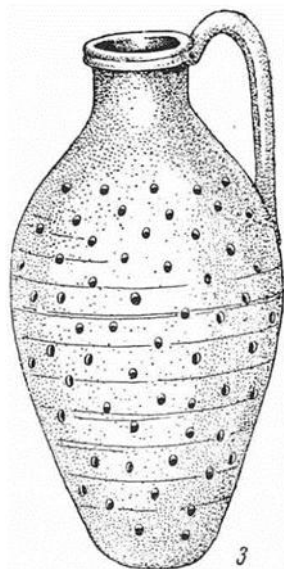

Рисунок 2. Кувшин-цедилка этнографического периода [13, 254, рис. 71].

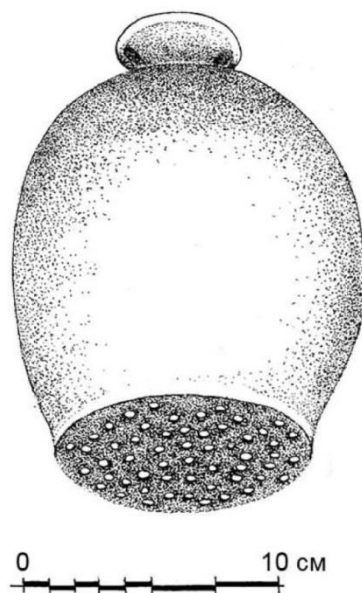

Рисунок 3. Кувшин-цедилка Балджувона [17, 120, рис. 157].

Керамические сосуды с отверстиями в дне и в стенках, найденные на городище Санджар-шах, в значительной степени напоминают аналогичные предметы, обнаруженные при раскопках в Пенджикенте, Гардани Хисоре и Куме. В обоих случаях такие сосуды использовались, вероятно, для процеживания жидкости, что подтверждается структурными особенностями и аналогиями с известными этнографическими практиками (рис. 2) [2, 274-275; 18, 185; 13, 254, рис. 7].

Необходимо отметить, что, на территории Таджикистана археологические исследования выявили фрагменты цедилок, охватывающие широкий хронологический диапазон. В поселении бронзового века Дахана обнаружен фрагмент с отверстием диаметром 9 см, изготовленный на песчаной подсыпке [14, 157, рис. 5.5]. В Тахти-Сангине найдена цедилка из плотной терракотовой керамики с коричневым ангобом [3, 177, рис. 4.8]. В Дангаринском районе зафиксированы образцы греко-бактрийского и кушанского времени [16, 67, рис. 13.11; 16, 72, рис. 18.11], а в Балджувонском районе – экземпляры III–X вв, однако кувшин-цедилка не датирована точным хронологическим диапазоном; как и вся остальная керамика крепости

Турк, она имеет широкий хронологически диапазон (**рис. 3**) [17, с. 119–120, рис. 157].

Изучая неглазурованную керамику средневекового Самарканда, Л.Ф. Соколовская отмечает, что средневековые дуршлаги Самарканда имели отверстия, сделанные до обжига [15, 76].

Ю.Я. Якубов рассматривает особую категорию керамических изделий, известных на таджикском языке под названием «*обполо*», часть которых можно интерпретировать как цедилки. Автор отмечает, что подобные сосуды встречаются в небольшом количестве и подразделяются на местные (изготовленные вручную) и привозные (изготовленные на гончарном круге). По своей форме они представляют собой миски на подставке диаметром 15–18 см, причем подставка может быть как с низким поддоном (высотой 2 см), так и с высокой ножкой, в обоих случаях являясь полый [18, 185].

Вопрос об их функциональном назначении остается дискуссионным. Согласно И.Б. Бентович, аналогичные сосуды могли использоваться в производстве молочных продуктов [2, 275], однако Ю. Якубов также указывает на их бытовое применение, предполагая, что они служили для промывания фруктов перед подачей на стол или в качестве десертных ваз [18, 185].

Сходные керамические изделия с отверстиями рассматривает и С.К. Кабанов, интерпретируя их в качестве возможных цедилок, использовавшихся при переработке молочных продуктов [4,29]. Так, ученый описывает чаши с отверстием в центре дна, выявленные в нижних слоях поселений Кашкадарье III–VI вв, отмечая, что они морфологически не отличаются от аналогичных сосудов из верхних горизонтов, но встречаются реже. Размер таких цедилок варьируется в пределах 7–23 см в диаметре устья [4,29]. С.К. Кабанов подчеркивает, что значительное количество подобных находок свидетельствует об их активном использовании в хозяйстве, вероятно, в качестве фильтрующих сосудов при производстве молочных продуктов, таких как сыр или творог [4,17].

Сосуды для процеживания из Пенджикента, как и те, что обнаружены на гордище Санджар-шах, имеют отверстия в стенках и на дне. И.Б. Бентович, анализируя керамику Пенджикента, отмечает, что сосуды с отверстиями в основном представляют собой неглубокие миски, стоящие на поддонах или ножках, диаметром от 15 до 18 см [1, 142–143]. Отверстия, расположенные равномерно по стенкам и в донной части, могли служить для отделения сыворотки в молочном хозяйстве, что также предполагает функциональность сосудов из Санджар-шаха. В обоих случаях отверстия проходили сквозь сосуды и поддоны, что указывает на их использование в процессе процеживания или фильтрации.

Как отмечает И.Б. Бентович, сосуды с отверстиями, найденные в Пенджикенте, имеют схожие элементы с теми, что были найдены на Тали-Барзу и Кафыр-Кале [2, 274–275].

Кроме того, в Пенджикенте также встречаются сосуды с **одним отверстием на дне**, напоминающие небольшие воронки [1, 142–143].

Сосуды с одним сквозным отверстием в донце, обнаруженные в материалах раннесредневековых памятников, представляют собой отдельную категорию и,

вероятно, выполняли функции, отличные от классических цедилок с множеством отверстий. Вопрос о назначении сосудов с одним сквозным отверстием в донце остается дискуссионным. Б. И. Маршак отмечал сходные формы среди материалов Пенджикента, предполагая, что такие сосуды могли использоваться в качестве воронок или крышек для кувшинов [12, 151-152. Ил. 100.4]. Однако, если рассматривать их как воронки, остается неясным функциональное назначение донца, особенно в случаях, когда отверстие расположено не в центре, а сбоку. Вариант интерпретации этих сосудов как крышек также вызывает вопросы, поскольку отверстие могло служить не только для аэрации, но и для привязывания крышки к сосуду.

Важно рассматривать их отдельно от классических цедилок с множеством отверстий, так как их конструктивные особенности предполагают иную область применения. Возможно, они использовались в процессах фильтрации жидкостей или как вспомогательные элементы для переливания, что требует дальнейшего исследования с учетом археологических контекстов и трасологических данных. В данной статье мы сосредоточим внимание на чашевидных, мисковидных-плоскодонных и кубкообразных цедилках, поскольку именно эти формы представляют собой наиболее характерные сосуды для процеживания, зафиксированные в археологических материалах раннесредневековых памятников Согда. И. Б. Бентович выделяла их в отдельную группу, описывая как неглубокие миски на подставке с многочисленными мелкими отверстиями в стенках и донце [2, 274-275]

Важной конструктивной особенностью этих цедилок является наличие подставки, которая могла быть как низким поддоном, так и с высокой ножкой, при этом обе формы оставались полыми. Это свидетельствует о том, что миска и подставка изготавливались отдельно, а затем соединялись перед обжигом.

Цедилки из городища Санджар-шах (рис.4): 1. Гончарная кубковидная цедилка с лепным поддоном или подставкой (из двух фрагментов). Диаметр венчика — 13,2 см, диаметр поддона — 6,2 см, общая высота цедилки — 8,3 см, высота поддона (подставки) — 3,6 см. 2. Фрагмент гончарной цедилки с лепным поддоном, содержащим примесь песка и гальки. Диаметр поддона — 7,1 см, высота сохранности — 6,7 см, высота поддона — 3,4 см. Сосуд покрыт красным ангобом с двух сторон. 3. Гончарная цедилка с поддоном средней высоты. Диаметр поддона — 8,2 см, высота сохранности — 6,4 см, высота поддона — 1,7 см. 4. Археологически целая гончарная чашевидная цедилка, найденная в 2013 году в заполнении помещения 10 объекта II. Диаметр венчика — 17,1 см, диаметр поддона — 7,3 см, общая высота сосуда — 7,1 см, высота поддонной части — 1,6 см. Контекст находки датируется второй и третьей четвертью VIII века. 5. Фрагмент венчика чашевидной цедилки диаметром 20 см, найденный в 2015 году в заполнении помещения 3 объекта IV, расположенного в восточной части южной крепостной стены. 6. Фрагмент венчика чашевидной цедилки, найденный в 2012 году на полу помещения 21 (ранее нумеровалось как помещение 3) объекта II Ш.Ф. Курбановым. Контекст находки относится к слою обживания второй и третьей четверти VIII века. Диаметр венчика — 15 см. [6, 105, рис. 11.2]. 7. Фрагмент чашевидной цедилки, найденный в 2014 году в заполнении помещения 28 объекта II. 8. Под-

донная часть гончарной чашевидной цедилки, найденная в 2013 году в заполнении помещения 10 объекта II. Диаметр поддона — 8,2 см. Контекст находки датируется второй и третьей четвертью VIII века.

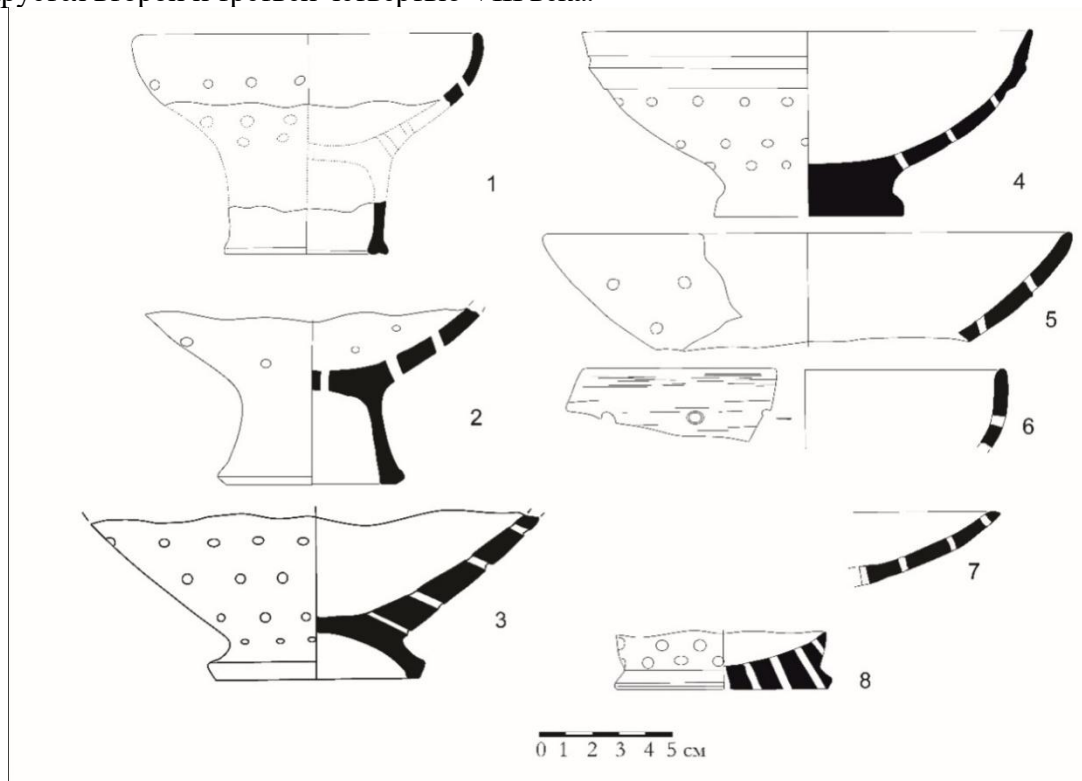
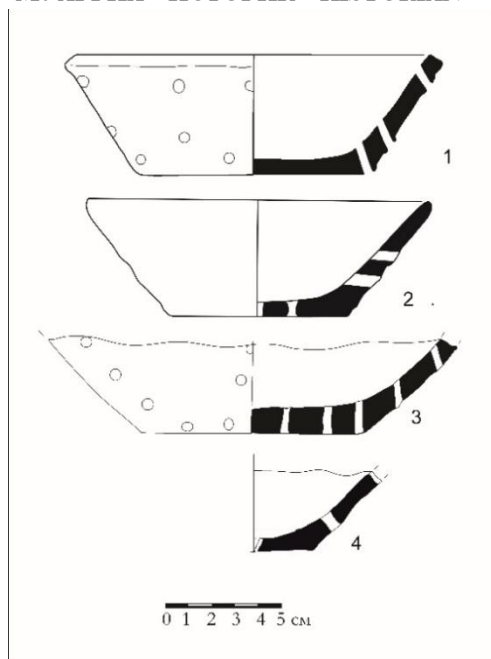

Рисунок 4. Цедилки из городища Санджар-шах (2008-2022 гг): 1-2 гончарная с лепным поддоном или подставкой; 3 – 8 Гончарные.

Лепные плоскодонные плоскодонная цедилки из городища Санджар-шах (рис. 5) 1. **Археологически целая лепная плоскодонная цедилка**, содержащая примесь гальки, песка и слюды. Диаметр венчика — 16,3 см, диаметр донца — 10,3 см, высота сосуда — 5,2 см. Сосуд покрыт красным ангобом с двух сторон. В отличие от других плоскодонных лепных цедилок данный сосуд не имеет ни одного отверстия. 2. **Археологически целая лепная плоскодонная цедилка** с примесью сланца, найденная в верхнем заполнении помещения 11 объекта VIII. 3-4. Фрагменты донце лепных плоскодонных цедилок.

**Рисунок 5. Лепные плоскодонные
цедилки из городища Санджар-шах
(2008-2022 гг).**

Цедилки древнего Пенджикента (рис. 6): 1. В 2017 году с пола помещения 4, датированного до 722 г. (по наличию монеты Деваштича), было собрано значительное количество керамических сосудов, среди которых обнаружена целая гончарная цедилка чашевидной формы с множеством отверстий на стенках и донце. Она имеет небольшую деформацию, диаметр венчика — 19,7 см, донца — 5 см, высота — 6,5 см. На поверхности зафиксированы следы копоти с обеих сторон, что, вероятно, связано с пожаром в помещении [7, 25. Ил. 151]. 2. В 2002 году в пригороде древнего Пенджикента А.В. Завьяловым была найдена целая гончарная цедилка чашевидной формы в третьем слое переулка усадьбы 15 объекта VIII. Датруется второй половиной VII — началом VIII вв. [10, 43. Рис. 90.24]. Сосуд покрыт известковыми отложениями, изготовлен из красноглиняного черепка. Диаметр венчика — 20 см, донца — 7,5 см, высота — 6,3 см. 3. Фрагмент чашевидной цедилки с многочисленными отверстиями обнаружен в припольном слое помещения 26 объекта XXVI (руководитель Ш.Ф. Курбанов). Диаметр венчика — 18,5 см. [10, 11. Рис. 29.8]. 4. В 2005 году в храмовом комплексе Пенджикента, в заполнении помещения 22 объекта X, обнаружен фрагмент ножки лепной цедилки с примесью гальки и сланца. Диаметр поддона — 9,4 см. [11, 13. Рис. 23.11]. 5. Фрагмент чашевидной (?) гончарной цедилки найден в 2000 году в завале помещения 4 усадьбы 13 объекта VIII (руководитель Д. Абдуллоев). Диаметр фрагмента — 18,5 см. [9, 30. Рис. 69.15]. 6. В 2005 году в завале между первым и вторым полами помещения 1 усадьбы 16 объекта VIII (руководитель Д. Абдуллоев) найден фрагмент цедилки

с подставкой. Диаметр донца (подставки) — 7 см. Черепок покрыт красным ангобом с обеих сторон [11, 28. Рис. 59.12]. 7. Фрагмент нижней части гончарной цедилки с сохранившейся частью поддона (цедилка с поддоном) обнаружен в усадьбе 13, однако его археологический контекст не указан [9, Рис. 70.15]. 8. В заполнении над вторым полом помещения 110 объекта XXIII найден фрагмент венчика чашевидной цедилки диаметром 15 см [8, 28. Рис. 50.4]. 9. В 2000 году М.Х. Хасановым над первым полом помещения 116 объекта XXIII обнаружен фрагмент донца (с невысоким «поддоном» цедилки диаметром 6,1 см [9, 7. Рис. 23.12].

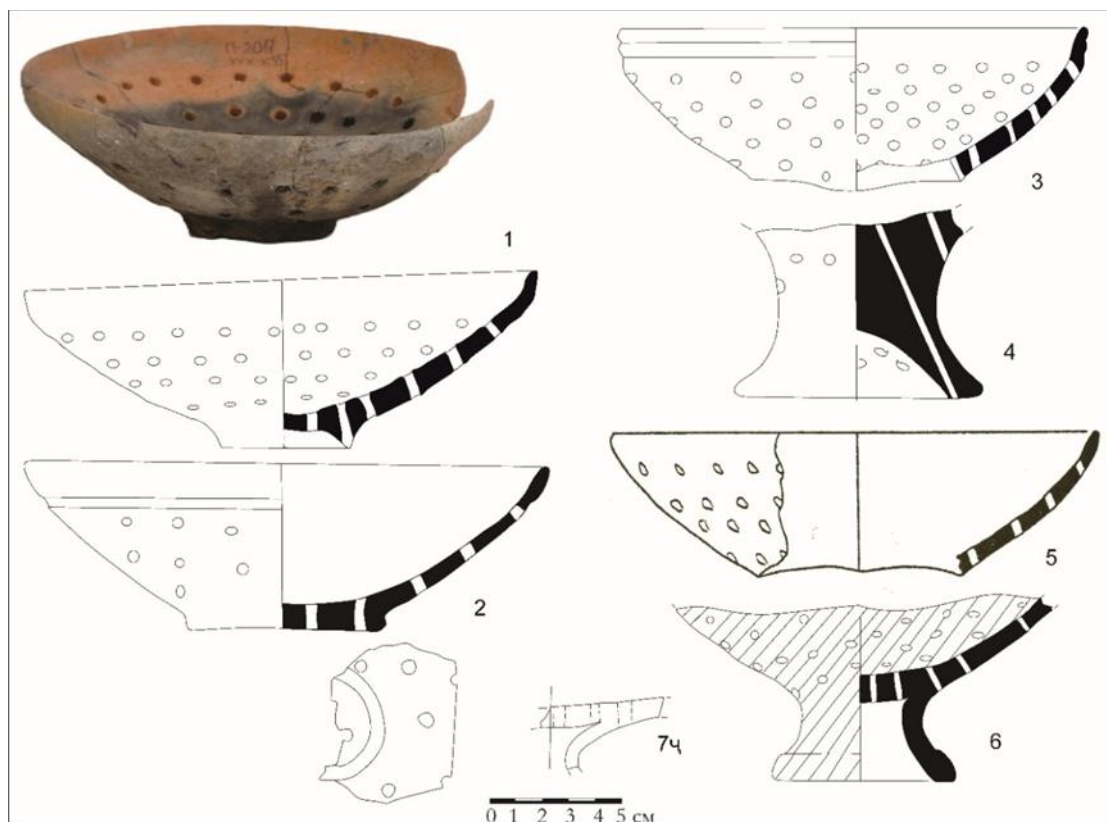

Рисунок 6. Цедилки древнего Пенджикента (1998-2017).

Цедилки Гардани-Хисора: 1. В 1973 году при раскопках поселения Гардани-Хисор в помещении 45 Ю.Я. Якубовым была найдена археологически целая кубковидная гончарная цедилка (КП 1001/42). Диаметр венчика — 16 см, поддона — 8,5 см, высота — 9,2 см (Якубов 1988. С. 185. Табл. XV, 10) (рис. 7.1). 2. В 1964 году в помещении 3 поселения Гардани-Хисор был найден фрагмент нижней части лепной цедилки с подставкой (КП 590/151-152). Диаметр подставки — 11,8 см.

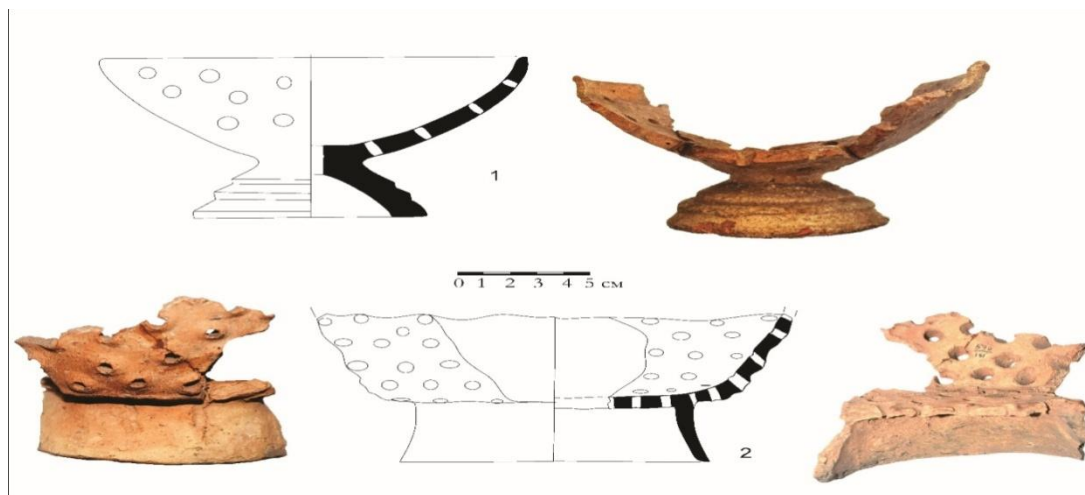

Рисунок 7. Цедилки Гардани-Хисора. [18, 185. Табл. XV, 10].

Цедилки поселения Кум (рис. 8): 1. В 1976 году в помещении 2 поселения Кум был найден фрагмент венчика чашевидной лепной цедилки диаметром 15 см (КП 1001/1289). Черепок красного цвета с примесями. 2. Фрагмент лепной цедилки с подставкой, аналогичный лепной цедилке из поселения Гардани-Хисор (КП 590/151-152). 3. Фрагмент лепной цедилки с низкой подставкой (поддоном). Диаметр подставки — 7,5 см. 4. Археологически целая мискообразная плоскодонная лепная цедилка. Диаметр венчика — 14 см, донца — 11,2 см, высота — 4,7 см. 5. Фрагмент донца мискообразной плоскодонной лепной цедилки. Диаметр венчика — 14 см, донца — 8,2 см, высота — 7 см.

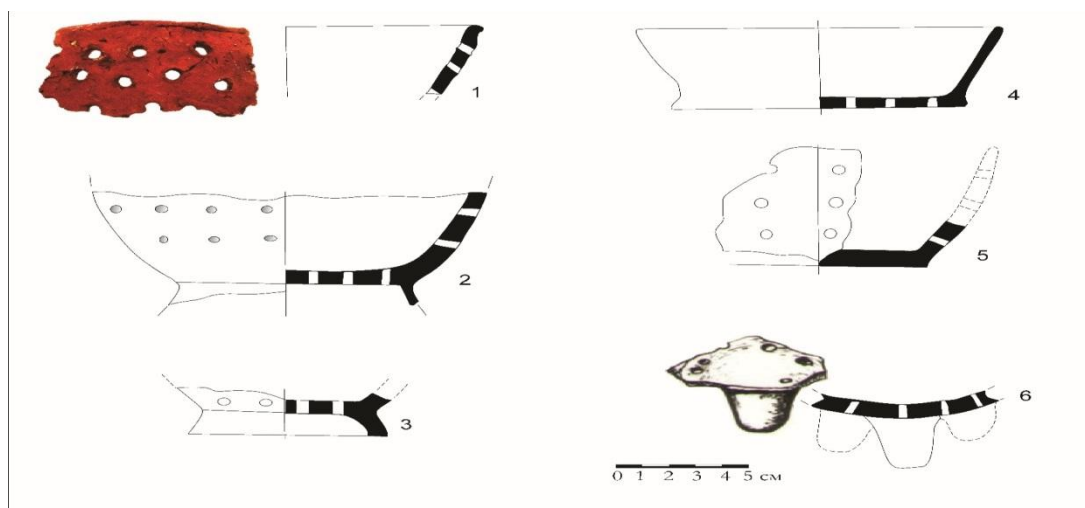

Рисунок 8. Цедилки поселения Кум [18, табл.-XV, 10- XVIa, 4 - 7-16].

I. Технологический анализ выявленных цедилок демонстрирует значительное разнообразие, как в способах изготовления, так и в подборе материалов. В целом, сосуды подразделяются на две группы: гончарные, изготовленные на круге, и лепные, выполненные вручную. Гончарные цедилки, как правило, характеризуются более тонкими и равномерными стенками, свидетельствующими о высоком уровне владения техникой вращательного формования. В отличие от них, лепные образцы часто имеют примеси в тесте, такие как песок, слюда, галька или даже сланец, что, вероятно, придавало им дополнительную термостойкость и прочность.

Некоторые образцы покрыты ангобом, нанесённым как с внешней, так и с внутренней стороны, что могло служить для повышения плотности структуры сосуда и облегчения очистки. В ряде случаев на поверхности зафиксированы известковые отложения, которые позволяют предположить, что такие сосуды использовались для процеживания молочных продуктов, например, при производстве сыра или творога. Следы копоти на ряде экземпляров могут указывать на контакт с открытым огнём, что даёт основание полагать, что определённые типы цедилок могли использоваться не только для фильтрации, но и для термообработки процеживаемых жидкостей.

II. На основании морфологических характеристик и конструктивных особенностей выявленных сосудов можно выделить несколько основных типов цедилок с многочисленными отверстиями.

Тип I. Чашевидные цедилки с перфорированными стенками и донцем. Данный тип представлен как гончарными, так и лепными образцами. Он включает сосуды с относительно высокими стенками, равномерно перфорированными множеством отверстий, диаметр которых варьируется. Чашевидная форма, вероятно, обеспечивала удобство в использовании при процеживании жидкостей, а перфорация на дне позволяла стекать жидкости при удерживании твёрдых частиц.

Тип II. Цедилки с подставкой. Для данного типа характерно наличие дополнительной опоры — либо цельнолитого поддона, либо отдельной ножки, которая придавала устойчивость сосуду и, возможно, позволяла устанавливать его поверх других сосудов или нагревательных конструкций. В эту группу входят как гончарные, так и лепные изделия, причём среди последних часто встречаются примеси в тесте.

Тип III. Плоскодонные цедилки. В отличие от чашевидных, эти сосуды имеют низкие бортики и относительно широкое основание, что делает их удобными для работы с небольшими объёмами жидкости. В некоторых случаях они также снабжены перфорацией, однако встречаются и образцы, полностью лишённые отверстий, что может свидетельствовать об их использовании для иных технологических операций, возможно, связанных с осаждением или отстаиванием веществ.

Такое типологическое разделение позволяет проследить различные варианты использования цедилок, а также их эволюцию, связанную с изменением бытовых и технологических потребностей населения.

III. Распределение типов цедилок по разным археологическим памятникам свидетельствует о существовании локальных традиций в их производстве и использовании. В древнем Пенджикенте представлены все основные типы, включая чаше-

видные гончарные цедилки, сосуды с подставками и плоскодонные лепные образцы. Это указывает на многообразие процессов процеживания и, возможно, на развитую гастрономическую культуру, в которой использовались различные методы фильтрации. В Гардани-Хисоре преобладают лепные цедилки с подставками, что может говорить о предпочтении ручного производства местным населением и о специфическом технологическом подходе к процессу фильтрации. В Куме преобладают плоскодонные лепные цедилки, что, вероятно, связано с местными условиями быта или спецификой фильтруемых жидкостей. На поселении Санджар-шах зафиксировано значительное количество гончарных фильтровальных сосудов с подставками, а также лепных плоскодонных ёмкостей. Подобные формы сосудов, известные и в других регионах, позволяют предположить наличие культурных связей и обмена технологическими традициями. Вероятно, местное население адаптировало и развивало различные типы фильтрационных ёмкостей в соответствии с собственными производственными и бытовыми потребностями. Такое распределение позволяет предположить, что существовали не только общие технологические принципы изготовления цедилок, но и локальные традиции, определявшие предпочтения в их форме, конструкции и способах применения.

Анализ собранных материалов показывает, что цедилки VII–VIII вв. представляли собой разнообразные по конструкции сосуды, изготовленные как гончарным, так и лепным способом. Их форма и конструкция варьировались в зависимости от предполагаемого функционального назначения, что указывает на широкое распространение фильтрационных технологий в раннесредневековой Согдиане.

Типологическая классификация позволяет выделить несколько основных форм, каждая из которых отвечала определённым технологическим задачам. Региональные различия в распределении типов указывают на существование локальных особенностей в производстве и использовании этих сосудов, что может быть связано как с природно-климатическими условиями, так и с гастрономическими традициями.

Таким образом, цедилки, найденные на памятниках Пенджикента, Гардани-Хисора, Кума и Санджар-шаха, являются важным источником для изучения материальной культуры населения Согдианы VII–VIII вв., демонстрируя сложные технологические и бытовые процессы, связанные с кулинарной практикой того времени. Приведенные наблюдения представляют сравнительный материал для изучения аналогичных сосудов, выявленных на поселении Санджар-шах и на других памятниках Верхнего Зарафшона, что позволяет провести детальный анализ их технологических характеристик и функционального назначения в социально-экономическом контексте раннесредневековой Согдианы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бентович, И. Б. Керамика Пенджикента / И. Б. Бентович // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 37. – М.; Л.: АН СССР, 1953. – С. 142–143. – (Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Тадж. ССР и Гос. Эрмитажа. Т. II: 1948–1950 гг.).
2. Бентович, И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII–VIII вв.) / И. Б. Бентович // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 124. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 273–275. – (Труды ТАЭ ИА АН СССР, ИИ им. А. Дониша АН Тадж. ССР и Гос. Эрмитажа. Т. IV: 1954–1959 гг.).

3. Дружинина, А. П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году / А. П. Дружинина // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 36. – Душанбе, 2013. – С. 143–180.
4. Кабанов, С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. (по материалам исследований в зоне Чимкурганского водохранилища) / С. К. Кабанов. – Ташкент: Фан, 1981. – 128 с.
5. Курбанов, Ш. Ф. Отчёт о работах Восточно-Согдийской археологической экспедиции на городище Санджаршах / Ш. Ф. Курбанов // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 34. – Душанбе, 2010. – С. 278–299.
6. Курбанов, Ш. Ф., Пулодов, А. Г., Аминов, Ф. Ш. Отчет о раскопках на городище Санджаршах в 2012 году / Ш. Ф. Курбанов и др. // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 38. – Душанбе, 2016. – С. 102–144.
7. Курбанов, Ш. Ф. Раскопки объекта XXX / Ш. Ф. Курбанов // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – Вып. XXII. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. – С. 20–27.
8. Маршак, Б. И., Распопова, В. И., Шкода, В. Г. Отчёт о раскопках городища древнего Пенджикента в 1998 году / Б. И. Маршак и др. // Материалы ПАЭ. – Вып. I. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. – С. 3–43.
9. Маршак, Б. И., Распопова, В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 2000 году / Б. И. Маршак, В. И. Распопова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. – Вып. III. – 92 с.
10. Маршак, Б. И., Распопова, В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 2002 году / Б. И. Маршак, В. И. Распопова // Материалы ПАЭ. – Вып. V. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 3–51.
11. Маршак, Б. И., Распопова, В. И. Отчёт о раскопках городища древнего Пенджикента в 2005 году / Б. И. Маршак, В. И. Распопова // Материалы ПАЭ. – Вып. VIII. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. – 186 с.
12. Маршак, Б. И. Керамика Согда V–VII веков как историко-культурный памятник: к методике изучения керамических комплексов / Б. И. Маршак. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 384 с.
13. Пещерева, Е. М. Гончарное производство Средней Азии / Е. М. Пещерева. – М.: Наука, 1959. – 254 с.
14. Пьянкова, Л. Т. Работы Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана (1985 г.) / Л. Т. Пьянкова // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. XXV. – Душанбе: Дониш, 1994. – С. 151–161.
15. Соколовская, Л. Ф. Неглазуванная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла / Л. Ф. Соколовская // Археология Центральной Азии: архивные материалы. – Т. I. – Самарканд: МИЦАИ, 2015. – 289 с.
16. Филимонова, Т. Г., Ахметзянов, М. Р. Поисковые работы по составлению археологической карты Дангаринского района в 2009 году / Т. Г. Филимонова, М. Р. Ахметзянов // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 35. – Душанбе, 2012. – С. 55–112.
17. Филимонова, Т. Г. Археологическая карта Таджикистана. Балджувонский район / Т. Г. Филимонова. – Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии НАНТ, 2021. – С. 119–120.
18. Якубов, Ю. Я. Раннесредневековые сельские поселения Горного Согда: к проблеме становления феодализма / Ю. Я. Якубов. – Душанбе: Дониш, 1988.
19. Eran, A. Iron Age Strainer Juglets in the Southern Levant / A. Eran // Israel Museum Studies in Archaeology. – 2023. – Vol. 11. – Pp. 60–93.
20. Van Den Brink, E. C. M., Chasan, R., Rosenberg, D. Sifting through: The characteristics and significance of ceramic strainer-vessels in the Chalcolithic period of the southern Levant / E. C. M. Van Den Brink et al. // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. – 2021. – Vol. 386 (1). – Pp. 177–207.

КОСАҲОИ ПОЛОИШИИ САФОЛИНИ САНЧАРШОҲ ДАР ЗАМИНАИ БОЗЁФТҲОИ МУШОБЕҲИ БОЛООБИ ЗАРАФШОН

Пораҳои косаҳои полоишии сафолӣ, ки аз ёдгории бостоншиносии Санҷаршоҳ пайдо гардиданд, унсури муҳимми ҷаҳолияти хоҷагии аҳолии Осиёи Марказӣ дар ибтидои асрҳои миёна ба ҳисоб мераванд. Соли 2022 зимни ҳафриёти бостоншиносӣ дар хучраи 22, соҳаи бостонии VIII-и шаҳристони Санҷаршоҳ чанд пора аз косаҳои полоишии сафолӣ ба қайд гирифта шуданд. Ин бозёфтҳо асоси таҳлили муқоисавӣ бо ашёи шабеҳи ёфташуда дар шаҳри бостонии Панҷакент ва ҳамчунин дар маҳалҳои бостонии Қум ва ГарданиҲисор - воқеъ дар болооби рӯдхонаи Зарафшон гардиданд.

Мақолаи мазкур ба омӯзиши зарфҳои сафолӣ бо шумораи зиёди сӯрохҳо, ки бо номи «косаҳои полоишӣ» маъруфанд, бахшида шудааст. Муаллиф хусусиятҳои морфологӣ, технологияи сохт, вазифа ва паҳншавии онҳоро дар қабатҳои маданияи ёдгориҳои гуногуни Суғди ибтидои асрҳои миёна мавриди таҳлил қарор медиҳад. Натиҷаҳои таҳқиқ нишон медиҳанд, ки чунин наъми зарфҳо, эҳтимолан, барои ҷудо кардани моеъҳо аз моддаҳои сахт, дар раванди коркарди шир истифода мешуданд ва онҳо дар муҳити иқтисодӣ ва рӯзгори аҳолии маҳаллӣ нақши муҳим доштаанд.

Калидвожаҳо: сафол, косаҳои полоишӣ, обпол, Санҷаршоҳ, Панҷакент, болооби Зарафшон, Соғд, ибтидои асрҳои миёна, морфология, технология, ҳадафи корбурдӣ.

КЕРАМИЧЕСКИЕ ЦЕДИЛКИ САНДЖАР-ШАХА В КОНТЕКСТЕ АНАЛОГИЧНЫХ НАХОДОК ВЕРХНЕГО ЗАРАФШОНА

Фрагменты керамических цедилек, обнаруженные в археологическом комплексе Санджар-шах, представляют собой значимый источник для реконструкции хозяйственной практики раннесредневекового населения Центральной Азии. В 2022 году в процессе археологических раскопок в помещении 22 объекта VIII городища Санджар-шах были выявлены несколько фрагментов лепных цедилек. Эти находки послужили основанием для проведения сравнительного анализа с аналогичными изделиями, обнаруженными в древнем Пенджикенте, а также на памятниках Кум и ГарданиҲисор, расположенных в верховьях Зарафшона.

Настоящая статья посвящена исследованию керамических сосудов с множественными отверстиями - так называемых цедилек. В работе рассматриваются морфологические характеристики этих артефактов, особенности их изготовления, предполагаемое функциональное назначение, а также распространение в культурных слоях раннесредневековых памятников Соғда. Проведённый анализ позволяет предположить, что подобные сосуды применялись для отделения жидкости от твёрдых веществ - вероятно, при переработке молочной продукции.

Таким образом, керамические цедилки являлись неотъемлемой частью хозяйственного обихода и играли важную роль в повседневной жизни населения региона в раннесредневековую эпоху.

Ключевые слова: *керамика, цедилки, сито, Санджар-шах, Пенджикент, верховья Зарафшона, Согд, раннее Средневековье, морфология, технология, функциональное назначение.*

CERAMIC STRAINERS OF SANJAR-SHAH IN THE CONTEXT OF SIMILAR FINDS FROM THE UPPER ZARAFSHAN REGION

Fragments of ceramic strainers discovered at the archaeological complex of Sanjar-shah represent a significant aspect of the economic practices of early medieval populations in Central Asia. In 2022, during archaeological excavations in Room 22 of Object VIII at the Sanjar-shah settlement, several handmade ceramic strainer fragments were uncovered. These finds served as the basis for a comparative analysis with similar objects recovered from Ancient Panjakent, as well as from the sites of Qum and Gardani-Khisor located in the upper Zarafshan Valley. This article focuses on the study of perforated ceramic vessels commonly referred to as strainers. The author examines their morphological features, manufacturing techniques, presumed function, and distribution across the cultural layers of early medieval Sogdian sites. The research findings suggest that such vessels were likely used for separating liquids from solids—possibly in the processing of dairy products—and played a vital role in the domestic economy and everyday life of the local population.

Keywords: *ceramics, strainers, Sanjar-Shah, Panjikent, upper Zarafshan, Sogdiana, early Middle Ages, morphology, technology, functional purpose.*

Сведения об авторе: Пулотов Абдурахмон Гиёсиддинович – директор Национального музея древностей Таджикистана, Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Таджикистана. E-mail: abdurahm.pulotov@gmail.com

Information about the author: Pulotov Abdurahmon Giyosiddinovich – Director of the National Museum of Antiquities of Tajikistan, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. E-mail: abdurahm.pulotov@gmail.com

УДК 512.7(575): 92

**ҒАФУР БОБОЕВ – АСОСГУЗОРИ НАЗАРИЯИ
АДАДҲО ДАР ТОЧИКИСТОН**

ИСМАТОВ С. Н.,

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Бобоев Ғафур Бобоевич 9 - уми сентябри соли 1928 дар шаҳри Исфараи собиқ вилояти Ленинобод (ҳоло Суғд) таваллуд шуда, соли 1951 мактаби миёнаи ба номи А.С. Пушкини шаҳри Исфараро ба таври экстерн хатм намуда, худи ҳамон сол ба факултети физика ва математикаи Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленин дохил шуд. Ӯ гирандаи идрори сталинӣ буд ва корҳои таҳқиқотиаш дар маҷаллаҳои илмӣи донишгоҳ ба таври пайваста нашр мешуданд.

Пас аз хатми донишгоҳ, соли 1956 Ғ. Бобоев дар кафедраи таҳлили математикӣ ба ҳайси омӯзгор ба кор оғоз намуда, соли 1957 дар Институти математикаи ба номи В. А. Стеклови Академияи илмҳои Иттиҳоди Шуравӣ ба чун коромӯз ҷаъолият намуда, пас аз як сол дар бахши назарияи ададҳои ҳамин институт ба аспирантура дохил шуд.

Соли 1961 пас аз хатми аспирантура дар Шурои диссертатсионии Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М. В. Ломоносов рисолаи номзадӣи худро дар мавзӯи «Тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар баъзе сатҳҳо» таҳти роҳбарии мутахассиси маъруфи соҳаи назарияи ададҳо, доктори илмҳои физика ва математика, профессор Постников Алексей Георгиевич бомуваффақият ҳимоя намуд.

Пас аз ҳимояи рисолаи номзадӣ Ғ. Бобоев ба Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленин баргашта, ба ҷаъолияти омӯзгорӣ машғул шуд. Бар замми ҷаъолияти педагогӣ ӯ ҳамзамон таҳқиқоти илмӣи худро ҷаъолони идома дод. Ӯ дар Тоҷикистон аввалин шахсе буд, ки ба ташаккул ва рушди самти классикии математика - назарияи ададҳо заминаи устувор гузошт. Якҷанд хатмкардагони Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленин бо ихтисоси «Алгебра ва назарияи ададҳо» ба аспирантура дохил шуданд, аз ҷумла Д. Исмоилов, В. И. Корчагина, В. П. Ефтеев, Н. Ғафуров, О. Завлунова, Р. Бобоева, М. Ҳошимилова, Р. Шарипова ва дигарон. Бо ташаббуси бевоситаи ӯ бунёди мактаби тоҷикии назарияи ададҳо гузошта шуд.

Меҳнати ғайриодӣ ва сатҳи баланди дониши математикии Ғафур Бобоев ба ӯ имкон дод, ки ба як қатор натиҷаҳои бунёдӣи илмӣ ноил гардад, аз ҷумла: қонуни тақсимшавии идеалҳои бутуни примитивӣ дар майдонҳои квадратӣ ва нуқтаҳои бутуни примитивӣ дар сатҳи конусҳо; ҳалли умумии масъалаи Харди-Литтлвуд дар секторҳо, ки он соли 1966 дар Конгресси умумичаҳонӣ дар шаҳри Москва ироа

гардидааст; исботи элементарии беохир будани идеалҳои содаи дараҷаҳои якум ва дуум дар майдонҳои ададҳои алгебравӣ, ки ин натиҷаро пештар танҳо бо истифодаи усулҳои мураккаби трансцендентӣ ва воситаҳои назарияи функсияҳои тағйирёбандаи комплексӣ ҳосил кардан мумкин буд; «самараноксозии» (эффektivизатсияи) доимӣ (константа) дар масъалаи иррационалиҳои алгебравии Туэ – Зигел – Рот: ёфтани формулаи асимптотӣ барои қиматҳои миёнаи суммаи тақсимкунандаҳои дараҷаи α -и бисёрӯзҳои ғайринулӣ бо коэффитсиентҳои бутун ва ғайраҳо. Ин натиҷаҳо саҳми назарраси ӯро дар рушди математикаи муосири тоҷик нишон медиҳанд [1].

Ғ. Бобоев ба як қатор натиҷаҳои илмие ноил шудааст, ки то имрӯз арзиши илмии худро гум накардаанд. Ба онҳо, аз ҷумла, қори донишҷӯи ӯ ки соли 1957 бо тавсияи академик Ю. В. Линник дар маҷаллаи «Успехи математических наук» нашр шудааст, шомил мегардад, ки ба тариқи зайл аст:

Математики маъруф Н. П. Романов исбот намуд, ки пайдарпайии ҳамаи ададҳои натурали ба суммаи адади сода ва дараҷаи «к»-юми адади бутуни мусбат ҷудошаванда пайдарпайии зичиаш мусбат мебошад. Баъдтар, математикони машҳури англис Дэвенпорт ва Хейлброн бо истифода аз усулҳои И. М. Виноградов нишон доданд, ки қариб ҳамаи ададҳои натуралӣ дар намуди суммаи нишондодашуда ифодашавандаанд, яъне ададҳое, ки дар ин шакл ифода намешаванд, пайдарпайии зичиаш нулиро ташкил медиҳанд.

Аммо ин теорема ба чунин саволи муҳим ҷавоб дода наметавонист: шумораи ададҳое, ки дар ин шакл ифода намешаванд, охиноканд ё беохир?

Ба ин савол ҷавоби дақиқро теоремаи зерини Ғ. Б. Бобоев медиҳад, ки ӯ онро ҳанӯз ҳангоми донишҷӯи соли панҷум буданаш бо усули элементарӣ исбот кардааст.

Теоремаи (Бобоев Ғ.) [2]. *Миқдори беохирӣ ададҳои натуралӣ мавҷуданд, ки онҳо дар шакли зерин ифоданашавандаанд:*

$p + x^k$, дар ин ҷо p — адади сода, x — адади бутуни мусбат, k — адади бутун ва $k \geq 2$ аст.

Теоремаи Ғ. Б. Бобоев инчунин раддияи гипотезаи Харди ва Литтлвуд (Hardy G.H., Wright E.M. An introduction to the theory of numbers. Oxford at the clarendon press, 1954), ки мувофиқи он ҳамаи ададҳои кифояи калони натуралӣ метавонанд ба суммаи адади сода ва квадрати адади бутун ифодашавандаанд, мебошад.

Дар тӯли фаъолияти илмии худ Ғафур Бобоевич Бобоев зиёда аз 50 асару мақолаҳои илмӣ нашр кардааст, ки дар маҷаллаҳои математикӣ ҳам Иттиҳоди Шуравӣ ва ҳам хориҷи кишвар ба ҷоп расидаанд. Аз ҷумла, ӯ муаллифи монографияи «Тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар сатҳҳои алгебравӣ» [3] мебошад, ки доир ба мундариҷа ва муҳтавои он дар зер таваққуф мекунем. Ӯ борҳо дар Анҷуманҳои умумииттифоқӣ ва ҷаҳонии риёзӣ иштирок кардааст ва соли 1966 узви Ҷамъияти математикони Москва гардид.

Ба ғайр аз фаъолияти пурсамари илмӣ Ғ. Бобоев ба ҳайси омӯзгор ва олим ҳеҷ гоҳ қарзи асосии худ – тарбияи насли ҷавонро фаромӯш намекард. Тамоми кӯшишҳои ӯ барои омода намудани мутахассисони ҷавон дар соҳаи назарияи ададҳо равона шуда буданд. Аз зумраи шогирдони ӯ Д. Исмоилов, Н. Ғафуров ва Р.

Бобоева ба дастовардҳои илмӣ бесобиқа ноил гардиданд. Насли имрӯзаи мутахассисони Тоҷикистон дар ин соҳаи математика, дар асл натиҷаи меҳнати чандинсола ва кӯшишҳои пайвастаи ӯ дар тарбияи кадрҳо мебошад.

Ғафур Бобоевич Бобоев дар тӯли солҳои зиёд роҳбарии зерсохторҳои гуногуни факултети механикаю математикаи Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленинро ба уҳда дошт. Ӯ иҷрокунандаи вазифаи мудирӣ кафедраи математикаи татбиқӣ ва ҳисоббарории математикӣ (соли 1967), иҷрокунандаи вазифаи мудирӣ кафедраи таҳлили математикӣ ва назарияи функсияҳо (соли 1968) буд. Бо ташаббуси ӯ соли 1969 дар факултети механика ва математикаи Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленин кафедраи алгебра, геометрия ва назарияи ададҳо таъсис дода шуд, ки ӯ аввалин мудирӣ он буд ва то 1979 ӯ дар ин вазифа фаъолият намуд. Бо роҳбарии Ғафур Бобоевич, кафедраи алгебра ва назарияи ададҳо дар ДДТ ба як маркази муҳими омода кардани мутахассисон ва пешбурди таҳқиқоти илмӣ табдил ёфт. Ӯ дар рушди илми математика дар Тоҷикистон саҳми арзишманд гузошта, барои наслҳои минбаъдаи олимон ва донишҷӯён мероси гаронбаҳое боқӣ гузоштааст.

Эътирофи мустақими натиҷаҳои баланди илмӣ профессор Ғафур Бобоев ин буд, ки дар Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленин ду маротиба – солҳои 1967 ва 1977 мувофиқан конференсия ва мактаб - семинари умумииттифоқӣ оид ба алгебра ва назарияи ададҳо баргузор гардид. Дар ин ҳамоишҳои илмӣ ҳамаи мутахассисони маъруфи Иттиҳоди Шуравии собиқ иштирок карданд: профессорон Н. Г. Чудаков, А. В. Малишев, А. А. Каратсуба, Б. М. Бредихин, С. Н. Воронин, А. Г. Архипов, В. Н. Чубариков, А. Н. Шидловский, А. Ф. Лаврик ва дигарон. Ташкили чунин ҳамоишҳои илмӣ ва робитаҳои шахсии ӯ имкон фароҳам оварданд, ки бо марказҳои бонуфузи илмӣ, мисли Пажӯҳишгоҳи математикаи ба номи Стеклов, Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М. В. Ломоносов, Донишгоҳи давлатии Ленинград, (ҳоло шаҳри Санкт - Петербург) ва дигарон робитаҳои илмӣ барқарор карда шаванд [4, 364].

Дар мактаб-семинари умумииттифоқӣ, ки соли 1977 таҳти роҳбарии Ғ. Бобоев ва шогирдони ӯ дар шаҳри Душанбе дар Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленин баргузор гардид, зиёда аз 110 маърузаҳои илмӣ ироа гардиданд. Дар қори мактаб-семинар қариб 120 нафар омӯзгорон, ходимони илм, аспирантон ва донишҷӯён, ки аз онҳо 22 нафар профессорон ва докторони илм, 55 нафар номзадони илм ва дотсентон буданд, ба таври фаъолона иштирок намуданд. Дар ин мактаб-семинар аз 30 шаҳри 10 ҷамоҳири Иттифоқӣ намояндагон иштирок варзида, онҳо 15-то донишгоҳ, 25 муассисаҳои илмӣ-таҳқиқотӣ ва 18 донишқадаҳои омӯзгориро муаррифӣ намуданд. Ин мактаб - семинар гувоҳи он гардид, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон сатҳи таҳқиқоти илмӣ дар бахши назарияи ададҳо хеле баланд аст.

Барои хизматҳои худ дар самти илм ва таълиму тарбия Ғафур Бобоевич борҳо бо ифтихорномаҳои Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ба номи В. И. Ленин, медали «Барои меҳнати шоён» ба муносибати 100-солагии зодрӯзи В. И. Ленин, медали ҷашнии 25-солагии ДДТ ва нишони «Аълочии маорифи халқи ҶШС Тоҷикистон» сарфароз гардидааст. Соли 1995 ба Ғ. Бобоев унвони профессори ка-

федраи алгебра, геометрия ва назарияи ададҳои факултети механикаю математикаи ДДТ ба номи В.И. Ленин дода шуд.

Омӯзиши муодилаҳои диофантӣ самти асосии корҳои профессор Гафур Бобоев ро таъкил мекунад. Таҳқиқи муодилаҳои диофантӣ ба омӯзиши нуқтаҳои бутун (нуқтаҳои, ки ҳамаи координатаҳои ададҳои бутунанд), ки дар сатҳҳои алгебравии тавассути ҳамин муодила тасвиршаванда ҷойгиранд, оварда мешуданд.

Монографияи ӯ бо номи «Тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар сатҳҳои алгебравӣ» [3] ба таҳқиқи тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар сатҳҳои намуди

$$f(x_1 x_2 \dots x_n) = \Phi(t_1 t_2 \dots t_s) \quad (1)$$

ки дар ин ҷо $f(x_1 x_2 \dots x_n)$ – шакли ҷудошаванда бо коэффитсиентҳои бутун, $\Phi(t_1 t_2 \dots t_s)$ – функсия аз тағйирёбандаҳои $t_1 t_2 \dots t_s$ -и қиматашон бутун аст, ки дорои баъзе хосиятҳо (ҳар дафъа ба таври алоҳида зикр мегардад) мебошанд, бахшида шудааст. Хусусан ӯ барои миқдори ададҳои бутун дар сатҳҳои гуногуни намуди

$$f(x_1 x_2 \dots x_n) = m \quad (2)$$

ки дар ин ҷо тадади бутун аст, формулаҳои асимптотӣ ҳосил намудааст. Инчунин ӯ муодилаи диофантии намуди

$$(x_1 x_2 \dots x_n) = \Phi(z) \quad (3)$$

ро дида мебарояд, ки дар ин ҷо $\Phi(z)$ функсияи мултипликативӣ мебошад. Азбаски конуси давравии $x^2 + y^2 = z^2$ ба чунин синфи сатҳҳо дохил мешавад, пас ин сатҳҳо конусҳои умумикардашуда номида мешаванд.

Гузориши масъала аз дар сатҳи (1) ҷудо намудани ягон соҳаи D -и дорои миқдори охиноки нуқтаҳои бутуни $(x_1 \dots x_n t_1 \dots t_r)$ иборат буда, барои миқдори нуқтаҳои бутун дар соҳаи D нобаробарӣ ҷустуҷӯ карда мешавад. Соҳаи D -ро дар сатҳи (1) бо тарзҳои гуногун интиҳоб намудан мумкин аст ва аз ин хусусияти масъала ва усулҳои ҳалли он вобаста мебошад. Интиҳоби соҳаи D дар [3] аз тасвири геометрии миқдори ададҳои алгебравии майдони додашуда бармеояд (ниг. [5, 130]). Ин усули хеле маъмул ба мафҳуми соҳаи фундаменталӣ, ки таърифааш дар китоби [5, 412] дода мешавад, оварда мерасонад.

Ҳолати одитарини муодилаи (2) хати қачи тартиби дуҷуми намуди зерин мебошад:

$$f(x y) = ax^2 + 2bxy + cy^2 = m,$$

ки дар ин ҷо $a b c$ тададҳои бутун мебошанд. Аз [6] маълум аст, ки назарияи тасвирҳои ададҳо дар намуди шаклҳои бинарӣ (яъне шаклҳои дорои ду тағйирёбанда) аз ҷигунагии худ ин шакл вобаста аст:

- I. квадрати пурра будани дискриминанти $b^2 - ac$;
- II. адади манфӣ будани дискриминант;
- III. дискриминант адади мусбат аст, вале квадрати пурра нест.

Вобаста аз ин ҳолатҳо, хосиятҳо ва усулҳои таҳлили шаклҳо фарқ мекунад.

Намунаи маъмули масъалаи аввал ин баррасии нуқтаҳои бутун дар гиперболаи баробарпахлӯй (равнобочная гипербола) $m = xy$ (4) мебошад.

Табиист, ки бо дида баромадани фақат ададҳои натуралии m ва як шоҳаи $y \geq 0$ -и гипербола маҳдуд шудан мумкин аст. Миқдори нуқтаҳои бутун дар ин шоҳаи гипербола ба $\tau(m)$ – миқдори тақсимкунандаҳои натуралии m баробар аст:

$$\tau(m) = (\alpha_1 + 1)(\alpha_2 + 1) \cdots (\alpha_s + 1), m = p_1^{\alpha_1} p_2^{\alpha_2} \cdots p_s^{\alpha_s}.$$

Микдори нуқтаҳои бутун дар гиперболаи (2) вобаста ба ҷудокунии каноникии адади m хеле фарқ мекунад (масалан, агар m адади сода бошад, пас дар шохаи $y \geq 0$ -и гипербола фақат ду нуқтаи бутун вучуд дорад), бинобар ин, дар масъалаи тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар гиперболаҳои баробарпахлӯ муайян карда мешавад, ки кадом пайдарпаии қиматҳои m баррасӣ мегардад.

Тавре зикр гардид, хусусияти масъала ва усули ҳалли он аз интиҳоби соҳаи D вобаста мебошад. Ин ҳолат дар мисоли муодилаи (4) равшан дида мешавад. Масалан, дар масъалаи тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар камонҳои дарози гиперболаҳои баробарпахлӯ масъала бо усули содатар ҳал мешавад. Ин дар ду теоремаи зерини Ғ. Бобоев ба хубӣ дида мешавад.

Теоремаи 1 [3, 24]. Бигзор $\frac{1}{2} < \omega < 1$, ω – адади қайдкардашуда,

$$m = p_1^{\alpha_1} p_2^{\alpha_2}$$

p_1, p_2 – ададҳои содаи қайдкардашуда, α_1, α_2 – ададҳои бутуни мусбат,

$$\alpha_1 \rightarrow \infty, \alpha_2 \rightarrow \infty, \eta > 0, \alpha_1 < \omega' \frac{\log m}{\log p_1},$$

$$\alpha_2 < \omega' \frac{\log m}{\log p_2}, \eta \rightarrow 0, \frac{1}{2} < \omega' < \omega < 1,$$

ω' – адади қайдкардашуда бошад. Бигзор $I_{m\eta}$ – миқдори нуқтаҳои бутуни (x, y) бошад, ки дар гиперболаи (4) меҳобанд ва барои онҳо шарти

$$|\log y - \omega \log m| \leq \eta \log m$$

иҷро мешавад. Он гоҳ формулаи асимптотики зерин ҷой дорад:

$$I_{m\eta} = \frac{2(1 - \omega)\eta(\log m)^2}{\log p_1 \log p_2} + O(\log m),$$

Теоремаи 2 [3, 28]. Бигзор $m = p_1^{\alpha_1} p_2^{\alpha_2}$, α_1, α_2 – ададҳои натуралӣ, $\alpha_1 \rightarrow \infty$, $\alpha_2 \rightarrow \infty$, p_1, p_2 – ададҳои содаи гуногуни қайдкардашуда, u – адади ҳақиқӣ, $u \rightarrow \infty$, $u \leq \min(\alpha_1 \log p_1, \alpha_2 \log p_2)$,

α, β – ададҳои ҳақиқии қайдкардашуда ва $0 < \alpha < \beta \leq 1$ бошад. Он гоҳ барои $T(u, \alpha, \beta)$ – миқдори нуқтаҳои бутуни (x, y) дар гиперболаи (4), ки барои онҳо шарти

$$\alpha u \leq \log y \leq \beta u$$

иҷро мешавад, баробарии зерин ҷой дорад:

$$T(u, \alpha, \beta) = \frac{(\beta^2 - \alpha^2)u^2}{2 \log p_1 \log p_2} + O(u),$$

Аммо дар масъалаи тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар камонҳои кӯтоҳи гиперболаҳои баробарпахлӯ, бо ҳамон шартҳои барои m додашуда, вале бо интиҳоби соҳаи дигари D , ҳалли масъала заҳмати зиёдро талаб менамояд. Ғ.Б. Бобоев омӯзиши ин масъаларо бо роҳи истифода бурдани аппарати аналитикии аз тарафи Б. И. Сегал [7] ташаккулдодашуда анҷом додааст, ки он дар шакли теоремаи зерин ифода меёбад.

Теорема [3, 31]. Бигзор $\varepsilon > 0$ – адади қайдкардашуда, $\frac{1}{2} < \omega < 1$, ω – доимӣ, $m = p_1^{\alpha_1} p_2^{\alpha_2}$ – ададҳои содаи қайдкардашуда, α_1, α_2 – ададҳои натуралӣ, $\alpha_1 \rightarrow \infty, \alpha_2 \rightarrow \infty$,

$$\alpha_1 < \omega' \frac{\log m}{\log p_1}, \alpha_2 < \omega' \frac{\log m}{\log p_2}, \frac{1}{2} < \omega' < \omega < 1,$$

ω' – адади қайдкардашуда ва

$$\Delta_1 = e^{-(\log \log m)^{\frac{1}{2}-\varepsilon}}$$

бошад. Он гоҳ барои миқдори нуқтаҳои бутуни (x, y) , ки дар гиперболаи (4) меҳобанд ва барои онҳо шарти

$$|\log y - \omega \log m| \leq \Delta_1$$

иҷро мешавад, формулаи асимптотики зерин ҷой дорад:

$$I_m = \left(\frac{2\Delta_1(1-\omega) \log m}{\log p_1 \log p_2} \right) + O \left(e^{-(\log \log m)^{\frac{1}{2}-\varepsilon_0}} \log m \right),$$

ки дар ин ҷо $0 < \varepsilon_0 < \varepsilon$ адади қайдкардашуда мебошад.

Дар методи исботи ин теорема тасвири функсияи характеристикӣ тавассути интегралҳои Фурье истифода гардида, исбот ба теоремаи А. О. Гелфонд [8, 217] доир ба баҳои поёнии шакли бутуни хаттӣ аз ду логарифми натуралии ададҳои алгебравӣ таъяс мекунад. Ин натиҷа ба таҳлили хеле амиқи тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар сатҳҳои алгебравӣ дахл дошта, саҳми муҳим дар ин соҳа маҳсуб мегардад.

Ҳангоми баррасии масъалаи тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар хати қасри тартиби дуюм дар ҳолати II, яъне вақте ки дискриминант $d = b^2 - 4ac < 0$ аст, ҳолати «нохушоянди» зерин ба вуҷуд меояд: натиҷаҳо ба системаи пурраи шаклҳои ғайриэквиваленти дорои муайянкунандаи додашудаи d дахл доранд, вале дар бораи шакли додашуда чизе гуфтан мумкин аст, агар он дар синф ягона бошад (муфравияти шакл метавонад аз байн равад).

Тартиби шакли муайянкунандааш манфӣ ($d < 0$) гуфта, маҷмуи шаклҳоеро меноманд, ки дар онҳо бузургии $d = b^2 - 4ac$, $\sigma = (a, b, c)^1$ якхела буда, коэффитсиенти яқум $a > 0$ аст. Дар ин ҳолат F. Бобоев тартиби соф решагӣ ($\sigma = 1$) ё тартиби соф решагӣ набуда ($\sigma = 2, d \equiv 1 \pmod{4}$)-ро дида мебарояд.

Теорема [3, 8]. Бигзор шаклҳои мусбати тартиби соф решагӣ ё соф решагӣ набудаи муайянкунандаи додашудаи d ифодаи шуда бошад ва адади натуралии m тобегӣ шарти зерин бошад:

$$(m, 4d) = \sigma = \begin{cases} 1, & \text{агар тартиби соф решагӣ бошад,} \\ 2, & \text{агар тартиби соф решагӣ набошад.} \end{cases}$$

Миқдори тасвирҳои адади m дар намуди системаи шаклҳои ғайриэквивалентии тартиби додашуда ба

$$\chi \sum_{\delta \mid m} \sum_{\delta \text{--адади ток}} \left(\frac{d}{\delta} \right)$$

ки дар ин ҷо

¹ $(a, b, c) = \text{КТУ}(a, b, c)$.

$$\chi = \begin{cases} 4, & d = -1, \\ 6, & d = -3, \quad \sigma = 2, \\ 2, & d = -3, \quad \sigma = 1, \end{cases}$$

инчунин $|d| > 3$ аст. Суммаи $\sum_{\delta \setminus m} \delta$ -адади тоқ $\left(\frac{d}{\delta}\right)$ функсияи мултипликативӣ аз m мебошад.

Дар ҳолати $d < 0$ будан, яъне вақте ки дискриминант $d = b^2 - 4ac < 0$ аст, хати қачи $m = ax^2 + 2bxy + cy^2$ эллипс мебошад. Бо дарназардошти ҳолати «нохушоянди» зикргардида, Ғафур Бобоев масъалаи тақсимшавии нуқтаҳои бутунро дар системаи эллипсҳои ғайриэквивалент ҳал намуд. Доир ба тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар як эллипс маълумот ҳосил мегардад, агар майдони $R(\sqrt{d})$ (R – майдони ададҳои ратсионалӣ) яксинфа бошад. Дар ин ҳолат, теоремаи умумие, ки ӯ пешниҳод кард, дар намуди зерин баён гардидааст.

Барои $r(m)$ – миқдори тасвирҳои адади m дар намуди суммаи дуто квадрат баробарии зерин ҷой дорад:

$$r(m) = 4 \sum_{\substack{d \\ \frac{d}{m}, d\text{-адади тоқ}}} (-1)^{\frac{d-1}{2}}.$$

Бигзор $\omega = \omega(a, b)$ кунчи байни ду нури аз ибтидои координатаҳо бароянда ва ба тири абтсиссаҳо таҳти кунчи a ва b моилбуда бошад ва шартҳои $0 \leq a < b < 2\pi$, $\omega = b - a$ иҷро шавад. Ба воситаи $T = T(m, \omega(a, b))$ миқдори нуқтаҳои бутуни давраи $m = x^2 + y^2$, ки дар дохили кунчи $\omega = \omega(a, b)$ меҳобанд, ишора мекунем.

Теорема [3]. Бигзор дар ҷудокунии каноникии адади m , яъне

$$m = p_1^{\alpha_1} \dots p_s^{\alpha_s}$$

танҳо ададҳои содаи намуди $4k + 1$ дохил шаванд. Агар ҳангом $m \rightarrow \infty$,

$$\frac{\log(p_1 \dots p_s)}{\log r(m)} \rightarrow 0$$

он гоҳ

$$T(m, \omega(a, b)) = \frac{1}{2\pi} \omega r(m) + O\left(r(m) \sqrt{\frac{\log(p_1 \dots p_s)}{\log r(m)}}\right),$$

Дар исботи ин теорема характерҳои Гекке [9], [10] истифода бурда мешавад.

Агар ададҳои содаи $p_1 \dots p_s$, ки дар ҷудокунии адади m дохил мешаванд, қайдкардашуда бошанд, он гоҳ натиҷа қавитар мегардад:

Теорема [3, 9]. Адади натуралии m -и намуди

$$m = p_1^{\alpha_1} \dots p_s^{\alpha_s}$$

ро, ки $p_1 \dots p_s$ ададҳои содаи қайдкардашудаи намуди $4k + 1$ мебошанд, дида мебароем. Барои дилхоҳ адади қайдкардашудаи $\delta > 0$ формулаи асимптотики зерин дуруст аст:

$$T(m, \omega(a, b)) = \frac{1}{2\pi} \omega r(m) + O\left(r(m) \exp\left(-\frac{1}{2} \left(\frac{1}{2s} \log r(m)\right)^{\frac{1}{2+\delta}}\right)\right),$$

Дар ҳолате, ки дискриминант $d > 0$ буда, он квадрати пурра нест, яъне дар ҳолати III, миқдори нуқтаҳои бутун дар хати қатъ мумкин аст беохир бошад.

Дар ин ҳолат, дар таърифи тартиби шакл шартӣ мусбат будани коэффитсиенти якум партофта шуда, бо ёрии t ва u ҳалли мусбати хурдтарини муодилаи Пелл, яъне $t^2 - du^2 = \sigma^2$ ишора карда мешавад.

Дар ин ҷо низ, дар асоси вазъияти «нохушоянди» зикргардида, масъалаи тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар системаи гиперболаҳои ғайриэквивалентӣ ҳал карда мешавад.

Бигзор d – адади натуралӣ, $d \equiv 2, 3 \pmod{4}$ ва майдони $R(\sqrt{d})$ яқсинфа бошад. Бигзор ε – воҳиди ададҳои бутуни майдони $R(\sqrt{d})$ бо норми $+1$ бошад, ки дилхоҳ воҳиди дорои норми $+1$ намуди $\pm \varepsilon^m$ -ро дорад, ки дар ин ҷо m адади ратсионалии бутун аст. Чунин шуморидан мумкин аст, ки $\varepsilon > 1$ мебошад. Кунчи байни нури аз ибтидои координатаҳо бароянда ва тири абсцитсаҳо

$$y = \frac{\varepsilon^2 - 1}{(\varepsilon^2 + 1)\sqrt{d}}x, x \geq 0$$

-ро бо φ ишора мекунем. Бигзор $\omega = \omega(a, b)$ кунчи байни ду нури аз ибтидои координатаҳо бароянда ва ба тири абсцитсаҳо таҳти кунчи a ва b моилбуда бошад, ки зимнан шартҳои $a < b$, $\omega = b - a$, $0 \leq a < b < \operatorname{arctg} \frac{\varepsilon^2 - 1}{(\varepsilon^2 + 1)\sqrt{d}} = \varphi$ иҷро мешавад. Бигзор $\left(\frac{q}{p}\right)$ симболи Лежандр бошад. Теоремаи зерин ҷой дорад.

Теорема [3, 79]. Бигзор $m = p_1^{\beta_1} \dots p_s^{\beta_s}$ – ҷудокунӣи каноникӣи адади m ба зарбкунандаҳои сода, $\left(\frac{d}{p_t}\right) = +1$, ҳангоми $t = 1 \dots s$ будан ва r миқдори ҳамаи нуқтаҳои бутун дар гиперболаи $x^2 - dy^2 = m$ бошад, ки дар дохили кунчи φ меҳобанд. Бигзор

$$u = \frac{(1 - \sqrt{d}tga)(1 + \sqrt{d}tgb)}{(1 - \sqrt{d}tgb)(1 + \sqrt{d}tga)},$$

$$\Delta = \sqrt{\frac{\log(\varepsilon^{3s} p_1 \dots p_s)}{\log r - s \log(\varepsilon \log \varepsilon)}},$$

ва $T = T(m, \omega)$ миқдори нуқтаҳои бутун дар гиперболаи $x^2 - dy^2 = m$ бошад, ки дар дохили кунчи $\omega = \omega(a, b)$ меҳобанд. Он гоҳ, агар $\Delta \rightarrow 0$ (ҳангоми $m \rightarrow \infty$), пас

$$T(m, \omega) = \frac{r \log u}{2 \log \varepsilon} + O(r_\Delta).$$

Ғафур Бобоевич инчунин дар масъалаҳои тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар баъзе сатҳҳои тартиби сеюм, умумисозиҳои леммаи Зигел барои майдонҳои тартиби олий, теоремаи Дирихле дар бораи зичии идеалҳо, тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар системаи сатҳҳои нормии дараҷаи n -ум, ки ба майдонҳои ҳақиқӣ ва ғайриҳақиқӣ мувофиқанд, тақсимшавии нуқтаҳои бутун дар конусҳои умумикардашуда, формулаҳои асимптотикии ба тақсимкунандаҳои бисёрраъзогиҳо алоқаманд, идеалҳои примитивӣ ва ададҳои бутун дар конусҳо ва ғайраҳо ба

натичаҳои назаррас ноил гардидааст, ки аз ҷониби ҷомеаи илмӣ эътироф гардидаанд.

АДАБИЁТ

1. Исмаев, С.Н. Формирование и развитие теории чисел в Таджикистане / С.Н. Исмаев // Вестник Таджикского национального университета, 2023. – № 4. – С. 33 – 42.
2. Бабаев, Г. Замечание к работе Дэвенпорта и Хейльброна / Г. Бабаев // Успехи математических наук, 1958. – Т. 13. – Вып. 6(84). – С. 63 – 64.
3. Бабаев, Г. Распределение целых точек на алгебраических поверхностях / Г. Бабаев. – Душанбе: Полиграфкомбинат, 1966. – 280 с.
4. Исмаев, С.Н. Гафур Бабаев – основоположник теории чисел в Таджикистане / С. Н. Исмаев // В сборнике: Современные проблемы математики, механики и информатики. Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной «Двадцатилетию изучения и развития естественных, точных и математических наук в сфере науки и образования» и 80-летию со дня рождения профессора Боймурода Алиева. – Душанбе, 2025. – С. 362 – 364.
5. Борович, З. И., Шафаревич, И.Р. Теория чисел / З.И. Борович, И.Р. Шафаревич. – М. – 1964 г.
6. Венков, Б.А. Элементарная теория чисел / Б. А. Венков. – М. – 1937 г.
7. Сегал, Б.И. О целых числах с каноническим разложением определенного вида / Б. И. Сегал // Известия АН СССР, сер. матем, 1939. – № 5-6. – С. 519 – 536.
8. Гельфонд, А.О. Трансцендентные и алгебраические числа / А.О Гельфонд. – М. 1952 г.
9. Hecke, E. Eine neue Art von Zetafunktionen und ihre Beziehungen zur Verteilung der Primzahlen / E. Hecke // Math. Zeitschrift, 1918. – Band 1. – S. 357 – 376.
10. Hecke, E. Eine neue Art von Zetafunktionen und ihre Beziehungen zur Verteilung der Primzahlen / E. Hecke // Math. Zeitschrift, 1920. – Band 6. – S. 11 – 51.

ГАФУР БОБОВ – АСОСУЗОРИ НАЗАРИЯИ АДАДҲО ДАР ТОҶИКИСТОН

Гафур Бобов асосгузори назарияи ададҳо дар Тоҷикистон дар тӯли фаъолияти илмӣ ва педагогӣ дар рушди илми математика нақши муҳимро бозидааст. Дар мақола ҳаёт ва фаъолияти илмии мавсуф, ки дар таҳқиқоти самти назарияи ададҳо ва алгебра қору пешрафтҳои беназиреро ба вуҷуд овардааст, баррасӣ мегардад. Ӯ дар омӯзиши муодилаҳои диофантӣ, тақсимишавии ададҳои бутун дар сатҳҳои мухталиф ва дигар бахшҳои назарияи ададҳо ба натиҷаҳои илмии назаррас даст ёфтааст.

Мавсуф бо таъсиси мактаби назарияҳои ададҳо дар Тоҷикистон, низоми муассисаҳои таълимӣ ва илмии ин самт саҳми ниҳоят муҳим гузоштааст. Бо ишора ба фаъолияти илмӣ ва ташкили мактаби илмии номбурда нишон дода шудааст, ки ҷӣ гуна як шахсияти фидоии илм бо меҳнати шабонарӯзӣ тавонист заминаи бозғамии рушди илмии назарияи ададҳо дар кишвар гузорад.

Калидвожаҳо: *Гафур Бобов, назарияи ададҳо, муодилаҳои диофантӣ, алгебра, нуқтаҳои бутун, тақсимишавии нуқтаҳои бутун, сатҳи алгебравӣ.*

ГАФУР БАБАЕВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК ТЕОРИИ ЧИСЕЛ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Гафур Бабаев, основоположник теории чисел в Таджикистане, сыграл важную роль в развитии математики в ходе своей научной и педагогической деятельности. В статье рассматриваются жизнь и научная деятельность Г. Бабаева, который внёс уникальный вклад в исследования в области теории чисел и алгебры. Он достиг значительных научных результатов в изучении диофантовых уравнений, делимости целых чисел на различных поверхностях и других разделах теории чисел.

Г. Бабаев, основав школу теории чисел в Таджикистане, внёс чрезвычайно важный вклад в развитие системы образовательных и научных учреждений в этой области. Ссылаясь на его научную деятельность и создание научной школы, показано, как преданный науке человек,

благодаря круглосуточному труду, сумел заложить надёжную основу для научного развития теории чисел в стране.

Ключевые слова: Гафур Бабаев, теория чисел, диофантовые уравнения, алгебра, целые точки, распределение целых точек, алгебраическая поверхность.

GHAFUR BABAEV – FOUNDER OF THE THEORY OF NUMBERS IN TAJIKISTAN

Ghafur Babaev, the founder of number theory in Tajikistan, played a significant role in the development of mathematics through his scientific and pedagogical activities. The article examines the life and scientific work of G. Babaev, who made a unique contribution to research in the fields of number theory and algebra. He achieved notable scientific results in the study of Diophantine equations, the divisibility of integers on various surfaces, and other branches of number theory.

By establishing a school of number theory in Tajikistan, G. Babaev made an extremely important contribution to the development of the country's educational and scientific institutions in this field. Referring to his scientific work and the creation of a scientific school, the article demonstrates how a devoted scholar, through tireless efforts, managed to lay a solid foundation for the scientific advancement of number theory in the country.

Keywords: *Ghafur Babaev, number theory, Diophantine equations, algebra, integral points, distribution of integral points, algebraic surface.*

Сведения об авторе: Исмамов Сайфулло Нейматович-кандидат физико-математических наук, доцент кафедры методики преподавания математики и геометрии Таджикский национальный университет. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17. Телефон: (+992) 904-409-200, (+992) 93-567-78-52. E-mail: saifullo@mail.ru

Information about the author: Ismatov Sayfullo Nematovich - candidate of physical and mathematical sciences, associate professor of the department of methods of teaching mathematics and geometry Tajik National University. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 17. Phone: (+992) 904-409-200, (+992) 93-567-78-52. E-mail: saifullo@mail.ru

УДК 52(575)"1924/1991": 001.89

НИГОҶЕ БА ТАЪРИХИ ИЛМИ СИТОРАШИНОСӢ ДАР ТОҶИКИСТОНИ ШУРАВӢ¹

БОБОЕВ Х.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Яке аз муассисаҳои аввалини илмие, ки дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон сохта шуд, ин Расадхонаи астрономии ҷумҳуриявӣ буд. Андешаи кушодани чунин расадхона ҳанӯз солҳои 1930 баъди ташкили экспедитсияи астрономии Расадхонаи Донишгоҳи давлатии Ленинград, ки дар қаторкӯҳҳои Дарвоз мушоҳидаҳои илмии аввалинро мегузаронид, ба амал омада буд [6, 69].

Тирамоҳи соли 1932 ба шаҳри Сталинобод (Душанбе) экспедитсияи Донишгоҳи давлатии Ленинград (ҳоло шаҳри Санкт - Петербург) дар ҳайати директори расадхона, профессор Натансон С. Г., ходими калони илмии Расадхонаи

¹ Мақола дар асоси лонҳаи «Таърихи илм ва техникаи халқи тоҷик аз даврани қадим то замони ҳозира», рақами қайди давлатӣ 0121ТJ1273 навишта шудааст.

асосии астрономии Пулково - Б. В. Окунев ва ходими илмӣ Д. О. Махнач бо васоили мушоҳидавӣ ба Сталинобод омада буданд.

Баъди таҳқиқи ҳолати шаффофӣ ва атмосфераи атрофи Сталинобод олимон ба ҳулосаи ниҳонии меоянд, ки шароити мавзеи Сталинобод барои таъсис додани расадхона мувофиқ мебошад.

Ҳамин тавр, 3-юми ноябри соли 1932 профессор Натансон С. Г. дар маҷлиси ҳукумати Шурои Комиссариати Халқии РСС Тоҷикистон гузориш дода, зарурияти дар шаҳри Сталинобод ташкил намудани Расадхонаи астрономиро ба миён гузошт [8, 87].

Ин пешниҳоди олими маъруфи соҳаи илми ситорашиносӣ дастгирии ҷамаҷонибаи худро ёфт ва 13-уми ноябри соли 1932 Шурои Комиссариати Халқии РСС Тоҷикистон дар бораи таъсиси Расадхонаи миллии астрономии Тоҷикистон қарор қабул намуд. Мувофиқи ин қарор, оғози кори сохтмони расадхона дар шаҳри Сталинобод соли 1933 муайян гардид. Дар қарори мазкур инчунин доир ба таъмини таҷҳизоти асосии расадхона: рефрактор - астрографи 10 дюма, рефрактори 5-дюмаи Тсейсса ва омода кардани рӯйпӯши расадхона дар шаҳри Ленинград (ҳоло Санкт – Петербург) таъкид гардида буд [7, 85].

Бояд ба некӣ зикр намуд, ки кӯмаку дастгирии беғаразонаи профессор Натансон С. Г. дар бунёд ва рушди илми ситорашиносии тоҷик бениҳоят калон мебошад. Маҳз бо пешниҳоди мавсуф ба Расадхонаи Тоҷикистон васоили мушоҳидавӣ, коркарди техникӣ ва дигар лавозимоти илмӣ - техникӣ аз шаҳри Ленинград оварда шуд.

Директори аввалини Расадхонаи илмии Тоҷикистон, профессор И. С. Астапович, ки дар соҳаи омӯзиши шиҳобҳо (метеорҳо) олими машҳур буд, таъйин гардид. Вай қорҳои зарурро анҷом дода, ба мушоҳида ва таҳқиқи шиҳобҳо ва рӯшноии зодиакалӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон асос гузошт. Лекин бо сабаби зарурати илмӣ вай аз Тоҷикистон рафт. Директори расадхонаи мазкур профессор В. П. Тсесевич таъйин гардид. Таҳти роҳбарии бевоситаи ин олим мушоҳидаи ситораҳои тағйирёбанда дар расадхона ташкил карда шуд, ки дар оянда ба комёбиҳои беназир соҳиб гашт.

Барои интишори қорҳо, дастовардҳои илмӣ ва самаранокии ҳамкориҳои илмӣ - таҳқиқотӣ бояд маҷаллаи махсус нашр мешуд. Соли 1934 нахустин маҷаллаи «Тсиркуляри Расадхонаи астрономии Тоҷикистон» чоп гардид, ки дар он мақолаҳо ва маълумоти таъҷилий оид ба қирмҳо ва ҳодисаҳои осмонӣ гирд оварда шуданд. Соли 1935 бори аввал маҷмуи асарҳои илмӣ - таҳқиқотии олимони ин паҷуҳишгоҳ (Труды астрономической обсерватории) аз чоп баромад. Ҳамин тариқ, ба воситаи ин ду нашрия комёбиҳои мунаҷҷимони Тоҷикистон дастраси хонандагон гардид [8, 99].

Дар ҳамон солҳо директори Расадхонаи астрономии Тоҷикистон, профессор В. П. Тсесевич даъватномаи махсусро барои ширкат дар Анҷумани Иттиҳоди байналмилалӣ астрономҳои ҷаҳон, ки дар шаҳри Париж барпо мегардид, гирифт. Ҳамин тариқ, то солҳои 40 - ум дар маълумотномаи солонаи илмии Англия ва Амрико оид ба кори Расадхонаи Тоҷикистон хабарҳои алоҳида пайдо шуданд.

4 августи соли 1936 директори расадхона В. П. Тсесевич оид ба кашфи ситораи наве дар Расадхона ба Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон хабар дод. Баъди

таҳлили ин натиҷа дар Расадхонаи асосии давлати Шуравӣ (Пулково) исбот гашт, ки кашфиёти олимони Расадхонаи астрономии Тоҷикистон ҳақиқӣ будааст ва дар бораи ин кашфиёт дар маҷаллаи Олмонии «Ахборҳои астрономӣ» мақола нашр гардид [6,71].

Аввалин корҳои илмӣ - таҳқиқоти олимони Тоҷикистон дар соҳаи илми ситорашиносӣ таҳти сарвари В. П. Тсесеевич таваҷҷуҳи муҳаққиқони дигар кишварҳои ба мо дӯстро низ ҷалб кард ва онҳо барои мушоҳидаҳои астрономӣ ба Тоҷикистон сафар менамуданд.

Яке аз шахсиятҳои дигаре, ки аз солҳои аввали таъсиси Расадхонаи астрономии Тоҷикистон заҳмати зиёди илмӣ кашида, комёбиҳои беназирро соҳиб гаштааст, муҳаққиқи ситораҳои тағйирёбанда, Ходими шоистаи илми Тоҷикистон А. В. Соловёв мебошад.

Дар солҳои 1947 - 1959 таҳти роҳбарии мавсуф Расадхонаи астрономии Тоҷикистон ба комёбиҳои баланд ноил гардид.

Таҳқиқоти илмӣ дар Расадхонаи астрономии Тоҷикистон солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ (1941-1945) низ идома дошт. Дар ин солҳои мудҳиш бисёре аз олимони ҷумҳуриҳои ҷангзадаи Белоруссия, Украина, Россия ва назди Балтика ба ҷануби кишвар кӯчонида шуда, дар пешрафту инкишофи илмҳои мухталиф ба мардуми Осиеи Миёна хизмати шоистае намудаанд. Дар давраҳои баъди ҷангӣ фаъолияти Расадхонаи астрономии Тоҷикистон оҳиста - оҳиста ба мароми муайян даромад. Устохонаи механикии дақиқ (сахёҳ) ба таъмири асбобҳои мушоҳидавӣ шуруъ намуд.

Дар охири соли 1947 наشري «Сиркулярҳо» ва «Заҳматҳои илмӣ», ки наشري онҳо дар солҳои ҷанг қатъ гашта буд, аз нав ба фаъолият шуруъ намуданд [6,72].

Дар он солҳо самтҳои асосии фаъолияти илмии Расадхонаи астрономии Тоҷикистон аз таҳқиқи ситораҳои тағйирёбанда, физикаи кометаҳо, шихобҳо ва омӯзиши атмосфераи атрофи Сталинобод иборат буд. Ин таҳқиқотро шубҳаҳои ситораҳои тағйирёбанда ва аксбардории ситораҳо, шихобҳо ва кометаҳо (ситораҳои думдор) анҷом меод.

Дар тӯли 8 - соли таҳқиқот (1940-1949) кормандони Расадхонаи астрономӣ ҳолати зиёда аз 280 ситораро омӯхтанд, ки доир ба 72 - тои он бори нахуст маълумот ба даст оварда шуд [6,73].

Таҳти роҳбарии А. В. Соловёв ва О. В. Добровольский дар расадхона таҳқиқоти навини соҳаи ситораҳои тағйирёбанда, шихобҳо ва кометаҳо низ вусъат меёфт.

Мушоҳидаи изи дурахшони шихобҳо ҳанӯз солҳои 1934 шуруъ гардида, аз соли 1937 бошад, мунаҷҷим А. М. Бахареv ба таҳқиқ ва мушоҳидаи телескопии шихобҳо оғоз намуд. Дар натиҷаи омӯзишу таҳқиқот таҳти роҳбарии Бахареv А. М. ва Добровольский О. В. кормандони Расадхонаи астрономӣ муайян карданд, ки шихобҳо дар баландии 80 - 120 км афрӯхта шуда, дар баландии 71, 2 км хомӯш мешаванд [5,16].

Умуман, дар соҳаи таҳқиқи ҷирмҳо ва ҳодисаҳои осмонӣ Расадхонаҳои астрономии Тоҷикистон ҳоло ҳам яке аз марказҳои асосии илмӣ мебошанд.

Соли 1948 Расадхонаи астрономии Тоҷикистон ба Расадхонаи астрономии Сталинобод табдили ном намуд. Баъди 10 соли он, яъне соли 1958 Расадхонаи

мазкур ба Институти (Пажухишгоҳи) астрофизикаи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон мубаддал гардид [12,199].

Аз соли 1947 то соли 1959 вазифаи директори расадхона ва директори пажухишгоҳ ба зиммаи А. В. Соловёв гузошта шуда буд. Дар ин солҳо бо ташаббуси ин олими машҳур базаи моддӣ - техникий расадхона таҳким ёфта, комёбиҳои илмӣ - таҳқиқотии олимон дар соҳаҳои гуногуни астрофизикаи муосир боиси таваҷҷуҳи ҷаҳониён гашт.

Олимони машҳур И. С. Астапович, П. В. Тсесевич, А. В. Соловев, О. В. Добровольский, П. Бобочонов ва дигарон дар самти бунёд ва инкишофи илми ситорашиносии Тоҷикистон саҳми босазои худро гузоштаанд.

Устод Пӯлод Бобочонов аз соли 1958 то соли 2022 мудирӣ Шӯбаи астрономияи шиҳобҳои Институти астрофизика буда, хангоми ба вазифаи директори Институти астрофизика аз соли 1959 то соли 1971 ба вазифаи ректори Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон таъйин гардидашам ҳам, робитаи устувори илмӣ хешро аз ин шӯба ва Институти астрофизикаи АМИТ қатъ накард. Мавсуф аз соли 1959 то соли 1971 вазифаи директори Институти астрофизикаи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистонро ба зимма дошта, дар пешрафт ва рушди ин илм саҳми босазои худро гузоштааст [1, 468-469].

Институти астрофизикаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон солҳои сарвари Пӯлод Бобочонов барои ба даст овардани комёбиҳои беназир дар инкишофи илми ситорашиносӣ ва омода кардани мутахассисони баландхаттисоси ин соҳа бо Ордени «Байрақи Сурхи Меҳнат» мушарраф гардид. Аз соли 1971 то соли 1982 Пӯлод Бобочонов вазифаи ректори Донишгоҳи давлатии Тоҷикистонро сарбаландона иҷро намуда, дар самти омода намудани мутахассисони соҳаҳои гуногуни илм, кишоварзӣ, маориф барои ҷомеа хизмати босазое намудааст.

Аз соли 1966 Пӯлод Бобочонов узви вобаста ва аз соли 1973 инҷониб узви пайвастаи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон буд. Барои хизматҳои шоён дар инкишофи илми ситорашиносӣ Пӯлод Бобочонов бо ордени «Байрақи Сурхи Меҳнат», ду ордени «Нишони Фахрӣ» ва якчанд медалҳо ва ҷоизаҳои Иттифоқи Шӯравӣ ва Ҷумҳурии Тоҷикистон мушарраф гардидааст.

Соли 1977 олим ба гирифтани Ҷоизаи давлатии Тоҷикистон ба номи Абуалӣ ибни Сино сазовор гардид. Соли 2010 барои дастовардҳои илмӣ, педагогӣ ва омода намудани мутахассисони варзида ба ӯ Ҷоизаи «Ситораи иттиҳод»-и ИДМ (Иттиҳоди Давлатҳои Муштаракулманофеъ) дода шуд [5, 28-29].

Тавре ки зикр шуд, яке аз марказҳои асосии таҳқиқоти ҷирмҳои осмонӣ ва ҳодисаҳои кайҳонӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ин Пажухишгоҳи илмӣ - таҳқиқотии астрофизикаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон мебошад. Ин маркази илмӣ ҳоло зиёда аз 50 нафар кормандони илмӣ - техникӣ гирд оварда, дар бахшҳои зерин таҳқиқот мебарад:

1. Ҷисмҳои хурди низоми офтобӣ (физика ва динамикаи кометаҳо, астероидҳо ва шиҳобҳо).
2. Вобастагии ҳодисаҳои офтобӣ - заминӣ (физикаи қабатҳои болои атмосфера).
3. Астрометрияи фундаменталӣ (бунёди, асил) ва амалӣ.
4. Ситораҳои тағйирёбанда ва ғайрисокит.

5. Самт ва динамикаи галактикаҳо.

Барои гузаронидани мушоҳида ва таҳқиқоти илмӣ ба ихтиёри олимони ду расадхона (Ҳисор ва Санглох) воғузор гардида, Расадхонаи астрофизикии Ҳисор дар Осиёи Марказӣ яке аз калонтарин ва бонуфузтарин мебошад. Ин расадхона бо телескоп - рефлектори диаметри оинааш (обективаш) - 70 см, астрографи олмонии Тсейс – 40 см, таҷҳизоти астрономии баландсаҳеҳи – (БАУ), якчанд телескопҳои мушоҳидавӣ, камераҳои аксбардории тамғаи АФУ - 75, дидбони шиҳобҳо, радиотелескопҳои шиҳобӣ, асбобҳои ченкунандаи равшании чирмҳои осмонӣ, як қатор мошинаҳои электроникии ҳисобии муосир мучаҳҳаз карда шудааст [8, 258].

Вобаста ба самтҳои мухталифи таҳқиқотии зикргардида, озмоишгоҳҳои таҳқиқотӣ бо таҷҳизоти зарурии мушоҳидавӣ таъмин гардида, гурӯҳи калони кормандони пажӯҳишгоҳ таҳти сарвари Дороволский О., П. Бобочонов, Х. Ибоддинов, М. Махсумов, С. Ибодов ва дигарон ба омӯзиш ва таҳқиқи ҷисмҳои хурди низоми офтобӣ (кометаҳо, астероидҳо ва шиҳобҳо) машғул буданд.

Аз рӯйи барномаҳои байналмилалӣ таҳқиқӣ олимони тоҷик аксбардорӣ, таҳлили спектралӣ, мушоҳидаи телевизионӣ ва радиолокатиҳои шиҳобҳоро ба сомон расониданд, ки дар натиҷа ба маълумотномаҳо ва зичҳои (каталог) солони чирмҳои осмонӣ як қатор нишондодҳо ва дастовардҳои онҳо ворид гаштааст.

Бо усули аксбардории лаҳзавии шиҳобҳо, ки аввалин маротиба дар ҷаҳон дар Расадхонаи астрономии Ҳисор амалӣ гардида аст, аксҳои хеле ҳам равшани изи шиҳобҳоро гирифтаанд, ки дар таҳқиқи омӯзиш ин ҳодисаҳои осмонӣ аҳамияту қиммати беназирро доро мебошанд.

Усули расмгирӣ ва мушоҳидаи радиолокатиҳои якбораи шиҳобҳо низ аввалин бор дар Иттифоқи Шуравӣ дар Расадхонаи астрономии Институти астрофизикаи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон (ҳоло Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон) истифода гардида буд.

Дар натиҷаи омӯзиш ва таҳқиқи моддаҳои шиҳобӣ олимони пажӯҳишгоҳ назарияи тақсимшавии бефосилаи ҷисмҳои шиҳобиро таҳқиқ карданд, ки он дар физикаи ин соҳа навагонӣ мебошад. Олимони институти мазкур инчунин дар якҷоягӣ бо олимони Институти астрономии Академияи илмҳои Словакия ва Институти астрономии назариявии Академияи илмҳои Россия феҳристи (зич, каталог) мадори 126 кометҳои даври кӯтоҳи гардишдоштаре тартиб додаанд [8, 171].

Дар таҳқиқи ҳодисаҳои қабатҳои болои атмосфера олимони аз солҳои 60-ум инҷониб машғул мебошанд. Дар ин қор бахшҳои омӯзиши ионосфераи Замин, вобастагии ҳодисаҳои офтобӣ - заминӣ, ки ҳоло хеле зарур мебошанд, пайдо гаштанд.

Дар натиҷаи таҳқиқ ва омӯзиши табиати физикии Офтоб ва ҳодисаҳои бо он алоқаманди заминӣ ба як қатор дастовардҳои назаррасе мушарраф шуданд. Аз ҷумла, олимони институти мазкур маълум намуданд, ки ҳодисаи зилзила на танҳо дар қарри Замин таъсири худро мегузаронад, балки он боиси вайрон гардидани паҳншавии мавҷҳои электромагнитии дар ионосфера ва магнитосфераи атмосфераи Замин низ мегардад. Ин таҳқиқот имконияти медиҳанд, ки дар оянда наздик сабабҳои зилзила боз ҳам саҳеҳтар муайян карда шаванд.

Институти астрофизикаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон яке аз марказҳои асосии таҳқиқи омӯзиш ва мушоҳидаи ситораҳои думдор (кометаҳо)

низ мебошад. Дар ин самти таҳқиқоти чирмҳои осмонӣ олимони Тоҷикистон дар собиқ Иттиҳоди Шуравӣ ва ҷаҳони имрӯза мавқеи хоси худро нигоҳ доранд. Чунончи ба мунаҷҷими Тоҷикистонӣ Баҳарев А. М. муяссар гашт, ки соли 1955 кометаеро кашф намояд, ки ҳоло ба номи Баҳарев – Макфарлон - Кринке машҳур аст.

Дар Институти астрофизикаи АМИТ ва Расадхонаҳои астрономии Ҳисору Санглох солҳои зиёд аст, ки дар асоси барномаҳои байналхалқӣ мушоҳидаи кометаҳо гузаронида мешавад, ки он дар самти омӯзиши табиати физикию химиявии ин «меҳмонони ноҳонда»-и осмонӣ саҳифаҳои нав ба нав боз хоҳад кард.

Бояд зикр намуд, ки моҳи августи 1984 дар Иттифоқи Шуравӣ, нахустин маротиба расми кометаи Галлей, ки дар 76 сол як бор пайдо мегардад, гирифта шуд, ки дурахшони он ба 22,6 бузургии ситораӣ баробар буд. Ин расми ниҳоят нодирро дар Расадхонаи Санглох ба воситаи телескопи диаметраш якметраи системаи Ричи-Кретен (Тсейс) гирифта буданд.

Маълумоти мушоҳидавии кометаи Галлей ва нишондодҳои дастгоҳҳои кайҳонии «Вега-1», «Вега-2», «Джотто», ки дар солҳои 1984-1987 гузаронида шуда буданд, дар омӯзиши табиати ин чирмҳои осмонӣ равшаниҳои зиёде андохт [8, 183-184].

Дар самти таҳқиқи амалии кометаҳо Институти астрофизикаи АМИТ ба комёбиҳои беназир соҳиб гардида, озмоишгоҳи махсуси илмӣ - таҳқиқотӣ ташкил дода, бо омӯзиш ва таҳқиқи кометаҳо дар шароити озмоишгоҳӣ (лабораторӣ) низ машғул мебошанд. Дар натиҷаи дар шароити лабораторӣ омӯхтани кометаҳо, раванди бунёд ва вайронии сатҳҳои яҳини ядроии кометаҳо аз ҷиҳати назариявӣ таҳлил карда шуд. Ин таҳқиқоти назариявии сатҳи кометаҳои дар шароити лабораторӣ баррасӣ гардида, баъдтар исботи амалии худро дар таҳқиқи кометаи Галлей, ки соли 1986 тавассути дастгоҳҳои кайҳонии «Вега-1», «Вега-2» ва «Джотто» аз наздик дар ҳолатҳои табиӣ он омӯхта буданд, исботи илмӣ худро ёфтанд [10,8].

Масъалаҳои астрометрӣ (мушоҳида ва андозагирии чирмҳои осмонӣ, радифҳои маснуи замин ва ғайраҳо) дар Институти астрофизика яке аз бахшҳои асосӣ ба шумор меравад. Бо асбобҳои мушоҳидавии расадхонаҳои Ҳисору Санглох қисмҳои минтақаи ҷанубии осмон аз - 2 то 30 дараҷа аз рӯи майли ситораҳои осмони ситоразор аксбардорӣ шудааст. Маълумоти ба даст омада, имрӯз дар зичи (фехристи) ситораҳои осмонӣ дар қисми аз - 2 то -30 дараҷа вобаста ба майли ситораҳо ворид гашта, ҳамзамон дастраси мунаҷҷимони ҷаҳонӣ гардидаанд.

Ба воситаи асбоби саҳеҳи астрономии (БАУ), ки мушоҳида ва таҳқиқи радифҳои маснуи Замин гузаронида мешавад, як қатор маълумот оид ба ҳамсафарҳои сунъии Замин, ки вазифаҳои гуногуни хоҷагии халқро доранд, аз ҷумла барои барқарор намудани робитаи кайҳонӣ, пахши барномаҳои телевизионӣ, ҳамзамон муайян намудани вазъи боду ҳаво ва ғайраҳо ҷамъ гардидааст.

Дар самти омӯзиш ва таҳқиқи яке аз объектҳои аз ҳама зиёди осмон - ситораҳо бошад олимони институт ба дастовардҳои муҳими илмӣ ноил шуда, дар ин соҳа мавқеи хоси худро дар илми ҷаҳонӣ ишғол соҳибанд.

Дар тӯли фаъолият таҳқиқи мухталифи ситораҳо дар институт сабтхонаи махсус таҳти унвони «Хадамоти осмон», ки дар он 70 000 расму аксҳои осмони ситоразорро дар бар мегирад, таъсис дода шудааст.

Кормандони институт ва расадхона Н. Гурев соли 1936, А. Соловев соли 1952 ва В. Сотиволдиев соли 1963 дар бурҷҳои Тсефей, Ақраб ва Дуби Асгар (Скорпион ва Малая Медведица) ситораҳои навро кашф намуданд [7,108].

Дар натиҷаи таҳлили спектралӣ ситораҳо табиати физикӣ ва сохти дохилии онҳо мушаххас омӯхта шуда, кашфиёти нав ба нави ситораҳои дукуша ва тағйирёбанда имконпазир гардида истодааст. Баъди солҳои 80-ум бошад ба воситаи телескопи якметра (Санглох) таҳқиқи омӯзиши ситораҳо ва олами пурасрори онҳо боз ҳам комилтар ва амиқтар гардид. Ба воситаи ин телескоп якҷанд объектҳои дурахшонияшон хира, ситораҳои тағйирёбандаи дур таҳқиқ гардида, оид ба онҳо маълумоти муҳим ба даст оварда шуда, феҳристи зиёда аз 110 ситораҳои дуруст вобаста ба спектралӣ тартиб мураттаб гардид [10,13].

Дар институт доир ба масъалаҳои астрофизикаи назариявӣ, ки ба омӯзиш ва таҳқиқи пешгӯиҳои сохти коинот, олами галактикаҳо ва дигар ҷирмҳои осмонӣ вобаста аст, низ таҳқиқоти илмӣ бурда мешавад. Умуман имрӯз Институти астрофизикаи АМИТ ба яке аз марказҳои пешрафтаи таҳқиқи олами кайҳон ва осмони ситоразор табдил гаштааст. Бо назардошти таҳқиқи омӯзиши ҷирмҳои осмонӣ ва дастовардҳои муҳимми илмӣ дар ин соҳа аз ҷониби Иттиҳоди байналмилалӣ астрономӣ ба ду астероид (сайёраҳои хурд) номи Расадхонаи Ҳисор ва Тоҷикистон гузошта шуда, боз ба 8 астероид номҳои олимони Тоҷикистон П. Б. Бобочонов, А. М. Бахарев, О. В. Добровольский, Ибодинов Х. И., Киселёв Н. Н., Чернова Г., Герасименко ва Қоҳирова Г. абадӣ дода шудаанд.

Дар пешрафт, комёбиҳо ва инкишофи илми нучуми Тоҷикистон хизмати олимони: Астапович И. С., Абдуллозода Х., Бахарев А. М., П. Бобочонов, Гетман В. С., Добровольский О. В., Ибодинов Х. И., Ибодов С. И., Катасев Л. А., Киселев Н. Н., М. Ғуломов, Қоҳирова Г. И., Махсумов М. Н., Маъсумӣ Ф. Н., Мамадов О., Маҳмудов Н., Рубтсов Л. Н., Саидов Қ. Ҳ., Сотиволдиев В., Соловев А., Ҳошимов Н. М., Тсесевич П. ва дигарон хеле ҳам назаррас аст. Ҳамин тариқ, дар заминаи омӯзиш, таҳқиқ ва таҳлили натиҷаи дастовардҳо ва комёбиҳои олимони соҳаи астрономия дар давраҳои зикргардида, чунин хулосаҳоро метавон баён кард:

1. Бунёди аввалин Муассисаи илмӣ - таҳқиқотӣ - Расадхонаи астрономии Тоҷикистон солҳои 1932 - 1936 оғоз ёфтааст, ки заминаи нахустин мушоҳидаҳои астрономии осмони ситоразор, шиҳобҳо, рӯшноии зодиакалӣ, ситораҳои тағйирёбанда, кометаҳо ва астероидҳо махсус мешавад.

2. Заҳматҳои кормандони Расадхонаи астрономии Тоҷикистон ва Институти астрофизикаи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ба монанди Н. Гурев соли 1936, А. Соловев соли 1952, В. Сотиволдиев соли 1963 боиси дар бурҷҳои Сефей, Ақраб ва Дуби Асгар (Скорпион ва Малая Медведица) кашфи ситораҳои нав ва Бахарев А. М. соли 1955 натиҷаи кашфи кометани нави ба номи Бахарев - Макфарлон - Кринке гардида, муаррифии илми Тоҷикистонро дар арсаи байналмилалӣ таъмин намудаанд.

3. Нахустин маротиба моҳи августи 1984 дар Иттифоқи Шуравӣ дар Расадхонаи Санглох ба воситаи телескопии диаметраш якметраи системаи Ричи -

Кретен (Тсейс) расми кометаи Галлей, ки дар 76 сол як маротиба пайдо мегардад, гирифта шуд, ки дурахши он ба 22,6 бузургии ситораи баробар буд.

4. Аввалин маротиба дар ҷаҳон бо усули аксбардории лаҳзавии шиҳобҳо, ки дар Расадхонаи Ҳисор амалӣ гардида аст, аксҳои хеле ҳам возеҳу равшани изи шиҳобҳоро гирифтаанд, ки дар таҳқиқу омӯзиш ин ҳодисаҳои осмонӣ аҳаммияту қиммати беназирро доро мебошанд. Усули расмгирӣ ва мушоҳидаи радиолокатионии якбораи шиҳобҳо низ аввалин бор дар Иттифоқи Шуравӣ дар Расадхонаи Институти астрофизикаи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон истифода гардидааст.

5. Дар натиҷаи омӯзиш ва таҳқиқи моддаҳои шиҳобӣ олимони институт назарияи тақсимшавии бефосилаи ҷисмҳои шиҳобиро қор қарда баромаданд, ки он дар физикаи ин соҳа ҳарфи нав мебошад. Олимони институт инчунин дар якҷоягӣ бо олимони Институти астрономияи Академияи илмҳои Словакия ва Институти астрономияи назариявии Академияи илмҳои Россия Феҳристи (зиҷ, каталог) мадори 126 кометаи даври кӯтоҳи гардишдоштаро тартиб додаанд.

АДАБИЁТ

1. Энциклопедияи советии тоҷик. – Ҷ. 1. – Душанбе, 1978. – С. 468–469.
2. Абдуллозода, Х. Абулмуҳаммади Хучандӣ ва таърихи астрономияи халқи тоҷик / Х. Абдуллозода. – Хучанд, 2005. – 440 с.
3. Бабаджанов, П. Б. Метеоры и их наблюдение / П. Б. Бабаджанов. – М., 1987. – 192 с.
4. Бабаджанов, П. Б. Астрономия в эпоху Саманидов / П. Б. Бабаджанов // 1100-летие образования Государства Саманидов. – СПб., 1999. – С. 93–101.
5. П. Бабаджанов // Материалы к биобиблиографии ученых Таджикистана. – Вып. 95. – Душанбе, 2020. – 123 с.
6. Бобоев, Х. Дунёи нучум ва фарҳанги кайҳоншиносӣ / Х. Бобоев. – Душанбе, 2010. – 189 с.
7. Бобоев, Х. Из истории астрономической мысли таджикского народа / Х. Бобоев. – Рига, LV, 2018. – 138 с.
8. Бобоев, Х. Исторический опыт становления и развития астрономической науки в Республике Таджикистан (1924–1992 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / Х. Бобоев. – Душанбе, 2006. – 315 с.
9. Наврузов, Г. Формирование научного центра в Таджикистане (1924–1950 гг.) / Г. Наврузов. – Душанбе, 1992. – 312 с.
10. Институт астрофизики АН Республики Таджикистан. – Душанбе, 1993. – 16 с.
11. Локьер, Дж. Н. Рассвет астрономии / Дж. Н. Локьер. – М.: Наука, 2013. – 445 с.
12. Шагалов, Е. С. Наука в Таджикистане в период социалистического строительства / Е. С. Шагалов. – Душанбе, 1975. – 238 с.
13. Усмон, Ш., Хочазод, Т. Шиҳоби раҳшон / Ш. Усмон, Т. Хочазод. – Душанбе, 2010. – 267 с.

НИГОҲЕ БА ТАЪРИХИ ИЛМИ СИТОРАШИНОСӢ ДАР ТОҶИКИСТОНИ ШУРАВӢ

Дар мақолаи мазкур дар заминаи омӯзиш ва таҳлили маводи бойгонӣ ва илмӣ таърихи бунёд ва рушди илми ситорашиносӣ дар Тоҷикистони Шуравӣ инъикос ёфтааст. Муаллиф кӯшиш ба ҳарч додааст, ки иқдомҳои давлати навбунёди Иттиҳоди Шуравиро ҷиҳати барпо намудани яке аз аввалин муассисаҳои илмӣ - Расадхонаи астрономии Тоҷикистон ва дастовардҳои олимони нахустини онро возеҳу равшан нишон бидиҳад.

Аз натиҷаи таҳқиқу мушоҳидаҳои астрономӣ тавассути таҷҳизоти мавҷудбудаи расадхонаҳои Ҳисор ва Санглох оид ба табиати ситораҳо, сайёраҳо,

пиҳобҳо, кометаҳо, астероидҳо ва дигар ҳодисаҳои кайҳонӣ маълумоти илмӣ баён гардида, аз нуктаи назари таърихӣ баҳо дода шудааст.

Оид ба комёбиҳо ва кашфиёти илмӣ астрофизикони Тоҷикистон, ки шуҳрати ҷаҳонӣ пайдо намудаанд, маълумоту далелҳои зиёди илмӣ оварда шуда, аз тарафи Иттиҳоди байналмилалӣ астрономҳо номгузорӣ гардидани 8 адад астероидҳо ба номи олимони тоҷикистонӣ нишони ин эътибор мебошад. Дар бораи рушду нумӯи Институти астрофизикаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон ва дастовардҳои муносири илмӣ олимони он иброи назар шудааст.

Калидвожаҳо: *ташаққул, рушд, астрономия, расадхона, мушоҳида, илм, дониш, ситораҳо, сайёраҳо, коинот, олим, метеорҳо, кометаҳо, астероидҳо, астрофизика.*

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ АСТРОНОМИИ В СОВЕТСКОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

В статье на основе изучения и анализа архивных и научных материалов дается комплексный обзор истории становления и развития астрономии в Советском Таджикистане. Автор постарался наглядно показать государственные инициативы новообразованного Советского Союза по созданию одного из первых научных учреждений - астрономической обсерватории Таджикистана и достижения ее первых ученых.

В историческом контексте представлены и оценены научные данные о природе звезд, планет, метеоров, комет, астероидов и других космических явлений, основанные на результатах астрономических исследований и наблюдений с использованием имеющегося оборудования Гиссарской и Санглохской обсерваторий.

Приведены научные информации и доказательства о достижениях и научных открытиях таджикских астрофизиков, получивших мировую известность, свидетельством чего является тот факт, что Международным астрономическим союзом в честь таджикских ученых названы 8 астероидов. В статье, также рассматривается успехи Института астрофизики Национальной академии наук Таджикистана в исследовании космоса и научные достижения его ученых.

Ключевые слова: *становления, развитие, астрономия, обсерватория, наблюдение, наука, знание, звезды, планеты, Вселенная, ученые, метеоры, кометы, астероиды, астрофизика.*

A LOOK AT THE HISTORY OF ASTRONOMY IN SOVIET TAJIKISTAN

This article, based on the study and analysis of archival and scientific materials, comprehensively reflects the history of the creation and development of astronomy in Soviet Tajikistan. The author has made an effort to clearly and concisely demonstrate the state initiatives of the newly formed Soviet Union to establish one of the first scientific institutions - the Astronomical Observatory of Tajikistan and the achievements of its first scientists.

Scientific data on the nature of stars, planets, meteors, comets, asteroids and other cosmic phenomena, based on the results of astronomical research and observations using

the existing equipment of the Hissar and Sanglokh observatories, are presented and evaluated from a historical point of view.

A lot of scientific information and evidence is presented about the scientific achievements and discoveries of Tajik astrophysicists who have gained world fame, and the fact that 8 asteroids were named after Tajik scientists by the International Union of Astronomers is a sign of this recognition. The article discusses the development and progress of the Institute of Astrophysics of the National Academy of Sciences of Tajikistan and the modern scientific achievements of its scientists.

Key words: *formation, development, astronomy, science, stars, planet, world, sky, observatory, observation, universe, scientists, meteors, comets, asteroids, astrophysics.*

Сведения об авторе: Бобоев Хайёл - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ. Тел.: (+992) 918-67-29-43, E-mail: khbobo@mail.ru

About the author: Boboev Khayyol - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel: (+992) 918-67-29-43, E-mail: khbobo@mail.ru

Расмҳои 1 ва 2. Бинои корӣ ва таҷҳизоти нахустини мушоҳидавӣ, соли 1936.

**Расми 3. Рафти бунёди Расадхонаи астрономии
Тоҷикистон солҳои 1931 - 1935.**

**Расми 4. Расадхонаи астрономии «Санглох» соли 1980
ба истифода дода шудааст ва соли 2018 баъди тармими нав.**

ОЛИМОНИ МО

Алимов Давлаталӣ Халилович 10 март соли 1965 дар деҳаи Садбарғҳои ноҳияи Мир Сайид Али Ҳамадонӣ (собиқ ноҳияи Москва)-и вилояти Хатлон ба дунё омада, таҳсилоти ибтидоии худро дар зодгоҳаш оғоз кард. Пас аз хатми мактаб, соли 1982 ба факултети механикони ҳоҷагии кишлоки Институти ҳоҷагии кишлоки Тоҷикистон дохил шуд. Баъдан таҳсилро дар Донишқадаи гидромелиоративии шаҳри Москва идома дода, соли 1989 соҳиби дипломи муҳандис-механик гардид. Ў соли 2016 бо ихтисоси омӯзгори таърих ва ҳуқуқ Донишгоҳи давлатии Курғонтеппаро хатм намуд.

Баъди анҷоми хизмати низомӣ дар сафи Артиши Шуравӣ (1984–1986), фаъолияти омӯзгориашро аз соли 2011 дар Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав оғоз кард. Дар ин боргоҳ ӯ вазифаҳои омӯзгор, мудар, дотсент ва профессори кафедраҳои бар дӯш дошта, аз соли 2024 мудир кафедраи таърихи умумӣ мебошад.

Д. Х. Алимов соли 2012 рисолаи номзадиро дар мавзӯи “Вилояти Хатлон дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ (1941–1945)” бо роҳбарии профессор Хушбахт Абдуназаров дифоъ карда, соли 2020 рисолаи доктории худро таҳти унвони “Соҳтмони иншооти ҳоҷагии об ва азхудкунии заминҳои навқорам дар ҷануби Тоҷикистон (1924–1991)” Ҳимоя намуд. Ҷанбаҳои нав ва муҳими таҳқиқоти ӯ дар ҷабри соҳтани ҳуҷҷатҳои бойгонии қомошно ба гардиши илмӣ, таҳлили нақши омма дар заҳматҳои ободонӣ ва равшан соҳтани саҳми қавонон ва қонуни пиронсолон дар ҷанги дуҷуми қаҳонӣ ифода меёбад.

Профессор Д.Алимов ҳамзамон собиқаи хидмати дар мақомоти низомиро дорад. Дар солҳои ҷанги таҳмили шаҳрвандӣ вазифаҳои масъулро ба уҳда дошта, ба унвони подполковник сарфароз шудааст.

Дар ҷумла фаъолияти худ ӯ дар беш аз 150 конфронсу симпозиумҳои дохилӣ ва байналмилалӣ ширкат варзида, зиёда аз 350 мақолаи илмӣ ва беш аз 150 мақолаи илмӣ-оммавиро ба нашр расондааст. Солҳои 2019–2024 ӯ дар ҳаёти шуроҳои диссертатсионӣ дар Донишгоҳи давлатии Бохтар, Донишгоҳи миллии Тоҷикистон ва инчунин муассисаҳои таҳқиқотии Федератсияи Русия фаъолият намуда, ба ҳайси устои таҷрибадор, профессор Алимов дар тарбияи шогирдон низ саҳми арзанда гузоштааст.

Доктори илмҳои таърих Д. Алимов соли 2024 бо гирифтани унвони илмӣ профессор мушарраф шуд. Ба профессор Д.Алимов сикатӣ, саодат, умри дароз ва қомебиҳои ҳар ҷи бештар дар паҷуҳиши таърихи ҳалқи тоҷик орзу менамоем.

Муҳбирҷон КЕНҶАЕВ,
рӯзноманигор, узви ИҶТ

Маҷаллаи илмӣ-назариявӣ «Муаррих» нашрияти расмӣ Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон буда, наشري он мутобиқи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи матбуот ва дигар воситаҳои ахбори омма» амалӣ мегардад. Маҷалла ба наشري мақолаҳо аз самтҳои гуногуни илми таърих ихтисос дорад.

ҲАДАФҲОИ МАҶАЛЛАИ ИЛМӢ-ТАҚРИЗШАВАНДАИ «МУАРРИХ»

– Инъикоси саривақтии натиҷаҳои пажӯҳишҳои илмӣ олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, инчунин муҳаққиқони кишварҳои хориҷии наздик ва дур оид ба самтҳои зерини илм: таърих, таърихнигорӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таърихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, таърихи санъат, фарҳанг ва фалсафа;

– Тақвияти ҳамкориҳои байналмилалӣ дар соҳаҳои таърих, таърихнигорӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ;

– Фароҳам овардани имкони наشري натиҷаҳои таҳқиқоти илмӣ барои муҳаққиқон;

– Барарсии масоили мубрами илми таърих ва самтҳои умедбахши рушди он;

– Ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоиву фарҳангии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва минтақаҳои он;

– Тарғиби дастовардҳои илмӣ олимони институт, муассисаҳои таҳсилоти олӣ ва дигар ниҳодҳои илмӣ кишвар.

ШАРТҲОИ НАШРИ МАҚОЛА ДАР МАҶАЛЛАИ «МУАРРИХ»

– Ҳайати таҳририяи маҷалла мақолаҳо, тавзеҳот ва тақризҳои илмӣ қаблан дар ҳеҷ наشريяти ҷопӣ ё электронӣ интишорнаёфта ро мепазирад, ки дорои навоҳариҳои назариявӣ ё амалии асоснок дар соҳаи илми таърих бошанд;

– Қарор дар бораи қабул ё радди мақола тибқи аҳаммият, навигарӣ ва арзиши илмӣ мавод қабул карда мешавад;

– Муаллиф (ё ҳаммуаллифон) барои саҳеҳияти иттилооти илмӣ ва ҳамаи маълумоти дар мақола, тавзеҳ ва тақриз зикршуда масъул аст;

– Ҳамаи маводи пешниҳодгардида тавассути низоми «Антиплагиат» мавриди санҷиш қарор мегиранд. Дар асоси натиҷаҳо, ҳайати таҳририя дар бораи қабул ё радди мақола ба муаллиф хабар медиҳад;

– Маводе, ки аз санҷиши плагиат гузаштаанд, ба таҳлили таҳқиқотӣ аз ҷониби мутахассисони соҳавӣ (тақризи дохилӣ) ирсол мешаванд;

– Мақола бояд тибқи талаботи сомонаи расмӣ маҷалла таҳия гардида, ба тавсияҳои муқарризон посухи дақиқ дода шавад;

– Ҳайати таҳририя метавонад хатоҳои имлоӣ, услубӣ ва техникӣ-муҳарриро бе мувофиқа бо муаллиф ислоҳ намояд, аммо дар ҳолатҳои муҳими мазмунӣ ин ислоҳот бо муаллиф мувофиқа карда мешаванд;

– Мақолаи тақмилшуда бояд дар муҳлати муқарраргардида ба таври ҷопӣ ва электронӣ ба идора баргардонида шавад;

- Мақолаҳои радшуда баргардонида намешаванд, аммо ҷавоби расмӣ асоснок ба муаллиф ирсол мегардад;
- Тақризҳо тибқи дархости шӯроҳои коршиносии КОА (Комиссияи олии аттестационӣ) пешниҳод мешаванд.

ТАЛАБОТ БА ТАҲИЯИ МАҚОЛА (ТАВЗЕҲ ВА ТАҚРИЗ)

1. Ба маҷалла мақола, тавзеҳ ва тақризҳои илмӣ мутобик ба ихтисосҳои 5.6.1–5.6.7 қабули ҷоп мешаванд, ки пештар интишор наёфтаанд.
2. Муаллифони бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод намоянд:
 - Матни мақола ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ (бо тарҷумаи ҳатмӣ унвон, фишурда ва калидвожаҳо ба ду забони хориҷӣ);
 - Мақтуби роҳнамо бо имзои роҳбари муассиса ва имзои аслии муаллиф дар шакли ҷопӣ;
 - Тақризи доктор ё номзади илм, бо мӯҳр ва имзои роҳбари муассисаи кории муқарриз;
 - Маълумотнома барои магистрантҳо ё аспирантҳо;
 - Нусхаи ҷопии ҳуҷҷатҳо бояд ба нишони зерин ирсол шаванд: **734025, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ 33, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш, бинои асосӣ, ошёнаи 1, ҳуҷраи 21, тел.: (+992 37) 221-37-42;**
 - Нусхаи электронӣ ба почтаи: **istorik.tarena.tj@yandex.ru.**

МАҚОЛА БОЯД ДОРОИ УНСУРҲОИ ЗЕРИН БОШАД:

- Индекси УДК ва ББК (аз тарафи ҷап, дар сатри алоҳида);
- Ному насаб, унвон ва дараҷаи илмӣ, ихтисоси илмӣ, ҷойи кор ва шаҳру кишвари муаллиф (ба се забон);
- Унвони мақола бо ҳарфҳои калон ба се забон, ҳуруфи Times New Roman 14;
- Фишурда ба забонҳои русӣ ва англисӣ, 100–250 вожа, бо зикри ҳадаф, вазифа ва натиҷаҳои асосии таҳқиқ;
- Калидвожаҳо (5–7 адад) ба русӣ ва англисӣ, курсив, бо вергул ҷудо карда шаванд;
- Рӯйхати адабиёт (танҳо сарчашмаҳои истинодшуда), бо риояи алифбо ва талаботи ГОСТ;
- Иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо зикри рақами сарчашма ва саҳифа: [3, 15], [4, 25; 7, 88];

ТАВАҶҶУҲ: Матни пешниҳодшуда бояд нусхаи таҳриршудаи ниҳоӣ бошад ва ягон ғалати имлоӣ, услубӣ ва фактологӣ надошта бошад. Мақолаҳои номувофиқ мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти илмӣ ва ҳуқуқии муҳтаво ба дӯши муаллифони ва муқарризон вогузор карда мешавад.

Идораи маҷалла

«Историк» – научно-теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, который публикует материалы по историческим наукам в соответствии с законодательством Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

ЦЕЛЮ И ЗАДАЧАМИ НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИК» ЯВЛЯЮТСЯ:

- Оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья в следующих отраслях науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;
- Развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;
- Предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;
- Освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;
- Поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;
- Пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИК»:

- редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, рецензии, научные обзоры и отзывы, которые ранее не были опубликованы в печатных и электронных изданиях. Эти материалы должны содержать научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям исторической науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии.
- решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов.
- авторы (соавторы) несут полную ответственность за достоверность представленной научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях.
- все поступающие в редакцию журнала материалы подлежат обязательной проверке на оригинальность в системе «Антиплагиат». После этого редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о принятии материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования.
- поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии, в случае положительного решения после проверки на сайте antiplagiat.ru, направляются на внутреннее рецензи-

рование с целью экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки.

– статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям на сайте журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>.

– Если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала.

– Доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

– редколлегия вправе редактировать статьи без изменения их научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами).

– вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде.

– статьи, не принятые к опубликованию, не возвращаются автору (авторам). В случае отказа от публикации материала, редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ.

– по запросу экспертных советов ВАК при Президенте Республики Таджикистан, редакция журнала предоставляет им рецензии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ (ОБЗОРОВ, ОТЗЫВОВ, РЕЦЕНЗИЙ), ПРИСЫЛАЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ИСТОРИК» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 5.6.6. История науки и технологии; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

– текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;

– рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;

– справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, главный корпус, 1-этаж, кабинет 21. Электронные версии по адресу электронной почты: istorik.tarena.tj@yandex.ru Телефон для справок: (+992 37) 221-37-42; адрес сайта журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>

—————МУАРИХ – ИСТОРИК – HISTORIAN—————

**В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВАК ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РТ,
СТАТЬЯ ДОЛЖНА СОДЕРЖАТЬ:**

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
 - индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
 - учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
 - аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты - направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
 - указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
 - e-mail и номер телефона автора или соавторов для связи;
 - название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);
 - аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);
 - ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание - курсив, выравнивание по ширине);
 - статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.
 - ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.
- Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.
- Текст, присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются. За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

МУАРРИХ - маҷаллаи илмӣ - назариявӣ

Муассис: Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Назари ҳайати таҳририя метавонад бо дидгоҳи муаллифони мақолаҳо мутобиқат накунад. Муаллифон масъули муҳтавони мақола ва саҳеҳии ҳақиқи он ҳастанд. Дар суртаи чопи мучаддади комил ва ё ҷузъӣ ба ҳар наҳве истинод ба манбаъ ҳатмист.

Мусахҳех: **Манзура ҲАСАНОВА**
Котиби масъул: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Муҳаррири техникӣ: **Мухбирҷон КЕНҶАЕВ**

Ба матбаа 24.06.2025сол таҳвил шуд. Ба чопаш 25.06.2025 имзо шуд.
Андозаи 70x100¹/₈. Коғази офсетӣ. Чопи офсетӣ. Ҷузъи чопӣ 11.
Адади нашр 100 нусха.

Дар матбааи ЧДММ «Сармад-Компания» ба таъб расидааст.
734025, шаҳри Душанбе, кӯчаи Лохутӣ 6, гузари 1

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС: 77771

ИСТОРИК - научно - теоретический журнал

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной или частичной перепечатке или воспроизведения любым способом ссылка на источник обязательна.

Корректор: **Манзура ХАСАНОВА**
Ответственный секретарь: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Технический редактор: **Мухбирджон КЕНДЖАЕВ**

Сдано в типографию 24. 06. 2025 г. Подписано в печать 25.06. 2025 г.
Формат 70x100¹/₈. Офсетная бумага. Офсетная печать. Печатный лист 11.
Тираж 100 экземпляров.

Отпечатано в типографии ООО «Сармад-Компания»
734025, г. Душанбе, улица Лахути, 6,1 пер.